

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2015

№ 3 (35)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии.

Полный «Перечень...» (редакция: 26 марта 2010 г.)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кiryushin Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Могильницкий Борис Георгиевич**, д-р ист. наук, проф. Томского государственного университета; **Мерлин Од**, доктор политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекаев Жарас Акишевич**, д.и.н. проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, к.и.н., гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой востоковедения; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Mogilnitsky Boris G.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History, Tomsk State University; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbaev Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Sheve-lyov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Илюшин Б.А. Военное дело татарских воинов Русского государства XV–XVII вв.	5
Никифорова А.М. Газета «Le Moniteur universel» о «генерале Морозе»	13
Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е. Томский технологический институт и купечество: опыт делового сотрудничества (1890-е – 1910-е гг.)	16
Чуркин М.К. Миграционное поведение российского крестьянства во властном и общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в.	21
Жигалов Б.С. Забытый историк (к 100-летию начала Первой мировой войны)	30
Долдидович О.М. Спекуляция в Канском уезде Енисейской губернии в годы Первой мировой войны	38
Нурғалиев А.Ж. Промысловые артели Казахстана – фронту	44
Трофимова А.И. Межклассовые отношения в совхозном социуме в 1930–1950-х гг. (на материалах Европейского Севера РСФСР)	52
Казиев С.Ш. Перестройка и кризис национальных отношений в Казахстане (1985–1991 гг.)	58
Бобкова Н.П. Спектр обсуждаемых политических тем на страницах печатных изданий Томской области 1990–1997 гг.	67

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Галстян А.С. Возникновение и эволюция армянского вопроса в конце XIX – начале XX в.	73
Жадовец Н.В. Проблемы и перспективы интернационализации высшего образования в Израиле	79
Варламов О.Е. Общинные колледжи Северной Каролины и Массачусетса как институт подготовки рабочей силы для инновационного бизнеса в сфере биотехнологий	86
Тройнина Е.Ю. Влияние внешних факторов на научно-технологическую политику правительства Тайваня	91

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Ушницкий В.В. Кыпчакский компонент в этногенезе Саха	97
Черная М.П., Мананков А.В., Дубровская В.С. Опыт использования методов естественных наук для изучения археологической керамики Томского кремля	102
Бейсенов А.З. Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане	111
Сундуй Д.М. Палеохореография в наскальных рисунках Тувы	123

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Давыдов Б.В. Вопросы зарождения эмпирических исследований в античной протонауке: современная историография проблемы	127
Петрова К.Ю. Понимание традиции и следование ей в меняющемся мире: аспекты исторической концепции отца А. Меня	134

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Ilushin B.A. Art of Warfare of Tatarian warriors of Russian state in XV–XVII centuries	5
Nikiforova A.M. Newspaper «Le Moniteur universel» about «general Frost»	13
Dmitrienko N.M., Grigoryeva S.Ye. Tomsk Technological Institute and merchants: the experience of business partnership (1890–1910)	16
Churkin M.K. Migratory behavior of the Russian peasantry in the government and the public and political discourse second half XIX – early XX centuries	21
Zhigalov B.S. A forgotten historian (the 100-year anniversary of the outbreak of the First World War)	30
Dolidovich O.M. Speculation in Kansk counties Yenisei province during the First World War	38
Nurgaliev A.Z. The cooperative enterprises of Kazakhstan – to the front	44
Trofimova A.I. Interclass relations in society in the State Farm 1930–1950 years (On materials of the European North of the RSFSR)	52
Kaziev S.Sh. Perestroika and crisis of national relations in Kazakhstan (1985–1991)	58
Bobkova N.P. A spectrum of the discussed political topics in the publications of the Tomsk region in 1990–1997	67

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Galstyan A.S. Formation and evolution of the Armenian question in the late XIX – early XX centuries	73
Zhadovets N.V. Problems and prospects of internationalization of Israeli higher education	79
Varlamov O.E. Community colleges of North Carolina and Massachusetts as workforce training institutions for innovative biotechnological business	86
Troynina E.Y. Factors of external influence on science and technology policy of the government of Taiwan	91

PROBLEMS OF METHODOLOGY OF HISTORY

Ushntskiy V.V. Kipchak component in the Sakha ethnogenesis	97
Chernaya M.P., Manankov A.V., Dubrovskaya V.S. Experience of methods of natural sciences to study Tomsk kremlin archaeological ceramics	102
Beisenov A.Z. Monuments of the upper Atasu river in Central Kazakhstan	111
Sunduy D.M. Paleochoreography on Rock Drawings of Tuva	123

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND METHODOLOGY OF HISTORY

Davydov B.V. The questions of the origin of empirical studies in the ancient protoscience: modern historiography of the problem	127
Petrova K.Yu. Understanding and following tradition in the changing world: fr. A. Men' historical conception aspects	134

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шиловский М.В. Рецензия: Саксельцев Г.И. История крестьянского рода от периода правления царя Алексея Михайловича. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2015. 304 с.	138
Ижндеев А.Ю. Рецензия: Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / публ. Н.М. Дмитриенко, Г.В. Шипилиной; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. 200 с. : ил.	139
Косых Е.Н. Рецензия: Бойко В.П., Осипова Е.Ю., Рехтин А.Ф., Сутягина О.А., Кармалов А.И. Очерки истории водоснабжения и водоотведения (теоретический, практический и социальный аспекты). Томск : Изд-во ТГАСУ, 2014. 164 с. + 60 с. ил.	140
Колева Г.Ю. Международная конференция «Нефть, газ, трубопроводы: новые перспективы в изучении роли советской энергетики в период холодной войны» Швейцария, Цюрихский университет (14–16 января 2015 г.) ...	142
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	145

REVIEWS & SCIENTIFIC LIFE

Schilovsky M.V. Review: Sakseltzev G.I. Of history the peasant family from government from tsar Aleksey Michailovich. Tomsk : Publishing house Tomsk State Architectural Building University, 2015. 304 p.	138
Izhendeev A.Yu. Review: How we lived: memoirs and oral testimony of Tomsk peasants / publ. N.M. Dmitrienko, G.V. Shipilina; scientific. ed. E.I. Chernyak. Tomsk : publishing house of Tomsk university, 2015. 200 p. : ill.	139
Kosih E.N. Review: Boyko V.P., Osipova E.Yu., Rehtina A.F., Sutyagin O.A., Karmal A.I. Essays of the history of water supply and sanitation (theoretical, practical and social aspects). Tomsk : Publishing house of TGASU, 2014. 164 p. + 60 ill.	140
Koleva G.Yu. International conference «Oil, gas and pipelines: new perspectives on the role of Soviet energy during The Cold war», Switzerland, University of Zurich (14–16 January 2015)	142
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	145

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(47).043
DOI 10.17223/19988613/35/1

Б.А. Илюшин

ВОЕННОЕ ДЕЛО ТАТАРСКИХ ВОИНОВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XV–XVII вв.

Рассматривается военное дело служилых татар Русского государства XV–XVII вв. как европейских, так и сибирских территориальных групп. С привлечением комплексных источников и имеющихся в историографии работ охарактеризованы оружейный комплекс, тактика татар, их место в общевойсковой организации, тактическом искусстве и стратегии русских военачальников. Показано, что служилые татары составляли часть поместной конницы и были лёгковооружёнными лучниками.
Ключевые слова: служилые татары; военное дело; армия Московского царства.

В статье рассматривается военное дело служилых татар Московского государства середины XV – первой трети XVII в. Предпринятый ранее анализ историографии показал, что военное дело служилых татар ещё не становилось предметом специального исследования, хотя отдельные его аспекты затрагивались в работах ещё в XIX в. [1. С. 46–54]. Нам видятся две основные причины этого. Во-первых, бедная, фрагментарная источниковая база. Во-вторых, факт большой схожести военного дела народов Восточной Европы в рассматриваемый период при значительном турецко-иранском влиянии в области вооружения. В связи с этим многое в военном деле служилых татар может быть охарактеризовано очень приблизительно. Однако всё же имеется достаточно источников для выявления чего-то реально осязаемого касательно данного феномена.

Татары несли наследственную службу с земельных наделов и были частью поместной конницы. Имелось несколько территориальных групп, которые сопоставимы с локальными служилыми корпорациями дворян.

Источники позволяют реконструировать внутреннюю организацию и систему командования служилых татар следующим образом.

Локальные территориальные корпорации служилых татар состояли из представителей разных социальных слоёв. Рядовые татары именовались казаками. Выше них находились мурзы, ещё выше – князья. Такая иерархия имела у всех служилых татар. Князья ведали татарами в мирное и военное время и выполняли свои обязанности по приводу на службу и составлению списков казаков и мурз с помощью есаулов [2. С. 160] (которые, возможно, назначались прежде всего из числа мурз). И мурзы, и князья подчинялись татарским головам, которые чаще всего назначались из русских [3. С. 9; 4. С. 245; 5. С. 113–115] (хотя бывали и исключения [6. С. 40, 202; 7. С. 68; 8. С. 133]), зачастую приезжих из других местностей. По прибытию на службу русское командование производило формирование тактических единиц – сотен, назначало сотников (сотенных голов?) и татарских голов в случае их отсутствия [4. С. 268]. Последние осуществ-

ляли командование над всеми вверенными татарами лишь на высшем уровне, подчиняясь уже вышестоящему командованию и входя в состав одного из полков. Иногда татары возглавлялись князьями или царями, подчинёнными высшему командованию, но и они чаще получали приставов из русских для надёжности. В Касимове сидели татарские цари и царевичи, которые, однако, не были предводителями всех служилых татар, хотя и занимали в традиционной иерархии самое высокое положение. Касимовских татар в походе они возглавляли фактически только в первые десятилетия существования Касимовского ханства, а позже им стали назначать приставов или же посылать касимовских татар в поход вовсе без царя, под командованием голов. Юртовские татары (ногайцы) имели своих командиров – табунных голов, а также мурз, которыми командовали в военное время татарские головы из русских [Там же. С. 254; 9. С. 42; 10. С. 44]. Несшие службу на границе со степью (в станицах), русские и татары подчинялись станичным головам; на эту должность могли назначаться и татары [11. С. 57].

В походе татары были организованы по десятичному принципу, делились на сотни (возможно, также на полусотни и десятки), которыми командовали сотники и, видимо, есаулы.

Татарские головы подчинялись воеводам полков, на которые традиционно делилось русское войско. Низшую ступень его организации составляли территориальные (городовые) подразделения, создаваемые в ходе мобилизации (включая татар). Высшую – достаточно гибкие оперативные соединения – полки, которые могли перегруппировываться верховным командованием в зависимости от конкретной обстановки [12. С. 186, 200]. До середины XVI в. татары включались в основном в состав Передового полка [13. С. 30, 49, 52, 55; 14. С. 400]. Позже они достаточно равномерно распределяются по полкам [15. С. 126–129; 16. С. 267–269; 17. С. 366–420].

Русское командование использовало служилых татар для непосредственного участия в боевых действиях

и загонных ратях (особенно в первый век) [18. С. 195; 8. С. 103; 19. С. 17; 20. С. 377–378], разведки [21. С. 49], диверсионной деятельности, захвата языков [3. С. 8–9; 22. С. 203–204; 23. С. 80, 81, 131–132, 185–186, 233]. Служилые татары могли использоваться для проведения карательных акций на территориях соседних государств, а также против неверных подданных Московского государства [24. С. 81–82; 25. С. 102]. С развитием пограничной службы татары начинают использоваться для оберегания границ и противодействия набегам степняков [26. С. 69–71; 27. С. 44]. К форме военной службы можно также отнести сопровождение иноземных посольств, участие в посольствах, а в Сибири – сбор ясака, посылки за солью. Нужно отметить, что ни один из видов службы не был закреплён за татарами и те же функции выполняли русские дворяне и казаки.

Оружейный комплекс служилых татар складывался под воздействием нескольких факторов. Те татары, кто только выехал на царёву службу, могли привозить своё вооружение, причём оно могло передаваться их потомкам, остававшимся на русской службе. Однако оно, в конце концов, приходило в негодность, а стрелы нужно было регулярно пополнять во время походов. Поэтому необходимо учитывать происхождение вооружения татар крымских, сибирских, ногаев. А главной особенностью оружейного комплекса этих народов было почти полное отсутствие у основной массы воинов доспехов и металла и активное использование доспехов импортного («восточного») производства у знати. Произошло это из-за утраты западными кочевниками навыков массового производства вооружения в степных условиях и при разрушении городских центров Золотой орды [28. С. 56–57]. Служилые татары могли покупать вооружение, импортировавшееся из стран Востока [29. С. 92; 30. С. 289; 31. С. 172], или же у ремесленников Московского государства, работавших также по восточным образцам [22. С. 134]. Ещё один источник пополнения – военные трофеи [32. С. 31; 33. С. 175–176; 34. С. 263–265]. Особенно это касается стрел: растроченные в бою стрелы не всегда получалось собрать, а часто их запас пополняли из колчанов убитых врагов. Специфична была ситуация в Сибири, так как там сохранялось местное производство вооружения, а также был достаточно велик импорт из Средней, Центральной Азии и Южной Сибири. Возможно, в некоторых случаях служилые татары могли получать «казенное» вооружение [35. С. 112].

Основным оружием служилых татар, как и русской помещной конницы XV–XVII вв., был саадак (лук, стрелы, налучье, колчан) [36. С. 168; 37. С. 295; 38. С. 28–30; 39. Л. 1–18; 40. Л. 1–56, Л. 47 об.; 41. С. 188; 42. С. 33]. Как и у русских, использовался сложный лук татарского типа (дериват монгольского лука), по мощности соперничавший с огнестрельным оружием и в XVII в., а по скорострельности превосходивший его и в XVIII в. [43. С. 184]. Фрагментарность материалов не

позволяет представить типы стрел, которыми пользовались татары, однако косвенные данные дают некоторое представление о них. Как и жители Западной Сибири, Казахстана и Казанского края, служилые татары пользовались в основном железными стрелами, среди которых абсолютно преобладали черешковые ромбические, уплощённые в сечении, с расширением в верхней трети длины пера, с вытянутыми плечиками и с упором, универсального типа [44. С. 165]. В Сибири встречались также костяные наконечники [45. С. 129, 134]. Лук хранился в налучье, форма которого повторяла форму половины лука, а стрелы – в колчане вычурной формы, популярной на обширных пространствах Евразии в те века.

Ручное огнестрельное оружие не было характерно для служилых татар на протяжении всего рассматриваемого периода [38. С. 28–30, 32–33; 46. С. 234; 47. С. 207–208, 357–358] (в значительной степени это относится и к русским дворянам XVII в. [26. С. 79–81; 48. С. 34–35; 49. С. 196]). Это прямо отмечали европейские авторы. Отдельные представители сословия могли иметь на вооружении пистолы и пищали, однако они были малоэффективны при татарской тактике и основных стратегических задачах, которые ставило перед татарами командование. В Сибири ситуация могла несколько отличаться от европейской части, но этот вопрос требует дополнительного рассмотрения [7. С. 65; 34. С. 288–289; 50. С. 117].

Основным оружием ближнего боя у состоятельных служилых татар была сабля [36. С. 168; 38. С. 28–29; 42. С. 43; 47. С. 207; 51. С. 272], реже – палаш. Это были широко распространённые в этот период в Восточной Европе сабли турецкого происхождения с коротким широким клинком и сильно выраженной елманью, а также сабли, генетически восходящие к предшествующему ордынскому и доордынскому времени [30. С. 289; 31. С. 172; 44. С. 62–65].

Сведения о палашах относятся в основном к сибирским татарам, причём один из палашей имеет южно-сибирское или центрально-азиатское происхождение [42. С. 43; 51. С. 271–272;]. Известно также, что имелись они и у ногаев [52. С. 169].

В качестве вспомогательного оружия и универсального орудия служилые татары имели кинжалы и ножи, что видно по изобразительным, археологическим источникам [42. С. 43; 53. С. 59–66], а также известно из военной традиции других народов. Отдельно можно отметить подсадашные ножи, видимо, русского происхождения, которые использовались для прокалывания кольчатых доспехов [36. Рис. 9; 44. С. 66].

Данные письменных и изобразительных источников показывают, что служилые татары редко использовали длиннодревковое оружие (копья и пики) [36. С. 168; 37. С. 295; 38. С. 28–29; 47. С. 207; 54. С. 94]. Снижение значения тяжёлой конницы, резкое сокращение её использования в XV в. в степях Восточной Европы, особенности тактики, а также основные боевые задачи

служилых татар – всё это способствовало сокращению использования копий и пик. Трудно что-то сказать о конкретном использовании такого оружия в бою служилыми татарами. В нечастом ближнем бою, которого они избегали, копьё давало некоторое преимущество в сравнении с саблей, но владение им требовало особой, дополнительной подготовки, и оно по весу и габаритам могло создавать трудности при быстром передвижении или маневренном лучном бое. В XV в., когда ещё были сильны ордынские традиции, копьё могло использоваться чаще. Можно предполагать его наличие у татар, участвовавших в войне с новгородцами: в битве на Шелони, по некоторым источникам, татарская рать атаковала новгородцев с тыла, и можно предполагать, что это была копейная атака.

Малочисленные письменные и изобразительные источники показывают, что служилые татары могли использовать короткодревковое оружие ударного типа – булавы (шестопёры), как русского, так и турецкого происхождения [44. С. 126–128; 55. С. 86–88; 56. С. 127]. Они занимали мало места, были удобны для нанесения удара по бегущему противнику.

В Сибири, в отличие от европейской части страны, у татар были популярны боевые топоры, которые могли сравниться с саблей и палахом [42. С. 43; 45. С. 150–151, 161–162].

В качестве оружия в определённых ситуациях могли использоваться арканы [21. С. 49] и плети [57. С. 179–189].

Служилые татары европейской части Русского государства XV–XVII вв. защитное вооружение использовали редко, отчего европейские наблюдатели отмечали его полное отсутствие [36. С. 168; 37. С. 295; 38. С. 30] (две разборные десятины 1622 г. также не фиксируют доспехов [39. Л. 1–18; 40. Л. 1–56, Л. 47 об.]). Наименее состоятельные воины могли использовать для защиты корпуса и головы плотную одежду, как это делали крымские татары [54. С. 103]. Знатные служилые татары могли себе позволить защитное вооружение, схожее с теми, что бытовало в тот период на обширных территориях Западной Евразии, в том числе и на Руси. Наиболее распространённым видом защиты корпуса могли быть относительно дешёвые тягеля [58. С. 249–250], как это можно видеть у литовских служилых татар на картине «Битва под Оршей». Более редкими были кольчуги – наследие домонгольского периода [58. С. 246]. В XV–XVI вв. распространяется более совершенный тип доспеха – кольчато-пластинчатый [58. С. 247; 59. С. 120], а пластинчато-нашивной доспех центрально-азиатского происхождения постепенно выходит из употребления. Для защиты головы состоятельные татары могли использовать мисюрки, шишаки и другие формы боевых наголовий, популярные в тот период. Однако непосредственными свидетельствами об этом мы не располагаем. Возможно, служилые татары предпочитали носить доспехи и шлемы под одеждой,

что не позволяло их заметить и создавало впечатление их полного отсутствия.

Сибирские служилые татары, как и другие категории служилых людей в Сибири в конце XVI–XVII вв., напротив, защитное вооружение использовали очень широко [35. С. 111–112]. Связано это было как с сохранением местного производства, так и особенностями военного дела народов Южной Сибири и Центральной Азии. Наряду с наиболее популярными кольчатыми доспехами [60. С. 219–220] у них встречались «куяки» – пластинчато-нашивные доспехи местного производства или завозные [61. С. 69–74]. Для защиты головы использовали шлемы среднеазиатского, центрально-азиатского или местного производства, эклектичные экземпляры [62. С. 45; 63. С. 264–267], а также, предположительно, европейские [64. С. 216–235].

У служилых татар преобладал дистанционный конный бой – мобильные отряды конных лучников стремились нанести противнику максимальный урон, не вступая в непосредственное столкновение с ним, что отчасти связано с отсутствием у основной их массы защитного вооружения. В источниках имеются упоминания о засадах [38. С. 50–51; 65. С. 50–51], ложном отступлении [38. С. 50–51], заходе с тыла и флангов, представлен обычный набор тактических приёмов кочевников – «хоровод» [36. С. 168–169] (кольцевидный строй кочевников для ведения интенсивного лучного боя на средней и малой дистанции, представлявший собой замкнутое кольцо конных лучников, поражающих врагов стрелами на полном скаку; кольцо могло быть собрано как напротив вражеского войска, так и вокруг него), тулгана [66. С. 66; 68. С. 306] (охват фланга противника с выходом в тыл, сопровождаемый массивированной лучной стрельбой), атака с притворным отступлением и контратакой из засады [36. С. 168–169]. В случае отступления татары продолжали отстреливаться, а в критической ситуации бросали весь лишний груз, оставляя только оружие.

Татары старались использовать эффект внезапности [68. С. 200–201]. Не всегда проявляли стойкость в ближнем бою. Однако нельзя сказать, что они всегда его избегали. Действуя «по обстановке», они могли атаковать противника и вступить в рукопашный бой, используя преимущественно сабли [38. С. 28–30], и даже в спешенном положении [Там же. С. 151–152]. Из специфических «кочевнических» черт можно упомянуть также использование аркана для выведения противника из строя и его пленения [21. С. 49].

В историографии отмечается, что служилые татары фиксированного места в полках и на поле боя не имели, а присоединялись к тем полкам, где была больше нужна их конница [8. С. 80; 26. С. 86]. По наблюдениям А.В. Белякова, в период XV – первой половины XVI в. татары чаще всего включались в состав передового полка, что обуславливалось какими-то военно-тактическими соображениями, смысл которых нам не ясен [22. С. 187–188]. Со второй половины XVI в. тата-

ры чаще всего равномерно распределяются по полкам. В походе против Новгорода в 1456 г. татары вместе с царевичем Момотьяком и русскими воеводами находились в изгонной рати [18. С. 195], которая должна была действовать быстро и наносить внезапный удар. Видимо, тут сказались высокие боевые качества и скорость татарской конницы. В битве на р. Шелонь татарская конница, судя по всему, имела большое тактическое значение и использовалась как засадная рать, нанёсшая решающий удар по новгородцам [65. С. 464–482]. Позже значение служилых татар, как ударной силы, снижается, и их отряды можно видеть чаще всего в составе общерусских полков.

Комплексный анализ письменных, вещественных и изобразительных источников позволил в общих чертах установить облик оружейного комплекса служилых татар. Были выявлены различия в этом плане между европейскими и сибирскими служилыми татарами. Для первых по крайней мере с XVI в., защитное вооружение не было характерно. Конкретные материалы по защитному вооружению отсутствуют, однако можно предполагать использование самыми состоятельными татарами корпусных доспехов, боевых наголовий и дополнительных средств защиты, распространённых в тот период в Восточной Европе османских и иранских (кольчато-пластинчатые доспехи, шишаки, кулах-худы), а также местных, восходящих к ордынским и доордынским временам (кольчуги) типов. Менее состоятельные воины могли использовать для защиты тяжёлые и одежду из плотного материала, что европейскими свидетелями воспринималось как полное отсутствие доспехов. В XV в., видимо, использовались круглые щиты монгольского типа, но в XVI в. они, как и у русских, выходят из употребления. Основным наступательным оружием был сложный татарский лук, стрелы с наконечниками, восходящими, по-видимому, как к домонгольским местным, так и привнесённым монголами типам. Подобно другим восточноевропейским лучникам того времени, служилые татары носили саадак, или набор, куда входили лук в налуче в форме половины лука, колчан в виде футляра вычурной формы, стрелы и саадачная портупея. Ручное огнестрельное оружие было не характерно для служилых татар XV–XVI вв. в значительно большей степени, чем для русских дворян, и найти достоверные сведения о его использовании татарами не удалось. В XVII в. ситуация, судя по

косвенным данным, видимо, постепенно начинает меняться, однако служилые татары остаются в первую очередь лучниками. Главным оружием ближнего боя у служилых татар была сабля. Редко встречалось копье. Булавы, судя по единичным упоминаниям, употреблялись ещё в конце XV в., но могли использоваться и позже. Как выходцы из кочевой среды служилые татары продолжали использовать на поле боя аркан для пленения или вывода из строя противника.

Сибирские служилые татары наследовали оружейный комплекс времён Сибирского ханства, который испытывал влияние со стороны Средней и Центральной Азии, Южной Сибири и Восточной Европы. Татары Сибири, как и другие служилые люди, в конце XVI–XVII вв. гораздо шире использовали защитное вооружение, чем служилые европейской части страны. Дошедшие вещественные, письменные и изобразительные материалы показывают, что для защиты корпуса татары использовали в основном кольчатые панцири, а также куяки (доспехи с пластинчато-нашивной системой бронирования). Боевые наголовья сочетали элементы западно-азиатской и центрально-азиатской традиций, встречались и ойратские по происхождению экземпляры. Основным наступательным вооружением и здесь был саадак, но, судя по косвенным данным, шире применялось и ручное огнестрельное оружие. В отличие от европейских татар, сибирские чаще использовали боевые топоры. В ближнем бою применялись также сабли и палаши восточноевропейского или центрально-азиатского происхождения, или испытывавшие таковое судя по конструкции деталей. Копье, возможно, имело большее распространение, чем в европейских регионах.

У нас нет оснований считать служилых татар в тактико-техническом отношении особенной частью вооружённых сил Московии. Их вооружение мало отличалось от такового у значительной части русских воинов; особенно это касается отсутствия доспехов. Тактика также была схожей, что обусловлено ориентализацией русского военного дела. У татар не было особенных, только им поручаемых заданий, и везде они пересекались с дворянами и казаками. Сибирские служилые татары имели большее военно-стратегическое значение, так как составляли значительную массу служилых людей в Сибири, к тому же были местными, что помогало государству удерживать завоёванные территории и осваивать новые.

ЛИТЕРАТУРА

1. Илюшин Б.А. Военное дело российских служилых татар XV–XVII вв. в историографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных : сб. матер. III Всерос. молодёж. конф. (21–24 августа 2013). Новосибирск, 2013. С. 46–54.
2. Наказная память князю Кулунчаку и князю Еникеевым, детям Тенишева о сборе темниковских служилых татар, казаков и мордвы (1600–1604?) / сост. А.В. Антонов // Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. М., 2002. Т. III. С. 160.
3. Зборовский Ян. Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук в письмах Яна Зборовского, кастеляна Гнезненского к Петру Зборовскому, Воеводе Краковскому / пер. О.Н. Милевского // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.). М., 1897. С. 2–17.
4. Разрядная книга 1613–1614 гг. / ред. В.И. Буганов // Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974.
5. Отписка воевод князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского с товарищи, с приложением расспросных речей, взятых за рубежом языков Дубровенского повету Степана Тимофеева и Алексея Сидорова, о намерении Гетмана Хоткевича с Глебовичем идти под Смоленск мимо

- островов обманом, и о посылке для наблюдения за ними на рубеж голов с татарами (1614 г.) / ред. Н.А. Попов // Акты Московского государства, изданные Императорского академии наук. СПб., 1890. Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. С. 113–115.
6. *Разрядная книга 1550–1636 гг.* / под ред. В.И. Буганова. М., 1975. Т. I.
  7. *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Исторические записки. М., 1937. Т. I. С. 55–80.
  8. *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. 207 с.
  9. *Разрядная книга 7123 года* / ред. И.Д. Беляев // Временник общества истории и древностей российских. 1849. Кн. 1.
  10. *Сметный список 139 году* // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. СПб., 1849. Кн. 4.
  11. *Дело по челобитной служилых татар станичного головы Девлека Девлета Резанова, Янгильдея Ясенева, Я-я Бинникова Ногаева (Нагаева) (1613/1614)* / ред. Н.П. Воскобойникова // Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – начала XVII вв. Книга II. Опись фонда 141. Приказные дела старых лет. Посольский приказ. СПб., 1999. С. 57.
  12. *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. СПб., 2009. 464 с.
  13. *Разрядная книга 1475–1598 гг.* / ред. В.И. Буганов. М., 1966. 615 с.
  14. *Львовская летопись. Ч. 1.* / ред. С.А. Андрианов // Полное собрание русских летописей. СПб., 1910. Т. 20. 418 с.
  15. *Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года* // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10.
  16. *Буганов В.И.* Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962.
  17. *Роспись войск против самозванца в 1604 г.* / А.Л. Станиславский // Труды по истории государева двора в России XVI–XVII вв. М., 2004. С. 366–420.
  18. *Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки* // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 16.
  19. *Разрядная книга 7125 года* // Временник императорского общества истории и древностей российских. 1849. Кн. 3.
  20. *Челобитная служилаго татарина Посольскаго приказа Тербердея Трегулова (1613–1617 гг.)* // Смутное время московского государства 1604–1613. Материалы, изданные Императорским Обществом Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1914. Вып. 2. С. 377–378.
  21. *Ниенштедт Франц.* Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880–1883. Т. III–IV.
  22. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. 512 с.
  23. *Пиотровский Станислав.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию / ред. О.Н. Милевский. Псков, 1882.
  24. *Масса Исаак.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1936.
  25. *Буссов Конрад.* Московская хроника. 1584–1613 гг. / ред. И.И. Смирнов. М.; Л., 1961.
  26. *Чернов А.В.* Вооружённые силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). М., 1954. 224 с.
  27. *Сенюткин С.Б.* История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Исторические судьбы мишарей Нижегородского края). Нижний Новгород, 2001. 416 с.
  28. *Горелик М.В.* Монгольская латная конница и её судьба в исторической перспективе // Военное дело Золотой орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведённого в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 2011. С. 47–58.
  29. *Фехнер М.В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.
  30. *Йовий Павел.* Книга о посольстве Василия, великого князя московского, к папе Клименту VII / пер. А.И. Манина, О.Ф. Кудрявцева // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.
  31. *Дженкинсон Энтони.* Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.
  32. *Даниил Принц* из Быховца. Начало и возвышение Московии / пер. И.А. Тихомирова // Московское Императорское общество истории и древностей Российских. М., 1877.
  33. *Посольство* от царя Менгли-Гирея к великому князю Ивану Васильевичу / под ред. Г.Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1884. Ч. I (Т. 41). Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Часть 1 (годы с 1474 по 1505). С. 175–176.
  34. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Л., 1937. Т. 1.
  35. *Бобров Л.А.* К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири последней четверти XVI – XVII вв. // Военное дело Золотой орды: проблемы и перспективы изучения (Материалы круглого стола, проведённого в рамках Международного Золотоордынского форума. Казань, 30 марта 2011 г.). Казань, 2011. С. 106–120.
  36. *Герберштейн С.* Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малейна и А.В. Назаренко; вст. ст. А.Л. Хорошкевич; под ред. В.Л. Янина. М., 1988. 430 с.
  37. *Ульфельдт Якоб.* Путешествие в Россию / пер. Л.Н. Годовиковой. М., 2002. 616 с.
  38. *Дзялынскый Лука.* Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1-го августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою Ковальским и Бродницким / пер. О.Н. Милевского // Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.). М., 1897. С. 18–68.
  39. *Российский государственный архив древних актов* (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 4. К. 112.
  40. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. К. 177.
  41. *Тычинских З.А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007.
  42. *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в позднее Средневековье и Новое время: учеб. пособие. Новосибирск, 2010.
  43. *Медведев А.Ф.* Археология СССР. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. (Свод археологических источников). М., 1966. Выпуск Е1-36.
  44. *Двуреченский О.В.* Холодное наступательное вооружение Московского государства (конец XV – начало XVII вв.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 24 с.
  45. *Шлюшинский А.В.* Вооружение и военное дело тюркоязычного населения Западной Сибири XIII – XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007.
  46. *Груневек М.* Записки о торговой поездке в Москву в 1584–1585 гг. / сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2013.
  47. *Петрей Пётр.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
  48. *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.
  49. *Смирнов Н.В.* Тверские «служилые города» в XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
  50. *Челобитная томских пригородных татар царю о выдаче им жалования за участие в походе против кыргызов (1643 г.)* / В.Я. Бутанаев, А. Абдыкалыков // Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII века. Абакан: Лаборатория этнографии Хакасского госуниверситета, 1995. С. 116–118.
  51. *Бобров Л.А., Худяков Ю.С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 774 с.
  52. *Трепавлов В.В.* «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2013. 224 с.
  53. *Герасимов Ю.В., Корусенко М.А.* Предметы вооружения в погребальных комплексах Тарского Прииртышья: новые находки // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. С. 59–66.

54. Флетчер Джильс. О государстве русском / пер. М.А. Оболенского. М., 2002. 176 с.
55. Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. М., 2003. Т. 5, Вып. 1.
56. Воронцов И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья) : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. 295 с.
57. Боровской А.П. Плетки и стеки в экипировке раннесредневекового всадника Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 179–189.
58. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 244–269.
59. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего Средневековья // Военное дело nomadov Севернoй и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 106–168.
60. Бобров Л.А. Кольчатые доспехи в комплексе вооружения воинов Западной Сибири конца XVI – XVII вв. // Вестник Новосибирского государственного университета. 2013. Т. 12, Вып. 7. Серия: История, Филология. Новосибирск, 2013. С. 213–222.
61. Герасимов Ю.В. Предметы вооружения XVI–XVII веков из могильника Окунево VII в Тарском Прииртышье // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии : сб. науч. тр. Новосибирск, 2013. С. 67–74.
62. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Шлемы сибирских татарских воинов (из собрания Тобольского государственного музея-заповедника) // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2011. Вып. 3. С. 43–52.
63. Бобров Л.А. Позднесредневековый цельнокованный шлем татарского воина из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. Т. 10, Вып. 5. Серия: история, филология, археология и этнография. Новосибирск, 2011. С. 264–267.
64. Жуков К.А. К истории шатровидных шлемов на Руси XIII–XV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв., Тула, 2005. С. 216–235.
65. Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. IV. С. 464–482.
66. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / под ред. А.Л. Хорошкевич, пер. В.И. Матузовой. М., 1994. 140 с.
67. Россов Балтазар. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II.
68. Будило (Будило), Иосиф. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия (Historia Dmitra falszywego) // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1.

Ilyushin Boris A. Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: arunta-desert@yandex.ru

ART OF WARFARE OF TATARIAN WARRIORS OF RUSSIAN STATE IN XV–XVII CENTURIES.

Keywords: service Tatarian; art of warfare; Moscow state's army.

The article considers the art of warfare of serving Tatars of Russian state in XV–XVII centuries. This theme is insufficiently designed in historiography. The reasons of this were the scarcity of sources base and similarity of warfare of serving Tatars with the warfare of another peoples of the East Europe of this period. The study is based on the analysis of writing and material sources, with drawing of art materials. The author considered the following aspects of warfare of Moscow kingdom's Tatars: military organization and location in Russian army, weapons and armor, basic tactics of Tatars, location of serving Tatars in tactic and strategy of Russian warlords. The serving Tatars were divided into several local groups. Among them there were princes, dukes, mirzas and kazaks (simple warriors). In the mobilization, Tatarian dukes and Tatarian heads (special chiefs of serving Tatars from Russian, more rarely – from Tatars) were going and collecting kazaks. After the arrival to the gathering place for troops, the higher commanders were distributing Tatarian contingents into hundreds (sotnia) that were submitted to Tatarian heads. Serving Tatars of the European part of Russia were the light cavalry. Their basic weapons were the Tatarian type's bow and arrows. The armor was uncommon. Wealthy Tatars also had sabers and broadsword. the spears and maces («shestoper») were rarely used. The hand firearms was uncharacteristic for serving Tatars (in Siberia in XVII century, perhaps, it was more common, and Tatars could get it from the «treasury»). In Siberia serving Tatars in XVII century (as well as another serving men) often used armor that was due to the peculiarities of warfare of neighboring peoples and preserving the local production base. The chain armour prevailed (several examples kept safe in museum and private collections), but also the brigandine occurred (it was local production or import). The serving Tatars were used in the same areas that the «pomestnaya konnitsa» (feudal cavalry of Moscow kingdom): participation in battles, exploration, capture of prisoners, sabotage, border service. In the battle the Tatars preferred to fight at long distance by bows, avoiding hand-to-hand. The tactics was traditionally for nomadic peoples: the coverage of the enemy from the flanks and rear, the shelling, «Tatarian dance» (annular structure nomads for doing archery combat at medium and short ranges), the false retreat with counterattack. In certain situations Tatars came into close combat with sabers, sometimes on foot position.

REFERENCES

- Ilyushin, B.A. (2013) [Military servicemen among Russian Tatars in the 15th – 17th centuries. Historiography]. In: *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical problems of historical research: the vision of young scientists]. Proc. of the 3rd All-Russian Youth Conference. 21st to 24th August. Novosibirsk, pp. 46–54.
- Anon. (2002) *Nakaznaya pamyat' knyazyu Kulunchaku i knyazyu Enikeyu Enikeevym, detyam Tenisheva o sbore temnikovskikh sluzhilykh tatar, kazakov i mordvy (1600–1604)* [Instruction to Prince Kulunchak and Prince Enikey Enikeev, children to Tenishev concerning collecting their servicemen among Tatars, Cossacks and Mordovians (1600-1604)]. In: Antonov, A.V. & Baranov, K.V. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII v.* [Acts of servicemen landowners of the 15th – early 17th centuries]. Moscow: Centre for Archeography. Vol. III.
- Zborovskiy, Ya. & Dzyalynsky, Ya. (1897) *Dnevniky vtorogo pokhoda Stefana Batoriya na Rossiyu (1580 g.)* [Diaries of the second campaign of Stefan Batory to Russia (1580)]. Translated from Polish by O.N. Milevskiy. Moscow: Imperial Society of History and Antiquities. pp. 2–17.
- Buganov, V.I. (ed.) (1974) *Razryadnye knigi 1598–1638 gg.* [Lists of noble families. 1598–1638]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
- Popov, N.A. & Samokhvatov, D.Ya. (eds.) (1890) *Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoyu akademieyu nauk* [Acts of Moscow State issued by the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. Vol. 1. pp. 113–115.
- Buganov, V.I. (ed.) (1975) *Razryadnaya kniga 1550–1636 gg.* [The List of Noble Families. 1550–1636]. Moscow: Institut. Vol. I.
- Bakhrushin, S.V. (1937) *Sibirskie sluzhilye tatory v XVII v.* [Siberian Tatars-servicemen in the 17th century]. In: *Istoricheskie zapiski* [Historical Records]. Moscow: Institute for History, USSR Academy of Sciences. Vol. I. pp. 55–80.
- Rakhimzyanov, B.R. (2009) *Kasimovskoe khanstvo (1445–1552 gg.): Ocherki istorii* [Kasimov Khanate (1445–1552). Essays on history]. Kazan: Tatar Book Publishing.

9. Belyaev, I.D. (ed.) (1849) *Vremennik obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* [Annals of the Society of Russian History and Antiquities]. Moscow: Moscow University. Book 1.
10. Belyaev, I.D. (ed.) (1849) *Vremennik obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* [Annals of the Society of Russian History and Antiquities]. Moscow: Moscow University. Book 4.
11. Voskoboinikova, N.P. (ed.) (1999) *Opisanie drevneyshikh dokumentov arkhivov moskovskikh prikazov XVI – nachala XVII vv.* [Description of ancient documents of the Moscow archives of the 16th – early 17th centuries]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. Book II.
12. Alekseev, Yu.G. (2009) *Pokhody russkikh voysk pri Ivane III* [Russian military campaigns under Ivan III]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
13. Buganov, V.I. (ed.) (1966) *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [The List of noble families. 1475–1598]. Moscow: Nauka.
14. Andianov, S.A. (ed.) (1910) *L'vovskaya letopis'* [The Lvov Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov Typography. Vol. 20.
15. Anon. (2004) *Zapishnaya kniga Polotskogo pokhoda 1562/63 goda* [The record book of Polotsk campaign, 1562/63]. In: Antonov, A. (ed.) *Russkiy diplomatariy* [Russian diplomatar]. Moscow: Drevlekhranilishche.
16. Buganov, V.I. (1960) *Dokumenty o Livonskoy voyne* [Documents of the Livonian War]. In: *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1960 g.* [A Yearbook of Archeography. 1960]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
17. Stanislavskiy, A.L. (2004) *Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vv.* [Works on the history of the monarchic court in Russia in the 16th – 17th centuries]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 366–420.
18. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy letopis'yu Avraamki* [Chronicle of Avraamki]. (2000) In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow: YaRK. Vol. 16.
19. Belyaev, I.D. (ed.) (1849) *Vremennik obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* [Annals of the Society of Russian History and Antiquities]. Moscow: Moscow University. Book 13.
20. Gnevushev, A.V. (ed.) (1914) *Smutnoe vremya moskovskogo gosudarstva 1604–1613* [The Time of Troubles in Moscow State. 1604–1613]. Moscow: Imperial Society of History and Antiquities. pp. 377–378.
21. Nienstedt, F. (1880–1883) *Livonskaya letopis' Frantsa Nienshtedta* [Livonian Chronicle of Franz Nienstedt]. In: Cheshikhin, E.V. (ed.) *Sbornik materialov i statey po istorii Pribaltiyskogo kraya* [Collection of materials and articles on the history of the Baltic region]. Riga: A.I. Lepinskiy, Vols. III–IV.
22. Belyakov, A.V. (2011) *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [Chingisids in Russia in the 15th–17th centuries: prosopographic research]. Ryazan: Ryazan'. Mir.
23. Piotrovskiy, S. (1882) *Dnevnik poslednego pokhoda Stefana Batoriya na Rossiyu* [Journal of the last campaign of Stefan Batory on Russia]. Pskov: Guberniya Typography.
24. Massa, I. (1936) *Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v.* [Short news of Muscovy in the early 17th century]. Moscow: State Socio-Economic Publishing.
25. Bussov, C. (1961) *Moskovskaya khronika. 1584–1613 gg.* [The Moscow Chronicle. 1584–1613]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences.
26. Chernov, A.V. (1954) *Vooruzhennyye sily Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv. (S obrazovaniya tseentralizovannogo gosudarstva do reform pri Petre I)* [The armed forces of the Russian state in the 15th–17th centuries. (From the formation of a centralized state before the reforms under Peter I)]. Moscow.
27. Senyutkin, S.B. (2001) *Istoriya tatar Nizhegorodskogo Povolzh'ya s posledney treti XVI do nachala XX vv. (Istoricheskie sud'by misharey Nizhegorodskogo kraya)* [History of the Tatars in the Volga region near Nizhny Novgorod from the last third of the 16th to the early 20th centuries. (Historical destiny of Mishars of Nizhny Novgorod region)]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
28. Gorelik, M.V. (2011) *Mongol'skaya latnaya konnitsa i ee sud'ba v istoricheskoy perspektive* [Mongolian full plate armour cavalry and its fate in the historical perspective]. In: Mirgaleev, I.M. (ed.) *Voennoe delo Zolotoy ordy: problemy i perspektivy izucheniya* [The art of war in Golden Horde: problems and prospects of the study]. Kazan: Filiant. pp. 47–58.
29. Fechner, M.V. (1956) *Torgovlya Russkogo gosudarstva so stranami Vostoka v XVI veke* [Russia's trading with Eastern countries in the 16th century]. Moscow: State Publishing House of Educational Literature.
30. Yoviy, P. (1997) *Kniga o posol'stve Vasiliya, velikogo knyazya moskovskogo, k pape Klimentu VII* [A book about the Embassy of Basil, Grand Duke of Moscow, to Pope Clement VII]. Translated by A.I. Manin & O.F. Kudryavtseva. In: Kudryavtsev, O.F. (ed.) *Rossiya v pervoy polovine XVI v.: vzglyad iz Evropy* [Russia in the first half of the 16th century: A view from Europe]. Moscow: Russkiy Mir.
31. Jenkinson, A. (1937) *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travelers in the Moscow State in the 16th century]. Translated from English by Yu.V. Got'e. Moscow: OGIZ.
32. Printz a Bucchau, D. (1877) *Nachalo i vozvyshenie Moskovii* [The beginning and the rise of Muscovy]. Translated by I.A. Tikhomirov. Moscow: Moscow Imperial Society of Russian History and Antiquities
33. Karpov, G.F. (ed.) (1884) *Posol'stvo ot tsarya Mengli-Gireya k velikomu knyazyu Ivanu Vasil'evichu* [The Embassy of King Mengli Giray to Grand Prince Ivan Vasilyevich]. St. Petersburg. Part I (Vol. 41). pp. 175–176.
34. Miller, G.F. (1937) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Leningrad: USSR Academy of Sciences. Vol. I.
35. Bobrov, L.A. (2011) *K voprosu o zashchitnom vooruzhenii tatar Zapadnoy Sibiri posledney chetverti XVI – XVII vv.* [On the protective arms of the Tatars in Western Siberia in the late 16th–XVII17th centuries]. In: Mirgaleev, I.M. (ed.) *Voennoe delo Zolotoy ordy: problemy i perspektivy izucheniya* [The art of war in Golden Horde: problems and prospects of the study]. Kazan: Filiant. pp. 106–120.
36. Herberstein, S. (1988) *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Translated from German by A.I. Malein & A.V. Nazarenko. Moscow: Moscow State University.
37. Ulfeldt, Y. (2002) *Puteshestvie v Rossiyu* [A Trip to Russia]. Translated by L.N. Godovikova. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
38. Dzyalynskiy, L. (1897) *Dnevnik osady i vzyatiya Velizha, Velikikh Luk i Zavoloch'ya s 1-go avgusta po 25 noyabrya 1580 g., vedenny Lukoyu Dzyalynskim, starostoyu Koval'skim i Brodnitskim* [The journal of the siege and capture of Velizh, Velikie Luki and Zavolochye from August 1 to November 25, 1580 by Luka Dzyalynskiy, the head of Kowalsk and Brodnitsk]. In: Zborovskiy, Ya. & Dzyalynskiy, Ya. (1897) *Dnevnik vtorogo pokhoda Stefana Batoriya na Rossiyu (1580 g.)* [Diaries of the second campaign of Stefan Batory to Russia (1580)]. Translated from Polish by O.N. Milevskiy. Moscow: Moscow Imperial Society of History and Antiquities. pp. 18–68.
39. The Russian State Archives of Ancient documents (RGADA). Fund 210. List 4. Book 112. (In Russian).
40. The Russian State Archives of Ancient documents (RGADA). Fund 210. List 4. File 177. (In Russian).
41. Tychinskikh, Z.A. (2007) *Sluzhilye tary i ikh rol' v formirovaniy etnicheskoy obshchnosti sibirskikh tatar (XVII–XIX vv.)* [Tatars-servicemen and their role in the ethnic community of Siberian Tatars (the 17th–19th centuries)]. History Cand. Diss. Kazan.
42. Bobrov, L.A., Borisenko, A.Yu., & Khudyakov, Yu.S. (2010) *Vzaimodeystvie tyurkskikh i mongol'skikh narodov s russkimi v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremya* [Interaction of Turkic and Mongolian peoples with the Russian in the late Middle Ages and modern times]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
43. Medvedev, A.F. (1966) *Arkheologiya SSSR. Ruchnoe metatel'noe oruzhie. Luk i strely, samostrel VIII–XIV vv. (Svod arkheologicheskikh istochnikov)* [Archaeology of the USSR. Hand thrown weapons. A bow and arrows, a crossbow of the 8th–14th centuries. (Set of archeological sources)]. Moscow: Nauka.

44. Dvurechenskiy, O.V. (2008) *Kholodnoe nastupatel'noe vooruzhenie Moskovskogo gosudarstva (konets XV – nachalo XVII vv.)* [Cold offensive weapons of the Moscow State (the late 15th–early 17th)]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
45. Shlyushinskiy, A.V. (2007) *Vooruzhenie i voennoe delo tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadnoy Sibiri XIII – XVIII vv.* [Weapons and military affairs of Turkic-speaking population of Western Siberia in the 13th–18th centuries]. History Cand. Diss. Omsk.
46. Gruneveg, M. (2013) *Zapiski o torgovoy poezdke v Moskvu v 1584–1585 gg.* [Notes on a trading trip to Moscow in 1584–1585]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
47. Petreius, P. & Massa, I. (1997) *O nachale voyn i smut v Moskovii* [On the beginning of wars and unrest in Muscovy]. Moscow: Fond Sergeiya Dubova.
48. Malov, A.V. (2006) *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachal'nyy period svoey istorii. 1656–1671 gg.* [Moscow elective regiments in the beginning of their history. 1656–1671]. Moscow: Drevlekhranilishche.
49. Smirnov, N.V. (2002) *Tverskie «sluzhilye goroda» v XVII v.* [Tver “service class cities” in the 17th century]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
50. Butanaev, V.Ya. & Abdykalykov, A. (1995) *Materialy po istorii Khakasii XVIII veka – nachala XVIII veka* [Materials on the history of Khakassia in the 17th – early 18th centuries]. Abakan: Laboratory of Ethnography, Khakass State University. pp. 116-118.
51. Bobrov, L.A., & Khudyakov, Yu.S. (2008) *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.)* [Weapons and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia in the late Middle Ages and early modern period (the 15th – early 18th centuries)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
52. Trepavlov, V.V. (2013) «*Orda samovol'naya*»: *kochevaya imperiya nogaev XV–XVII vv.* [“Unauthorized Horde”: the nomadic empire of Nogays in the 15th–17th centuries]. Moscow: Kvadriga.
53. Gerasimov, Yu.V. & Korusenko, M.A. (2013) *Predmety vooruzheniya v pogrebal'nykh kompleksakh Tarskogo Priirtysh'ya: novye nakhodki* [Weapons in the burial complexes of Tarski Irtysh: new discoveries]. In: Khudyakov, Yu.S., & Skobelev, S.G. (eds.) *Voennoe delo srednevekovykh narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii* [the military art of medieval peoples in South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: s.n. pp. 59-66.
54. Fletcher, J. (2002) *O gosudarstve russkom* [About Russian State]. Translated from English by M.A. Obolensky. Moscow: Zakharov.
55. Koshelev, A.D. (2003) *Pskovskie letopisi* [The Pskov Chronicles]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow: Yazyki russkoy kultury. Vol. 5.
56. Vorontsov, I.A. (2006) *Organizatsiya voennogo dela Zolotoy Ordy (po materialam Nizhnego Povolzh'ya)* [The organization of warfare in the Golden Horde (based on the Lower Volga region)]. History Cand. Diss. Volgograd.
57. Borovskoy, A.P. (1993) *Pleti i steki v ekipirovke rannesrednevekovogo vsadnika Zapadnoy Sibiri* [Scourges and stacks in the early medieval rider outfit in Western Siberia]. In: Medvedev, V.E. & Khudyakov, Yu.S. (eds.) *Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The warfare in the south of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka. pp. 179-189.
58. Gorelik, M.V. (1983) *Mongolo-tatarskoe oboronitel'noe vooruzhenie vtoroy poloviny XIV – nachala XV v.* [Mongol-Tatar defensive weapon in the second half of the 14th – early 15th centuries]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny* [The Battle of Kulikovo in the history and culture of our country]. Moscow: Moscow State University. pp. 244-269.
59. Bobrov, L.A. & Khudyakov, Yu.S. *Zashchitnoe vooruzhenie sredneaziatskogo voina epokhi pozdnego srednevekov'ya* [The armature of the Central Asian warrior of the late Middle Ages]. In: Khudyakov, Yu.S. & Skobelev, S.G. (eds.) *Voennoe delo nomadov Severnoy i Tsentral'noy Azii* [The warfare of nomads in North and Central Asia]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 106–168.
60. Bobrov, L.A. (2013) *Kol'chatye dospekhi v komplekse vooruzheniya voinov Zapadnoy Sibiri kontsa XVI – XVII vv.* [Ringed armor weapons of West Siberian soldiers in the late of the 16th – 17th centuries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 12(7). pp. 213-222.
61. Gerasimov, Yu.V. (2013) *Predmety vooruzheniya XVI–XVII vekov iz mogil'nika Okunevo VII v Tarskom Priirtysh'e* [Weapons of the 16th–17th centuries from the burial Okunevo VII in Tara Irtysh]. In: Khudyakov, Yu.S. & Skobelev, S.G. (eds.) *Voennoe delo srednevekovykh narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Warfare of medieval peoples of South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 67-74.
62. Bobrov, L.A. & Khudyakov, Yu.S. (2011) *Shlemy sibirskikh tatarskikh voinov (iz sobraniya Tobol'skogo gosudarstvennogo muzeya-zapovednika)* [Helmets of Siberian Tatar soldiers (from the collection of the Tobolsk State Museum)]. In: Rakhimzyanov, B.R. (ed.) *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar states]. Kazan: Ikhlas. pp. 43-52
63. Bobrov, L.A. (2011) *Pozdnesrednevekovyy tsel'nokovanny shlem tatarskogo voina iz Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika* [The late Medieval helmet piece of a Tatar warrior from the Tobolsk State Historical and Architectural open-air museum]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 10 (5). pp. 264-267.
64. Zhukov, K.A. (2005) *K istorii shatrovidnykh shlemov na Rusi XIII–XV vv.* [On the history of pyramidal helmets in Rus in the 13th–15th centuries]. In: Naumov, A.N. (ed.) *Kulikovo pole i Yugo-Vostochnaya Rus' v XII–XIV vv.* [Kulikovo Field and South-Eastern Rus in the 12th–14th centuries]. Tula: Infra. pp. 216-235.
65. Nesin, M.A. (2014) On the history of the Battle of the Novgorodians with the Muscovites on the river Sheleng July 27, 1471. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki – The History of Military Affairs*. 4. pp. 464-482. (In Russian).
66. Litvin, M. (1994) *O nrvakh tatar, litovsev i moskvityan* [On morals of Tatars, Lithuanians and Muscovites]. Translated by V.I. Matuzova. Moscow: Moscow State University.
67. Russow, B. (1879) *Livonskaya khronika* [Livonian Chronicle]. In: *Sbornik materialov i statey po istorii Pribaltiyskogo kraja* [Collection of materials and articles on the history of the Baltic region]. Riga. Vol. II.
68. Budzilo (Budilo), I. (1872) *Dnevnik sobytiy, odnosyashchikhsya k Smutnomu vremeni (1603–1613 gg.), izvestnyy pod imenem Istorii lozhnogo Dimitriya (Historiya Dmitra falszywego)* [The diary of events related to the Time of Troubles (1603–1613), known as the history of False Demetrius (Historiya Dmitra falszywego)]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. St. Petersburg. Vol. I.

А.М. Никифорова

ГАЗЕТА «LE MONITEUR UNIVERSEL» О «ГЕНЕРАЛЕ МОРОЗЕ»

Анализируется информация газеты «Le Moniteur universel» о походе Великой армии Наполеона Бонапарта в Россию в 1812 г. Даются краткая характеристика газеты «Le Moniteur universel», выборочное изложение бюллетеней Великой армии, преимущественно тех, которые содержали информацию о погоде в России. Оценивается влияние бюллетеней на формирование мнения французского общества о русском походе Наполеона Бонапарта, делается предположение, как появился миф о «генерале Морозе».

Ключевые слова: Le Moniteur universel; бюллетени Великой армии; Наполеон Бонапарт; «генерал Мороз».

В настоящее время, как никогда ранее, возрастает интерес к истории европейской политики России, она активно изучается как отечественными, так и зарубежными учеными. В связи с этим появляется необходимость к выявлению новых и значимых источников. Одними из таковых являются франкоязычные периодические издания, в частности газета «Le Moniteur universel». Эта газета долгие годы формировала мнение французов о России. Материалы данного издания редко привлекаются российскими историками в связи с его малой доступностью. Практически полная коллекция этой газеты хранится в Научной библиотеке Томского государственного университета, что дает уникальную возможность для ее анализа как источника по истории русско-французских отношений в конце XVIII – начале XIX в. [1].

Внимание Франции к России в национальной прессе, а именно в газете «Le Moniteur universel», впервые за первые годы ее существования было обращено в марте 1801 г. в связи с произошедшим в нашей стране дворцовым переворотом и последовавшим за ним воцарением Александра I. В Европе ожидали от молодого императора активных действий. Именно с именем Александра I авторы газеты «Le Moniteur universel» связывали и выработку новой внешнеполитической концепции России. В период, когда активная дипломатическая деятельность, заседание международных конгрессов чередовались с войнами по всей Европе, в газете «Le Moniteur universel» стали публиковаться статьи, в которых все чаще и чаще проскальзывали упоминания о России. Весной 1801 г. во Франции увеличилось количество публикаций, так или иначе связанных с Россией (освещались внутренняя ситуация в стране, крах Второй антифранцузской коалиции, подписание торговых договоров России и Франции) [2. 1801. № 78. Р. 13]. Далее число публикаций о России только нарастало. В 1812 г. в связи с русским походом Наполеона количество публикаций о России стало максимальным.

По замыслу своего основателя Шарля-Жозефа Панкука газета «le Moniteur universel» была создана для освещения событий революции и не являлась выразителем интересов какой-либо политической группировки. Издатель не имел ни прямого, ни косвенного влия-

ния на авторов статей, которые сами несли ответственность за содержание опубликованного материала. Наполеон, придя к власти, мгновенно оценил истинное влияние газеты, придал ей статус официального информационного издания [2. 1802. № 1], который она сохранила и при последующих правительствах вплоть до конца 1868 г. В связи с развернувшимися во Франции и Европе событиями Первый консул посчитал необходимым создать своего рода пропагандистский корпус, в котором «le Moniteur universel» была главной ударной силой.

В данной статье особое внимание отведено бюллетеням Великой армии в период военных действий 1812 г. Бюллетени часто писались лично Наполеоном Бонапартом и отражали его взгляды на ход боевых действий, политическую ситуацию в России, общественное настроение и позицию солдат и офицеров Великой армии. Читая бюллетени газеты о Русском походе, мы можем живо представить, что хотел сказать Наполеон своим подданным из далекой России.

Выпуск бюллетеней Великой армии осуществлялся фактически с самого начала военной кампании 1812 г. в рамках газеты «Le Moniteur universel», всего за это время их насчитывается 29 [2. 1812]. Полные тексты бюллетеней мало изучены российскими историками, на сегодняшний день нет ни одного полного русского перевода всех записок, поэтому их изучение представляет особую значимость. К слову, можно отметить, что во Франции неоднократно издавались сборники Бюллетеней Великой армии [3, 4].

Появившиеся в качестве военных изданий бюллетени были предназначены в действительности для всего общества, в том числе и для Великой армии. Наполеон прекрасно понимал, что его солдаты будут читать их, поэтому было важно возвеличивать в сознании солдат их собственный образ. Эта была единственная возможность для Наполеона вести пропаганду во время военных походов. Бюллетени и также широко издаваемые различные сообщения старательно изображали доблесть и храбрость солдат даже в случае поражений. Отдельные воинские части и офицеры были отмечены как заслужившие похвалу, о них говорилось не иначе, как «действовал с необычайной отвагой» или «атаковал

с неустрашимостью» [3]. Наполеон хотел укрепить чувство гордости солдат и выразить им свое доверие на будущее. Часто бюллетени похожи на бесконечные списки солдат и воинских частей, достойные похвалы. Не случайно, что именно эти бюллетени пользовались наибольшим успехом.

В бюллетенях Великой армии отсутствует даже краткое описание о российской армии, которая проявила себя в то время более чем равным противником, нет сообщений о ее успехах на театре боевых действий, не упоминаются тактические ошибки, допущенные Наполеоном и оказавшие не последнюю роль на ход военных событий. Ознакомившись с текстом данных бюллетеней, можно даже прийти к выводу, что погодные условия в России сыграли едва ли не первостепенную роль в ходе развернутой кампании Наполеона. Эта информация и будет рассмотрена в рамках данной статьи.

Действительно, невозможно отрицать того факта, что неприятели часто списывают неудачи в сражениях на тяжелые погодные условия в России. Опираясь на выжимки из бюллетеней, можно говорить, что погода и впрямь оказывала разрушительное действие на французскую армию как при вступлении на ее территорию и продвижение вглубь страны, так и при отступлении. И крайняя жара, и сильный холод, судя по сообщениям газеты, наносили ужасный урон Великой армии. Так, в 5-м бюллетене от 6 июля уже говорится о невосполнимых потерях лошадей из-за погоды. Было только начало июля, а тысячи лошадей уже погибли: «Дождь лил беспрерывно в течение тридцати шести часов. Крайняя жара внезапно сменилась сильным похолоданием. Несколько тысяч лошадей погибло в результате такой неожиданной перемены погоды. Артиллерийские обозы вязнут в грязи. Эта ужасная буря, утомившая людей и лошадей, неизбежно замедлила наше продвижение, и корпус Дохтурова, который последовательно сталкивался с движущимися в колоннах войсками генералов Борд-Сильда, Пажоля и Нансути, едва избежал уничтожения» [2. 1812. № 200. Р. 784].

В бюллетене № 22 от 27 сентября также сообщается: «Погода почти такая же, как в конце октября в Париже. Идет небольшой дождь, и уже были заморозки. Мы уверены, что Москва и другие реки этой страны не замерзают до середины ноября» [Там же. № 277. Р. 1089]. К середине осени погода становится еще более важным фактором военных действий. В этот период Наполеон колеблется в выборе между пребыванием в Москве, отступлением армии к Смоленску и полным отступлением из России, взвешивая все за и против. В 24-м бюллетене от 14 октября он признает трудности, которые возникнут при дальнейшей задержке в том случае, если армии придется сменить место пребывания: «Погода очень хорошая. Первый снег выпал вчера. Через двадцать дней необходимо быть на зимних квартирах» [Там же. № 506. Р. 1298]. Эта обеспокоенность отражается и в 25-м бюллетене от 20 сентября: «Погода прекрасная, подобно той, что бывает во Франции в ок-

тябре, возможно чуть более теплая; но в первые дни ноября можно ожидать холод. Все указывает на то, что мы должны подумать о зимних квартирах. Особенно они необходимы для кавалерии. Пехота отдохнула в Москве и выглядит хорошо» [Там же. № 314. Р. 1255]. 26-й бюллетень от 23 октября сообщает: «Жители России не припомнят такой погоды, какая была у нас в течение последних двадцати дней. Как в прекрасные солнечные дни путешествия из Фонтенбло. Армия находится в чрезвычайно богатой стране; она может быть сравнима с лучшими областями или Франции, или Германии» [Там же. Р. 1268].

В заключительном 29-м бюллетене описываются все ужасы, с которыми столкнулась Великая армия во время отступления: «До 6-го ноября погода была прекрасная, и движение армии шло с наибольшим успехом. Холодная погода началась 7-го; с того момента каждую ночь мы теряли лошадей, которые умирали на биваках. К моменту прибытия в Смоленск мы потеряли уже много кавалерийских и артиллерийских лошадей... Армия, бывшая 6-го числа в самом лучшем состоянии, 14-го уже совсем переменялась; она лишилась конницы, артиллерии и обозов. Без конницы нельзя было нам ни на четверть мили делать рекогносцировки, а без артиллерии мы не могли отважиться ни на какое сражение и вынуждены были выжидать нападения на себя неприятеля; поэтому надлежало продолжать свой поход, дабы не быть принужденными вступить в сражение, о котором, по причине недостатка в амуниции, не можно было нам даже и думать; чтобы неприятель не мог обойти нас, мы должны были занять большее пространство, не имея конницы, которая могла бы рекогносцировать неприятеля и соединить наши колонны. Сие затруднение, сопряженное с наступившими вдруг морозами, привело нас в самое жалостное состояние...» [Там же. № 352]. Именно с последнего 29-го бюллетеня Великой армии берет начало легенда о генерале Морозе. (Само выражение «генерал Мороз» в обиход запустил не Наполеон, а англичане – в период отступления наполеоновской армии из России 1 декабря 1812 г. в Лондоне был выпущен сатирический листок «Генерал Мороз, бреющий маленького Бони» (т.е. Бонапарта) [5].)

Несомненно, бюллетени Великой армии 1812 г. – важный элемент исторического наследия, предоставляющий возможность взглянуть на Русскую кампанию Наполеона. Они являлись частью наполеоновской пропаганды, активно использовавшей идею русской угрозы, начавшейся еще в 1790 г. в связи с вступлением России во вторую антифранцузскую коалицию. Военные бюллетени Великой армии носили не только осведомительный характер, но и имели цель сплотить французскую нацию, поднять боевой настрой рядового солдата и, конечно, возвеличить могущество самого императора Наполеона. Поэтому можно утверждать, что своей цели Наполеон достиг. Именно такого рода информация и повлияла на формирование представле-

ния простого французского обывателя о России. Фран- проиграла кампанию в России не русским войскам, а цузы поняли, что их доблестные генералы и солдаты ужасному генералу Морозу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифорова А.М. Газета «Le Moniteur universel» как источник по истории русско-французских отношений в 1801–1807 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 85–88.
2. Gazette nationale, ou Le Moniteur universel. Paris (Национальная газета, или Всеобщий наставник, Париж).
3. Baudouin frères, Bulletins Officiels de la Grande Armée. Paris, 1821.
4. Pascal A. Bulletins Officiels de la Grande Armée. Paris, 1841.
5. Орехов Д. Миф о «генерале Морозе». URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/01/27/mif_o_generalemoroze, свободный.

Nikiforova Anastasia M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya368@inbox.ru

NEWSPAPER «LE MONITEUR UNIVERSEL» ABOUT «GENERAL FROST».

Keywords: Le Moniteur universel; bulletins of the Grand Army; Napoleon Bonaparte; «general Frost».

The present article analyzes the information from the newspaper “Le Moniteur universel” about the campaign of Napoleon Bonaparte’s Grand Army to Russia in 1812. The author gives a brief description of the newspaper “Le Moniteur universel”, makes a selective summary from bulletins of the Grand Army, mostly those that contain some information about the weather in Russia. It’s estimated the influence of bulletins on the formation of public opinion in the French society about the Russian campaign of Napoleon Bonaparte, it gives a suggestion about the origin of the myth about “general Frost”. At the present time interest in the history of Russia’s European policy is increasing as never before, it has been studied extensively by both domestic and foreign scientists. In this regard, there is a necessity to attract new sources. Expansion of information is possible due to francophone periodicals, in particular thanks to the newspaper “Le Moniteur universel”. This is one of those sources, which gives a possibility to glance at Russia and its foreign policy through the eyes of Europeans. The advantage of this periodical is the fact that its materials have not been studied and analyzed by majority of Russian researchers. In the time of hostilities of 1812, newspaper “Le Moniteur universel” paid special attention to the bulletins of the Grand Army. In fact the military bulletins were issued from the beginning of the military campaign, personally written by Napoleon Bonaparte and reflected his views on the course of hostilities, the political situation in Russia, the public mood and the position of the soldiers and officers of the Grand Army. Reading the papers about the Russian campaign, we can imagine what Napoleon wanted to tell to his subjects from distant Russia. It appeared as military publications, the military newsletters were intended for the whole society, including for the Grand Army. Napoleon knew that his soldiers will read them, so it was important in the minds of men to magnify their own image and status. In fact, the content of the bulletins is a description of the weather conditions in distant Russia, there is not even a brief description of the Russian army, which manifested itself more than equal enemy, there are no reports about its success in the theater of hostilities, are not mentioned tactical errors, which Napoleon committed and which played not the last role in the course of military events. After reading the bulletins of the Grand army, it can be concluded that the great French army was defeated not by Russian generals, but by terrible and insidious “general Frost”.

REFERENCES

1. Nikiforova, A.M. (2012) Newspaper Le Moniteur Universel as a source of Russian-French relations in 1801-1807. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 356. pp 85-88.
2. Gazette nationale, ou Le Moniteur universel. Paris.
3. Baudouin frères. (1821) *Bulletins Officiels de la Grande Armée*. Paris.
4. Pascal, A. (1841) *Bulletins Officiels de la Grande Armée*. Paris.
5. Orekhov, D. (2011) *Mif o “Generale-Moroze”* [The Myth of the General Frost]. [Online] Available from: http://ruskline.ru/analitika/2011/01/27/mif_o_generalemoroze.

УДК 94:378.662(571.16) «1890-1910»
DOI 10.17223/19988613/35/3

Н.М. Дмитриенко, С.Е. Григорьева

ТОМСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ И КУПЕЧЕСТВО: ОПЫТ ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (1890-е – 1910-е гг.)

Рассматривается формирование партнерских отношений Томского технологического института и предпринимательских кругов. Показано участие томских купцов в подготовительных работах к открытию института, выявлен вклад вуза в формирование деловой среды, в повышение образовательного и квалификационного уровня томского купечества. Более четверти студентов-технологов первых 10–15 лет деятельности института составляли выходцы из купеческого сословия; видную роль в жизни Томска и всей Сибири сыграли выпускники вуза, сыновья крупнейших томских предпринимателей Василий Вытнов, Александр Дистлер, Александр Усачев, Петр Ельдештейн и др.

Ключевые слова: Томский технологический институт; купечество; деловое партнерство; студенты из купеческого сословия.

Мысль об открытии в Томске высшего учебного заведения технического профиля была впервые высказана министром финансов С.Ю. Витте, ее поддержали государственные деятели, заинтересованные в экономическом развитии Сибири, в цивилизованности предпринимательства, в расширении образовательной сети. Так, в своем выступлении на церемонии закладки главного здания технологического института в Томске попечитель Западно-Сибирского учебного округа профессор В.М. Флоринский сказал: «Для полного самостоятельного развития местной промышленности необходимо иметь местный научный центр для распространения высшего промышленного образования» [1. С. 2].

Постановление Государственного совета от 14 марта 1896 г. об учреждении в Томске технологического института было встречено с большим воодушевлением. По решению Томской городской думы, которая не менее чем на 4/5 состояла из купцов и предпринимателей, а также правления Императорского Томского университета, был безвозмездно выделен обширный участок земли в 12,6 тыс. квадратных саженей (около 60 тыс. квадратных метров) для размещения институтских корпусов [2. С. 9–10]. Сформированный в том же 1896 г. строительный комитет по возведению зданий института сначала возглавлял профессор В.М. Флоринский, а после его отъезда из города в 1899 г. председателем комитета был назначен будущий директор института, профессор Е.Л. Зубашев [3. Л. 3]. Сын купца, крупнейший специалист в области технологии пищевкусового производства Е.Л. Зубашев поставил создание института на деловую основу. По собственному признанию, он стремился установить «тесную связь с местной промышленностью... оказать влияние на поднятие уровня техники в технических предприятиях» [2. С. 14]. Складывалась новая для Сибири ситуация обоюдного сотрудничества государственного образовательного учреждения и предпринимательских кругов, налаживались партнерские отношения вузовской корпорации и томского купечества.

Первый опыт совместной деятельности относится ко времени создания строительного комитета, в который, наряду с исполнявшим обязанности ректора Императорского Томского университета М.Ф. Поповым и архитектором Ф.Ф. Гутом, вошли купцы А.П. Карнаков и П.И. Богомолов. Выходец их мещанской семьи, А.П. Карнаков не получил образования, но, благодаря деловой энергии и трудолюбию, достиг высокого социального положения. Занимался торговлей, был купцом 1-й гильдии, затем по недостатку капитала перешел во 2-ю гильдию, но в 1896 г. как кавалер ордена Святой Анны был возведен в потомственное почетное гражданство, причислен к привилегированному сословию. В Томске А.П. Карнаков был известен своей общественной активностью, служил по выборам в качестве товарища (заместителя) директора, а затем и директором Сибирского общественного банка, членом учетно-ссудного комитета Томского отделения Государственного банка. Неоднократно избирался гласным Томской городской думы и в течение двух 4-летних сроков (1894–1901) был городским головой. Жертвовал на нужды церкви и школьного образования, пользовался в городе большим уважением: в 1883 г. представлял томское купечество на торжествах коронации императора Александра III, а в 1896 г. – на коронации Николая II [4. Л. 1–3]. Характерно выступление А.П. Карнакова на церемонии закладки Томского технологического института 6 июля 1896 г., когда он высказал пожелание, чтобы из института выходили люди «с умом светлым, характером твердым», чтобы они «заботились о поддержании достоинства своего города» [1. С. 2].

Другой член строительного комитета по возведению технологического института П.И. Богомолов, купец во втором поколении, получил неплохое для того времени образование, окончил Петербургское реформатское училище (приравнивавшееся к гимназии). С начала 1870-х гг. он проживал в Томске, торговал, владел золотыми приисками в Мариинском горном округе. Избирался гласным Томской городской думы, а в 1890-х гг. стал членом городской управы, исполнительного органа городского самоуправления. П.И. Богомолов немало содействовал развитию томской культуры: участвовал

в создании первого в Томске и всей Сибири культурно-просветительного Общества попечения о начальном образовании, избирался одним из трех директоров Томского отделения Императорского Русского музыкального общества. В 1899 г. был в числе инициаторов создания в Томске городской публичной библиотеки [5. Л. 75–76].

Вслед за А.П. Карнаковым и П.И. Богомоловым к сотрудничеству с технологическим институтом, прежде всего в решении различных вопросов промышленного производства, обращались и другие томские купцы-предприниматели. Так, купец 1-й гильдии И.М. Некрасов решил устроить кирпичный завод для обеспечения строительства корпусов технологического института. В мае 1897 г. завод, оснащенный паровым двигателем, был пущен в эксплуатацию и исправно снабжал институтскую стройку, пока в апреле 1900 г. не случился пожар. Восстановленный после пожара кирпичный завод Некрасова снабжал строительным материалом многие томские стройки, в годы Первой мировой войны был приобретен купцом Ф.Ф. Пичугиным, а позже национализирован и в перестроенном виде действовал в составе кирпичных заводов № 1–2 [6. С. 2; 7. С. 2; 8. Л. 108–109; 9. С. 472–473].

По свидетельству Е.Л. Зубашева, преподаватели института консультировали золотопромышленников, помогали техническому оснащению винокуренных предприятий. В ответ томские заводчики предложили оборудовать при институте опытный завод, чтобы проводить курсы для винокуров [2. С. 14]. Профессора технологического института избирались гласными Томской городской думы, участвовали в решении многих вопросов городского развития, содействовали, а подчас и сами обращались к предпринимательской деятельности. Так, Е.Л. Зубашев участвовал в создании Сибирского товарищества печатного дела, был избран его председателем [10. С. 3]. (Товарищество содержало типолитографию, приобретенную у П.И. Макушина, издавало газету «Сибирская жизнь», выпускало учебную и научно-популярную литературу.)

Позже, уже после отъезда из Томска, Е.Л. Зубашев, вошедший в состав Государственного совета, а также профессор технологического института Н.В. Некрасов, избранный депутатом Государственной думы, представляли в Петербурге интересы Томского железнодорожного комитета по ходатайству о проведении железнодорожной линии Томск–Енисейск, сформированного томскими предпринимателями во главе с городским головой, купцом И.М. Некрасовым [11. Л. 14–15]. С 1900 г. как совместитель, а с 1906 г. – штатный преподаватель технологического института, архитектор К.К. Лыгин проектировал торгово-промышленные корпуса, жилые дома по заказам томских купцов Кухтериных, Н.И. Орловой, И.И. Смирнова, И.И. Гадалова [12. С. 116].

Участие технологического института в социально-экономическом развитии Томска расширилось в годы Первой мировой войны, когда по предложению томского губернатора был создан Военно-промышленный комитет, нацеленный на организацию производства на нужды фронта. Профессора-технологи Т.И. Тихонов, Н.В. Гутовский, Н.П. Чижевский, С.В. Лебедев работали в секциях этого комитета совместно с томскими купцами и промышленниками М.И. Максимовым, Д.Е. Лефельдом, В.Г. Головановым, А.А. Ельдештейном, П.И. Богомоловым, В.П. Ненашевым [13. Л. 26–27].

Сближению технологического института с местными предпринимателями способствовало желание некоторых купцов получить высшее техническое образование, дать возможность учиться в институте своим сыновьям. Тем более что в Томский технологический институт принимались выпускники всех средних учебных заведений, включая реальные и коммерческие училища, в которых по преимуществу и учились купеческие дети (укажем, что к поступлению в Императорский Томский университет на первых порах допускались только выпускники гимназий и духовных семинарий, и лишь в 1906 г. был разрешен прием выпускников реальных и коммерческих училищ [14. С. 144–145]). Вполне естественно, что дети купцов и почетных граждан (также чаще всего купцов) занимали видное место среди студентов Томского технологического института. Известно, например, что около 17% студентов первого институтского набора принадлежали к сословию купцов [15. С. 126].

Подсчеты, проведенные по опубликованным спискам студентов технологического института, показывают, что на механическом отделении в 1903 г. обучались 73 студента из сословий купцов и почетных граждан (12% общего числа), в 1909 г. – 160 (10%), в 1915 г. – 117 человек (7,8%). Среди студентов горного отделения доля купеческих сыновей составляла в 1902 г. 13,2%, в 1908 г. – 8,8%, в 1914 г. – 7,9%. Химическое и инженерно-строительное отделения института оказались менее привлекательны для купеческих сыновей. На первом из них обучались буквально единицы – не более 4–6 человек из купеческого сословия, а инженерами-строителями хотели стать шесть купеческих сыновей в 1905 г. и девять – в 1914 г. [16. С. 31–36, 54–61, 65–72, 85–97, 112–116, 129–130; 17. С. 105–152, 155–178, 181–220; 18. С. 75–123, 127–154, 157–199; 19. С. 96–97].

Нужно отметить, что приведенные цифровые данные охватывают студентов из купечества не только Томска, но и других городов Сибири. Собственно томских студентов-купцов насчитывалось в институте не так уж много, но зато это были выходцы из самых влиятельных купеческих семейств, оставившие заметный след в жизни Томска и всей Сибири. Так, на механическом отделении учился Иван Кириллов, сын томского купца 1-й гильдии, соучредителя товарищества «Кириллов и Никитин», торговавшего различными, в том

числе присковыми товарами, исполнявшего частные и казенные подряды [20. Л. 2–3; 21. Л. 9, 22].

В числе первых выпускников института известен сын томского купца Александр Казанцев. Окончив институт в 1906 г. со званием инженера-механика, он работал начальником депо на станции Слюдянка, затем помощником начальника Шилкинского участка тяги Забайкальской железной дороги [22. С. 205].

С 1901 г. на горном отделении института учился выпускник Томской губернской мужской гимназии Александр Дистлер, один из шести сыновей томского купца Г.Д. Дистлера. Семейство Дистлеров владело богатейшими золотыми присками в Минусинском горном округе, они сами занимались разведкой россыпей, организацией горных работ, реализацией продукции. В литературе высказано мнение, что в отдельные годы совместная семейная добыча золота достигала 3 т. [23. Л. 21; 24. С. 14] (правда, эти данные не находят подтверждения в официальной статистике горнозаводского производства и вызывают возражения со стороны некоторых томских историков). После окончания технологического института (по разным обстоятельствам состоявшегося только в 1915 г.) Александр Дистлер занимался золотопромышленностью, а также и политической деятельностью. Член Партии социалистов-революционеров, он сыграл видную роль в событиях Революции 1917 г. в Томске: в апреле 1917 г. был избран в Томское губернское народное собрание, в 1918 г. стал депутатом Сибирской областной думы, в январе 1919 г. – заместителем председателя Томской городской думы (председательствовал в думе профессор-технолог А.В. Лаврский). Тогда же, в январе 1919 г., А.Г. Дистлер участвовал в работе съезда по организации Института исследования Сибири в Томске в секции геологии и горного дела [25. С. 3; 26. Ч. 5. С. 21; 27. С. 2] (дальнейшая судьба А.Г. Дистлера сложилась трагично, в 1938 г. он был арестован и по обвинению в участии в «контрреволюционной террористической организации» расстрелян).

Выпускник горного отделения 1908 г. Василий Вытнов, представитель томской купеческой династии винозаводчиков, продолжил торгово-промышленное дело, унаследованное от отца и деда. Вместе с братьями владел винокуренным и водочным заводами, в годы Гражданской войны приобрел конфетно-шоколадное и пивоваренное предприятия, состоял пайщиком Томского лесопромышленного товарищества, был одним из учредителей Сибирского торгово-промышленного банка в Томске. Он играл важную роль в общественной жизни Томска, избирался гласным городской думы, возглавлял Сибирский отдел Российского общества винокуренных заводчиков, участвовал в работе Томского комитета по ходатайству о проведении железнодорожной линии Томск–Енисейск. В 1917–1919 гг. руководил Томским биржевым комитетом, возглавлял Торгово-промышленный союз, председательствовал в Средне-Сибирском бюро химической промышленно-

сти, созданном для организации и развития химической промышленности в крае. Известно, что в сентябре 1918 г. В.П. Вытнов получил предложение занять пост товарища (заместителя) министра снабжения Временного Сибирского правительства, однако вскоре Сибирское правительство было упразднено и назначение не состоялось [28. С. 3; 29. С. 2; 30. С. 44–47].

В.П. Вытнов сотрудничал с томской прессой, высказывался за свободу торговли, за отказ от государственной монополии в экономике, установленной большевистскими властями в Сибири в начале 1918 г. А летом того же 1918 г., когда была провозглашена государственная автономия Сибири, он выступал за отмену всех декретов советской власти, нарушавших права частных собственников [31. С. 476].

В 1909 г. на химическое отделение Томского технологического института поступил Петр Ельдештейн, младший сын томского купца 2-й гильдии А.Е. Ельдештейна, чье многочисленное семейство – брат, сыновья и племянники – торговали, владели парходами, занимались доставкой товаров по всей Западной Сибири. Окончив институт, Петр Ельдештейн также обратился к предпринимательской деятельности, вступил в Общество фабрикантов и заводчиков, а в ноябре 1919 г. был избран товарищем председателя Средне-Сибирского районного бюро химической промышленности [23. Л. 27; 32. С. 3].

В 1912 г. студентом механического отделения стал Константин Якимов, сын томского купца 2-й гильдии И.К. Якимова, племянник купца 1-й гильдии, владельца самого крупного в Томске кирпичедельного завода, городского головы И.М. Некрасова [30. С. 321–322]. В том же 1912 г. после окончания Томского коммерческого училища в технологический институт поступил Александр Усачев (младший сын купца П.Л. Шерлаимова, он был усыновлен после смерти отца купцом 2-й гильдии А.П. Усачевым). Как член-распорядитель торгового дома «Пушников и К^о» усыновитель А.П. Усачев был одним из наследников богатейшего томского купца-золотопромышленника Ф.Х. Пушникова, учредил товарищество «А. Усачев и Г. Ливен». На средства товарищества были открыты типография и книжный магазин в доме Кухтериных на Почтамтской ул. (нынешнее здание мэрии г. Томска). [33. Л. 6]. В советское время бывший студент-технолог А.А. Усачев работал учителем в с. Васюган Каргасокского района Новосибирской области, но в 1937 г. был арестован и расстрелян как «враг народа» [34. С. 260].

В Томском технологическом институте учились сыновья томских купцов 2-й гильдии Семен Миллер, Викул Патрушев, Александр и Борис Моняковы. Примечательна судьба студента химического отделения Томского технологического института Бориса Перетца. Его отец, томский купец 2-й гильдии, владелец белошвейной мастерской Н.Б. Перетц, не раз участвовал в промышленных выставках в России и за рубежом, в 1893 г. был удостоен медали и почетного ди-

плома Всемирной выставки, устроенной в Чикаго в ознаменование 400-летия открытия Америки Колумбом [30. С. 205–206]. Однако, став студентом, Борис Перетц принимал участие в революционном движении и, уличенный в «преступной агитации», был выслан в 1911 г. в Пермскую губернию, но затем получил разрешение выехать за границу. Проживая в Бельгии, он перешел из иудаизма в протестантскую церковь и в январе 1913 г. обвенчался с дочерью первого директора технологического института Е.Л. Зубашева – Лидией. В 1913 г., по случаю 300-летия Дома Романовых,

был освобожден от административного взыскания и вернулся в Россию, учился в Петроградском политехническом институте [35. Л. 2–13].

Итак, приведенные данные позволяют говорить, что деловые, научно-образовательные, а подчас и семейно-родственные связи Томского технологического института с купечеством и предпринимателями способствовали реализации его миссии – содействовать развитию промышленности и других отраслей сибирской экономики, поднимать образовательный уровень сибиряков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залесов В.Г. Технологический институт в Томске // Сибирский вестник (Томск). 1896. № 146 (7 июля).
2. Зубашев Е.Л. Томский технологический институт // Город Томск. Томск : Изд-во Сибир. тов-ва печат. дела, 1912. Отдел 2. С. 9–15.
3. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 127. Оп. 2. Д. 692.
4. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 1509.
5. ГАТО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 60.
6. Местная хроника // Сибирский вестник (Томск). 1896. № 264 (6 дек.).
7. Местная хроника // Сибирский вестник (Томск). 1897. № 102 (13 мая).
8. ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 34.
9. Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1928. Вып. 2: Промышленность. 542 с.
10. Ознаменование юбилея «Сибирской жизни» // Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 144 (14 ноя.).
11. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3734.
12. Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX – начало XX века). Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2004. 170 с.
13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 231.
14. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917. 544 с.
15. Томский политехнический университет. 1896–1996: исторический очерк / под ред. А.В. Гагарина. Томск, 1996. 448 с.
16. Список студентов и посторонних слушателей Томского технологического института императора Николая II на 1905/06 учебный год. Томск, 1906. 164 с.
17. Список студентов и посторонних слушателей Томского технологического института императора Николая II. 1908/09 учебный год. Томск, 1908. 284 с.
18. Список студентов и посторонних слушателей Томского технологического института императора Николая II. 1914/15 учебный год. Томск, 1914. 256 с.
19. Романова Т.А., Бакит Ф.Б. Первый выпуск горных инженеров Сибири // Известия Томского политехнического университета. Томск, 2009. Т. 315, № 1. С. 96–101.
20. ГАТО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 717.
21. ГАТО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 849.
22. Лозинский Ю.М. Старейший технический факультет Сибири: история создания и развития. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. 428 с.
23. ГАТО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 891.
24. Бакит Ф.Б., Орехова Н.А. Евреи. Сибирь. Золото // Сибирская старина: краеведческий альманах. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. № 21. С. 11–15.
25. К выборам в губернское народное собрание // Сибирская жизнь. Томск, 1917. № 90. 29 апр.
26. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 1–5 [446 с.].
27. Томская жизнь // Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 8 (19 янв.).
28. Томская жизнь // Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 129 (26 июня).
29. Томская жизнь // Сибирская жизнь (Томск). 1918. № 101 (3 сент.).
30. Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.) / науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 336 с.
31. Дмитриенко Н.М. Вытновы // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.) : энциклопедия : в 2 т. М. : РОССПЭН, 2008. Т. 1. С. 475–476.
32. Томская жизнь // Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 247 (20 ноя.).
33. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4572.
34. Боль людская: книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов / ред. В.Н. Уйманов. Томск, 1992. Т. 3. 465 с.
35. ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1901.

Dmitrienko Nadezhda M. E-mail: vassa.mv@mail.ru; Grigoryeva Svetlana Ye. E-mail: svetikiss07@mail.ru. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

TOMSK TECHNOLOGICAL INSTITUTE AND MERCHANTS: THE EXPERIENCE OF BUSINESS PARTNERSHIP (1890–1910).

Keywords: Tomsk Technological Institute; the merchants; business partnership; students from the merchants.

Study of relations of Tomsk Technological Institute and Tomsk merchants-entrepreneurs both corporate customers and consumers of scientific and technical and educational services helps to deepen an understanding of history, to strengthen an entrepreneurial capacity of the higher school. Thus it determines the topic of this work. The main aim of the study is to reveal the role of Tomsk Technological Institute as a creator of business environment and improver of the educational and qualification level of Tomsk merchants. In order to achieve the aim of the study the scientific methods are using, and first of all – a historical-anthropological approach. It makes possible to uncover the human constituent in past events, to reconstruct a particular historical situation. The use of latest historical sources provided an opportunity to show partnerships of Tomsk Technological Institute and Tomsk merchants-entrepreneurs. Tomsk merchants, in particular A.P. Karnakov, P.I. Bogomolov, I.M. Nekrasov, took an active part in the preparations for the opening of the Institute. The professors of the Institute E.L. Zubashev, N.V. Gutovskiy, S.V. Lebedev and others entered into business partnership with merchants-

entrepreneurs in order to intensify Tomsk industry. During 1900–1910 more than a quarter of all students of the Institute were descended from the merchants. Sons of upper merchants-entrepreneurs Vasiliy Vytnov, Alexander Distler, Alexander Usachev, Peter Eldeshtein etc. were among the students of Tomsk Technological Institute. Later they played an important role in the development of Tomsk and Siberia. For instance, Alexander Distler, who became a mining engineer, continued the family business as owner of a gold-mine. He was a member of the Party of Socialist Revolutionaries, and played a prominent role in the events of the Revolution of 1917 in Tomsk. In April 1917 he was elected to the local board of Tomsk – Narodnoye Sobranie. In 1918 he became a member of the Siberian Duma, and in January 1919 – the Deputy Chairman of the Tomsk City Council – Gorodskaya Duma. At the same time, in January 1919, A.G. Distler participated in the Congress of the Institute for the Study of Siberia in Tomsk, worked in the section of geology and mining. Unfortunately, he was subjected to repression as “an enemy of the people”. Distler’s school-mate Vasily Vytnov also continued the business of his father and grandfather, Tomsk alcohol manufacturers. He played an important role in the social life of Tomsk. In September 1918, V.P. Vytnov received an offer to serve as a Deputy Minister of Supply of the Provisional Siberian Government. However, the appointment did not take place because the Siberian Government was soon abolished.

REFERENCES

1. *Sibirskiy vestnik*. (1896) Zakladka tekhnologicheskogo instituta v Tomske [The foundation of Technological Institute in Tomsk]. 7 th July (146).
2. Zubashev, E.L. (1912) *Tomskiy tekhnologicheskii institut* [Tomsk Technological Institute]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Siberian Association of Printing. pp. 9-15.
3. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 127. List 2. File 692. (In Russian).
4. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 2. File 1509. (In Russian).
5. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 48. List 1. File 60. (In Russian).
6. *Sibirskiy vestnik*. (1896) Mestnaya khronika [Local Chronicle]. 6th December (264).
7. *Sibirskiy vestnik*. (1897) Mestnaya khronika [Local Chronicle]. 13th May (102).
8. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 196. List 4. File 34. (In Russian).
9. Anon. (1928) *Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po Sibirskomu krayu* [The collection of statistical and economic documents on Siberia]. Novosibirsk. Issue 2.
10. *Sibirskaya zhizn'*. (1919) Oznamenovanie yubileya “Sibirskoy zhizni” [Commemoration of the anniversary of the “Siberian Life” newspaper]. 14th November (144).
11. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 2. File 3734. (In Russian).
12. Zalesov, V.G. (2004) *Arkhitektory Tomska (XIX – nachalo XX veka)* [Tomsk architects (the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
13. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 23. File 231. (In Russian).
14. Anon. (1917) *Kratkiy istoricheskiy ocherk Tomskogo universiteta za pervye 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913 gg.)* [A brief historical sketch of Tomsk University for the first 25 years (1888 – 1913)]. Tomsk: Siberian Association of Printing.
15. Gagarin, A.V. (ed.) (1996) *Tomskiy politekhnicheskii universitet. 1896–1996: istoricheskiy ocherk* [Tomsk Polytechnic University. 1896–1996: a historical essay]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
16. List of students and foreign students of Tomsk Technological Institute of Emperor Nicholas II in the 1905/06 academic year. (1906) Tomsk. (In Russian).
17. List of students and foreign students of Tomsk Technological Institute of Emperor Nicholas II. 1908/09 academic year. (1908) Tomsk. (In Russian).
18. List of students and foreign students of Tomsk Technological Institute of Emperor Nicholas II. 1914-15 academic year. (1914) Tomsk. (In Russian).
19. Romanova, T.A. & Baksht, F.B. (2009) Pervyy vypusk gornykh inzhenerov Sibiri [The first class of mining engineers in Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 315 (1). pp. 96-101.
20. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 3. File 717. (In Russian).
21. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 3. File 849. (In Russian).
22. Lozinskiy, Yu.M. (2000) *Stareyshiy tekhnicheskii fakul'tet Sibiri: istoriya sozdaniya i razvitiya* [The oldest technical faculty of Siberia: history of creation and development]. Tomsk: NTL.
23. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 233. List 3. File 891. (In Russian).
24. Baksht, F.B. & Orekhova, N.A. (2003) Evrei. Sibir'. Zoloto [Jews. Siberia. Gold]. *Sibirskaya starina*. 21. pp. 11-15.
25. *Sibirskaya zhizn'*. (1917) K vyboram v gubernskoe narodnoe sobranie [The election to the provincial People's Assembly]. Tomsk. 29th April.
26. *Trudy s'ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proc. of the Congress on the organization of the Institute for the Study of Siberia]. (1919) Tomsk. Parts 1–5.
27. *Sibirskaya zhizn'*. (1919) Tomskaya zhizn' [Tomsk life]. Tomsk. 19th January.
28. *Sibirskaya zhizn'*. (1919) Tomskaya zhizn' [Tomsk life]. Tomsk. 26th June.
29. *Sibirskaya zhizn'*. (1918) Tomskaya zhizn' [Tomsk life]. Tomsk. 3rd September.
30. Dmitrienko, N.M. (2014) *Tomskie kuptsy: biograficheskiy slovar' (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Tomsk merchants: A Biographical Dictionary (the second half of the 18th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Dmitrienko, N.M. (2008) *Vytnovy* [The Vytnovs]. In: Aksyonov, A.I. (ed.) *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (s drevneyshikh vremen do 1917 g.): entsiklopediya: v 2 t.* [Russian economic history (from Ancient times to 1917): An Encyclopedia: in 2 vols.]. Moscow: ROSSPEN. Vol. 1. pp. 475-476.
32. *Sibirskaya zhizn'*. (1919) Tomskaya zhizn' [Tomsk life]. Tomsk. 20th November.
33. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 2. File 4572. (In Russian).
34. Uymanov, V.N. (1992) *Bol' lyudskaya: kniga pamyati tomichey, repressirovannykh v 30–40-e i nachale 50-kh godov* [Human Pain: A Memory Book of Tomsk people repressed in 1930-1940-ies and in the early 1950-ies]. Tomsk. Vol. 3.
35. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 13. File 1901. (In Russian).

УДК 94 (571.1) «1861–1905»
DOI 10.17223/19988613/35/4

М.К. Чуркин

МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВЛАСТНОМ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Проблема формирования миграционного поведения российского крестьянства, как важного этапа включения в переселенческий процесс, в продолжении длительного временного отрезка осваивалась в системе координат позитивистской методологии. В результате мотив «бродяжничества», в определении причин миграционной мобильности земледельческого населения, взятый на вооружение в историографии, сочетался с традицией оценки миграционного поведения крестьянства в связи с малоземельем и обнищанием крестьянских дворов. Обращение к новому научно-исследовательскому методу деконструкции дискурсов даёт возможность обнаружить более широкий спектр участников дискурса и, как следствие, позиций, позволяющих обнаружить системность генезиса миграционных настроений в крестьянском сообществе без абсолютизации роли хозяйственно-экономических факторов.

Ключевые слова: миграционное поведение; властный дискурс; общественно-политический дискурс.

В отечественной историографии крестьянские переселения на восточные окраины империи оценивались в тесной связи с осмыслением природы внутреннего колонизационного процесса. Во многом поэтому проблема формирования миграционного поведения крестьянства, а также вариантов и способов реализации миграционной мобильности лиц сельского состояния в переселенческом процессе являлась предметом обстоятельного анализа представителями центральной и региональной властей, находила отклик в работах экономистов, историков, этнографов, географов, причём как современников и непосредственных участников переселенческого дела, так и последующих поколений исследователей.

Вместе с тем невозможно игнорировать очевидный факт, что осмысление переселенческого процесса, как наиболее существенного сегмента российской колонизации, а также его различных аспектов, значительную часть времени (по сути, от пореформенной эпохи до 90-х гг. XX в.) развивалось в рамках позитивистской методологической модели, сообразно с которой во главу угла была поставлена идея установления фактов, обнаружения типологически сходных явлений в истории и разработки законов, поверяемых исторической практикой. Бесспорным является то, что «блеск» российской позитивистской исторической школы определялся сочетанием социально-экономического подхода с активно проявляемым интересом к проблемам политического устройства, факторам становления гражданского общества и правового государства, развития монархии и конституционализма. В центре внимания историков-позитивистов постоянно присутствовало осознание аграрной истории как сложно структурированного социального процесса, что инициировало обращение к реальным судьбам простых людей, в частности крестьянства.

С другой стороны, уязвимость позитивистского подхода к истории, в том числе аграрной, в отечественной историографии заключалась в органической

зависимости исследователя от «государственного взора» на исторические события и явления. В данном отношении именно проблема переселенческого движения на восточные окраины империи, будучи политически экстраординарной, оказалась в большей степени вовлечена в поле зрения государственных структур и, в значительной мере, «отягощена» преобладанием экономических подходов и оценок содержательных аспектов миграций в пореформенной России.

Действительно, в оценке причин миграционной активности и оснований миграционного поведения крестьянства представители позитивистской линии в изучении вопроса уверенно называли факторы экономического порядка. При этом совершенно игнорировался факт участия в переселениях не только бедноты, но и состоятельных крестьян, сыгравших решающую роль в аграрной колонизации Сибири. Сбрасывался со счетов и так называемый психологический аспект миграционного процесса: роль коллективных представлений в традиционном обществе, во многом обуславливавших принятие крестьянством рискованных решений. Объективно переселенческая тема в отечественной историографии, с момента её рождения во второй половине XIX в. и до настоящих времён, осваивалась как следствие государственного заказа. Так, в дореволюционной историографии проблема аграрных миграций обсуждалась преимущественно на публицистическом уровне и рассматривалась в качестве важнейшего элемента текущей государственной политики. Ключевая интонация переселенческого дискурса первоначально сформировалась в обстоятельствах нерегулируемых, спонтанных переселений 1860–1870-х гг., когда государство не рассматривало задачу земледельческой колонизации Зауралья в качестве первоочередной, имея реальные представления о возможных финансовых инвестициях на нужды переселенческого дела, а также надеясь на достаточность внутренних ресурсов для урегулирования аграрных вопросов в территориальных границах Европейской России. В этой ситуации от-

дельные эпизоды эскалации миграционных настроений в крестьянской среде, связанные, главным образом, с реакцией сельского населения на половинчатость и незаконченность реформы 1861 г., были ошибочно оценены публицистами как «общая склонность русского народа к передвижениям» (об этом подробный разговор пойдёт ниже). В итоге данное ощущение было отражено в законодательных инициативах 1880-х гг., что предопределило хаотичность правительственных решений в сфере организации переселенческого дела. В дальнейшем переселенческая проблематика оказалась окончательно включенной в систему координат законодательной деятельности и официального делопроизводства, что определялось злободневностью аграрного вопроса в России, а общественные силы империи в оценках миграционного поведения крестьянства и переселенческой активности сельского населения принимали иницируемые государством «правила игры», ориентируя учёных и публицистов на формулирование рецептов решения текущей аграрной проблемы безотносительно глубинной рефлексии их содержания и структурных элементов. Процесс эскалации переселенческого движения, достигший своего пика к концу XIX – началу XX в., действительно ставил дореволюционных исследователей в весьма щекотливую ситуацию. Масштабы переселений и общая экстраординарная канва колонизации восточных окраин обязывали специалистов в переселенческом вопросе не только и не столько параметрально анализировать данное явление, сколько высказывать оперативные рекомендации по его реализации с учетом текущей политической, экономической ситуации и общественных настроений. Параллельно формировавшаяся в дореволюционной историографии вопроса линия, ориентированная на учет сложной композиции факторов, определявших содержание переселенческого движения (социально-психологических и природно-географических) и озвученная в работах И.А. Гурвича [1] и А.А. Исаева [2], не получила широкого научного резонанса в силу ярко выраженного диссонанса их воззрений с традиционной оценочной моделью, что выходило за рамки устоявшихся, окрашенных в тона политической ангажированности представлений о народных миграциях.

В советской и ранней постсоветской историографии обращение к переселенческой проблематике предполагало существование жёстких схем, смыслообразующими элементами которых являлись сугубо хозяйственно-экономические приоритеты причинности крестьянских миграций и критические оценки государственной переселенческой политики, потерпевшей, в конечном счёте, крах.

Ещё одним тяжёлым недугом отечественной историографии миграционного процесса пореформенной эпохи, проявившимся в контекстных параметрах позитивистского подхода, можно назвать общую дискретность объекта научной рефлексии. Переселенческая

тема оказалась прочно «пристёгнута» к обстоятельствам водворения и обустройства в Сибири; взаимозависимость и связь таких структур, как регион-донор и регион-реципиент, образующих единое колонизационное пространство, игнорировалась. На первый план при определении условий и причин формирования миграционных посылов в крестьянской среде выдвигались такие мотивы, как относительное малоземелье, дефицит угодий, финансовая несостоятельность главного субъекта колонизации – крестьянства.

Подобный подход начал формироваться еще в дореволюционный период, а в историографии советского времени приобрёл отчётливые догматические контуры. Исповедуемые принципы в изучении переселенческой проблематики предполагали и адекватный подбор источников, призванных, главным образом, иллюстрировать приоритет экономических побуждений в принятии крестьянами решений о переселении. Данная тенденция, определившая и внедрившаяся со временем в научную практику, на длительный период «избавила» историка от необходимости поиска новых тем и неожиданных «поворотов» в исследовании, обнаружении социально-психологических, природно-географических, политико-правовых, медико-демографических аспектов переселенческого процесса. Вне поля зрения историков, таким образом, оставался мощный пласт делопроизводственных материалов, которые содержали, например, серии крестьянских прошений о переселении, не вписывавшихся по своему содержанию в господствующую концепцию, сообразно с которой позиционировались причины миграционной активности населения. Фрагментарно прочитывались законодательные источники, а отсутствие у исследователей интереса к циркулярной практике правительственных учреждений позволяло специалистам делать скоропалительные выводы об отсутствии переселенческой политики вовсе. В конечном счёте эксплуатация однообразного круга источников и «узкое поле» их прочтения и интерпретации привели, глобально, – к иллюзорному ощущению исчерпанности темы, локально – к смешению таких различных понятий, как «миграция» и «переселения».

По нашему глубокому убеждению, именно обращение к содержанию властного и общественно-политического дискурсов второй половины XIX – начала XX в. предоставляет исследователю уникальную возможность «выломиться» из «прокрустовой ложи» позитивистских построений оценки переселенческого движения как явления исключительно хозяйственно-экономического порядка, выявить факторы и условия «запуска» механизма переселений как элемента миграционного поведения крестьянства. При этом под миграционным поведением понимается совокупность действий и отношений, детерминирующих переселения индивидов и социальных групп, либо отказ от них [3. С. 265].

Общественно-политический дискурс пореформенной эпохи относительно переселенческой проблематики

характеризовался включённостью в него широкого круга акторов, к числу которых относились представители центральных и региональных органов власти, крестьянские чиновники и чиновники Переселенческого управления, учёные, публицисты, лица крестьянского сословия. Соответственно, оценки причин, хода, результатов и перспектив переселенческого дела в России находили отражение в материалах официального делопроизводства (рапортах, отчётах, донесениях, чиновной переписке, крестьянских прошениях, ходатайствах и жалобах), законодательстве и циркулярной практике, отечественной прессе (корреспонденциях, тематических очерках, заметках), научных монографиях.

В указанный период резко возросшая миграционная активность крестьянства России, в особенности черноземной ее части, именно с подачи публицистов часто трактовалась как «инстинкт бродяжничества». В.Н. Григорьев писал, что иногда сами крестьяне, кроме малоземелья, как основной причины переселения, указывали на свойственное русскому крестьянину «непоседство» [4. С. 40–41]. Н. Серповский со ссылкой на сведения о переселениях из Пензенской губернии с 1865 г. отмечал свойственный выходцам из этой губернии «переселенческий зуд» [5. С. 79]. Н.В. Шелгунов на страницах издания «Азиатский вестник» пафосно констатировал, что «колонизация наша вызывалась не теснотой и не религиозными или политическими причинами, а больше авантюризмом и удачью, которыми отличались подвиги Дежнёва и Ермака» [6. Кн. 1. С. 29].

Частные эпизоды переселенческого движения в пореформенный период, выражавшиеся в бессмысленных, на первый взгляд, миграционных акциях, так же, как будто бы, подтверждают склонность крестьянства к немотивированному передвижению, бродяжничеству. Воронежский губернатор в ответах на анкету МВД о причинах переселений отмечал «какое-то общее стремление к передвижению» среди крестьян вверенной ему губернии [7. Л. 1–2]. Крестьяне Мценского уезда Орловской губернии летом 1862 г. без объяснения причин решили переселяться в Тобольскую губернию на вольные степи, несмотря на то что получили в надел всю барскую землю без остатка в пользу владельца. Тем не менее они от неё отказались, лишь бы пустили их на вольные земли. Слух об их переселении облетел округу, и все крестьяне решили уходить на вольную степь, не зная, разумеется, что это такое [8. С. 158]. По донесению местных крестьянских начальников в воронежскую губернскую земскую управу в различных уездах «наблюдаются такие факты, как сборы нескольких десятков семейств для переселений на новые места», а в отчётах о переселенческом движении прямо говорится о «бродяжнических» настроениях воронежских крестьян [9. Л. 2]. В рапорте орловского губернатора в МВД за 1874 г. сообщалось об особой «наклонности крестьян Трубчевского уезда к переселениям» [10. Л. 12].

В известной степени, заданная публицистикой и фрагментарно подкреплённая отдельными свидетельствами конвенция «бродяжничества», как основополагающего признака миграционного поведения крестьянства, была взята на вооружение правительственными структурами в 1870–1880-х гг., получив отражение во властном дискурсе. Наиболее предметно властный дискурс оказался запечатлён в законодательных инициативах и, главным образом, модели их реализации в регионах наибольшей миграционной активности населения. Так, отсутствие прямых запретов на переселения, зафиксированные Положением 19 февраля 1861 г., оговаривалось условием ликвидации потенциальными переселенцами всех недоимок. Неисполнение данного условия, носившее практически повсеместный характер, по сути «вскрывало» позиции центральной власти в отношении крестьянских миграций. Роль «суфлёра» властного дискурса, как правило, исполняли чиновники на местах. Например, в 1872 г. Воронежская казённая палата отказала Томской казённой палате в вопросе об исключении 146 душ крестьян Острогужского уезда ввиду неуплаты денежных недоимок по месту жительства [11. Л. 1]. Губернские по крестьянским делам присутствия, ссылаясь на правительственные директивы, пачками отклоняли крестьянские прошения о переселении в другие губернии с универсальной мотивировкой «Общество согласно уволить крестьянина (имярек) только при условии внесения недоимок» [Там же. Л. 2].

Преобладание во властном дискурсе опасений, связанных с подвижностью сельского населения, наглядно проявилось в секретном характере Временных правил о переселении крестьян в Сибирь 1881 г., основной смысл которых был зашифрован в следующем высказывании: «Предоставление освобождённому крестьянству широкой возможности переселения в Сибирь разовьёт среди них вредную подвижность и бродяжничество, с одной стороны, и предъявление «непомерных требований относительно пособий и ссуд» – с другой... Правительство признаёт это движение, допускает его при известных условиях, но не вызывает крестьян на переселение и, оказывая переселенцам лишь некоторое содействие, в то же время предоставляет им действовать на собственный их страх и риск» [12. Л. 29].

Тем не менее в общественно-политическом дискурсе исследуемого временного промежутка происходят постепенное переформатирование «гештальта», смена тональности, обусловленные рельефным проявлением аграрно-экологического кризиса в крестьянском землепользовании, серьёзно повлиявшим на качество жизни сельского населения. Включившиеся в дискурс представители агрономической науки, сопредельных ей сфер, а также деятели земств настойчиво фиксировали ухудшение условий земледелия в чёрноземных губерниях России. Агроном А. Советов, посетив летом 1876 г. губернии Центрально-Чернозёмной полосы

России, в своём отчёте писал: «Теперь здесь самая интенсивная в известном смысле культура, т.е. нет ни клочка нераспаханного. Всюду и везде поля с всевозможными красными и серыми хлебами» [13. С. 30]. Уполномоченный по сельскохозяйственной части Курской губернии А.И. Шахназаров сообщал, что «ещё 30 лет тому назад (в 70-е гг. XIX в.) Курская губерния превратилась в одно сплошное поле. Всё, что возможно было распахать, – распахано, леса сведены, уничтожены выгоны. Средняя цифра распаханных земель в губернии составляла в 1886 г. 79% всего количества земли. Остатки лесов сохранились только в крупных имениях: в мелких и крестьянских владениях леса почти уничтожены» (цит. по: [14. С. 26]). Земский статистик Ф.А. Щербина в отношении Острогожского уезда Воронежской губернии констатировал: «Урожаи за последние годы понизились, степей и лугов стало меньше, леса подвергаются истреблениям под влиянием непомерных запасов, погода изменилась к худшему: ветры стали дуть чаще и порывистее, дожди выпадают внезапно, участились сухие туманы, реки обмелели и засорились» [15. С. 4]. В одном из докладов орловской губернской земской управы указывалось: «Нельзя не обратить внимания на значительные изменения в последнее время климата средней чернозёмной полосы. Постоянные ветры, иссушающие почву, скудность дождя, суровая зима, резкие переходы от морозов к жарам вредно влияют на земледелие» [16. Л. 23 об.].

Симптоматично, что в многочисленных прошениях по разным поводам крестьян черноземных губерний, приходящихся на 1880-е гг., растиражированный исследователями мотив малоземелья встречается значительно реже сетований на критическое накопление недоимок, вызванных неурожами и общими неблагоприятными природными условиями, что, по мнению сельских обывателей, и привело к снижению качества жизни. В документах, исходящих из крестьянской среды, повсеместными становились следующие лингвистические конструкции: «...по случаю неурожая хлебов... падежа скота и градобитий, накопилось недоимок 15 000 рублей серебром...» [17. Л. 1–2]; «...неурожаи разорили нас...» [Там же. Л. 102]; «...озимые посевы полностью, яровые частично истреблены градом в 1880–1881 гг. ...» [18. Л. 26] и т.д.

В Тамбовской губернии практически все крестьянские прошения о переселении в Сибирь содержали жалобы крестьян на отсутствие выгонов и пастбищ, недостаток кормов для крупного скота [19. Л. 1–11 об.]. В ответ на запрос МВД о причинах «переселенческой лихорадки» в Воронежской губернии в 1880–1882 гг. местный губернатор, в первую очередь, сетовал на недоброкачественность сельскохозяйственных угодий, дефицит выгонов и пастбищных мест, завершая свой отчёт указанием на недостаток наделов, отметив при этом, что в некоторых уездах (Землянский, Богучарский) переселения бывших государ-

ственных крестьян вообще не вызвано экономическими соображениями [20. Л. 1–15].

Необходимо отметить, что для властного спектра дискурса 1880-х гг., отражённого в законодательной и равноуровневой делопроизводственной риторике, присуща идея выработки паллиативных мер, направленных на поддержание оседлости крестьянства. Декларируя для землепашцев, добившихся получения проходных свидетельств, широкий круг прав, циркуляры МВД рекомендовали местным властям сдерживать потенциальных мигрантов разумными советами и предостережениями о дороговизне пути и трудностях обустройства. Со своей стороны, уездные земские управы в переписке с губернаторами регулярно отчитывались о масштабах и результатах промысловой деятельности, а также направлениях промыслового отхода [21. Л. 4]. Обозначенный правительственный курс, верный выработанному направлению борьбы с «бродяжничеством» и нежелательной подвижностью крестьянства, получил поддержку и в части общества. В публицистическом и научном дискурсе 1880-х – начала 1890-х гг. заметное место принадлежит рассуждениям об оседлости крестьянства, не свойственной для данной категории населения тяге к перемене мест. Так, Б. Ленский писал, что «в наших переселениях выражаются не кочевые инстинкты, а наоборот, искание прочной земледельческой оседлости... Привыкшие к земледелию крестьяне, в условиях расстройств сельского хозяйства, постепенно забрасывали хозяйство на родине и, имея твёрдое пристрастие к земледельческому труду, рано или поздно принимали решение о переселении» [22. С. 42]. В. Португалов, констатируя консервативность сознания крестьян и их приверженность традиции, отмечал: «Если русскому человеку вздумается прогуляться по родной стране, то он начинает скучать на третьей же версте, и только и мечтает о том, как бы поскорее добраться до своей печки...» [23. С. 318]. По определению А.А. Исаева, «сельчане всю жизнь имеют одно занятие, которым и привязаны к одному месту, к своей малой родине. Крестьянин особенно цепко держится своих привычек и покидает родину только тогда, когда жить становится уже совсем не под силу» [2. С. 156].

Следует признать, что опыт промысловой деятельности крестьянства, как вариант своеобразного «прикрепления» крестьян к месту обитания посредством «маятниковой миграции», и, как следствие, выполнения правительственных установок, рядом исследователей расценивался не только как малоэффективный в экономическом отношении. И. Вернер, подводя итоги статистического исследования Курской губернии в 1887 г., констатировал, что попытки приискания крестьянами промысловых заработков на Кубани и в Ставрополье далеко не для всех завершились успешно. Из Щигровского уезда в текущем году был послан ходок в Тобольск и Томск, в результате чего 53 семьи отправились в Сибирь [24. С. 38]. Резюмируя,

И. Вернер привёл в своей работе известное изречение А. Васильчикова, характеризовавшего отхожий промысел как непрременную прелюдию и первый шаг к выселению [24. С. 2].

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. тема промыслового отхода в губернском делопроизводстве становится доминирующей, причём представители местной администрации особо концентрировали внимание центральных властей на расширявшейся практике земледельческого отхода. Губернаторы чернозёмной полосы, выявляя слой крестьян, уходящих исключительно на земледельческие заработки, пришли к выводу, что таковых по Курской губернии насчитывалось 154 000, по Орловской – 69 000, по Тамбовской – 69 000, по Воронежской – 62 000 человек, а в общей сложности – 354 000 [25. С. 45]. Принимая во внимание, что общее число крестьян, уходивших на земледельческие заработки, по 131 уезду Центрально-Чернозёмного региона составляло 1 168 000 человек и практически вдвое превышало промысловый исход из Малороссии и Поволжья, на долю четырёх губерний центра приходилось более трети всех крестьян, задействованных в промысловой сфере [26. С. 25].

Таким образом, рассуждения А. Васильчикова оказались не пустой фразой. При этом в документах официального характера, в публицистике и научной литературе повсеместно утверждалось, что неизбежным следствием расширявшейся практики земледельческого отхода в исследуемых губерниях явилось стабильное накопление миграционного опыта (по сути – оформление миграционных биографий) крестьянством и психологическая готовность к переселениям как варианту сохранения сословной идентичности. Долговременные традиции земледельческого отхода в чернозёмной полосе Европейской России формировали в сознании крестьянства устойчивые жизненные ориентации, в соответствии с которыми приверженность основному роду занятий (земледелию) оценивалась выше, чем территориальные привязанности.

Заметное место во властном и общественно-политическом дискурсе 1880-х гг. – 1890-х гг., в связи с проблемой установления причин и факторов формирования миграционного поведения крестьянства и актуализации миграционных настроений, занимал вопрос о степени фатальности крестьянского малоземелья и попытках обнаружения более сложных, глубинных причин неблагополучия в сфере крестьянского землепользования. Действительно, оперируя материалами крестьянских прошений о переселении, составленных в 1890-х гг., исследователь неизбежно попадает под «очарование» крестьянской риторики, особенно в той ее части, где проблема малоземелья позиционируется как абсолютно приоритетная: «...здесь, в нашей местности, по малоземелью... жить стало тесно...» [19. Л. 10]; «...по малоземелью... жить стало крайне невыносимо...» [Там же. Л. 7]; «...земельный надел самый ничтожный, едва превышающий 10 десятин на ду-

шу...» [Там же. Л. 29]. Вместе с тем анализ крестьянских прошений наглядно демонстрирует их шаблонный характер, что объяснялось, прежде всего, позицией волостного писаря – человека образованного, в рассматриваемый период входившего в «бюрократические коридоры» и, соответственно, прекрасно знавшего, какие именно темы необходимо «педалировать» в крестьянских текстах. Кроме того, из пяти рассмотренных нами типичных прошений о переселении крестьян Тамбовской губернии Борисоглебского уезда одно оказалось написано либо самим просителем, либо другим писарем. В нём проситель, традиционно указывая на малоземелье, явно «проговаривается»: «...хотя и имеется в настоящее время на ревизскую душу 2,5 десятины...» [Там же. Л. 26].

По справедливому замечанию Э.М. Вернера, призывавшего историков к осторожности в работе с крестьянскими текстами, многие из крестьянских требований следует рассматривать как постоянно изменяющиеся объекты со многими потенциальными значениями [27. С. 203]. И далее: «Возможно, наиболее изменчивым объектом была земля. Требование земли, хотя и является всеобщим признанным, затемняло более важные вопросы и связанные с ними проблемы. Земля служила своего рода символом и паролем для целого комплекса скрытых от невооружённого взгляда и потому оставшихся незамеченными интересов. Значение такого дискурсивного объекта возникло из контекста... и зависело от соответствующих выигрышных позиций производителей-авторов и потребителей-читателей...» [Там же. С. 203–204].

Что же касается вопроса об абсолютном и относительном малоземелье, то «полемический пожар» в этой теоретической области был умело потушен А.А. Кауфманом, полагавшим, что крестьянские надежды действительно недостаточны, но только в масштабах господствующей в России системы хозяйства и уровня агротехники. По утверждению А.А. Кауфмана и его единомышленников, «крестьянские земли потеряли часть своей ценности от вековой дурной обработки и недостаточно удобрены; постепенно, введением улучшенной системы хозяйствования или хотя бы усиленным удобрением, плодородие их могло бы быть восстановлено, но крестьяне для этого средств не имеют» [28. С. 175].

В общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в., во многом благодаря А.А. Кауфману и его сторонникам, проблема хозяйственной инертности крестьянства, его невосприимчивости к новым агрикультурным технологиям и инновациям, получила отклик в широких слоях образованного общества, включённого в систему аграрного производства. В результате миграционная составляющая аграрного процесса с течением времени эмансипировалась от общепринятых стереотипизированных установок, в соответствии с которыми переселения соотносились исключительно с «бродяжническими инстинк-

тами» русского народа. В статьях, заметках, публицистических очерках, посвящённых проблемам аграрной реконструкции сельского хозяйства, наметилась конструктивная тенденция, которой был присущ поиск причин несостоятельности земледельческих хозяйств в сфере крестьянского традиционализма, соответственно происходило постепенное смещение дискурсивного поля в направлении социально-психологического контекста исследуемого вопроса.

Реакция представителей общества на несостоятельность организации традиционалистского крестьянского хозяйства восходит к эпохе Великих реформ, став впоследствии устойчивым дискурсивным элементом. Так, ещё А.А. Фет, организовавший накануне отмены крепостного права в Мценском уезде Орловской губернии капиталистическое хозяйство, писал, что «...новые машины не очень нравятся нашему крестьянину... Небогатый землевладелец Г. поставил молотилку и нанял молотников. Машина так весело и исправно молотила, что Г. приходил ежедневно сам на молотьбу. Через три дня рабочие стали требовать расчёта. Г. стал добиваться причины неудовольствия. Наконец, один из рабочих проговорился: “Да что, батюшка, невмоготу жить. Сами ходите под машину: ишь она, пусто ей будь, хоть бы запнулась”...» [8. С. 150].

Появление в пореформенный период земской агрономической службы так же не смогло поднять уровень крестьянской агрокультуры и изменить экономические стереотипы поведения. На первых порах агрономы часто сталкивались с непониманием важности своей работы, даже с откровенным недоброжелательством. В одном из отчётов сообщалось: «Крестьяне ропщут на непроизводительную трату их денег (на содержание агрономов, пчеловодов и т.д.), лекций их почти не посещают и над советами смеются» [14. С. 58]. В связи с этим обстоятельством многие перспективные инновации в сельском хозяйстве не получали дальнейшего распространения, не приносили ожидаемой отдачи. Например, фактически провалилась идея организации показательных хозяйств. После непродолжительных наблюдений агрономы в Тамбовской губернии пришли к выводу, что «роль показательных хозяйств сводится к показательному полю на них... Владелец хутора, связанный условием, смотрит на введение всевозможных улучшений в своём хозяйстве, на советы агронома, как на обузу, с которой он ещё мирится до получения всех субсидий от казны, а затем, в большинстве случаев, начинает игнорировать указания агронома» [Там же. С. 58–59]. К числу главных недостатков сельскохозяйственного опытного дела исследователи причисляли «его полную случайность» [29. С. 439].

В работе «Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами» экономист П. Лохтин иронизировал: «Представить себе русского крестьянина, собирающего золу или кости для удобрения полей, так же трудно, как быка, танцующего поль-

ку. Одна из причин неиспользования удобрений – неудобное расположение земельных наделов» [30. С. 138]. Экономист Ф. Бар, рассуждая о необходимости коренных преобразований в сельском хозяйстве, фиксировал техническую и психологическую неподготовленность сельского населения к различного рода нововведениям: «Понятие о лучших приёмах обработки почвы, правильных севооборотах, плодосменах и т.п. доступно всякому крестьянину в более развитых странах и прибалтийских губерниях... Наши же крестьяне знают о лучших приёмах обработки почвы, о питательных средствах для растений... едва ли больше, чем ребёнок. Как батька жил, сеял и пахал, – так и сын, и внук» [31. С. 185].

Оживлённость общественно-политического дискурса в указанной области способствовала включению в его канву и представителей власти. В процессе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. была предпринята попытка обсудить и дать ответ на вопрос о причинах кризиса крестьянского хозяйства и путях его преодоления. В выступлениях М.М. Фёдорова, Р.Э. Ленца, А.Н. Куломзина содержались соображения о потребности «планомерного и сознательного приспособления сельского хозяйства к изменившимся условиям мирового рынка посредством качественного переустройства сложившейся в аграрном секторе системы: введением новых агрокультур, поднятием техники сельского хозяйства, рациональной организацией сбыта» [32. Л. 242].

Смещение акцента дискурса в сторону осмысления логики крестьянского поведения, реализуемой посредством организации хозяйственной деятельности, предопределило принципиальную «перезагрузку» во взглядах власти и общества на миграционное поведение земледельцев и переселенческий процесс. На рубеже XIX–XX вв. в центре обсуждения аграрной ситуации в стране всё чаще оказываются вопросы, связанные с ростом миграционных настроений в крестьянской среде. При этом мотив «бродяжничества» перестаёт быть доминирующим. Переселения государством и обществом воспринимаются, в большей степени, как объективная данность российской действительности, что находило выражение не столько в бесплодных спорах, сколько в практической работе, в частности организации учреждений, ответственных за регулирование переселенческого процесса: на государственном уровне – Комитет сибирской железной дороги (КСЖД), Переселенческое управление МВД, по инициативе и при поддержке социума – региональные общества по распространению в народе грамотности и т.д. Признание в правительственных сферах переселенческого движения де-факто и де-юре, озвученное в стартовый период деятельности КСЖД председателем Кабинета министров Н.Х. Бунге: «...затрудняя переселения, власти его не остановят, а увеличат только бедствия переселенцев» [33. Л. 1–2 об], в целом свиде-

тельствоvalo и об измене шаблонной политики в отношении подвижности крестьянства. Выяснилось, что разумные меры по регуляции переселенческого движения, разъяснительная работа учреждений и ведомств, участие общества в деле по организации переселенческого процесса позволяют увидеть в крестьянской миграционной подвижности не только, казалось бы, очевидную наклонность к бродяжничеству, но и холодный расчёт, и плоды коллегиальных решений. Переселенцы из Курской губернии, объясняя корреспонденту журнала «Вестник Европы» решение оставить родину, говорили: «Мы неспроста сунулись, у стариков поспрашали. А опосля в город наклались; справки наводили...» [34. С. 160]. По замечанию корреспондентов «Северного вестника», «...прежде чем переселиться, крестьяне обыкновенно долго думают и ищут возможности остаться дома. Малейшая надежда на более сносное устройство своих дел удерживает их от далёких и рискованных путешествий» [35. С. 76].

В многочисленных прошениях о переселении потенциальные мигранты, помимо формального обоснования причин, объяснявших стремление ухода на новые места, стремились аргументированно доказать целесообразность и незатратность для властей своего мероприятия. Общества крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии и Грайворонского уезда Курской губернии, ходатайствуя о переселении, не сговариваясь, апеллировали к опыту уже переселившихся односельчан, а также к их письмам о наличии достаточного фонда свободных земель [34. Л. 25; 36. Л. 7].

О том, что миграционная мобильность крестьянства как признак сложившегося миграционного поведения далеко не всегда воплощалась в акт переселения и уж тем более не имела ничего общего с «бродяжничеством», свидетельствуют нередкие факты отказа от переезда в Сибирь. В трёх однотипных крестьянских прошениях, адресованных крестьянами Воронежской губернии в местное по крестьянским делам присутствие, говорилось: «...от желания переселиться в Том-

скую губернию мы в настоящее время отказываемся, так как никаких средств на переселение не имеем и по прибытию в Томскую губернию мы не сможем приобрести необходимое хозяйственное имущество, поэтому желаем остаться на родине» [37. Л. 419; 38. Л. 106].

Таким образом, опыт деконструкции властного и общественно-политического дискурса, развернувшегося во второй половине XIX – начале XX в. вокруг проблемы миграционного поведения крестьянства с вовлечённостью в него широкого круга акторов, представляется нам продуктивным, по крайней мере, по двум основаниям.

Сходства и несовпадения репрезентаций миграционного поведения, как фактора переселенческого движения в оценочных суждениях представителей власти, прессы, публицистики, крестьянских прошениях, в условиях их внесистемного прочтения всегда сужали поле исследовательских возможностей, увлекали специалистов, изучающих переселенческий процесс в направлении эксплуатации типичных, находящихся на поверхности фактов. В конечном итоге возникла устойчивая иллюзия исчерпанности переселенческой проблемы, которая в действительности оказалась лишь тупиковой, с методологической точки зрения, «станцией». Выявление адресатов и адресантов дискурса, обстоятельств и условий создания текстов, диалог и полемичность источников позволяют различить новые грани в осмыслении оснований миграционного поведения самого массового социального слоя в Российской империи.

Наконец, эмоциональный накал дискурса, используемые в нём лингвистические конструкции, прочтение дискурса с обращением к современным достижениям гуманитарной науки, прежде всего социальной психологии, дают уникальную возможность вычленения человека – носителя миграционных установок – из схематического контекста хозяйственно-экономических обоснований его поступков и социального поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь. СПб., 1888.
2. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891.
3. Прибыткова И.М. Миграционное поведение и качество жизни населения в концептуальном и эмпирическом измерениях // Миграция и развитие : матер. междунар. конф. (Пятое Валентеевские чтения). М. : МГУ, 2007.
4. Григорьев В.Н. Переселения крестьян Рязанской губернии // Русская мысль. 1884. № 1.
5. Серповский Н.Г. Переселения в России в древнейшее и новое время. Ярославль, 1885.
6. Шелгунов Н.В. Что такое Азия? СПб., 1872.
7. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 26. Оп. 22. Д. 80.
8. Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М. : НЛО, 2001.
9. ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1877.
10. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 580. Оп. 1. Д. 2290.
11. ГАВО. Ф. 26. Оп. 16. Д. 167.
12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 394.
13. Советов А. Краткий очерк агрономического путешествия по некоторым губерниям чернозёмной полосы России в течение лета 1876 года. СПб., 1876.
14. Иванов А.А. Крестьянское хозяйство Черноземного центра России накануне и в годы Первой мировой войны : дис. ...канд. ист. наук. М., 1998.
15. Щербина Ф.А. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887.
16. ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 51.
17. ГАВО. Ф. 26. Оп. 28. Д. 55.
18. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2572.

19. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 3. Оп. 44. Д. 290.
20. ГАВО. Ф. 26. Оп. 22. Д. 80.
21. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3083.
22. Ленский Б. Крестьянские переселения // Дело. 1881. № 12.
23. Португалов В. Двести лет спустя // Дело. 1881. № 8.
24. Курская губерния. Итоги статистического исследования / под ред. И. Вернера. Курск, 1887.
25. Шаховской Н.В. Земледельческий отход крестьян. СПб., 1903.
26. Карышев Н.А. Труд, его роль и условия приложения в производстве. СПб., 1897.
27. Вернер Э.М. Почему крестьяне подавали прошения и почему не следует воспринимать их буквально (по материалам Юрьевского уезда Владимирской губернии во время революции 1905 года) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : матер. междунар. конф. М. : РОССПЭН, 1996.
28. Кауфман А.А. Община. Переселения. Статистика. М., 1915.
29. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XIX: Курская губерния.
30. Лохтин П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. СПб., 1901.
31. Бар Ф. Коренное преобразование крестьянского хозяйства и общинного землевладения. М., 1903.
32. РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 8.
33. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1011.
34. Пономарёв С. Лето среди переселенцев // Вестник Европы. 1884. Т. 5.
35. Внутреннее обозрение // Северный вестник. 1891. № 6.
36. ГАКО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1.
37. ГАВО. Ф. 26. Оп. 30. Д. 68.
38. ГАВО. Ф. 26. Оп. 31. Д. 57.

Churkin Mikhail K. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

MIGRATORY BEHAVIOR OF THE RUSSIAN PEASANTRY IN THE GOVERNMENT AND THE PUBLIC AND POLITICAL DISCOURSE SECOND HALF XIX – EARLY XX CENTURIES.

Keywords: migration behavior; power discourse; social and political discourse.

In the article the author attempts to identify participants and reveal the meaning of power discourse and social and political discourse in the frame of factors and conditions of forming migration behaviour of the peasantry of Russia in the post-reform period. It is evident that the problem of the formation of migration behavior of the Russian peasantry as an important phase to join in the resettlement process, was being adjusted for a long time within the coordinate system of the positivism methodology. As a result, the reflection of the migration movement to Siberia, circumstances of structuring migration intentions and migration behaviour of the rural population, was carried out either with an emphasis on the idea unmotivated mobility of the peasantry, “the tendency to vagabondage”, or on economic failure of peasant households. The method of deconstructing discourses, based on the detection of its recipients and the senders, the circumstances and conditions of creating texts, allowed to detect new distinctions of understanding the reasons for migration behaviour of the most mass social layer in the Russian Empire. The study showed a lack of direct correlation between the peasant shortage of land and migration activity. It was proved that “the motive of vagabondage” was originally replicated in publicism and later became widespread in power discourse in order to regulate mass character of the resettlement process. The shift of the emphasis of discourse towards understanding the logic of peasant behavior, implementing through the organization of economic activity, predetermined the fundamental “reset” in the views of the authorities and society on the migration behaviour of farmers and the resettlement process. At the turn of XIX–XX centuries, the centre of the agricultural situation in the country was increasingly the issues associated with higher migration intentions in the peasant rural. With population growth, migration, with legislation registration and circular practices, the intonation and meaning of social and political discourse and power discourse changed. Migration activity of the peasantry in journalistic articles, materials of clerical nature was regarded as the response of the peasantry to the manifestation of the crisis in the agricultural and environmental sector. The authority were confident that the solution of the agrarian issue was possible with the help of palliative means of self-resourceful character (agricultural fields), and it meant the understanding of the importance and relevance of the organization of the resettlement case. The emotional stress of the discourse, linguistic structures which were used, the reading of the discourse through the modern achievements of the human sciences, especially by means of social psychology, provide a unique opportunity to identify a human being as a carrier of migration attitude due to schematic context of the economic grounds of his actions and social behavior.

REFERENCES

1. Gurvich, I.A. (1888) *Pereseleniya krest'yan v Sibir'* [Migration of peasants to Siberia]. St. Petersburg.
2. Isaev, A.A. (1891) *Pereseleniya v russkom narodnom khozyaystve* [Migration in the Russian economy]. St. Petersburg: A.F. Tsinzerling.
3. Pribytkova, I.M. (2007) [Migration behavior and quality of life in conceptual and empirical measurements]. *Migratsiya i razvitie* [Migration and development]. Proc. of the International Conference. Moscow: Moscow State University.
4. Grigor'ev, V.N. (1884) *Pereseleniya krest'yan Ryazanskoy gubernii* [Migration of peasants in Ryazan province]. *Russkaya mysl'*. 1.
5. Serpovskiy, N.G. (1885) *Pereseleniya v Rossii v drevneyshee i novoe vremya* [Migration in Russia in ancient and modern times]. Yaroslavl: G.V. Falk.
6. Shelgunov, N.V. (1872) *Chto takoe Aziya?* [What is Asia?] St. Petersburg.
7. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. List 22. File 80. (In Russian).
8. Fet, A.A. (2001) *Zhizn' Stepanovki, ili Liricheskoe khozyaystvo* [The life of Stepanovka, or lyrical economy]. Moscow: NLO.
9. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 20. List 1. File 1877. (In Russian).
10. The State Archive of Orel Region (GAOO). Fund 580. List 1. File 2290. (In Russian).
11. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. List 16. File 167. (In Russian).
12. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1273. List 1. File 394. (In Russian).
13. Sovetov, A. (1876) *Kratkiy ocherk agronomicheskogo puteshestviya po nekotorym guberniyam chernozemnoy polosy Rossii v techenie leta 1876 goda* [A brief sketch of an agronomy travel to some provinces of black soil zone of Russia during the summer of 1876]. St. Petersburg.
14. Ivanov, A.A. (1998) *Krest'yanskoe khozyaystvo Chernozemnogo Tsentra Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [The farm household in the Black Soil Center of Russia before and during the First World War]. History Cand. Diss. Moscow.
15. Shcherbina, F.A. (1887) *Krest'yanskoe khozyaystvo po Ostrogozhskomu uезду* [The farm household in Ostrogozhsk county]. Voronezh: n.s.
16. The State Archive of Orel Region (GAOO). Fund 525. List 1. File 51. (In Russian).
17. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. List 28. File 55. (In Russian).
18. The State Archive of the Kursk region (GAKO). Fund 1. List 1. File 2572. (In Russian).

19. The State Archives of Tambov region. Fund 3. Op.List 44. File 290. (In Russian).
20. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. Op. List 22. File 80.
21. The State Archive of the Kursk region (GAKO). Fund 1. List 1. File 3083.
22. Lenskiy, B. (1881) Krest'yanskie pereseleniya [Migration of peasants]. *Delo*. 12.
23. Portugalov, V. (1881) Dvesti let spustya [Two hundred years later]. *Delo*. 8.
24. Verner, I. (ed.) (1887) *Kurskaya guberniya. Itogi statisticheskogo issledovaniya* [Kursk province. The results of statistical research]. Kursk: n.s.
25. Shakhovskoy, N.V. (1903) *Zemledel'cheskiy otkhod krest'yan* [Agricultural migration of peasants]. St. Petersburg: n.s.
26. Karyshev, N.A. (1897) *Trud, ego rol' i usloviya prilozheniya v proizvodstve* [The work, its role and terms of applications in production]. St. Petersburg: O.N. Popova.
27. Werner, E.M. (1996) [Why peasants petitioned and why they should not be taken literally (on materials of Tartu County of Vladimir province during the 1905 revolution)]. In: *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.)* [Mentality and agricultural development in Russia (the 19th–20th centuries.)]. Proc. of the International Conference. Moscow: ROSSPEN.
28. Kaufman, A.A. (1915) *Obshchina. Pereseleniya. Statistika* [Community. Migration. Statistics]. Moscow: n.s.
29. Anon. (1903) *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti* [Proceedings of the local committees of the needs of the agricultural industry]. St. Petersburg: n.s. Vol. XIX.
30. Lokhtin, P. (1901) *Sostoyanie sel'skogo khozyaystva v Rossii sravnitel'no s drugimi stranami* [Russian agriculture compared to other countries]. St. Petersburg: Book Shop Posrednik.
31. Bar, F. (1903) *Korennoe preobrazovanie krest'yanskogo khozyaystva i obshchinogo zemlevladieniya* [Radical transformation of peasant farming and communal land tenure]. Moscow: V. Demakov.
32. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1233. List 1. File 8. (In Russian).
33. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 391. List 1. File 1011. (In Russian).
34. Ponomarev, S. (1884) Leto sredi pereselentsev [Summer among the settlers]. *Vestnik Evropy*. Vol. 5.
35. Vnutrennee obozrenie [The internal review times]. (1891) *Severnyy vestnik*. 6.
36. The State Archive of the Kursk region (GAKO). Fund 239. List 1. File 1. (In Russian).
37. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. List 30. File 68. (In Russian).
38. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. List 31. File 57. (In Russian).

УДК 930 «1914/1918»
DOI 10.17223/19988613/35/5

Б.С. Жигалов

ЗАБЫТЫЙ ИСТОРИК (К 100-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Исследуется научная деятельность Н.П. Полетики, который явился одним из первых в СССР исследователей проблем происхождения и развязывания Первой мировой войны. Его работы, опубликованные в 1930–1940-е гг., явились серьёзным вкладом в мировую историографию Первой мировой войны. Однако после отъезда Н.П. Полетики в Израиль в 1973 г. имя его оказалось вычеркнутым из советской историографической науки на долгие тридцать лет.

Ключевые слова: Первая мировая война; Н.П. Полетика; Сараевское покушение; Июльский кризис 1914 г.

В советской историографии тема Первой мировой войны не была актуальной. Эта проблема рассматривалась чаще всего лишь как предпосылка революции 1917 г. В тени революции и оставалась долгое время Первая мировая война. В перестроечные времена её стали называть «забытой». Вышел даже специальный номер журнала «Родина» под таким названием. Но это утверждение не совсем правильно, ибо в СССР в разные годы было опубликовано немало серьёзных исследований по истории Первой мировой войны, её происхождению и возникновению. Но вот действительно «забытым» оказался один из первопроходцев в изучении причин происхождения и развязывания Первой мировой войны Н.П. Полетика (1896–1988 гг.), имя которого по определённым причинам оказалось на многие годы в полном забвении.

Он принадлежал к дворянскому роду, известному в истории России с начала XIX в. П.И. Полетика и А.М. Полетика были в кругу близких знакомых А.С. Пушкина. К этой же семье принадлежала Идалия Полетика, сыгравшая зловещую роль в жизни великого поэта. Сам Н.П. Полетика писал: «Я и Юрий (брат) были последними потомками старшей (Роменской) линии старинного, но оскудевшего украинского дворянского рода» [1. С. 96].

Детство Н.П. Полетика провёл в маленьком украинском городке Конотопе, но окончил одну из лучших Киевских гимназий, где в своё время учились также К. Паустовский и М. Булгаков. Интерес к истории у него пробудился очень рано, и поэтому закономерным было поступление на историко-филологический факультет Киевского университета. Это произошло в 1914 г. «Историю я изучал глубоко и серьёзно, не только для экзаменов... в моей зачётной книжке были лишь одни «пятёрки» [Там же. С. 220]. Но оканчивать университет Н.П. Полетике пришлось уже в 1919 г., в период лихолетья революции и гражданской войны на Украине.

20 ноября 1917 г. украинская Центральная Рада объявила об образовании Украинской народной республики «в этнографических границах». 22 января 1918 г. Рада провозгласила полную независимость Украины от России. Был подписан мирный договор с Германией и её союзниками, по которому Украина бы-

ла оккупирована германскими войсками. За период 1917–1920 гг. Киев 12 раз переходил из рук в руки. Утверждение у власти каждого очередного режима сопровождался погромами, грабежами, убийствами. Но университет продолжал работать.

В своих воспоминаниях Н.П. Полетика писал: «В 1917 г. я стоял перед выбором: либо общественно-политическая деятельность, которая меня совершенно не интересовала, либо историческая наука, которую я считал своим призванием с 13–14 лет. Победила история, так как ещё в августе 1914 г. решил изучать вопрос о подготовке и возникновении мировой войны («Кто виноват?») [Там же. С. 96]. Так ещё в студенческие годы определилась тема исследования, которой он будет заниматься многие годы.

С отличием окончив историко-филологический факультет Киевского университета, Н.П. Полетика был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию (нынешняя аспирантура). Одновременно он учился на юридическом факультете, который окончил уже в Ленинграде в 1924 г. При этом он занимался на экономическом факультете. Но был «вычищен» оттуда с 3-го курса с напутствием: «Хватит с вас, гражданин, двух факультетов». Это не помешало ему заниматься экономическими проблемами и даже стать впоследствии кандидатом экономических наук. За годы учёбы в университете Н.П. Полетика овладел четырьмя иностранными языками: английским, немецким, французским и итальянским, что очень помогло ему в дальнейшей работе.

Летом 1923 г. Н.П. Полетика перебрался в Петроград, где несколько лет занимался журналистикой. Среди ленинградских изданий, где он сотрудничал, наиболее плодотворной была работа в «Ленинградской правде». В середине 1920-х гг. эта газета занимала особое место в советской журналистике. «Ленинградская правда» была исключением, своеобразным явлением среди других крупных правительственных газет», вспоминал Н.П. Полетика [Там же. С. 233]. Это был своего рода личный орган «хозяина» Ленинграда Г.Е. Зиновьева, председателя Коминтерна, который претендовал на место преемника Ленина. Зиновьев добился для своей газеты такого же финансирования, как для московской «Правды», с которой он конкурировал.

«Ленинградская правда» выписывала большое количество иностранных газет и журналов.

Редакция газеты состояла из самых верных сторонников Зиновьева. Единственным исключением в составе редколлегии был И.М. Майский, который и пригласил Н.П. Полетику работать в иностранном отделе газеты. В своих воспоминаниях Н.П. Полетика писал: «По убеждениям И.М. Майский был меньшевик-центрист, типа Бебеля, к которому он питал особое почтение. В редакции «Ленинградской правды», куда его послали «на проверку», он был самым интеллигентным, но и самым “чужеродным” лицом... В «Ленинградской правде» он долго не продержался» [1. С. 236].

Зам. главного редактора газеты Баскаков, представляя Николая Павловича сотрудникам Иностранного отдела, сказал: «Товарищ Полетика будет нашим собственным корреспондентом из столиц Европы и США. Он будет писать корреспонденции, сидя в этой комнате с вами. Давайте ему все газеты и все журналы всех партий и направлений. Давайте ему темы, и сам он пусть выбирает темы”... Так началась моя первая фантастически неправдоподобная, сказочная авантюра в роли “собственного корреспондента” “Ленинградской правды” из Лондона, Парижа, Берлина, Вены, Рима, Вашингтона и других столиц мира. В этом озорном амплуа я проработал почти пять лет» [Там же. С. 232–233].

Эта работа многое дала Н.П. Полетике как специалисту-международнику, расширила его кругозор, ввела в курс «битвы историков», которая развернулась тогда в связи с публикациями документов по происхождению мировой войны и её виновников. Он сам отмечал: «Обилие газет и журналов позволяло мне следить за международной дискуссией историков о причинах и виновниках Первой мировой войны, и я со всей страстью и пылом занялся изучением этого вопроса» [Там же. С. 276].

В 1924 г. отмечалось 10-летие начала Первой мировой войны. В журнале «Звезда», под редакцией И.М. Майского, Н.П. Полетика опубликовал свою первую историческую работу – статью «Как начиналась война». «Статья эта была первым наброском двух моих монографий на эту тему, изданных в 1930–1935 гг.» [Там же. С. 282].

В редакции «Ленинградской правды» ценили своего сотрудника. Зам. главного редактора Баскаков говорил: «У вас знания, два факультета, дополнительная подготовка к профессуре, четыре языка, лёгкое перо газетчика» [Там же. С. 252]. Но в 1927 г. работа Н.П. Полетики в «Ленинградской правде» практически прекратилась. После разгрома Зиновьева и его сторонников на XIV съезде ВКП(б) «Ленинградская правда» превратилась в обычную областную газету. Прекратилась подписка на иностранные газеты и журналы. В этих условиях газета больше не нуждалась в услугах автора-полиглота.

В конце 1920-х гг. Н.П. Полетика сотрудничает в «Красной газете», в журналах «Современный Запад»,

«Ленинград», Советском энциклопедическом словаре. В эти же годы идёт публикация дипломатических документов о происхождении мировой войны в Германии, Австрии, Англии и других странах, в СССР выходят тома «Красного архива». Все эти материалы Н.П. Полетика осваивает и формирует собственную концепцию происхождения Первой мировой войны. Он писал: «В межвоенный период спор историков о виновниках Первой мировой войны занимал огромное место в исторической и общественной жизни Европы» [Там же. С. 281].

В 1928 г. Н.П. Полетику пригласили сделать доклад о происхождении мировой войны в Ленинградском филиале Института марксизма-ленинизма. Доклад продолжался два часа и вызвал большой общественный резонанс, поскольку докладчик вступил в спор сразу двух академиков – М.Н. Покровского и Е.В. Тарле. М.Н. Покровский утверждал, что, хотя в возникновении мировой войны виновны империалисты всех стран, главная ответственность падала на страны Антанты, включая Россию, правительство которой знало о подготовке покушения в Сараево, но не предотвратило его. Он подчёркивал оборонительный характер войны со стороны Германии. Для Покровского характерна была политизация истории. Он писал: «Мы это делаем не потому, что боремся за интересы Германии, а потому, что нам нужно разоблачать империализм, а самым опасным империализмом сейчас является английский» [2. С. 36].

Однако Е.В. Тарле в своей книге «Европа в эпоху империализма. 1871–1918» (М. ; Л., 1927) возлагал ответственность за войну на Германию, он отвергал версию о виновности Сербии и в целом идеализировал позицию Антантовского блока. Книга Е.В. Тарле была подвергнута резкой критике.

В этой полемике Н.П. Полетика встал на сторону М.Н. Покровского. Первое публичное выступление на историческую тему принесло ему известность. Сам Н.П. Полетика писал: «В 1928 г. после доклада о Сараевском убийстве началась новая, вторая по счёту, фантастически-неправдоподобная сказка моей жизни» [1. С. 391]. Сразу последовал заказ журнала «Историк-марксист» на статью о Сараевском покушении, которая была опубликована в 1929 г.

В 1930 г. в биографии Н.П. Полетики произошло важное событие – в Ленинграде в издательстве «Красная газета» была опубликована его большая монография, посвящённая убийству в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда. Книга вышла большим, 10-тысячным тиражом и была рассчитана на массового читателя. Сам автор подчёркивал, что хотел, чтобы монография, «являясь по существу исследовательской работой, была доступна и самым широким слоям читателей» [3. С. XI]. Действительно, книга получилась интересной, легко читаемой. Сказался журналистский опыт автора.

Однако основной посыл, сформулированный Н.П. Полетикой, был достаточно спорным. Он писал,

что хочет развенчать «легенду о маленькой, бедной, наивной Сербии, на которую неожиданно напала Австрия». И далее – он стремится дать «картину того, как создавался предлог для провокации мировой войны» [3. С. XI–XII].

Хотя книга носит подзаголовок «Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в 1903–1914 гг.», в центре монографии Сараевское убийство, его подготовка, организация, последствия. Автор основывался на имевшихся тогда документальных публикациях (к достоверности которых он сам относился довольно скептически) и огромном массиве разного рода воспоминаний, газетных статей, выступлений. То есть использовались специфические субъективные материалы, нуждавшиеся в строгом критическом подходе к их использованию. Н.П. Полетика признаёт это и констатирует, что у него по ряду утверждений и выводов имеются лишь «косвенные улики» [Там же. С. 390–391]. Многие «доказательства» в связи с покушением в Сараево появились лишь после оккупации Сербии австрийцами или уже после войны, когда стали выяснять, «кто виноват?».

Монографии свойственна некоторая противоречивость. С одной стороны, автор утверждает, что «убийство Франца-Фердинанда само по себе не могло быть достаточным основанием для войны: «Убийства политических деятелей случаются почти во всех странах Европы и не вызывают войн» [Там же. С. 416]. Он констатировал: «...мировая война всё равно началась бы, даже если бы не сараевский выстрел... мы охотно согласимся, что война была неизбежна» [Там же. С. 412]. Приводятся слова австрийского фельдмаршала К. Гетцендорфа, что война была необходима для сохранения Австрии как «конгломерата разных национальностей», а также слова Вильгельма II – «С Сербией необходимо покончить прямо сейчас» [Там же. С. 410, 420]. Н.П. Полетика подчёркивал: «Германское правительство в период 28 июня – 25 июля 1914 г. сделало всё для того, чтобы разжечь конфликт и шло с открытыми глазами на войну с Россией» [Там же. С. 423].

Однако, с другой стороны, он же утверждал: «На наш взгляд, Сараевское убийство является ключом к пониманию вопроса об ответственности за войну» [Там же. С. 412]. И далее: «Сараевское убийство, организованное по заказу из Белграда (подчёркнуто мной. – Б.Ж.), дало достаточный предлог, чтобы начать войну» [Там же. С. 389]. Он связывал заговорщиков с русскими представителями в Белграде: посланником Н. Гартвигом и военным атташе В. Артамоновым. «Трудно предположить, чтобы Гартвиг, фактический хозяин Сербии, без визы и одобрения которого сербское правительство не совершало ни одного сколько-нибудь важного шага, не мог ничего знать о заговоре» [Там же. С. 403].

Утверждая всё это, Н.П. Полетика совершенно игнорировал тяжелейшее социально-экономическое положение Сербии после двух балканских войн и её пол-

ную неготовность к участию в ещё одной войне против великой державы. Он также не учитывал монархическую солидарность: царское правительство России не могло соучаствовать в убийстве наследника австрийского престола.

Общий вывод автора сводился к следующему: «Сербия выполнила “социальный заказ” Антанты создать повод для войны с Тройственным Союзом, Сараевское убийство являлось организованным Антантой секретным нападением на Австро-Венгрию и поэтому тезис Германии “на нас напали” совершенно правилен» [Там же. С. 411–412]. Поэтому «вина Германии менее значительна, чем вина любой из других развязавших войну держав» [Там же. С. 423].

Антисербская направленность книги Н.П. Полетики была очевидной, и это было неприязненно воспринято в Югославии. Своеобразным ответом на книгу явился довольно курьёзный эпизод, о котором Н.П. Полетика упоминает в своих воспоминаниях. В 1970 г. его дочь посетила Сараево. Гид, узнав, чья она дочь, сказал: «Если Ваш отец приедет сюда к нам, то, учитывая его преклонные годы, бить его не будем, но дождём его другими способами» [1. С. 337].

Сложное развитие советско-югославских отношений сказалось на судьбе этой книги. Сам автор писал: «Судьба моей книги “Сараевское убийство” была сложной, многострадальной и фантастической. Книга то умирала, то воскресала для рядового читателя, кочуя с книжных полок общего фонда в закрытый для читателя «спецхран» и обратно в зависимости от хода политических событий 30–60-х гг.» [Там же. С. 348].

Долгие годы эта книга Н.П. Полетики была единственным в СССР исследованием покушения в Сараево. Лишь много лет спустя, в 1970 г. была опубликована статья Ю.А. Писарева, посвящённая этому сюжету [4]. Автор статьи отмечал, что на Западе и после окончания Второй мировой войны выходили работы о покушении в Сараево, в которых утверждалась версия об ответственности офицерской организации «Чёрная рука», связанной, якобы, с сербским правительством. Отмечается, что эту точку зрения в своих ранних работах разделял Н.П. Полетика, но в последних работах он уточнял, что покушение организовала организация «Млада Босна» по идейным соображениям. Ю.А. Писарев отвергал версию об участии правительства Сербии в Сараевском покушении и отмечал недостоверность и сомнительность многих утверждений мемуаристов.

С 1930 по 1971 г. Н.П. Полетика занимался педагогической работой в вузах Ленинграда, Ташкента и Минска. Начиная свою преподавательскую деятельность в Ленинградском институте гражданского воздушного флота, где вёл курс «экономической географии». Как было отмечено, в 1936 г. он стал кандидатом экономических наук и гордился тем, что был первым в стране кандидатом наук по специальности «экономика воздушного транспорта». Им была опубликована моно-

графия о гражданском воздушном флоте зарубежных стран [5], получившая отклики в ряде стран Европы и США. Поэтому в «Исторической энциклопедии» и написано: «Полетика Н.П. – советский экономист и историк».

Однако главным для него оставалась история. В 1935 г. Н.П. Полетика опубликовал свой основной труд – 700-страничную монографию о возникновении Первой мировой войны [6]. Рукопись монографии была завершена ещё в 1931 г. Но потребовались четыре года и помощь А.М. Горького, чтобы добиться права на её публикацию. Сам автор глухо пишет о том, что «московские историки (специалисты по истории международных отношений и Первой мировой войны) хотели резать издание моей книги» [1. С. 379].

Монография обрела особую актуальность в связи с приходом к власти в Германии нацистов и возрастанием угрозы войны в Европе. Автор использовал большую часть опубликованных к этому времени документов и мемуаров о «дипломатической» подготовке Первой мировой войны. «Документальность» – главная ценность книги, писал её редактор.

В первых главах кратко рассматриваются международные отношения в Европе в 1870–1914 гг., затем более обстоятельно дипломатическая подготовка к войне австро-германского блока и Антанты. Повествуется о формировании англо-германских, франко-германских, австро-российских и германо-российских противоречий.

Автор особо подчёркивает значение гонки морских вооружений: строительство линейных кораблей типа «Дредноут» давало Германии шанс уравнивать свой флот с британским флотом. На всё это в Англии реагировали особенно нервно. Британское адмиралтейство уже в 1907 г. опасалось внезапного нападения германского флота.

Международные кризисы начала XX в. (Боснийский, Первый и Второй марокканские кризисы, италотурецкая война, балканские войны) свидетельствовали о приближении мировой войны. Автор констатировал: «В 1912 г. война не была начата, хотя в принципе всё было решено и обусловлено» [6. С. 266]. Но, как подчёркивал глава «Форин оффис» Э. Грей, «абсолютно необходимо, чтобы ответственность за нападение пала на наших противников» [Там же. С. 260].

Отдельная глава посвящена событиям в Сараево. «Война 1914–1918 гг. не случайно началась на Балканах» [Там же. С. 275]. Н.П. Полетика писал, что для Австро-Венгрии «Сараево было не больше, как предлог к разгрому Сербии... Австрийский империализм стремился к военному разгрому Сербии, для того чтобы восстановить своё доминирующее положение на Балканах, подорванное созданием в 1912 г. Балканского Союза и разгромом Турции» [Там же. С. 313–314].

В Вене понимали, что за спиной Сербии стояла Россия, за спиной которой были Франция и Англия. Поэтому нужно было получить полную поддержку Германии, и Австрия её получила.

Автор признаёт свою ошибку в книге «Сараевское убийство», законченной в апреле 1929 г., о том, что правительство Австро-Венгрии ничего не знало о существовании тайной офицерской организации «Чёрная рука». Новые документы убедительно показывают, что знало, но сознательно не упоминало об этом, ибо «Чёрная рука» вела борьбу с правительством Сербии и поэтому трудно было бы обвинять его в организации покушения на Франца-Фердинанда [Там же. С. 350].

Н.П. Полетика подчёркивает роль министра иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольда в формировании агрессивного курса политики своего государства. «Вена решила форсировать мобилизацию и европейскую войну отнюдь не в ответ на русскую мобилизацию, а независимо от неё, и, следовательно, она является не «подвергшейся» нападению со стороны России, а самостоятельным фактором разжигания мировой войны» [Там же. С. 378–379].

В последующих главах рассматривается политика России, Франции, Германии и Англии в дни июльского кризиса 1914 г. Автор исследует дипломатическую переписку день за днём, а в период с 23 по 31 июля (т.е. после вручения Австрией ультиматума Сербии) чуть ли не по часам (указывается время отправления телеграмм). Это достоинство монографии отмечалось специалистами и много лет спустя. В 1968 г. Е.В. Емец писал: «Впервые в советской литературе так детально прослеживается дипломатическая борьба двух коалиций» [2. С. 41]. Хотя России было бы выгодно оттянуть войну на более поздний срок, поскольку перевооружение армии и флота было в полном разгаре, царское правительство стремилось не допустить разгрома Сербии. Проблема состояла лишь в том, чтобы иметь гарантированную поддержку Франции и Англии. Также заверение о полной поддержке было дано президентом Франции Пуанкаре во время его пребывания в Петербурге в середине июля 1914 г.

В главе о политике Германии в дни июльского кризиса, самой большой по объёму в монографии, автор приводит рассуждения германских политиков: «Если войне суждено быть, то лучше, если она вспыхнет сейчас, нежели через 1–2 года, когда Антанта будет гораздо опаснее, чем в настоящее время» [6. С. 496]. Расчет в Германии делали на то, что, возможно, Англия не вступит в войну. Германское правительство предполагало три возможных варианта развития событий: 1) «локальная война»: Австрия громит Сербию, другие державы не вмешиваются; 2) континентальная война: на стороне Сербии выступают Франция и Россия; 3) мировая война, когда в события вмешивается Англия. Вероятными считались два первых варианта.

Активную роль в развязывании мировой войны сыграл лично Вильгельм II. Высоко оценив ответ Сербии на австрийский ультиматум («Блестящее произведение за срок всего в 48 часов. Это больше, чем можно было ожидать...»), Вильгельм II, тем не менее, настаивал, чтобы австрийцы оккупировали Белград как гаран-

тию выполнения Сербией сделанных обещаний, хотя хорошо понимал, что это будет расценено Россией как акт агрессии [Там же. С. 562–563]. Автор корректирует свою точку зрения, высказанную в книге «Сараевское убийство» относительно меньшей ответственности Германии и Австрии за развязывание Второй мировой войны. Он объясняет, что это было сделано в полемике с Е.В. Тарле. Теперь на основании новых опубликованных документов он пришёл к выводу: «...австро-германский блок сделал для развязывания войны не меньше, а, пожалуй, больше, чем Антанта, но сделал это гораздо более неуклюже и неумело» [Там же. С. 603].

В последней главе монографии показана провокационная роль Англии в дни июльского кризиса. Британская дипломатия, возглавляемая Э. Греем, смогла использовать «ничтожный» для Англии инцидент для борьбы против Германии. Автор писал: «Англия стремилась к натравливанию Франции и России, с одной стороны... и к обману противников, с другой» [Там же. С. 620]. Получив поддержку оппозиционной консервативной партии, преодолев сопротивление леволиберальных министров-пацифистов, Асквит, Грей, Черчилль втянули 5 августа 1914 г. Англию в войну с германским блоком.

Эта монография Н.П. Полетики стала заметным явлением в мировой историографии проблемы. Сам автор отмечал: «В споре историков разных стран о происхождении и виновниках войны 1914–1918 гг. я был не сторонним наблюдателем, а участником этого спора» [1. С. 281].

Наиболее успешным для Н.П. Полетики был период его работы в Ленинградском университете с 1936 по 1951 г. В 1940 г. он защитил докторскую диссертацию по истории (утверждён в степени доктора наук в 1942 г.), в 1943 г. стал профессором кафедры Новой истории. Затем был назначен заведующим вновь созданной кафедры истории международных отношений, что само по себе явилось для того времени довольно примечательным событием. Беспартийный профессор дворянского происхождения стал заведующим кафедрой. Очевидно, главной причиной всего этого был высокий профессионализм Н.П. Полетики, его научный авторитет как специалиста-международника. «Моим главным преимуществом, – писал он, – являлся тот факт, что я оставался беспартийным. Я не был участником борьбы за власть, а только зрителем этой борьбы» [Там же. С. 359].

Педагогическая деятельность Н.П. Полетики была вполне успешной. Он читал лекции по истории международных отношений и колониальной политике в конце XIX – начале XX в. Среди его учеников были будущие академики А.А. Фурсенко и Б.А. Ананьич, известные историки А.Б. Давидсон, Г.Ш. Ганелин, Ю.Б. Соловьёв и др. «Могу с гордостью сказать, что ко мне на лекции бегали студенты не только других факультетов, но и других институтов» [Там же. С. 389].

После окончания Второй мировой войны, но «до фултонской речи Черчилля», в Ленинград приехала группа английских студентов из Кембриджа, специализирующихся по истории России. На вопрос, кого они знают из профессоров ЛГУ, они ответили: акад. Струве (египтолог), акад. Тарле (за книги по эпохе Наполеона) и проф. Н.П. Полетику (за работы о происхождении Первой мировой войны). Сам Н.П. Полетика, комментируя этот факт, шутя заметил: «Я был доволен. Третье место мне было вполне достаточно» [Там же. С. 286].

Однако нельзя сказать, что научная и педагогическая жизнь Н.П. Полетики была безоблачной. У него не лучшим образом складывались отношения с «коллегам по науке», историками-международниками. Сам Н.П. Полетика в своих воспоминаниях отмечал: акад. Е.В. Тарле «относился ко мне достаточно враждебно», акад. Ф.А. Ротштейн «видел во мне прежде всего своего конкурента» [Там же. С. 393, 403]. Неприязненными были его отношения с конца 1930-х гг. с молодым тогда, но амбициозным В.М. Хвостовым, ставшим впоследствии академиком и начальником историко-архивного управления МИД. В «Истории дипломатии» (первое издание 1945 г., второе – 1963 г.), где В.М. Хвостов являлся автором большого по объёму раздела о происхождении и развязывании Первой мировой войны, он ни разу не упомянул имя Н.П. Полетики, наиболее известного автора в этом контексте. В свою очередь Н.П. Полетика писал о «хвостовщине» в советской историографии международных отношений, когда запрещалась критика работ В.М. Хвостова [Там же. С. 405].

Думается, что в основе этих коллизий лежал факт высокого профессионализма Н.П. Полетики, его дошность в изучении источников по международным отношениям. Вряд ли кто лучше его знал эти материалы. В монографии «Возникновение Первой мировой войны» у него было свыше 1500 ссылок на дипломатические документы и мемуары [Там же. С. 386]. С ним трудно было спорить. В то время как иные историки, прежде всего сановные, исходили в своих работах из идеологических установок, не обременяя себя работой с источниками.

Несмотря на своё дворянское происхождение, Н.П. Полетика счастливо избежал репрессий как в 1934–1935 гг., после убийства С.М. Кирова, когда в Ленинграде проводилась «зачистка» от подозрительных элементов, так и в конце 1930-х гг., когда шли громкие политические процессы. Хотя был арестован и осуждён его брат Юрий. После этого к нему в университете стали «присматриваться» [Там же. С. 427].

Н.П. Полетика всегда подчёркивал свою аполитичность. Он писал: «...в 1936–1937 гг., когда шли процессы троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, я голосовал всё время “за”, ибо, по моему глубокому убеждению, никаких существенных различий между Троцким, Зиновьевым, Бухариным, с одной стороны, и Лениным и Сталиным, с другой, – не было» [Там же. С. 363].

Однако в конце 1940-х гг. над ним стали собираться тучи, и в 1951 г. Н.П. Полетики пришлось уехать из Ленинграда. В стране развёртывалась кампания борьбы с космополитизмом, «ленинградское дело» втягивало в свою орбиту сотни людей. Вот как повествует об этом периоде жизни Н.П. Полетики его ученик Г.Ш. Ганелин, свидетель событий тех лет в ЛГУ: «Каким-то образом Н.П. Полетика почувствовал или узнал, что над ним нависла угроза, или почёл за благо (а может быть, получил совет уехать из Ленинграда). Через своего аспиранта-узбека он получил приглашение в Институт востоковедения АН Узбекской ССР, кажется, он затем преподавал в Ташкентском университете. В руководящих сферах (не только университетских) это вызвало некоторую растерянность. Поступок Н.П. Полетики был публично назван дезертирством... Во всяком случае его отъезд в 1951 г. был, скорее всего, не напрасным» [7. С. 81].

В 1953 г. Н.П. Полетика переехал в Минск и стал работать на кафедре Новой истории Белорусского государственного университета. Все последующие годы он вёл жизнь обычного профессора провинциального университета: читал лекции студентам, руководил подготовкой аспирантов.

В 1964 г. исполнилось 50 лет со дня начала Первой мировой войны. В СССР эта дата прошла незаметно. Была лишь опубликована статья К.Б. Виноградова о зарубежной историографии Первой мировой войны. И, очевидно, за неимением ничего нового, была переиздана монография Н.П. Полетики о возникновении Первой мировой войны.

Новое издание было сокращённым и переработанным на основе документальных и мемуарных материалов об июльском кризисе 1914 г., которые были опубликованы в СССР и зарубежных странах в 1935–1962 гг. [8. С. 6]. В нем были опущены первые три главы монографии, изданной в 1935 г., изменено название глав. Вместо достаточно «нейтральных» даны более чёткие формулировки. Так, вместо старого названия главы «Австро-сербский конфликт» даётся новое название «Австро-Венгрия провоцирует мировую войну», вместо «Великое решение Германии» формулируется новое название – «Германия развязывает мировую войну», вместо названия «Франция в июльские дни 1914 г.» глава стала называться «Франция подталкивает Россию к вступлению в войну». Наконец, вместо ничего не говорящего названия «Тактика Англии» даётся более жёсткая формулировка «Английская провокационная политика “невмешательства” и форсирование войны».

Изменились не только названия глав, несколько иными становятся и выводы по содержанию этих глав, что обуславливалось новыми материалами, ставшими доступными автору после 1935 г. Он пишет: «Сараевское убийство явилось для Австрии удобным предлогом для того, чтобы разгромить Сербию, восстановить превалирующее положение Австрии на Балканах» [Там

же. С. 109]. Вызывающее поведение руководителей Австрии в дни июльского кризиса 1914 г. было подкреплено полной и безоговорочной поддержкой Германии. Фон Ягов писал 18 июля 1914 г. послу Германии в Лондоне Лихновскому: «Чем более решительно покажет себя Австрия, тем энергичнее мы её поддержим, тем скорее останется спокойной Россия... по существу Россия теперь ещё не готова к войне. Франция и Англия не захотят войны. Спустя несколько лет Россия будет готова к войне. Тогда она задавит нас количеством своих солдат, тогда она построит флот и свои стратегические дороги. Тем временем наша группировка будет становиться всё слабее и слабее» [Там же. С. 124].

В главе о политике России в июльские дни 1914 г. было снято утверждение о причастности русских представителей в Берлине к организации сараевского покушения. Военный атташе Артамонов проявил «излишнюю доверчивость и неосторожность», давая деньги на организацию разведки и фотосъёмку на территории Боснии [Там же. С. 240]. В главе о Германии формулировки автора стали более жёсткими и чёткими: «...правляющая верхушка Германии, решив развязать в 1914 г. мировую войну, шла к этому сознательно и уверенно, не колеблясь и не отступая» [Там же. С. 230]. Соответственно изменилась тональность в изложении материала о политике Англии. Автор пишет, что неучастие Англии в войне, вне зависимости от её исхода, было невыгодно правящим кругам Британии. Поэтому было сделано всё возможное, чтобы, используя «ничтожный» для страны инцидент, спровоцировать войну с своим главным противником – Германией, возложив ответственность за её возникновение на германский блок.

В заключении, которое отсутствовало в издании 1935 г., подчёркивается: в развязывании войны в 1914 г. «на первое место следует поставить Германию», на второе место «следует поставить Англию». «Царская Россия была последней в смысле желания развязать войну в июле 1914 г., но это объясняется... её неготовностью к войне в 1914 г.» [Там же. С. 576].

Эта монография была последней, опубликованной Н.П. Полетикой в СССР. Она получила положительную оценку в отечественной исторической периодике [2. С. 41], были отклики и за рубежом.

Затем случилось то, что случилось. В 1971 г. в возрасте 75 лет Н.П. Полетика был отправлен на пенсию. В 1972 г. он подал заявление на выезд в Израиль вместе с женой, еврейкой по национальности. Заключительный Акт Хельсинкского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества с его «третьей корзиной» был ещё далеко и поступок Н.П. Полетики рассматривался, в лучшем случае, как непатриотичный. В характеристике, выданной ему в Белорусском государственном университете (она приводится в книге А.Б. Давидсона), говорилось: «...он опубликовал ряд работ, в том числе монографию “Возникновение Первой мировой войны”,

изданную в Москве двумя изданиями в 1935 и 1964 гг. Книга была подвергнута критике за немарксистскую трактовку вопроса о виновниках возникновения первой империалистической войны. Он в своей работе преувеличивал вину России и умалял роль германского империализма в развязывании войны. Будучи профессором исторического факультета, Полетика держался отчуждённо в коллективе, игнорировал мнение коллектива. В последние годы работы на факультете систематически занижал оценки знаний студентов, создавая тяжёлую и нервозную обстановку на занятиях, за что подвергался критике на заседаниях кафедры, учёных Советах факультета и университета. В общественной жизни университета и факультета не принимал активного участия» [9. С. 2].

Конечно, это была неправда. Но, кто знает, может быть эта «отрицательная» характеристика и помогла Николаю Павловичу получить разрешение на выезд в Израиль, куда он уехал в 1973 г. и оставался там до конца жизни. В Израиле он прожил почти 15 лет, не участвовал ни в каких антисоветских акциях, не допускал никаких антисоветских высказываний. Но его имя оказалось вычеркнутым из отечественной историографии на долгие тридцать лет. Почти полностью. Сложилась своеобразная ситуация: книги Н.П. Полетики стояли на полках в открытом фонде библиотеки, но его имя не упоминалось в научных публикациях.

В 1975 г. вышел в свет большой двухтомный труд «История Первой мировой войны» под редакцией И.И. Ростунова. Ни в разделе о развязывании войны, включая сараевское убийство, ни в обширной библиографии, приложенной ко второму тому, работы Н.П. Полетики ни разу не упоминаются.

Дальше больше. В 1981 г. Институт истории АН СССР выпустил коллективную монографию «Итоги и задачи изучения внешней политики России (советская историография)». Здесь были упомянуты почти все опубликованные в советский период монографии по истории внешней политики России. Но книг Н.П. Полетики и названия его работ здесь нет.

Наступили перестроечные времена, затем рухнул СССР с его официальной идеологией. Отъезд в Израиль принял массовый характер, и отношения к этим

людям изменилось. Возрос интерес к истории Первой мировой войны: с 1990 г. в Институте всеобщей истории стала работать группа по изучению Первой мировой войны. В декабре 1992 г. было официально оформлено создание Российской ассоциации историков Первой мировой войны при Отделении истории РАН. Но имя Н.П. Полетики оставалось в забвении.

В 1998 г. Институтом всеобщей истории и Ассоциацией историков Первой мировой войны был опубликован обширный, почти 700-страничный, сборник статей и материалов «Первая мировая война. Пролог XX века». В нём были помещены десятки статей отечественных и зарубежных авторов, включая статью о кризисной дипломатии накануне войны. В указателе имён, приложенном к сборнику, упоминались все те персонажи, которые были «героями» книг Н.П. Полетики, – Г. Принцип, Н. Пашич, Э. Грей, С.Д. Сазонов и др., а также имена историков Н.М. Покровского, Е.В. Тарле, В.М. Хвостова, К.Б. Виноградова и др., – но имени Н.П. Полетики не было.

Лишь в начале XXI в. начинается своеобразная «реабилитация» Н.П. Полетики, возвращение его имени в отечественную историографию. О нём вспомнили. Его работы снова стали упоминаться в научных публикациях. Первым это сделал самарский историк Б.Д. Козенко, опубликовавший в 2001 г. статью, в которой, в частности, отмечалось: «В 1964 г. была вновь издана книга Полетики (первое издание в 1935 г.), который многое в ней исправил и дополнил. Богатая архивными материалами, его работа и в наши дни интересна и полезна» [10. С. 13]. Затем последовала публикация книги «Первая мировая война. Исторический очерк» из серии «Мировые войны XX века» [11]. В этой коллективной работе монография Н.П. Полетики о происхождении мировой войны цитируется неоднократно. В 2005 г. в Самаре опубликована монография Б. Козенко и Г. Садовой «Происхождение Первой мировой войны. Научно-популярный очерк истории».

Можно относиться по-разному к давно написанным работам Н.П. Полетики. Можно соглашаться или не соглашаться с его выводами и обобщениями. Но не подлежит сомнению, что Н.П. Полетика внёс свой вклад в отечественную историческую науку¹.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ *Опубликованные труды Н.П. Полетики:*

Как начиналась война // Звезда. 1924. № 4.

«Обезьяний» процесс в Америке. М.; Л., 1926.

Сараевское убийство как дипломатический повод к войне // Историк-марксист. 1929. №11.

Сараевское убийство. Л., 1930.

Империализм и борьба за великие воздушные магистрали // Труды Всесоюзного географического съезда. М., 1934.

Подготовка империалистской войны 1914–1918. М., 1934.

Возникновение мировой войны. М., 1935.

Гражданская авиация важнейших капиталистических стран. М., 1936.

Возникновение Первой мировой войны (июльский кризис 1914 г.). М., 1964.

Виденное и пережитое (из воспоминаний). Иерусалим, 1990.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полетика Н.П. Виденное и пережитое (из воспоминаний). Иерусалим, 1990.
2. Емец Е.В. Советская историография происхождения Первой мировой войны // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968.
3. Полетика Н.П. Сараевское убийство. Исследования по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930. 443 с.
4. Писарев Ю.А. Сараевское убийство 28 июля 1914 г. // Новая и Новейшая история. 1970. № 5.
5. Полетика Н.П. Гражданская авиация важнейших капиталистических стран. М., 1936.
6. Полетика Н.П. Возникновение мировой войны. М., 1935. 727 с.
7. Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чём они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. СПб.: Нестор, 2004.
8. Полетика Н.П. Возникновение Первой мировой войны (июльский кризис 1914 г.). М.: Мысль, 1964. 605 с.
9. Давидсон А.В. Корреспондент во всех странах мира // Историк и художник. М., 2007. № 4 (14).
10. Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и Новейшая история. 2001. № 3.
11. Мировые войны XX века / науч. рук. В.Л. Мальков. М.: Наука, 2002. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. 686 с.

Zhigalov Boris S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: conhist@mail.tsu.ru

A FORGOTTEN HISTORIAN (THE 100-YEAR ANNIVERSARY OF THE OUTBREAK OF THE FIRST WORLD WAR).

Keywords: the First World War; N.P. Poletika; the Sarajevo assassination; July crisis, 1914.

The article tells about the research work of N.P. Poletika, who was the first in the USSR to begin to study the preconditions of the First World War. His works, published in the 1930-s – 1960-s, were an important contribution to the world historiography of the First World War. The civil war in Ukraine was in full swing when he graduated from the University of Kiev in 1918. When a student he made a final decision concerning his scientific research devoted to preconditions and outbreak of the First World War. In 1923 N.P. Poletika moved to Petrograd, where he found employment as a worker of editorial staff of the newspaper “Leningradskaya Pravda”, publishing the correspondence of the situation and the political struggle in the western countries. Due to profound knowledge of four foreign languages N.P. Poletika had an opportunity of making a thorough study of numerous diplomatic documents concerning the causes of the First World War, which were published then in a number of European countries. He pursued the purpose to find the answer to the question: “Who is to be blamed for it?” His first work “How the war began” in journal “Zvezda” was published in 1924 and followed by the second one devoted to Sarajevo assassination in 1930. In the latter monograph he shared the opinion of academician M.U. Pokrovski who laid the blame for the outbreak of the war on the countries of Entente and Serbia. The book contained a number of documents and got a great response in the Soviet and foreign historiography. His main monograph “The Preconditions of the First World War” was published in 1935, with its corrected edition reprinted in 1964. He revised his previous opinions and assessments and recognized that both Germany and Austria as well as the Allies were equally responsible for the outbreak of the war. In 1973 N.P. Poletika emigrated to Israel but he was not involved in any anti-Soviet actions. Since that time his name has never been mentioned in the works of Russian historians. It was not until the early XXI century that his works began to be paid attention to and quoted by historians making research on international relations on the eve of the First World War.

REFERENCES

1. Poletika, N.P. (1990) *Vidennoe i perezhitoe (iz vospominaniy)* [Visions and experiences (memories)]. Ierusalim: Biblioteka-Aliya.
2. Emets, E.V. (1968) *Sovetskaya istoriografiya proiskhozhdeniya Pervoy mirovoy voyny* [Soviet historiography of the First World War]. In: Sidorov, A.L. (ed.) *Pervaya mirovaya voyna. 1914–1918* [The First World War. 1914–1918]. Moscow: Nauka.
3. Poletika, N.P. & Shelavin, K.P. (1930) *Saraevskoe ubiystvo. Issledovaniya po istorii avstro-serbskikh otnosheniy i balkanskoy politiki Rossii v period 1903–1914 gg.* [Sarajevo assassination. Studies in the History of Austro-Serbian relations and Russia's Balkan policy in 1903–1914]. Leningrad: Krasnaya Gazeta.
4. Pisarev, Yu.A. (1970) *Saraevskoe ubiystvo 28 iyulya 1914 g.* [Sarajevo assassination July 28, 1914]. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 5.
5. Poletika, N.P. (1936) *Grazhdanskaya aviatsiya vazhneyshikh kapitalisticheskikh stran* [Civil aviation of major capitalist countries]. Moscow: n.s.
6. Poletika, N.P. (1935) *Vozniknovenie mirovoy voyny* [The beginning of The First World War]. Moscow: n.s.
7. Ganelin, R.Sh. (2004) *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdub soboy. Stranitsy vospominaniy o 1940–1970-kh godakh* [Soviet historians: what they discussed. Memories of 1940–1970-ies]. St. Petersburg: Nestor.
8. Poletika, N.P. (1964) *Vozniknovenie Pervoy mirovoy voyny (iyul'skiy krizis 1914 g.)* [The beginning of the First World War (The crisis of July, 1914)]. Moscow: Mysl'.
9. Davidson, A.V. (2007) *Korrespondent vo vsekhn stranakh mira* [Reporters worldwide]. *Istoriik i khudozhnik*. 4(14).
10. Kozenko, B.D. (2001) *Otechestvennaya istoriografiya Pervoy mirovoy voyny* [Russian historiography of World War I]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 3.
11. Malkov, V.L. (ed.) (2002) *Mirovye voyny XX veka* [World Wars of the 20th century]. Moscow: Nauka. Book 1.

О.М. Долидович

**СПЕКУЛЯЦИЯ В КАНСКОМ УЕЗДЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Изучается влияние спекуляции на социально-экономические процессы Канского уезда Енисейской губернии в годы Первой мировой войны. Показано, что Сибирь обеспечивала внутренний рынок лишь продукцией сельского хозяйства, производственная сфера была неразвита, многие товары первой необходимости завозились в регион из европейской части страны. В условиях сокращения отечественного производства, нарушения железнодорожного сообщения началась спекуляция. Неконтролируемая спекулятивная деятельность в регионе привела к резким и необоснованным колебаниям цен, инфляции. Автор приходит к выводу, что городские и губернские власти обладали слабыми возможностями для сохранения политической и экономической стабильности общества. Увеличивающееся социальное неравенство воспринималось основной массой населения как проявление несправедливости, росли беспокойство, неуверенность, страх перед будущим, снижался авторитет власти.

Ключевые слова: Енисейская губерния; Канск; Первая мировая война; спекуляция.

Вопрос о возникновении различных форм народного протеста в Российской империи на фоне дефицита, дороговизны и продовольственного кризиса в период Первой мировой войны является одним из наиболее активно разрабатываемых направлений в исторической науке. Повышенный интерес как российских, так и зарубежных историков к этому вопросу связан с попытками преодолеть недостатки традиционных подходов к исследованию революций, создать полную картину динамики предреволюционного российского общества, которая бы учитывала не только политические, идеологические, социальные факторы, но и экономические, психологические [1–7].

С началом Первой мировой войны российские производители лишились заграничного сырья, их производство сократилось в разы. Фабрики и заводы переориентировали свою работу прежде всего на нужды армии. Все это сопровождалось расстройством кредитной системы, падением курса рубля, ростом налогов. Война отразилась на системе железнодорожных перевозок: товарные вагоны начали использовать для переброски войск. Закупки продовольствия для армии на внутреннем рынке осуществлялись без согласования с интересами местного населения. Спекуляция была следствием, а не причиной продовольственного кризиса в стране, но оказывала серьезное влияние на нарушение баланса в экономике и снижение уровня благосостояния народа. С самого начала войны в спекуляции участвовали производители, торговцы, переработчики товаров, банки. Запрет на экспорт продовольствия не только не снизил рыночные цены, но наоборот, спровоцировал небывалый рост дороговизны в стране.

В первый год войны пресса успокаивала население лозунгами: «Россия богата предметами продовольствия», «Мы – не Германия, у нас колоссальные излишки и хлеба, и мяса, и масла!» [8. С. 1]. Однако чем дольше шла война, тем большее значение приобретал продовольственный вопрос в тыловых губерниях России. Изучение роли спекуляции в социально-

экономических процессах в таких отдаленных от театров военных действий аграрных регионах, как Сибирь, расширяет представление о причинах возникновения продовольственных затруднений в тылу, быстрого роста общественного недовольства деятельностью центральных и местных властей.

К 1914 г. в Канском уезде Енисейской губернии зерновое хозяйство было преобладающей отраслью сельского хозяйства, что символизировал герб Канска с изображением золотого ржаного снопа на зеленом поле. Способы реализации сельскохозяйственной продукции были «архаическими базарными». Основные ярмарки проходили осенью, что совпадало со временем окончания полевых работ, периодом молотбы хлеба, началом сезона охоты. Осенью же крестьяне осуществляли уплату податей и оплату ссудных долгов кредитным товариществам. В это время держались самые низкие цены на сельскохозяйственные продукты: крестьяне начинали массовый сбыт произведенной продукции, разом выбрасывали на рынок большое количество товара, цены падали. Современники отмечали, что «выгоды от такого порядка сбыта получали только скупщики» [9. С. 7].

В 1915 г. в Енисейской губернии был собран плохой урожай. При этом, несмотря на то что Канский округ расположен в северо-восточной части губернии и климат здесь не благоприятствует земледелию, уезд дал 41% от урожая хлебов и овса в губернии (табл. № 1).

Таблица 1
Урожай зерновых в Енисейской губернии в 1915 г.,
тыс. пудов [9. С. 6]

Уезд	Озимая рожь	Яровая	Пшеница	Овес	Всего
Канский	4 617	331	1 249	658	6 855
Минусинский	1 312	879	1 926	897	5 015
Ачинский	1 644	175	525	463	2 807
Красноярский	634	141	168	123	1 066
Енисейский	457	92	175	195	919
В губернии	8 664	1 618	4 043	2 336	16 661

Однако на местные рынки зерновые не поступили, крестьяне использовали их для собственного питания, в качестве корма для скота, припасали для весеннего сева. В Канске начался быстрый рост цен на продукты и товары первой необходимости. В городе с начала войны действовала система таксировки цен. Такса на товары пер-

вой необходимости устанавливалась два раза в месяц Енисейским губернским управлением. В период с 15 июля по 1 августа 1915 г. была установлена такса для городов Енисейской губернии, которая свидетельствует, что в продовольственном отношении положение Канска было наиболее благоприятным (табл. 2).

Таблица 2

Такса на некоторые предметы первой необходимости, установленная для городов Енисейской губернии на период с 15 июля по 1 августа 1915 г. [10. Л. 37–41].

№	Товар	Города Енисейской губернии									
		Канск		Красноярск		Минусинск		Енисейск		Ачинск	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1	Мука ржаная, пуд	0	65	0	80	0	65	0	80	0	80
2	Мука пшеничная, пуд	0	85	1	25	0	95	1	40	1	10
3	Крупа гречневая местная, пуд	1	20	1	50	1	40	–	–	2	20
4	Крупа пшеничная, российская	2	00	–	–	–	–	–	–	3	00
5	Соль пермская	0	70	0	80	0	85	0	90	0	90
6	Соль минусинская	0	70	0	65	–	–	0	75	0	90
7	Хлеб печеный ржаной, пуд	1	20	0	80	–	–	–	–	–	–
8	Масло конопляное, пуд	6	20	6	0	4	50	6	00	6	00
9	Яйца, сотня	1	30	1	80	1	10	1	80	1	80
10	Свечи стеариновые, фунт	0	40	0	40	0	40	0	40	0	40
11	Спички, коробка	0	02	0	02	0	02	0	02	0	02
12	Керосин, пуд в бочке	2	90	2	65	3	20	3	00	2	60
13	Уголь каменный	0	25	0	22	–	–	–	–	–	–
14	Мясо 1 сорт, пуд	5	20	5	00	4	40	5	20	4	80
15	Мясо 2 сорт, пуд	4	80	4	50	3	60	4	80	4	80
16	Мясо 3 сорт, пуд	4	40	3	60	3	20	–	–	4	40
17	Телятина 1 сорт, пуд	4	80	5	80	4	80	6	00	6	00
18	Баранина 1 сорт, пуд	3	60	4	20	3	60	–	–	4	20
19	Свинина 1 сорт, пуд	4	40	4	50	4	00	–	–	5	20
20	Сало топленое, пуд	7	00	–	–	–	–	–	–	–	–
21	Сахар головн., пуд	8	10	7	90	8	00	8	20	7	90
22	Сахар-песок, пуд	7	40	7	20	7	40	7	60	–	–

Примечание. В таблице указаны верхние границы цен.

Не слишком быстро росли цены и в Минусинске, который был центром сельскохозяйственного производства, находился вдали от железной дороги. В то время, как в других городах дорожали все продукты питания, в Минусинске поднялись цены лишь на привозные промышленные товары – спички, сахар, керосин и т.п. [11. С. 32–34]. Самая тяжелая экономическая ситуация сложилась в Енисейске. После истощения золотых приисков в начале XX в. для города наступили трудные дни: промышленного производства здесь не было, в поисках работы население покидало город, торговля сокращалась. Это отразилось на доходной части городского бюджета. Если в 1863 г. Енисейское городское самоуправление имело доход 110 000 руб. и никаких долгов, то в 1913 г. 16 руб. дохода и 65 408 руб. долгов. Город объявил себя несостоятельным должником по всем кредитам, средства из городской кассы шли лишь на содержание самого городского управления, полиции, пожарной команды и школы.

Торговцы нигде не соблюдали правил таксировки. Осенью 1915 г. вышло постановление иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева, обязательное для Иркутской и Енисейской губерний, Забайкальской и Якутской областей, запрещавшее всякого рода согла-

шения между торгующими, направленные на повышение цен на продукты и товары первой необходимости. Признанные виновными в нарушении постановления подвергались заключению в тюрьму до 3 месяцев, или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до трех тысяч рублей [12. С. 1]. Но эта мера оказалась малоэффективной из-за того, что коммерсанты ее просто игнорировали, а городские власти не имели полномочий привлечь их за это к ответственности. В условиях экономического хаоса было сложно доказать сам факт спекуляции. Местная печать констатировала: «Мы стоим на пороге широкой, систематической, организованной, но, конечно, негласной борьбе объединенных синдикатов торговцев с органами местного самоуправления за поправное право их монопольной эксплуатации потребителя» [13. С. 4].

Городское общественное самоуправление Канска предпринимало меры по преодолению продовольственного кризиса. Первым шагом стала заготовка городом товаров и распределение их среди населения по заготовительной стоимости. В начале зимы 1914–1915 гг. возник ажиотажный спрос на дрова – их заготовку одновременно начали городское управление, местный военный городок, а также частные потребите-

ли. Цены резко взлетели, погонная сажень березовых дров стоила 7–9 руб. Городская дума видела свою главную задачу в том, чтобы вести заготовку дров заблаговременно, в тот период, когда цены на рынке были наиболее низкими из-за отсутствия сезонного спроса. Эта мера оказалась действенной, в зимний сезон 1915–1916 гг. в Канске дровяного кризиса уже не существовало, цены на дрова снизились до 5 руб. 50 коп. за сажень.

Весной 1915 г. городу удалось получить правительственную ссуду в 10 000 руб. 15–16 июля 1915 г. на заседании городской думы гласные постановили ходатайствовать об увеличении ссуды до 20 000 руб., предполагая потратить 10 000 на заготовку дров и еще 10 000 руб. на закупку продуктов [14. С. 63–73].

Городское общественное управление пришло к выводу, что из-за отсутствия свободных оборотных средств, при всем желании, оно не в состоянии взять в свои руки решение вопроса о снабжении населения продуктами первой необходимости.

В городе действовал кооператив «Канское общество потребителей», который в августе 1915 г. открыл собственную лавку. 25 октября того же года общим собранием членов кооператива была принята резолюция о необходимости создать городской продовольственный комитет для борьбы с дороговизной. По мнению членов кооператива, в продовольственную комиссию было необходимо включить представителей городского управления, кооператива, служащих торговых и торгово-промышленных предприятий, а также горожан. Однако дума постановила: «Уполномочить Городскую Управу передать правлению местного Комитета Всероссийского Союза городов 10 тыс. руб. ссуды и поручить комитету отдела Союза городов из своей среды полноправных членов образовать продовольственный отдел, который должен вести закупкой и продажей всему населению города предметов первой необходимости за наличные деньги» [Там же. С. 67].

Местное отделение Всероссийского союза городов приступило к формированию продовольственного комитета. Состав его был довольно демократичным, в него вошли 5 представителей Союза городов, еще 5 от потребительского кооператива и 5 от действовавших в городе общественных объединений (мещан, служащих в торговых и торгово-промышленных предприятиях, еврейского и церковно-попечительского). Сумма, находившаяся в распоряжении комиссии, была мизерной. Продовольственная комиссия смогла купить на нее вагон сахара и вагон соли. Для использования оставшейся части ссуды в 2 660 руб. был разработан план по закупке зерна и муки. По предложению комиссии 10 января 1916 г. городская дума постановила ходатайствовать о дополнительной правительственной ссуде в 200 000 руб.

В среде гласных Канской городской думы росло недовольство составом продовольственной комиссии. На заседании думы 17 декабря 1915 г. гласный Шатров

воскликнул: «Как можно передать деньги комиссии, в которой заседают лица, замеченные в недобросовестных сделках?» Комиссия сочла себя оскорбленной этим обвинением, потребовала назвать упомянутых лиц. Шатров заявил: «Он подразумевал члена продовольственной комиссии от потребительского общества г[осподина] Г., как лишенного всех прав и состояния и замеченного в сделках с подрядчиком Шолком, который наказал город на 170 р[ублей]» [Там же. С. 69]. К сожалению, не удалось выяснить подробности упомянутой недобросовестной сделки. Однако фамилия подрядчика Шолка встречается в более поздних документах по истории города как причастного к организации волнений солдаток в 1917 г.

В конечном итоге гласные городской думы пришли к выводу, что доверять такой комиссии довольно большие денежные суммы нельзя, так как состоит она из «сброда», и «как бы чего не вышло» [Там же. С. 63–73]. Продовольственная комиссия Союза городов была распущена и составлена новая, в состав которой вошли гласные городской думы. Вторая продовольственная комиссия действовала энергичнее. До получения правительственной ссуды из казны ей удалось получить две ссуды в коммерческом Сибирском торговом банке по 50 000 руб. каждая. На эти средства в Канске был организован ссыпной пункт зерна и муки. Крестьяне охотно повезли хлеб в город. В январе 1916 г. пшеницу закупали у крестьян по цене 1 руб. 35 коп. за пуд, к весне цена на нее упала до 98 коп. за пуд. По сообщению самого крупного местного мукомола А.А. Филимонова, он в этот период смог закупить несколько тысяч пудов пшеницы по цене 1 руб. 20 коп., а раньше на местном рынке держались столь высокие цены, что он был вынужден покупать пшеницу близ Омска. Причина была проста: крестьяне воздерживались от продажи хлеба, ожидая более высоких цен. Когда же все узнали о том, что городское управление запаслось значительными средствами и приступило к заготовке хлеба, поняли, что нет смысла дальше держать хлеб в закромах, и даже стали опасаться, что заготовки будут проходить и в отдаленных регионах – в Новониколаевске или Омске.

С закупкой мяса успех был гораздо меньшим. Комиссия приступила к его заготовке лишь весной, а между тем забой скота крестьяне производили осенью с началом холодов. Поэтому продовольственная комиссия была вынуждена закупать мясо у перекупщиков по завышенным ценам.

Небольшим был успех и в заготовке крупчатки. Комиссия заготавливала ее в тот момент, когда уже обзначилась синдикационная тактика мукомолов искусственно задерживать выпуск в продажу крупчатки в целях повышения цен на нее. Комиссия заготовила 10 вагонов муки у томских мукомолов по самым высоким экспортным ценам. Но и это удалось сделать лишь при помощи и посредничестве Томского банка взаимного кредита и местного городского общественного

банка. На первоначальный непосредственный запрос к томским мукомолам продовольственная комиссия Канска получила полный отказ.

Спекулятивный характер роста цен наиболее наглядно демонстрировала ситуация с солью. Продовольственная комиссия была вынуждена закупать соль пермскую и илецкую на Урале по 75 коп. за пуд, искать транспорт, чтобы привезти ее. Между тем в селе Троицком Канского же уезда функционировал солеваренный завод, в Канске действовал склад соли этого завода. Но местный производитель поднял цену на соль до 1 руб. за пуд.

3 ноября 1916 г. городской голова Канска Т.Д. Леонов созвал совещание городской думы, на котором присутствовали местные купцы и торговцы. Рассматривался вопрос о необходимости установить твердые цены на хлеб. Леонов назвал в качестве причин роста хлебных цен низкий урожай 1915 г. в Канском уезде, сокращение рабочих рук в деревне из-за мобилизаций. Но основной причиной была признана спекуляция. Крестьяне придерживали хлеб в ожидании большей цены за него, подвоз хлеба на городские базары сокращался. Скупая хлеб у крестьян, перекупщики конкурировали между собой и повышали закупочные цены. Вслед за ростом цен на хлеб росли цены и на другие продукты. Участники совещания выразили добровольное согласие покупать хлеб на базарах не дороже следующих цен за пуд: пшеницу – 1 руб. 50 коп., рожь – 1 руб. 20 коп., муку пшеничную – 1 руб. 60 коп., муку ржаную – 1 руб. 35 коп., овес – 1 руб. 20 коп. [15. Л. 2–3]. Однако это соглашение не имело силы обязательного постановления, цены продолжали расти.

На спекуляции наживались состояния, она принимала самые разнообразные формы. Дрова, сено, мясо, привозимые из деревень на городские рынки, скупались оптом, целыми партиями для последующей перепродажи в розницу покупателям. В Канском уезде торговцы ввели особую систему «принудительной продажи» сахара. Так как на сахар была установлена такса, всем желающим его приобрести предлагали сначала купить в лавке что-нибудь еще. Тому, кто не желал покупать ненужный товар, сахар не продавали [16. С. 19]. Спекулянты ехали в южные округа Енисейской губернии и скупали скот у иностранцев. Конкурируя между собой, они подняли цены на мясо в губернии до небывалой высоты [17. С. 26].

В губернии нарастали общественное беспокойство, недовольство стремительным ростом цен, инфляцией, оскудением потребительского рынка. Газета «Отклики Сибири» еще 2 августа 1914 г. отмечала: «Война больно ударила всех, заставив сократить бюджет и ограничиваться лишь самым необходимым. У одних взяты работники, у других – лошади, у третьих уменьшился заработок. Словом, страдают все. Но один класс людей радуется войне и, пользуясь ею, загребает деньги лопатой. Это – торговцы пищевыми продуктами и вообще предметами первой необходимости» [18. С. 3].

На страницы сибирской печати выливалось возмущение деятельностью спекулянтов: «Идет общая погона за барышом, в которой не отличишь заскоружлого деревенского кулачка в дубленном полушубке от европейски вылощенного городского коммерсанта, почтывающего либеральные газеты и изредка преподносящего обществу «дар», который окупают, впрочем, своими копейками его же потребители. Горькие жалобы, вызванные сознанием беспомощности и обидой, несутся со всех сторон. И, быть может, обида играет иногда большую роль, чем экономические соображения» [19. С. 2].

Началось огульное обвинение в спекуляции всех, кто занимался торговлей. Население утратило доверие к властям, широкое хождение приобретали пессимистические оценки будущего, всевозможные слухи. Социальная напряженность начала проявляться в стихийных массовых действиях, в различных формах гражданского неповиновения и протеста. В ноябре 1916 г. в Канске произошли волнения солдаток. Из-за понижения справочных цен на продовольственные товары был уменьшен и паек, который получали солдатки. Около трехсот солдаток ворвались в городскую управу, обвиняя городского голову в том, что он «обсчитывает и обкрадывает» их. Полиции удалось утихомирить солдаток, подвергнув аресту семерых из них сроком на три месяца. Но весной 1917 г. солдатки снова начали проводить собрания. Кто-то распространил слухи по городу о том, что им якобы полагалось пособие не 5 руб. в месяц, а 20 руб. Вечером 1 июня 1917 г. солдатки ворвались в здание городской управы и устроили там погром, сломали мебель, разбросали документы, требовали ареста городского головы. Возглавляли их некто Шолк (уже упоминавшийся выше в связи с деятельностью продовольственной комиссии Канска) и делегат солдатских депутатов Дегтярев, который привлек на свою сторону еще нескольких солдат. В 10 часов вечера вся эта компания ворвалась в дом городского головы Т.Д. Леонова и арестовала его. Под градом насмешек и оскорблений Леонова препроводили в «каталажку» – бывшее здание полиции. Некоторое время спустя его удалось освободить председателю Канского уездного съезда крестьянских депутатов Феофилактову.

Местная печать с тревогой констатировала, что это происшествие свидетельствовало о начале анархии и произвола в городе: «Интересно знать, на каком основании и с чьего разрешения явился к услугам отряда военного караула или конвоя, и неужели милиционер Шолк и солдат Дегтярев настолько всевластны, что могут располагать военной силой – когда и как им вздумается? Если это так, то, действительно, русское общество на краю пропасти, так как никто не гарантирован, что его, по капризу и произволу сих и подобных им вершителей судеб, не схватят и не заточат» [20. С. 4].

Профессор университета Колорадо Б. Энгл дала следующую оценку подобным «бабьим бунтам»: «Такие

столкновения демонстрировали поразительное отсутствие уважения к власти и отсутствие веры в способность и желание этой власти беспристрастно и объективно содействовать урегулированию конфликта между социальными группами. Лишения военного времени и социальная несправедливость усугубляли отношение к власти как некомпетентной и еще в большей степени подрывали представления о ее легитимности» [6. С. 168].

Таким образом, в условиях недостаточного развития производственного сектора экономики в сибирском регионе спекулятивные операции создавали дополнительное инфляционное давление в сфере финансов. Спекуляция привела к нарушению нормальных взаимоотношений между промышленностью и сельским хозяйством: крестьяне перестали отправлять хлеб в город, распространялись натуральные формы товарообмена. Спекуляция делала нормой среди купечества формы экономического поведения, основанные на желании обогатиться любой ценой. В городе начался процесс обнищания основной массы населения.

Предпринимавшиеся городскими общественными управлениями меры были недостаточными. Они не имели системного характера. Не производился учет населения, размеров потребления предметов первой необходимости, подвоза продуктов на местные рынки. При продовольственных комиссиях не существовало статистических отделов, не учитывались данные о железнодорожном и речном грузообороте, топлива и др. К работе продовольственных комиссий не привлекались представители общественных организаций, их состав имел сословный характер – в основном это были представители купечества.

Все эти процессы оказывали воздействие на общественные настроения. В общественном мнении сформировалась установка, что в то время, пока солдаты проливали кровь на фронте, их семьи в тылу боролись с врагом внутренним – спекулянтом, который наживался, пользуясь товарным голодом военного времени, и которому никакого дела не было до государственных и общественных проблем. Такой поиск внутренних врагов вел к расколу общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.
2. *Голубинов Я.А.* Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. 20 с.
3. *Семенова Ю.Е.* «Продовольственный вопрос» в жизни горожан Поволжья в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (7). С. 169–174.
4. *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М. : Весь Мир, 2012. 848 с.
5. *Забелин П.В.* Обеспечение продовольственной безопасности Смоленской губернии в годы Первой мировой войны // Региональные исследования. 2013. № 1 (39). С. 136–142.
6. *Энгл Б.* Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета. 2010. № 1. Т. 4. История. С. 148–178.
7. *Lih L.T.* Bread and authority in Russia, 1914–1921. Los-Angeles. Oxford : University of California Press, 1990. 3041 p.
8. *Вестник* Красноярского городского общественного управления. 1916. № 11.
9. *Маракулин В.* Условия сбыта сельскохозяйственных продуктов в Енисейской губернии. Красноярск : Енисейская губернская эл.-типография, 1916. 12 с.
10. *Красноярское* государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Ф. 31. Оп. 1. Д. 275.
11. *Вестник* красноярского городского общественного управления. 1915. № 11.
12. *Вестник* Красноярского городского общественного управления. 1915. № 16.
13. *Вестник* Красноярского городского общественного управления. 1915. № 10.
14. *Вестник* Красноярского городского общественного управления. 1916. № 6–7.
15. КГКУ «ГАКК». Ф. 921. Оп. 1. Д. 301.
16. *Сибирская деревня.* 1915. (Красноярск). 23 ноя. (№ 21).
17. *Сибирская деревня.* 1916. (Красноярск). 1 ноя. (№ 17–18).
18. *Отклики* Сибири. 1914. (Красноярск). 2 авг. (№ 93).
19. *Жизнь* Алтая. 1915. (Барнаул). 20 фев. (№ 39).
20. *Свободная* Сибирь. 1917. (Красноярск). 14 июня (№ 56).

Dolidovich Olesya M. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dolidovich@mail.ru

SPECULATION IN KANSK COUNTIES YENISEI PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR.

Keywords: Yenisei Province; Kansk; the First World War; speculation.

Saving the principle of free trade in the Russian Empire during the First World War led to rampant speculation. Siberia was a major supplier of food and raw materials for the active army, in 1915 she began to experience serious food difficulties. The article shows that in the agricultural Kansk County of rear Siberian province speculation became one of the major reasons for the increase in agricultural prices and food shortages. With the outbreak of hostilities supply of goods from the occupied territories had ceased. Russian producers lost foreign raw materials, their production decreased significantly. Factories and plants reoriented their work primarily on the needs of the army. The purchases of food for the army on the domestic market were carried out without the consent of the interests of the local population. All this was accompanied by a disorder of the credit system, the depreciation of the ruble, rising taxes. The war affected the rail system: boxcars were used for troop transport. For the Siberian region it had disastrous consequences, since there was no industrial production of consumer goods. Due to the lack and high cost of many products on the market, as well as a ban on sales of alcoholic beverages increased consumption of grain. Given the overall economic situation in the country, military defeats, the peasants held back grain in anticipation of higher prices for it, supplies of grain to the city markets declined. Buying grain from farmers, dealers compete with each other and increased purchase prices. Following the increase in the price of grain, the prices of other products rose as well. The

situation in 1916 was very hard everywhere. Many products completely disappeared from the market, on the others the prices were kept high. On speculation someone made a fortune, it took a variety of forms. Local authorities within their powers were not able to restrain or prevent numerous facts of buying and reselling products for profit. System of fixing the prices, municipal wholesale procurement of essential commodities and selling them to the public at reduced prices, cooperation with consumer cooperatives, police and administrative measures did not give results. Extraordinary nation-wide measures were required. Speculation led to the paradoxical situation: despite the large stocks of products in the region, lack of food crisis in the country, there was an artificial shortage of products in the Siberian cities. The largest increase of the price was for essential products – bread, meat, potatoes, butter. This increase was taken seriously by the poorest people of towns and villages. Rumors about oncoming hunger and the introduction of cards were spreading. The increasing social inequality during the war was perceived negatively, embittered the people, and turned into a conflict factor. Difficult economic situation, loss of authority of political power, violation of the principles of social justice, inefficient work of local authorities – these and other factors shaped the social tensions in Kansk County. In the county there were no signs of hunger, no food riots. But in 1916 and 1917 in Kansk took place the soldiers' disturbances. They were a spontaneous form of social protest and took place at the time when the population has felt the weakening of state power in the country.

REFERENCES

1. Kir'yanov, Yu.I. (1993) Massovye vystupleniya na pochve dorogovizny v Rossii (1914 – fevral' 1917 g.) [Mass demonstrations against high costs in Russia (1914 – February 1917)]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 3-18.
2. Golubinov, Ya.A. (2009) *Prodovol'stvennyy vopros v Srednem Povolzh'e v gody Pervoy mirovoy voyny* [The food problem in the Middle Volga in the First World War]. Abstract of History Cand. Diss. Samara: Samara State University.
3. Semenova, Yu.E. (2011) “Prodovol'stvennyy vopros” v zhizni gorozhan Povolzh'ya v gody Pervoy mirovoy voyny [“The food problem” in the lives of the citizens of the Volga region during the First World War]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 1 (7). pp. 169-174.
4. Mironov, B.N. (2012) *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [The well-being of the population and the revolution in Imperial Russia: the 18th – early 20th centuries]. Moscow: Ves' Mir.
5. Zabelin, P.V. (2013) Role of a zemstvo and city self-management in the decision of a food question in period of the First World War (on materials of Smolensk province). *Regional'nye issledovaniya – Regional Research*. 1 (39). pp. 136-142. (In Russian).
6. Engle, B. (2010) Ne khlebom ediny: zhenshchiny i prodovol'stvennye besporyadki v Pervuyu mirovuyu voynu [Not by Bread Alone: Women and food riots in the First World War]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (4). pp. 148-178.
7. Likh, L.T. (1990) *Bread and authority in Russia, 1914–1921*. Los-Angeles: Oxford: University of California Press.
8. *Vestnik Krasnoyarskogo Gorodskogo Obshchestvennogo Upravleniya*. (1916). 11.
9. Marakulin, V. (1916) *Usloviya sbyta sel'skokhozyaystvennykh produktov v Eniseyskoy gubernii* [Conditions of sales of agricultural products in Yenisei province]. Krasnoyarsk: Yenisei Gubernia Tipography.
10. Krasnoyarsk State Institution “State Archives of the Krasnoyarsk Territory” (KGKU “GAKK”). Fund 31. List 1. File 275. (In Russian).
11. *Vestnik krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. (1915). 11.
12. *Vestnik krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. (1915). 16.
13. *Vestnik krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. (1915). 10.
14. *Vestnik krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. (1916). 6–7.
15. Krasnoyarsk State Institution “State Archives of the Krasnoyarsk Territory” (KGKU “GAKK”). Fund 921. List 1. File 301. (In Russian).
16. *Sibirskaya derevnya*. (1915) 23th November
17. *Sibirskaya derevnya*. (1916). 1th November.
18. *Otkliki Sibiri*. (1914) 2nd August.
19. *Zhizn' Altaya*. (1915) 20th February.
20. *Svobodnaya Sibir'*. (1917) 14th June.

УДК 331.797 (574)
DOI 10.17223/19988613/35/7

А.Ж. Нургалиев

ПРОМЫСЛОВЫЕ АРТЕЛИ КАЗАХСТАНА – ФРОНТУ

Анализируются усилия кооперативных предприятий Казахской ССР, которые предпринимались ими по обеспечению армии и фронта обмундированием и снаряжением. На конкретных примерах показано решение таких проблем, как снабжение артелей сырьем и комплектующими материалами, обеспечение их квалифицированными кадрами, транспортом и финансовыми средствами. Уделено внимание хозяйственным связям со смежниками, включая государственные заводы и учреждения. Описана помощь со стороны местных советских и партийных органов. Сделан вывод о том, что промысловые кооперативы в короткий срок превратились в составную часть оборонно-промышленного комплекса республики, ощутимо повысив его эффективность.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Казахская ССР; промысловые артели; выполнение военных заказов.

Нападение Германии на СССР представляло угрозу существованию не только славян. Известно, что главной целью агрессивного плана «Барбаросса» был разгром русских как государствообразующей нации и разобщение их. Но предполагалось также ликвидировать национальную культуру народов, входящих в Советский Союз. Немцы хотели разделить захваченные территории на рейхскомиссариаты. Один из них получил условное название «Туркестан», куда «включили» и юг Казахстана. Остальные районы республики гитлеровцы намеревались присоединить к так называемым «индустриальным областям» и «Идель-Уралу» [1. С. 28]. Это неминуемо привело бы к потере казахами своего этнического единства, которое складывалось на протяжении столетий, и предопределило бы их последующую духовную и физическую деградацию.

Противостояние мощному, хорошо вооруженному и опытному врагу, установившему господство практически над всей Европой, потребовало скорейшей мобилизации всех сил и средств Советского государства, включая и кооперативную промышленность, которая до войны занималась, главным образом, изготовлением товаров широкого потребления: одежды, обуви, мебели, металлоизделий и др. В Казахстане она располагала ощутимым экономическим потенциалом. Так, предприятия республиканского промыслового совета (Казпромсовет) в 1940 г. были представлены 489 артелями, объединявшими 36,3 тыс. человек. Кооперация инвалидов (Казкоопинсоюз) насчитывала 77 артелей с числом членов свыше 4 тыс. Валовый объем их продукции составил, соответственно, 209,6 млн руб. и 16,76 млн руб. в неизменных ценах 1932 г. [2. С. 76–77; 3. С. 106].

Через три дня после вероломного нападения Германии состоялся пленум ЦК Коммунистической партии большевиков Казахстана (КП(б)К), который обязал партийные и советские организации немедленно перестроить жизнь республики на военный лад. Но степень грозившей опасности еще до конца не осознавалась. Поэтому главная задача по-прежнему виделась в неукоснительном соблюдении решений союзного руководства от 7 января 1941 г., нацеленных на увеличение производства товаров широкого потребления местной и кооперативной промышленностью [4. С. 208–

209]. Тогда еще никто не думал, что и малым предприятиям, находившимся в ведении промкомбинатов и областных промысловых советов, тоже придется заниматься военными поставками.

Однако приняв во внимание ухудшение обстановки на фронтах, КП(б)К 7 июля 1941 г. принял постановление «О мобилизационной готовности Казпромсовета и предприятий его системы». Руководителя промысловой кооперации Джунусова партийные власти обязали уточнить в декадный срок через начальника Алма-Атинского гарнизона и штаб Среднеазиатского военного округа мобилизационные задания по изготовлению обмундирования, белья и ремонту обочно-вещевого имущества, а также обеспечить подготовку в артелях женщин-работниц для замены мужчин, уходящих в Красную Армию. Военному комиссару КазССР Щербакову и секретарям обкомов КП(б)К предписывалось всячески помогать областным промысловым советам, координировавшим деятельность низовых кооперативов в каждом регионе республики, «в деле решительного повышения их мобготовности».

Из текста документа следует, что с первых дней войны кооператоры начали передавать в распоряжение военных принадлежавшие им автомашины, лошадей, повозки, упряжь, тару для хранения нефтепродуктов, производственные и административные помещения, в которых теперь размещались призывные комиссии и формировались маршевые роты [5. С. 39–40]. Казпромсовету пришлось пожертвовать и домом по адресу г. Алма-Ата, ул. Кордонная, 128, где находился учебно-курсовой комбинат, готовивший для системы квалифицированных специалистов [Там же. С. 39, 40; 6. Л. 66; 7. Л. 121]. В добровольно-принудительном порядке основные средства изымались также из системы Казкоопинсоюза, несмотря на то что там работали в основном инвалиды. Они отдали для нужд армии 16 меринов-тяжеловозов, 9 исправных автомобилей, 7 фургонов, 1 типографский станок, 1 пишущую машинку и патефон для госпиталя. Зданий и сооружений от них было принято на сумму 215,2 тыс. руб. [8. Л. 6].

В течение второго полугодия 1941 г. система промкооперации должна была изготовить для оборонного

ведомства 17 500 бричек, как на железных колесах, так и на деревянном ходу. С этой целью ей выделялось 3 вагона лиственничного леса, 149 т сортового железа и весь металл, находящийся на базах утильсырья. Кроме того, осуществлялись фондовые поставки 3,8 тыс. комплектов специальных деталей. Свыше 4 тыс. подобных комплектов предстояло приобрести самостоятельно в порядке децентрализованного закупа с использованием собственных средств и последующим расчетом с армейскими интендантами по акту сдачи-приемки готовых изделий. Госплан республики получил указание в первоочередном порядке удовлетворять потребности Казпромсовета, продиктованные данным заказом [9. Л. 297–298].

Важность его трудно переоценить. Ведь тогда повозка, запряженная лошадью, являлась едва ли не основным средством внутривойсковой коммуникации. Легкие армейские внедорожники американской фирмы «Виллис», которые использовались как командирские автомобили и тягачи для 45-миллиметровых противотанковых пушек, стали поступать по ленд-лизу лишь во второй половине 1942 г. Всего за годы войны в Советский Союз их было отправлено около 52 тыс., так что с учетом потерь и издержек эксплуатации автомашин (запчасти, ремонт, затраты горючего и масел) значение армейского обоза сохранялось и на заключительном этапе военных действий.

Одним из наиболее крупных (свыше 400 рабочих) и оснащенных кооперативных предприятий, занимавшихся обозостроением, была алма-атинская артель им. Чкалова. На нее пришлось шестая часть правительственного задания (требовалось изготовить 3 000 бричек). С 1 августа по 31 декабря 1941 г. удалось собрать 1 428 шт., или 47,6%, бричек. Невыполнение объяснялось тем, что кооператоры столкнулись с рядом проблем. Обнаружилась острая нехватка стали различных сортментов, а также готовых деревянных деталей, обрезной доски, сверл и топлива. Надо сказать, что в описываемое время использование сырья и материалов жестко контролировалось. В системе промкооперации КазССР за этим следила специальная комиссия в составе: заведующего сектором материальных фондов Казгосплана Леонова, руководителя материальной отрасли Казпромсовета Луппова, инженера Алма-Атинского городского промыслового союза Лукашевича и начальника лесогруппы Казпромснаба Сквирского. В ходе предпринятой ими 2 января 1942 г. проверки было установлено, что перерасход леса объясняется излишней толщиной полученного бруса. При его последующей обработке до установленного артикулом размера в стружку уходило 17,9% дерева. Металлические узлы колес и кузова армейской брички ввиду отсутствия кондиционного железа делались из разносортной обрезки, отчего также образовывались значительные отходы. Комиссия вместе с председателем правления артели им. Чкалова Россиным подсчитала, что для выполнения спецзадания потребуется дополни-

тельно 289 кубических метров древесины, 74,8 т сортового металла, 620 т кокса и 172 т древесного угля [10. Л. 1, 140].

Конечно, кое-что кооператоры добывали в порядке самозаготовок, например олово на Жана-Аркинском месторождении кассирита в Карагандинской области. Контингентом из 120 заключенных, предоставленных НКВД в распоряжение одной из местных артелей, руководили ее председатель Ткач и член правления, коммунист Тюлемисова [11. Л. 99]. В заброшенных разрезах разрабатывали открытым способом угольные пласты. Сдирали деловое железо со старых колхозных повозок и после доработки обивали им армейские брички. Собирали металлолом в аулах и горных селениях, вывозя его оттуда на вьючных животных, предоставленных местными жителями. Рубили березу в лесных районах республики и по рекам сплавливали бревна до мест назначения. Однако предпринимаемые усилия кардинально исправить ситуацию не могли.

Особенно тяжело было, когда заканчивалось топливо. В мирное время (1940 г.) промысловикам выдавались наряды на нефть (310 т) и кокс (21 500 т). Этого, в принципе, хватало для обеспечения производственных процессов. С началом войны отоваривать фонды практически прекратили. Убыль энергоносителей компенсировали в основном дровами. Но в Казахстане с его обширной степной зоной лесосеки – редкость. Алма-Атинский горисполком смог выделить горпромсоюзу делянку в районе Чарынской дачи в 350 км от города. Расстояние от нее до ближайшего водоема составляло 65 км. После 5 месяцев мучений и жалоб участок отвели совсем рядом, у городского озера, но управление госзаповедников валить деревья там запретило. Выход из тупика нашли члены артели «Пимокат». Они переоборудовали два своих паровых котла по методу доцента горно-металлургического института Левина. Жаровую трубу обложили огнеупорным кирпичом, топку снабдили поддувом и убрали колосниковую решетку. Коэффициент полезного действия повысился вдвое, несмотря на то что сжигали не уголь, а торф, саксаульную пыль и кизяк. Об удачном нововведении рассказали в газете [12. Л. 51; 13].

Ритмичной доставке сырья в мастерские и готовых изделий на склады заказчика препятствовала слабая транспортная база. Так, деревянные комплектующие бричек делали предприятия Уйгурского района, располагавшиеся в 300 км от Алма-Аты. В то же время для того, чтобы отправить новый обоз армейским частям по железной дороге, его надо было подвезти к станции на грузовиках, которые военное ведомство мобилизовало у кооператоров еще в августе 1941 г. Кстати, интересное решение вопроса нашли в Казкоопинсоюзе, занятом пошивом обмундирования. Те артели инвалидов, которые испытывали транспортные затруднения, были освобождены от спецзаданий. Их разверстали среди товариществ, которые находились вблизи от баз снабжения и приемки готовых изделий.

В новых условиях выявился дефицит квалифицированных кадров. 70 человек призвали в армию. Оставшиеся работали сверхурочно по 3 часа в день, хотя эта норма и противоречила действующему Уставу промышленной артели. Внесение соответствующих поправок в трудовые отношения санкционировали СНК КазССР и ЦК КП(б)К 16 августа 1941 г. «Трехсменку» и свободный найм надомников разрешили еще раньше – 17 июля [5. С. 55, 104, 105]. С наступлением осени, а потом и зимы, вечерами и ночами люди трудились при свете керосиновых ламп. Керосин для них покупали сами, потому что на артель выделялось всего по 750 гр. жидкого топлива в месяц. Помимо этого сократили вспомогательный персонал, провели замену молодых сторожей на «менее трудоспособных».

Чтобы полностью сосредоточить кооперативы на скорейшем выполнении оборонных заказов, партийные власти воспретили отвлекать их персонал на хлебоуборку. В Алма-Ате это правило соблюдалось. Но на местах нашли «выход». Глава Кустанайского областного промышленного совета Тимачев жаловался вышестоящему начальству, что военнообязанных от 16 до 50 лет из товариществ, занятых производством бричек для Красной Армии, по приказу военкомата 28 сентября 1941 г. послали на однодневные сборы. Затем всех людей вместе с командирами погрузили в вагоны и отправили в колхозы убирать урожай. Сам Тимачев, как только узнал об этом, лично приехал на станцию, но смог отстоять только нескольких руководителей и мастеров. В результате большинство кооперативных цехов закрылось [11. Л. 115]. Прекращению самоуправления способствовал циркуляр ЦК КП(б)К и СНК КазССР от 1 октября 1942 г., согласно которому никто не имел права распоряжаться работниками, находящимися в ведении Казпромсовета, без его согласия. Тем не менее и этот «строгий запрет» постоянно нарушался местными партийными и советскими органами, вынужденными экстренно отдавать распоряжения мобилизационного характера [14. Л. 116].

Однако вернемся к артели им. Чкалова. Исходя из задания II квартала 1942 г., ей требовались дополнительно 93 кузнеца, 22 слесаря, 15 токарей, а также электросварщики, электромонтеры и механики. Положение усугублялось тем, что по решению ЦК КП(б)К и СНК КазССР учебно-курсовой комбинат Казпромсовета в Алма-Ате, готовивший мастеров для системы промкооперации, расформировали и его помещение передали гарнизону. На производство пришли подростки и женщины – домохозяйки, жены военнослужащих, которые непосредственно на рабочем месте осваивали тяжелые мужские профессии в порядке бригадного и индивидуального ученичества. На их обучение в целом по системе было выделено свыше 400 тыс. руб. Ускоренную подготовку с августа по ноябрь 1941 г. прошли 1 569 человек. Из их числа артель им. Чкалова заполнила 282 вакансии. Особо отличилась девушка по фамилии Безматерная. Она заменила

ушедшего в РККА кузнеца Серебрянникова и уже через полтора месяца самостоятельно справлялась с поковкой металлических узлов повозки. Сентябрьское задание она выполнила на 201%, октябрьское – на 256% [10. Л. 127; 15. Л. 72].

Тормозили работу смежники – механический завод, трамвайный трест, депо станции Чарская, – задерживающие поставки чугунных осей и втулок. Даже то, что поступало вовремя, зачастую не соответствовало техническим стандартам. Кооператорам приходилось самим исправлять недочеты. Кроме того, трамвайный трест за изготовление одной оси запросил 81,4 руб., тогда как расчетная цена других организаций вместе с расходным материалом укладывалась в 33,26 руб. Только за II квартал 1942 г. переплата по данной позиции составила 20,4 тыс. руб. [10. Л. 139].

Дороже стала обходиться кооператорам деловая древесина, которую получали не из специального фонда обороны по минимальным расценкам, а из резерва, предназначенного для производства товаров широкого потребления. Правление товарищества вынуждено было периодически обращаться в Главное инженерное управление Красной Армии, к интенданту I ранга Курсакову и военному комиссару Ахметову с ходатайствами о пересмотре плановой калькуляции на брички. Военные в апреле 1942 г. согласились увеличить оплату с 997 до 1 100 руб., хотя к тому времени себестоимость одной повозки возросла до 1 582 руб. Но и эти деньги за уже принятую военпредом продукцию Управление обозо-хозяйственного снабжения РККА выплачивать не спешило. К маю 1942 г. оно задолжало кооператорам 550 тыс. руб. Неудивительно, что в артели сложилось тяжелое финансовое положение. Образовались дефицит оборотных средств и трехмесячный долг по заработной плате, что, естественно, не добавляло членам коллектива трудового энтузиазма. Председатель товарищества Россин, не видя перспектив выполнения военного заказа и опасаясь репрессивных мер (в 1941 г. только по Алма-Атинскому городскому промышленному союзу за срыв спецзаданий Правительства были сняты с работы и исключены из партии 7 руководителей артелей), даже предлагал секретарю ЦК КП(б)К Шахинову передать кооперативный обзостроительный завод в ведение Наркомата местной промышленности. Но эту инициативу власти не одобрили, поскольку пришлось бы возвращать трудовому коллективу паевые взносы [Там же. Л. 139–140; 16. Л. 11].

В военный период встречались прецеденты совершенно иного свойства. Там, где хозяйственность кооператоров сочеталась с предприимчивостью и управленческим талантом председателя, артели демонстрировали высокую степень эффективности. Наличие собственного аппарата снабжения, внутрисистемное маневрирование ресурсами с опорой на местную составляющую, использование многообразных видов занятости давало им весомые преимущества перед излишне централизованной структурой Наркомместпрома. Руководители ряда реги-

онов даже вынуждены были преобразовать небольшие государственные предприятия в кооперативы с тем, чтобы улучшить их работу. Так поступил Акмолинский облизполком с кожевенным заводом, который с мая 1943 г. стал именоваться артелью «имени Героя Советского Союза, батальонного комиссара панфиловской дивизии Малика Габдуллина» [17].

Однако в первый год войны промысловики, в связи с освоением ими целого ряда специальных изделий, остро нуждались в поддержке властей. Председатель президиума Казпромсовета Круглов 17 января 1942 г. обратился к Зампреду СНК КазССР Заговельеву, своему бывшему коллеге, до ноября 1941 г. возглавлявшему республиканскую промкооперацию, с просьбой об адресной помощи промысловому товариществу им. Чкалова. В ней он сформулировал предложения, которые, по его мнению, могли бы исправить ситуацию. Так, следовало весь цикл производства сосредоточить в артели, устранив, тем самым, ненадежных смежников. Для этого надо было расширить производственные площади, транспортные возможности и выделить дополнительное оборудование в виде 9 токарных станков по металлу, 2 механических кузнечных молотов, 5 прессов, 4 болторезных станков. Круглов ходатайствовал о передаче «чкаловцам» всего леса, заготавливаемого в окрестностях республиканской столицы (поставки из Куйбышева и Уфы не покрывали и 5% потребности в дереве), а также о бесперебойном снабжении их металлом головной конторой Металлосбыта с тем, чтобы не зависеть от целевых, но нерегулярных поставок с Магнитогорского комбината [16. Л. 4–8].

Партийные органы в лице секретаря Алма-Атинского горкома партии Жуланова и председателя городского совета депутатов Абдыкалыкова тоже подключились к решению данного вопроса. В докладной записке на имя Секретаря ЦК КП(б)К Досымова и главы Правительства Казахской ССР Ундасынова, датированной 10 января 1942 г., они обращали внимание республиканского руководства на увеличение с началом войны производственной программы промышленной артели им. Чкалова более, чем в два раза, тогда как ее промфонд остался прежним. К выполнению спецзаказа пришлось привлекать ряд других предприятий местной и кооперативной промышленности, снимая с них задания по ширпотребу, что отрицательно сказалось на обеспечении населения предметами повседневного спроса.

Пазобравшись на месте с причинами отставания, городское начальство пришло к выводу о необходимости дополнительного закупа артелью 200 лошадей, сооружения на ее территории водопровода, сушилки, термической печи, литейного цеха с вагранкой, навеса для хранения готовой продукции и узкоколейки до ближайшей ветки Туркестано-Сибирской магистрали. На осуществление данных мероприятий запрашивался банковский кредит в сумме 775 тыс. руб.

Получить его без санкции ЦК КП(б)К и Правительства КазССР было нереально. Госбанк по существующему законодательству мог давать деньги: а) под запасы сырья; б) под отгруженные товары; в) под остатки готовой продукции. У кооператоров имелось некоторое количество изготовленных брочек, но их залог не обеспечивал требуемых капиталовложений.

В записке приводился перечень станков и механических приспособлений, в которых нуждалось товарищество им. Чкалова. Предлагалось передать ему 90 единиц техники из фонда эвакуированного оборудования, в том числе токарные станки по металлу и дереву, болторезные и сверлильные агрегаты, эксцентриковые и фрикционные прессы, циркулярные пилы, механические молоты, электромоторы. На документе есть пространная резолюция, содержание которой сводилось к следующему: проверить обоснованность предложений и, по-возможности, поддержать [10. Л. 38–39].

Местные власти, будучи уверенными в том, что их обращение будет услышано и республиканский центр отдаст соответствующие директивы, увеличили задание для артели на I квартал 1942 г. до 3 500 брочек, но затем скорректировали его до 2 400 единиц. Однако за период с января до середины марта 1942 г. было изготовлено всего 814 штук, или 34% [Там же. Л. 125].

Своевременный подвоз комплектующих деревянных деталей вновь оказался узким местом. Его «расшивкой» занялось уже Бюро ЦК КП(б)К. На заседании 18 марта 1942 г. стоял вопрос «Об обеспечении транспортом артели им. Чкалова для вывоза брочечных деталей с Чарынской лесодачи». Директивы высшего партийного органа республики сводились к следующему: Наркома автотранспорта КазССР Имансентова обязали выделить 5 грузовых автомашин, в том числе две газогенераторные ЗИС-5. Последние имели силовую установку, работавшую не на бензине, а на твердом топливе, чаще всего на дровах. При некоторой потере мощности такая машина не нуждалась в заправках и могла с успехом использоваться в сельской глубинке. Еще один бортовой автомобиль передавал кооператорам руководитель Наркомлеса Джапзаков. От него также потребовали рационально использовать встречные порожние маршруты ведомственных грузовиков для обслуживания кооперативных поставок. Из системы Казпромсовета сроком на 1 месяц мобилизовывались в артель 50 одноконных подвод. Уполномоченный Наркомата заготовок Светлов должен был поставить кооператорам 10 т зернофуража для тяглогового скота, а республиканский Главнефтьсбыт – 3 т бензина. Контроль за реализацией намеченного возлагался на секретаря ЦК по промышленности Шахшина [18. Л. 235–236].

К сожалению, многие документы кооперативных предприятий и организаций той поры утеряны или уничтожены как малоценные. Поэтому сегодня невозможно восстановить в подробностях процедуру исполнения вышеупомянутых решений партийных органов. Но, судя по их характеру и обстоятельствам, в которых они при-

нимались, можно говорить о достаточно высокой степени эффективности управления промышленными кооперативами в экстремальных условиях тотальной войны. Сохранившиеся архивные материалы свидетельствуют, что за годы войны система Казпромсовета изготовила брочек 22 220, телег – 6 577, саней – 25 000 штук. Большая часть этого снаряжения предназначалась для фронта [19. Л. 10–11]. Успехи были бы еще значительнее, но некоторые товарищества, имевшие спецзадания, явочным порядком по решению местных властей перепрофилировались на выполнение всевозможных ремонтных работ. Так, артель «Красный ломовик» (Кокшетауский район Северо-Казахстанской области) в первом квартале 1942 г. обслуживала исключительно потребности райвоенкомата, а 40 пароконных ходов для армии сделать так и не успела [10. Л. 191].

Ассортимент изделий, которые промышленные артели производили в рамках оборонных заказов, не исчерпывался обозом. В Постановлении СНК КазССР и ЦК КП(б)К «О дополнительном изготовлении и поставке вещевого имущества для Красной Армии в III квартале 1941 г.» от 7 июля 1941 г. на промышленную кооперацию Казахстана возлагалась задача пошить 30 тыс. гимнастеров, столько же солдатских шаровар и ватных телогреек, по 100 тыс. нательных рубашек и кальсон. Правительство республики настаивало на переводе предприятий, среди которых разверстывался данный спецзаказ, на ежесуточный график и трехсменный режим работы, а также разрешило по максимуму задействовать надомников. Главу Казпромсовета Джунусова обязали еженедельно докладывать о ходе выполнения настоящего постановления [5. С. 55].

Спустя две недели Бюро ЦК КП(б)К решило проверить, как идет выполнение утвержденной программы кооперативной промышленности. Выяснилось, что в течение июля спад производства составил 27,6%. Причину увидели в иждивенческих настроениях руководителей артелей, надеющихся на помощь центра, их неумении мобилизовать внутренние резервы и местные ресурсы. Партия дала понять, что подобные упущения в условиях военного времени будут расцениваться как преступление перед страной. Ответственного за работу предприятий республиканского подчинения, заместителя Председателя СНК КазССР Ерофеева строго предупредили. Ему в подчинение дали группу квалифицированных и проверенных специалистов, перед которыми поставили задачу срочно заняться изысканием новых источников сырья и материалов, внедрить поцевую диспетчеризацию технологических процессов и во что бы то ни стало преодолеть отставание [20. Л. 265–267].

Однако усиление административного нажима не принесло результатов: 2 ноября Бюро ЦК констатировало, что оборонный заказ III квартала сорван. По Казпромсовету выпуск шинелей составил 0,9%, гимнастеров – 48,3%, ватных шаровар – 52,8%; по Коопинсоюзу показатели были еще хуже – от 0 до 12,5%, хотя надо отметить, что и в этих немисливо сложных обстоя-

тельствах некоторые промышленные товарищества показывали чудеса предприимчивости и трудового героизма. Так, столичная артель «Трикотажник» во втором полугодии 1941 г. выдала продукции сверх плана на 190,4 тыс. руб. [21. С. 176]. Теперь порция суровой критики досталась главам снабжающих организаций: Казснабпрома (Семеновых) и Казснаблеглома (Чалов). Их обвинили в том, что они оставили артельщиков совершенно без сырья. Первым секретарям обкомов, горкомов, райкомов было сделано внушение за крайне редкие посещения кооперативных предприятий, работающих для фронта. Одному из лидеров алмаатинских коммунистов Васильеву и председателю республиканской кооперации инвалидов Корту объявили выговоры, причем последнего пригрозили снять с должности и исключить из ВКП(б).

Выход увидели в доведении до каждого участка и каждого исполнителя сменного плана-задания, ежесуточной телеграфной отчетности, переходе, там, где это возможно, на круглосуточный режим функционирования. Ответственных товарищей из отраслевых наркоматов и партийных комитетов обязали периодически бывать на местах, инструктировать рабочих, оказывать содействие в развертывании социалистического соревнования, движения рационализаторов и двухсотников. Подчеркивалось, что отныне деятельность первичных партийных и комсомольских организаций будет оцениваться в зависимости от того, как их коллективы справляются с армейскими заказами. О степени значимости, которую приобрела промышленная кооперация в чрезвычайных условиях войны, можно судить по тому, что банкам спустили директиву беспрепятственно ее кредитовать. Представителей Казпромсовета и Казкоопинсоюза даже наделили правом контролировать республиканские «снабы» [22. Л. 148–152].

Загрузке производственных мощностей способствовало решение СНК КазССР от 29 января 1942 г. о переработке на теплые вещи для Красной Армии верхней одежды, собранной у населения. Предметы гардероба, сданные гражданами в помощь фронту, перешивались на армейский лад. Особо ценились меховые изделия. Например, из лисьего салопа, который принесла на приемный пункт пенсионерка Мария Игнатьевна Кальмина, получился отличный летний комбинезон [23]. Использование этого специфического источника позволило промышленной кооперации Казахстана за 8,5 месяцев изготовить или отремонтировать 14 740 полушубков, 6 643 шерстяных жилета, 39 999 пар валенок, 16 882 шапки-ушанки. Чтобы справиться с целым потоком бывшей в употреблении одежды, пришлось даже оборудовать новые мастерские. Например, в Семипалатинском облпромсоюзе таковых было открыто 3, в Джамбульском – 17, в Северо-Казахстанском – 23 [24. Л. 1].

Для изготовления армейских валенок требовались особо прочные колодки из редкой породы дерева –

граба, которые до войны привозили из Белоруссии. Теперь их делали мастера из семипалатинского «Пимоката» во главе с орденоносцем, участником войны Виктором Алексеевичем Лапиным. Для этого они использовали широко распространенные в здешних лесопосадках тополь, ясень, ель. Одну смену работали по специальности – катали валенки, а в остальное время учились вырезать колодки. Вскоре все они стали квалифицированными колодочниками. Благодаря смекалке механика Полещука, придумавшего специальную центрифугу для сушки валенных заготовок, срок службы одной колодки увеличился с двух раз использования до семи [15. Л. 71].

Большинство наименований приходилось осваивать впервые, а времени на обучение персонала не было. Оригинальный метод быстро и дешево овладеть технологией пошива шинелей придумали в Кызыл-Ординском товариществе «Разнопром». Там перед тем, как перейти на их массовый выпуск, купили старый экземпляр солдатского «пальто», распорили его, внимательно изучили каждый лоскут и определили последовательность швейных операций. Попутно удалось создать практически безотходную методику кроя [11. Л. 158]. Обратной стороной медали явилось несоблюдение линейки ростовок при запуске пошивочного конвейера, но и с этим впоследствии справились. По совету эвакуированного специалиста ввели нумерацию деталей для шинелей разных размеров.

В настоящую головную боль превратилось снабжение сырьем. Так, наборов фурнитуры и креплений к лыжным ботинкам Семипалатинскому облпромсоюзу прислали соответственно 4,2 и 1,1 тыс. вместо необходимых 100 тыс. Выручили слесарно-механические мастерские областного управления местной промышленности, согласившиеся изготовить недостающие комплекты [Там же. Л. 110]. Если получалось изыскать местные материалы, то надо было проходить через утомительную волокиту с заменой артикулов, фасонов пуговиц, цвета и толщины ниток. Старые швейные и сапожные машины время от времени ломались, и тогда запасные части к ним приходилось покупать у населения или делать самим. Обыкновенные иголки ценились на вес золота.

На ритмичность работы промысловых товариществ пагубно влияла задержка взаиморасчетов. Так, в конце 1941 – начале 1942 г. в Казахском управлении промышленного снабжения (Казпромснаб) хлопчатобумажные ткани имелись уже в достаточном количестве, но не отпускались кооператорам ввиду временного отсутствия у них финансовых средств. На тот момент Народный комиссариат обороны задолжал Казпромсовету 6 318 тыс. руб. За время вынужденного бездействия только одна алма-атинская артель им. XX лет КазССР могла бы сшить 2 550 комплектов белья и 550 ватных костюмов [25. Л. 102–103].

Областные власти осознавали опасность недофинансирования промкооперации и на своем уровне при-

лагали усилия для ее преодоления. В частности, Акмолинский обком КП(б)К в марте 1942 г. открыл специальный счет в Кокчетавском отделении Госбанка, куда зачислялись целевые взносы и пожертвования, собранные у населения на пошив и ремонт теплых вещей для Красной Армии. Затем деньги направлялись промышленникам [26. Л. 76]. Сыграли свою роль меры по расширению банковского кредитования, снижению себестоимости продукции и повышению производительности труда. В совокупности это привело к увеличению прибыли, которая, вместе с паевыми взносами, почти целиком шла на пополнение оборотных средств.

С октября 1941 г. власти подключили промысловые товарищества к программе по созданию национальных войсковых соединений. В соответствии с ней торгующие организации – Облторготделы и райпотребсоюзы – за счет рыночных и децентрализованных фондов подряжались обеспечивать артели тканями, сыромятью, кирзой, овчинами. Кооператоры, кроме летнего и зимнего обмундирования (шинелей, гимнастерок, шаровар, нательного белья, пилюток, брючных ремней, валенок, полушубков), стали поставлять в армию патронташи, вещмешки, полевые сумки, солдатские котелки, столовые ложки, танкистские шлемы, конскую сбрую, темляки для ножей и сабель, выюки для ручных пулеметов и минометов, маскировочные костюмы [5. С. 96, 114, 148, 168, 171, 197, 200–202, 376–378; 27. Л. 20].

Наиболее технически оснащенным артелям, например алма-атинскому «Новому строю», доверили делать головки и запалы ручных гранат, детали авиабомб. Сентябрьское задание 1942 г. было выполнено на 201%, а выработка на одного рабочего выросла с 976 до 2 124 руб., или на 211%. В течение всего времени, пока люди трудились для фронта, никто не опаздывал и не совершал прогулов. Передовиками стали даже те, кто раньше числился в отстающих [7. Л. 46]. Некоторые предприятия кооперативной промышленности освоили производство бутылок с «коктейлем Молотова». В Казахстане их называли «КС» – коварная смесь. Запущенная в борт или корму вражеского танка, такая бутылка разбивалась, а содержащаяся в ней жидкость моментально вспыхивала. Огонь по кабельным каналам и щелям проникал в моторный отсек и боевая машина загоралась. Это было грозное противотанковое оружие [28. С. 26].

В июне 1942 г. по просьбе командования Казпромсовет отправил Южному фронту несколько тысяч индивидуальных сумок артиллерийского мастера, снабженных гаечными и разводными ключами, отвертками, молотками, зубилами, пассатижами, метчиками для нарезания резьбы, штангенциркулями и пр. Можно себе представить, как сами кооператоры нуждались тогда в этих инструментах [29. Л. 115, 119]. В конце ноября 1942 г. Военный совет Юго-Восточного фронта обратился в Западно-Казахстанский обком партии с просьбой передать для воинских частей казачьи седла. Его представитель, старший

политрук Локтионов, с двумя сопровождающими побывал у местных артельщиков из «Красной Звезды» и «Металлиста», рассказал о тяжелых оборонительных боях и крайней нужде в кавалерийской упряжи. Люди согласились на двухсменную работу и уже к 10 декабря сделали первые 50 седел [30. С. 149]. В августе 1943 г. промысловики, в том числе из Коопинсоюза, по заданию ЦК КП(б)К установили шефство на ленинградскими партизанами, для которых произвели сверх плана почти 3 тыс. пар валенок и 1 500 пар утепленных кожаных ботинок [4. С. 307].

Помимо этого, они подписывались на облигации военных займов, осуществляли ежемесячные отчисления с заработной платы в фонд обороны, отдельно сдавали деньги на приобретение теплых вещей для Красной Армии, отправляли бойцам посылки с подарками. Особого упоминания достоин почин по сбору средств на строительство танковой колонны «Промкооператор Казахстана». К концу января 1943 г. сумма взносов составила 2 709 тыс. руб. Коллектив чимкентской артели «Трудовик» по инициативе Дихкамбаева, Бабаева, Сабирова и др. пожертвовал на эти цели всю прибыль, подлежащую распределению на паи [31].

Таким образом, кооператоры выполнили поставленные перед ними задачи. Только за период с июня 1941 г. по декабрь 1943 г. промысловые артели Казахстана отправили на фронт шинелей, гимнастеров и армейских брюк – на 60 дивизий, белья – на 90 дивизий, валенок – на 20 дивизий, полушубков – на 3 дивизии. Всего в годы Великой Отечественной войны они произвели 10 766 тыс. единиц обмундирования [32. Л. 2; 33. Л. 10]. Представленные факты дают полное основание оспорить вывод находившегося с 1941 по 1946 г. в Советском Союзе британского журналиста Александра Верта о том, что «значительная часть обуви и обмундирования для Красной Армии была изготовлена в Америке...» [34. С. 451–452]. Можно утверждать, что кооперативные предприятия республики в короткий срок превратились в составную часть оборонно-промышленного комплекса региона, зримо повысив его эффективность. При этом им пришлось работать со сверхнапряжением и зачастую самостоятельно решать вопросы обеспечения своего военного производства сырьем, оборудованием, кадрами и топливом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С. Итоги и уроки Великой Отечественной войны. М., 1970.
2. Казахская ССР за тридцать лет Советской власти. Алма-Ата, 1948.
3. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 : сб. док. и матер. Алма-Ата, 1967. Т. 2.
4. Коммунистическая партия (большевиков) Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Алма-Ата, 1984. Т. 3: Июнь 1937–1948 гг.
5. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП(б) Казахстана 1941–1945 гг. Алматы, 2010.
6. Центральный городской архив Алматы (далее – ЦГАА). Ф. 174. Оп. 15. Д. 564.
7. Архив Президента Республики Казахстан (далее – АПРК). Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 919.
8. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 1143. Оп. 2. Д. 115.
9. АПРК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 136.
10. АПРК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 915.
11. ЦГА РК. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 489.
12. ЦГАА. Ф. 174. Оп. 29. Д. 3.
13. Казахстанская правда. 1942. 19 ноя.
14. АПРК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 1363.
15. ЦГА РК. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 526.
16. ЦГА РК. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 548.
17. Акмолинская правда. 1943. 21 мая.
18. АПРК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 103.
19. ЦГА РК. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 698.
20. АПРК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 137.
21. Алма-Ата – столица КазССР. Алма-Ата, 1960.
22. АПРК. Ф. 708. Оп. 5/1. Д. 139.
23. Казахстанская правда. 1942. 8 янв.
24. ЦГА РК. Ф. 1743. Оп. 1. Д. 549.
25. АПРК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 901.
26. Государственный архив Акмолинской области (далее – ГААО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 530.
27. ГААО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 491.
28. Козыбаев М.К., Едыгенов Н.Е. Труд во имя Победы. Алматы, 1995.
29. АПРК. Ф. 708. Оп. 6/1. Д. 916.
30. Букаткин П.Р. Западный Казахстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967.
31. Казахстанская правда. 1943. 20 янв.
32. АПРК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 574.
33. АПРК. Ф. 708. Оп. 1. Д. 698.
34. Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967.

Nurgaliev Arman Z. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: O_nurgaliev@mail.ru

THE COOPERATIVE ENTERPRISES OF KAZAKHSTAN – TO THE FRONT.

Keywords: the Great Patriotic war; the Kazakh SSR; producer's artels; execute military orders.

In this article the author analyzes the efforts to provide uniforms and equipment to army and front by cooperative enterprises of Kazakh SSR. The article presents the economic potential of the cooperative sector of the republican industry before the war. Despite this, since the middle of July 1941 the system began to receive special tasks, though in the mobilization plans at peacetime this measure has not been envisaged. With specific examples the solution of such problems as the supplement of artels with raw and equipment is described.

Allocated central funds that was not enough as well as resources that was needed for the production of military goods, including fuel, that cooperatives produced by themselves. Their use was strictly controlled by the authorities. At the same time, the author paid attention to the production system with qualified staff. Working hours were increased, women and teenagers were involved in the production, and it was banned to distract specialists for harvest. The article discusses economic relations with subcontractors, including large factories and public institutions. It is told about the efforts of local government and party officials aimed to improve efficiency of small collective enterprises and solved such important issues as transport and finance. In addition to participating in government military programs, cooperative partnership established patronage over the military and partisan units which they have supplied with ammunition and send parcels with gifts. The article also gives information about subscribing members of artels on war bonds, monthly deductions from the salary to the defense fund, donations of money and value for the purchase of worm clothes for the Red Army. The author gives special attention to the fundraising for the construction of a tank column “Promkooperator Kazakhstan”. In conclusion, trader’s partnerships have become an integral part of the defense-industrial complex of the Republic in a short time, significantly increasing its effectiveness. Presence of own supply unit, in-system maneuvering recourses relying on local content, usage of various types of employment makes them more responsive and powerful over similar state enterprises, forming the structure of National Commissariat of local industry.

REFERENCES

1. Deborin, G.A. & Tel'pukhovskiy, B.S. (1970) *Itogi i uroki Velikoy Otechestvennoy voyny* [The results and lessons of the Great Patriotic War]. Moscow: Mysl'.
2. Tazhiev, I. (ed.) (1948) *Kazakhskaya SSR za tridtsat' let Sovetskoj vlasti* [Kazakh SSR thirty years of Soviet power]. Alma-Ata: Kazogiz.
3. Pokrovskiy, S.I. (ed.) (1967) *Kazakhstan v period Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza 1941-1945* [Kazakhstan during the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945]. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences. Vol. 2.
4. Anon. (1984) *Kommunisticheskaya partiya Kazakhstana v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The Communist Party of Kazakhstan in the resolutions and decisions of congresses, conferences and plenary sessions of the Central Committee]. Alma-Ata: Kazakhstan. Vol. 3.
5. Shepel, V.N. (ed.) (2010) *Rassekrechennaya voyna: «osobyje papki» TsK KP(b) Kazakhstana 1941–1945 gg.* [Declassified war: “special folders” of Kazakhstan CP(b) Central Committee. 1941-1945]. Alma-Ata: Edel'veys.
6. The Central City Archives of Almaty (TsGAA). Fund 174. List 15. File 564.
7. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 919.
8. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1143. List 2. File 115.
9. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund. 708. List 5/1. File 136.
10. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 915.
11. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1743. List 1. File 489.
12. The Central City Archives of Almaty (TsGAA). Fund 174. List 29. File 3.
13. *Kazakhstanskaya pravda*. (1942) 19th November.
14. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 1363.
15. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1743. List 1. File 526.
16. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1743. List 1. File 548.
17. *Akmolinskaya pravda*. (1943) 21st May
18. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 103.
19. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1743. List 1. File 698.
20. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 5/1. File 137.
21. Dzhusulbekov, S.D. (1960) *Alma-Ata – stolitsa KazSSR* [Alma-Ata - the capital of the Kazakh SSR]. Alma-Ata: Kazgosozdat'.
22. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 5/1. File 139.
23. *Kazakhstanskaya pravda*. (1942) 8th January.
24. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 1743. List 1. File 549.
25. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 901.
26. The State Archives of Akmola region (GAAO). Fund 32. List 1. File 530.
27. The State Archives of Akmola region (GAAO). Fund 32. List 1. File 491.
28. Kozybaev, M.K. & Edygenov, N.E. (1995) *Trud vo imya Pobedy* [Work in the name of Victory]. Almaty: Kazakhstan.
29. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 6/1. File 916.
30. Bukatkin, P.R. (1967) *Zapadnyy Kazakhstan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Western Kazakhstan during the Great Patriotic War (1941-1945)]. History Cand. Diss. Alma-Ata.
31. *Kazakhstanskaya pravda*. (1943) 20th January.
32. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 1. File 574.
33. The Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (APRK). Fund 708. List 1. File 698.
34. Werth, A. (1967) *Rossiya v vojne 1941–1945* [Russia in the war of 1941-1945]. Translated from English. Moscow: Voennoe izdatel'stvo.

УДК 94(47).084
DOI 10.17223/19988613/35/8

А.И. Трофимова

МЕЖКЛАССОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВХОЗНОМ СОЦИУМЕ В 1930–1950-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РСФСР)

Рассматриваются проблемы социальных отношений в совхозном укладе в 1930–1950-х гг. в контексте классового подхода к истории сельского социума, разработанного вологодской школой историков под руководством М.А. Безнина и Т.М. Димони. На основе анализа конкретно-исторического материала описываются наиболее характерные типы взаимоотношений, сложившиеся в совхозном социуме, трансформирующемся от аграрно-традиционного к обществу современного типа; рассматриваются факторы сближения отдельных классов, определяется роль каждого из них в производственном процессе.

Ключевые слова: совхоз; совхозный социум; межклассовые отношения; патернализм.

Процесс трансформации совхозного социума определялся как формированием новых сельских классов, так и складыванием новых социальных отношений. Межклассовые отношения возникали на базе производственных отношений, которые неизбежно становились социальными, а потому лежали в основании всех сторон жизнедеятельности советских хозяйств. Государство не спешило четко определять «правила игры» в проекте под названием «совхозный эксперимент», а потому жизнь совхозного социума напоминала, особенно в 1930-х гг., бурлящий котел. Совхозный социум в этот период представлял собой сложную развивающуюся систему и напоминал общество переходного периода, где реальный статус человека отличался неопределенностью и изменчивостью. Формирование общества государственного капитализма происходило на базе отживающего традиционного аграрного общества, а потому выстраивание производственных отношений было сопряжено с борьбой за ликвидацию общинно-крестьянского архетипа в системе ценностей и нормах поведения основной массы совхозного социума.

Целью совхозного социума являлось построение эффективного производства по промышленному типу. Достижение этой цели было основной задачей формирующегося класса протобуржуазии, для чего ему от лица государства как собственника делегировалось право контроля над денежным и физическим капиталом, а также право контроля над трудом, т.е. всей пирамидой управления. Значительный объем властных полномочий, высокое материальное положение, отдаленность контролирующих организаций были определяющими факторами для выстраивания межклассовых отношений по линии протобуржуазия – совхозный социум. В повести А. Платонова «Ювенильное море» (1934 г.), где в форме гротеска описана жизнь мясосовхоза, эти отношения автор определяет как «господство» [1. С. 61].

В 1930–1940-х гг. стандартной модели поведения директора совхоза не существовало. Большинство представителей протобуржуазии в этот период придерживалось роли барина по отношению к другим

классам совхозного сообщества. Это проявлялось в грубом обращении с работниками, отсутствии внимания к их жилищно-бытовым проблемам, игнорировании решений местных парторганизаций, «фактах голого администрирования». Так, в докладной записке о состоянии дел по работе с кадрами Холмогорского племсовхоза от 1941 г. указывается: «Со стороны директора Быкова надлежащего руководства нет, он больше всего сидит в конторе, на производстве не бывает, с рабочими не разговаривает, совершенно не обращает внимания на создание культурно-бытовых условий рабочим, не считает с мнением специалистов и совершенно их не поддерживает, с партбюро не сработался» [2. Оп. 1. Д. 1025. Л. 5].

Круг обязанностей директора был настолько широк, что приходилось осуществлять постоянный контроль за всем многообразием производственных операций. Многие психологически и физически оказывались не в состоянии справляться с должностью, что приводило к самоизоляции и «кабинетному» управлению. Если директор узнавал о жалобах в свой адрес, то применял в отношении жалобщиков разнообразные санкции помимо обычных административных взысканий. Так, в 1940 г. директор совхоза «Заречье» заставлял рабочих отказываться от своих жалоб, запугивая их обвинением во вредительстве [3. Оп. 2. Д. 326. Л. 6].

Расчет зарплаты по самым низким ставкам и перевод на низшую должность, в том числе «разжалование» специалистов в рабочих, практиковал в 1940–1941 гг. директор Индигского совхоза. Обычно подобное отношение к подчиненным демонстрировали представители протобуржуазии, имевшие незначительный опыт хозяйственной работы. Такие директора оценивались как «бюрократы», «феодалы», «помещики». Не случайно настольной книгой директора Умрищева из «Ювенильного моря» А. Платонова является жизнеописание Ивана Грозного, откуда тот пытался почерпнуть методы борьбы с оппортунистами [1. С. 38–40]. Выдвиженцы в протобуржуазии из производственной среды были настроены более лояльно. Они были «крепко связаны с отделениями и фермами» [4. С. 22–24], «опирались на лучших ударников и знатных людей» [5], пре-

бовали выполнения своих приказов, были справедливы в распределении фонда заработной платы, не боялись обивать пороги вышестоящих инстанций, защищая интересы своего хозяйства, сами активно участвовали в региональных совещаниях и слетах работников совхозов. Вышестоящее руководство, а также представители прессы отзывались о таких директорах или начальниках политотделов как «крепких хозяйственниках» и «подлинных большевиках».

В 1950-х гг. в сфере отношений протобуржуазии и совхозного социума появляются элементы таких типов социально-трудовых отношений, как партнерство и солидарность, что было обусловлено развитием совхозов как формы хозяйствования, уточнением правового положения классов, внедрением интеллектуалов в класс протобуржуазии, ростом культурного уровня совхозного социума в целом. Во многих совхозах практиковались регулярные совещания работников разного уровня по производственным вопросам, что обеспечивало конструктивное взаимодействие. Так, в 1959 г. в Холмогорском совхозе директор совместно со специалистами, бригадами и рабочими обсуждали вопрос адаптации новых сотрудников на рабочем месте [6. Оп. 1. Д. 76. Л. 48–52]. В межклассовых отношениях протобуржуазии и остальных классов совхозного социума начинают пробиваться черты отношений партнерства, в целом же в рассматриваемый период они укладывались в схему «господство–подчинение» и характеризовались как патернализм.

Менеджеры, как и пролетариат, были отчуждены от контроля над финансовым капиталом, но имели определенный контроль над физическими средствами производства и трудом. Высокопоставленные менеджеры – «начальство» (главные бухгалтеры, заместители директоров, руководители крупных подразделений) – занимали близкие позиции к классу протобуржуазии. Место бригадиров и звеньевых находилось ближе к рабочему классу. По отношению к директорам менеджеры находились в положении подчинения, однако именно к их голосу лучше всего прислушивались. Довольно часто эти отношения выходили за рамки делового общения и обращались против интересов совхозного социума в целом. В документах такие явления обозначены как «факты семейственности» и «производственного сожительства». Это горячо обсуждалось и осуждалось населением совхоза. Так, директор и бухгалтеры часто объединялись для совершения махинаций, например для подчистки финансовых и отчетных документов и перераспределения премиального фонда совхоза в свою пользу. Часто встречающимся явлением было объединение директоров с управляющими в целях усиления административного нажима на работников. Так, сотрудники Ненецкого совхоза в 1950 г. жаловались на дирекцию, поскольку те очень грубо обращались с ними, увольняли неугодных, а на просьбы о помощи отвечали высмеиванием [7. Оп. 2. Д. 39. Л. 18]. Как правило, такой тип отношений сопровождался совместным

пьянством, что болезненно воспринималось совхозным социумом в целом.

Крайне сложными на протяжении всего исследуемого периода оставались отношения менеджеров и интеллектуалов. Противоборство позиций было обусловлено претензиями на ключевые позиции в производстве. Специалисты обладали гораздо лучшим правовым и экономическим положением, что воспринималось менеджерами как дискриминация, поскольку они считали опыт хозяйственной работы куда более важным. Интеллектуалы, в свою очередь, как обладатели исключительных прав на научные знания, воспринимали себя центральными фигурами в совхозах. Например, в совхозе «Комсомолец» в 1939 г. бригадиры заявили об ущемлении своих прав специалистами, что выразилось в том, что специалисты в обход отдавали распоряжения рабочим. Бригадиры потребовали, чтобы их публично объявили «центральными фигурами на производстве» [8. Оп. 1. Д. 17. Л. 3]. Нередки были случаи, когда интеллектуалы высмеивали недостаточность культурного развития менеджеров. Например, в 1957 г. старший зоотехник Холмогорского ГПР Ролле часто таким образом оскорблял бригадиров [6. Оп. 1. Д. 74. Л. 105]. Если в 1930–1940-х гг. первенство сохранялось за менеджерами, то в 1950-х гг. позиция специалистов была признана приоритетной. Сами кадры менеджеров в этот период все чаще замещаются именно интеллектуалами, а потому конфликт менеджеров и специалистов постепенно угасает.

Особенностью поведения менеджеров по отношению к рабочим было стремление быть образцом и учителем. Бригадиры и звеньевые теснее других классов были связаны с пролетариатом, поскольку их объединяла ежедневная совместная трудовая деятельность, общность происхождения, почти одинаковый правовой статус и экономическое положение. Они не только руководили работой подчиненных, но и брали ответственность за дисциплину труда в подразделении, моральное и материальное состояние рабочих, что было принято в отношениях патернализма. Например, выдвинутый в 1939 г. заведующий участком совхоза «Комсомолец» А.И. Захаров быстро превратил свое подразделение из убыточных в рентабельные путем укрепления труддисциплины и заботой о быте рабочих [8. Оп. 1. Д. 17. Л. 6]. Сближение низовых менеджеров и рабочих зачастую принимало преступные формы. И те и другие были основными представителями армии «несунов», существовавшей в Советской России. Систематические хищения кормов и продукции были возможны лишь в случае сговора представителей этих классов. В справке «О ненормальных явлениях в совхозах Северной области» за 1937 г. указывается, что в совхозах «на фермах распространены вранье, семейственность и укрывательство друг друга бригадами и рабочими» [2. Оп. 1. Д. 180. Л. 47]. По предварительному сговору бригадир мог начислять повременную или сдельную зарплату в зависимости от выгодности за

выполнение конкретных работ. Так, в приказе по Архангельскому тресту совхозов за 1949 г. говорится, что «до сих пор имеет место широкая практика начисления почасовой оплаты бригадирами», хотя уже с середины 1930-х гг. это было запрещено [7. Оп. 3. Д. 201. Л. 8]. Заметно различался характер взаимоотношений рабочих и менеджеров в зависимости от уровня хозяйства. Так, в небольших пригородных совхозах рабочие часто являлись «слепыми исполнителями воли бригадира» [9. С. 14]. В крупных хозяйствах рабочие претендовали на участие в планировании производства, а потому активно жаловались в дирекцию и парторганизацию хозяйства в тех случаях, когда бригадиры не обсуждали с ними планы работ, распределение обязанностей, нормы труда и расценки. Например, рабочие совхоза «Молочное» в 1947 г. часто заявляли о подобных «ненормальностях» в партком совхоза и выносили такие факты на страницы стенгазет [10. Оп. 1. Д. 153. Л. 30, 57, 65]. Бригадиры и звеньевые редко отличались высокой культурой делового общения по отношению к работникам. Грубость к подчиненным, нецензурная брань, «капризничание», руководство «окриком» были неизменными атрибутами стиля управления в среде менеджеров, что также являлось проявлением патернализма социально-трудовых отношений. Например, на слете ударников Холмогорского племсовхоза в 1934 г. горячо обсуждалось поведение бригадира, партгрупорга члена ВКП(б) Мозгового, который «допускал грубость к рабочим фермы и совхоза, зажимал самокритику и применял физические меры воздействия» [6. Оп. 1. Д. 20. Л. 4; Д. 21. Л. 4]. Однако, если в 1930-х гг. некорректное поведение в отношении подчиненных подмечали в основном начальники политотделов в своих донесениях, то в 1950-х гг. сами рабочие перестают считать это нормой и требуют уважительного подхода, что, на наш взгляд, свидетельствует о постепенном вытеснении повинностного типа поведения, характерного для крестьянства.

Интеллектуалы, которые сильнее других классов осознавали свою особость, демонстрировали иной тип межклассовых отношений, что было вызвано их базовыми характеристиками по отношению к производству. Прежде всего, их интеллектуальный капитал являлся своеобразным средством производства, однако они были исключены из участия в принятии решений, касающихся процессов инвестирования и накопления. В 1930–1940-х гг. специалисты осуществляли незначительный контроль над производством, а с 1950-х гг. уже наравне с менеджерами, разумеется, с повышением уровня ответственности. Этот переход так охарактеризован в очерке В.Г. Воробьева «Последняя инстанция»: «Специалисты до этого были чем-то вроде “советников” при директоре, не имевших ни власти и ни за что конкретно не отвечавших. Теперь же главные специалисты стали командирами в своих отраслях, и они же в первую очередь отвечали за работу своего цеха. Им – власть, с них – спрос» [11. С. 215]. Этот класс прини-

мал опосредованное участие в пирамиде управления. С одной стороны, прямая возможность применения санкций в отношении других работников отсутствовала, однако по ходатайству директору или высшим менеджерам меры к нерадивым сотрудникам могли быть оказаны.

В течение длительного времени совхозное сообщество демонстрировало неоднозначное, а зачастую и негативное отношение к интеллектуалам. В 1930–1940-х гг. взаимоотношения между протобуржуазией и интеллектуалами чаще всего характеризовались как «ненормальные». Директоры нередко использовали специалистов не по назначению, их предложениям внимания не уделяли. Так, в Шапкинском совхозе в 1939 г. на замечания специалистов директор всегда отвечал: «Это не ваше дело, не суйтесь» [12. Оп. 11. Д. 376. Л. 32а]. В целом, протобуржуазия и интеллектуалы придерживались политики невмешательства в этот период. Давить на интеллектуалов директора опасались, поскольку те, во-первых, находились под защитой трестов или управлений, а, во-вторых, не стеснялись жаловаться во всевозможные инстанции. Данное обстоятельство наглядно иллюстрирует случай, произошедший в 1934 г. в совхозе «Минькино»: на требования специалистов создать нормальные условия для работы директор отвечал: «Вы только и привыкли жаловаться в Наркомсовхоз, мне таких специалистов не надо, обойдусь и без вас» [2. Оп. 1. Д. 180. Л. 20]. Если на пост директора приходил твердый хозяйственник, что было явлением нечастым, интеллектуалы становились весьма востребованными на производстве, совместный труд всех классов приобретал слаженный характер. Например, во второй половине 1930-х гг. в совхозах «Куркино», «Новое», «Победа», «Ширшинский» и «Коротыгино» дирекции и специалисты ежедневно посещали поля, фермы, шеды, проводили совещания с работниками, оказывая непосредственную помощь, в результате чего эти хозяйства стали самыми рентабельными в этот период на территории Европейского Севера России [13. Оп. 2. Д. 1424. Л. 112 об; Д. 1554. Л. 56; 14; 15. Оп. 1. Д. 3. Л. 12; Д. 4. Л. 139]. С усложнением совхозного производства значение интеллектуального ресурса возрастало, соразмерно повышался и общественный статус специалистов.

Основным контрагентом в производственном общении интеллектуалов являлся рабочий класс. Эти отношения имели первостепенное значение для совхозов, поскольку эффективное общение интеллектуалов и пролетариата обеспечивало расширенное воспроизводство и позволяло хозяйствам приобрести черты промышленного предприятия, сводя к минимуму природный фактор. Продуктивным труд интеллектуалов становился лишь в случае преодоления недоверия со стороны рабочих. В 1930-х гг. единственными, кто каждое их слово принимал как руководство к действию, были передовики, ударники. Как неоднократно подмечалось в документах, «Группы стахановцев растут в основном

за счет тех, кто при помощи специалистов осваивает технику животноводства и полеводства» [7. Оп. 1. Д. 17. Л. 165]. Положительный характер отношений интеллектуалов и рабочих неизменно приводил к заметным результатам: повышались надои, сокращался отход животных, снижался уровень заболеваемости поголовья, росли показатели привеса, урожайности, сбора и товарного выхода продукции. Отнюдь не всех членов совхозного социума это устраивало, а потому специалисты и ударники в этот период оказались на положении своеобразных диссидентов совхозного общества. Травля как передовиков, так и их учителей была обычным явлением на селе в 1930-х гг. Рабочие были недовольны ими как «выскачками», к тому же повышавшими ударным трудом средние нормы выработки, менеджеры – претензиями на свою власть и авторитет, протобуржуазия – необходимостью обеспечивать тем и другим лучшие условия труда и быта [2. Оп. 1. Д. 180. Л. 20]. Далеко не все интеллектуалы были способны адекватно перенести изоляцию в совхозном социуме: некоторые откровенно пренебрегали как рабочими, так и производством в целом, например, ветфельдшер совхоза «Нефедово» в 1935 г. «систематически игнорировал лучших доярок, посмеивался над ними» [13. Оп. 1. Д. 1424. Л. 79]. Часть специалистов отсиживалась в кабинетах: «специалисты недостаточно связаны с производством и рабочей массой, руководят бумажками», как отзывался политотдел Холмогорского племхоза о работе специалистов в 1931 г. [6. Оп. 1. Д. 2. Л. 42]. Некоторые скатывались до банального хамства, как, например, веттехник совхоза «Комсомолец» Матаков, который регулярно обругивал свиначок за то, что они плохо выполняли зоотехнические указания [8. Оп. 1. Д. 17. Л. 6]. В 1950-х гг. с заметным нарастанием процессов капитализации в совхозном производстве, более активным внедрением интеллектуального капитала отношения специалистов с другими классами заметно улучшаются. У представителей всех классов совхозного социума появляется осознанная мотивация к сближению со специалистами, которые перестают быть «инородным телом» в совхозном производстве и прочно встраиваются в совхозный социум.

Одной из наиболее обособленных групп сельского социума являлись представители рабочей аристократии. Они не участвовали в принятии решений, касающихся использования финансового и физического капитала и рабочей силы. Однако они осуществляли контроль над важнейшим аспектом средств производства совхозов – механизацией основных производственных процессов, являлись распорядителями машин и механизмов. Это был молодой, высокополитизированный, сравнительно образованный, открыто демонстрирующий свою позицию класс. Однако в совхозном социуме Европейского Севера России в период 1930–1950-х гг. он оказался на периферии в силу животноводческой и овощеводческой специализации здешних совхозов, здесь отнюдь не они являлись первыми людьми в хо-

зяйствах. Рабочая аристократия держалась обособленно, стремилась не допускать никаких внешних воздействий. Если приказ директора не устраивал тракториста или водителя по каким-то причинам, чаще всего он не выполнялся. Например, в архангельском совхозе № 2 распоряжения директора трактористам по подвозке кормов на фермы не выполнялись ввиду низких расценок на данный вид работ, дояркам приходилось вручную перетаскивать по несколько тонн сена ежедневно [7. Оп. 1. Д. 17. Л. 180]. На нажим они отвечали увольнением и пьянством. Протобуржуазия мирилась с массовыми случаями нарушения трудовой дисциплины механизаторами, поскольку это была весьма дефицитная рабочая сила [10. Оп. 1. Д. 30. Л. 83; Д. 135. Л. 16; Д. 140. Л. 13 об.]. Директоры и менеджеры скорее советовали механизаторам, чем отдавали приказы, в результате в большинстве совхозов весенняя пахота, сев, уборка из года в год производились со значительными опозданиями [3. Оп. 2. Д. 162. Л. 20; Д. 442. Л. 10, 28; 16. Оп. 1. Д. 38. Л. 14; Д. 42. Л. 21]. Многие механизаторы небрежно относились к технике: использовали не по назначению, оставляли на зиму в поле, производили некачественный ремонт, что вызывало раздражение всего совхозного социума, поскольку приносило значительный убыток и тормозило производство в целом [15. Оп. 1. Д. 3. Л. 29]. Таким образом, на Европейском Севере России рабочая аристократия не смогла занять лидирующих позиций в системе внутрисовхозных межклассовых отношений, какими обладали их «одноклассники» в зерновых и хлопковых совхозах. Тем не менее и здесь они стремились к независимости, навязывали свои условия труда, требовали всеобщего уважения.

Совхозный пролетариат в системе межклассовых отношений был зависим от следующих факторов, определяющих статус на производстве: он был полностью исключен из участия в управлении капиталом, осуществлял незначительный контроль над каким-либо аспектом средств производства, а потому был совершенно отчужден от принятия решений, касающихся работы производства, кроме того, у этого класса отсутствовала возможность применять санкции по отношению к другим работникам. Для периода 1930–1940-х гг. был характерен повинностный тип поведения рабочих по отношению к классам протобуржуазии, менеджеров и интеллектуалов. Рабочие стеснялись самостоятельно заявлять об ущемлении своих прав, требовать лучших условий труда и быта. Пока терпение не заканчивалось, мужественно сносили хамство и грубость. Например, в 1937 г. в совхозе «Куркино» доярку Кузнецову, награжденную Орденом Ленина, регулярно обсчитывали в бухгалтерии и совхозрабкоопе, в дирекции ей не давали лошадь, чтобы съездить в больницу; заведующий фермой и кладовщик систематически не давали корма, подстилку и дрова бригаде, в которой она работала, всячески дискредитировали. Только вмешательство политотдела смогло прекратить травлю ордено-

носки, сама она не решалась заявить об этих фактах ни в трест, ни в райком, ни в прессу [2. Оп. 1. Д. 180. Л. 45–46]. Протест рабочих в этот период проявлялся в пассивных формах – увольнение по личному желанию с исходом в города или другие совхозы, прогулы, невыполнение обязанностей. С развитием процессов индивидуализации труда, повышением общей культуры труда и быта, формированием инфраструктуры совхозов, закреплением правового статуса рабочего традиционные механизмы мышления уходят в прошлое. Сначала рабочие-ударники передовых совхозов, а потом и все остальные постепенно начинают осознавать себя полноценными участниками рынка труда, а потому требуют соблюдения своих прав и предоставления социальных гарантий.

Рядовые рабочие чутко воспринимали отношение к ним со стороны начальства. Например, в 1942 г. в совхозе «Молочное» на партсобрании рабочие рассказали о визите на их ферму директора Кирпанева: «Приезжает директор к нам на гурт, мы обрадовались, но он нас обозвал бездельниками, а доярок – сволочами, работать не хочется, а уходить некуда» [10. Оп. 1. Д. 135. Л. 18]. Представителей высшего руководства совхоза они считали «белоручками», чуждыми грубого физического труда: «Начальство в поле не выходит, боится, как бы их дождик не замочил» [3. Оп. 3. Д. 429. Л. 67].

Поддержка со стороны дирекции совхоза оказывалась самым лучшим средством улучшения трудовой дисциплины и повышения производительности труда, как это, например, произошло после назначения в 1946 г. на пост директора совхоза «Комсомолец» Римкуса. В целом отношение пролетариата к протобуржуазии сохраняло крестьянскую окраску и выдерживало российские традиции чинопочитания в духе «веры в доброго царя». Основными контрагентами пролетариата являлись низовые менеджеры (бригадиры и звеньевые). Им приходилось работать в одной упряжке и выполнять одну задачу. Они вызывали уважение как выдвинувшиеся ударным трудом. Если бригадир или звеньевой демонстрировали высокую степень готовности к труду, это перенималось подчиненными, и наоборот, пассивный настрой в работе руководителя распространялся на все подразделение. В целом отношения пролетариата с менеджерами протекали по

типу патернализма. Недостаток внимания с «отеческой» стороны подопечными трактовался однозначно негативно и приводил к ослаблению трудовой дисциплины и невыполнению обязанностей. Рабочие, хотя и ругали при случае своих руководителей, но боялись, так как очень сильно от них зависели и понимали, что при желании тот же бригадир или директор может запросто упечь бунтаря куда подальше.

В 1940-х гг. складывание классов в совхозах в основном завершилось, отношения, базирующиеся на принципе «кто кого?», постепенно уходили в прошлое. На первый план постепенно начинают выдвигаться производственные отношения, определявшие позицию класса внутри совхозного социума. Протобуржуазия, верхушка менеджеров и присоединившиеся к ним в 1950-х гг. главные специалисты являлись основными распорядителями совхозных ресурсов и властителями судеб пролетариата. Эффективность и рентабельность производства находилась в прямой зависимости от характера деятельности представителей этих классов. Специалисты вплоть до середины 1940-х гг. не могли прочно вписаться в хозяйственный механизм совхозов. Только в послевоенный период, в связи с необходимостью скорейшего восстановления хозяйств при условии скудного финансирования интеллектуальный ресурс стал весьма востребованным типом капитала. Протобуржуазия, реализуя статус «патрона», устанавливала модели элитного поведения. Для остальных классов включенность в патерналистские связи означала постоянный гарантированный доступ к экономическим и социальным благам в обмен на жесткую регламентацию поведения и характера взаимодействия. Производственные отношения, будучи основой межклассового общения в совхозном социуме, проявлялись в экономических интересах классов и были побудительными мотивами трудовой и бытовой деятельности членов совхозного социума. Сельское общество, населявшее совхозную территорию, стремительно трансформировалось от аграрного традиционного к обществу современного типа. Патернализм как тип социально-трудовых отношений был весьма распространенным явлением на селе в этот период и являлся частным случаем проявления советского государственного патернализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов А. Ювенильное море. М. : Современник, 1988.
2. Отдел документов социально-политической истории государственного архива Архангельской области (далее – ОДСПИ ГААО). Ф. 296.
3. Вологодский государственный архив новейшей политической истории (далее – ВОАНПИ). Ф. 2522.
4. Большевицкая мысль (Архангельск). 1936. № 3.
5. Правда Севера (Архангельск). 1932. 24 июля.
6. ОДСПИ ГААО. Ф. 1828.
7. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 2059.
8. ВОАНПИ. Ф. 3234.
9. Большевицкая мысль (Архангельск). 1935. № 23.
10. ВОАНПИ. Ф. 1921.
11. Воробьев В.Г. Последняя инстанция. Очерк // Зимние Ночлеги. М. : Современник, 1987.
12. ГААО. Ф. 3474.
13. ОДСПИ ГААО. Ф. 290.
14. ГААО. Ф. 1892. Оп. 2. Д. 19.

15. Государственный архив Вологодской области. Ф. 1823.
16. ВОАНПИ. Ф. 7852.

Trofimova Anastasia I. Vologda State Pedagogical University (Vologda, Russian Federation). E-mail: makhova.a@rambler.ru
INTERCLASS RELATIONS IN SOCIETY IN THE STATE FARM 1930–1950 YEARS (ON MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF THE RSFSR).

Keywords: state farm; state-farm society; interclass relations; paternalism.

Process of transformation of state-farm society was defined both formation of new rural classes, and folding of the new social relations. The interclass relations arose on the basis of relations of production which inevitably became social, and therefore lay in the basis of all parties of activity of the Soviet farms. The state didn't hurry to define accurately "rule of the game" in the project under the name "state-farm experiment", and therefore life of state-farm society reminded, especially in the 1930th a raging copper. The state-farm society during this period represented difficult developing system and reminded society of a transition period where the real status of the person differed uncertainty and variability. Formation of society of the state capitalism happened on the basis of becoming obsolete traditional agrarian society, and therefore forming of relations of production was interfaced to fight for elimination of a communal and country archetype in system of values and standards of behavior of bulk of state-farm society. In the 1940th folding of classes in state farms generally came to the end, the relations which are based on the principle "who whom" gradually consigned to the past. Into the forefront the relations of production defining a position of a class in state-farm society gradually start moving forward. The protobourgeoisie, реализуя the status of "cartridge", established models of elite behavior. For other classes the inclusiveness in paternalistic communications meant the continuous guaranteed access to the economic and social benefits in exchange for a rigid regulation of behavior and nature of interaction. The protobourgeoisie, top of managers and, joined them in the 1950th chief specialists, were the main managers of state-farm resources and masters of destinies of the proletariat. Efficiency and profitability of production was in direct dependence on nature of activity of representatives of these classes. Intellectuals up to the middle of the 1940th. couldn't fit into an economic mechanism of state farms strongly. Only during the post-war period, due to the need of the fastest restoration of farms on condition of poor financing, the intellectual resource became very demanded type of the capital. One of the most isolated groups of rural society were representatives of the working aristocracy. It was young, high-politized, rather educated class openly showing the position. For the period of the 1930–1940th the povinnostny type of behavior of workers in relation to classes of the protobourgeoisie, managers and intellectuals is characteristic. Workers hesitated to declare independently infringement of the rights, to demand the best working conditions and a life. While the patience didn't come to an end, courageously bore rudeness and roughness. The protest of workers during this period was shown in passive forms – dismissal at personal desire from the outcome to the cities or other state farms, truancies, non-performance of duties. Relations of production, being a basis of interclass communication in state-farm society, were shown in economic interests of classes and were incentive motives of labor and household activity of members of state-farm society. The rural society occupying the state-farm territory was promptly transformed from agrarian traditional type to modern society. The paternalism as type of the social and labor relations was predominated in the village during this period and was a special case of manifestation of the Soviet state paternalism.

REFERENCES

1. Platonov, A. (1988) *Yuvenil'noe more* [Juvenile Sea]. Moscow: Sovremennik.
2. Department of documents of the social and political history. The State Archive of Arkhangelsk region (ODSPI GAAO). Fund 296. (In Russian).
3. Vologda State Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522. (In Russian).
4. *Bol'shevistskaya mysl'*. (1936) Arkhangel'sk. 3.
5. *Pravda Severa*. (1932) Arkhangel'sk. 24th July.
6. Department of documents of the social and political history. The State Archive of Arkhangelsk region (ODSPI GAAO). Fund 1828. (In Russian).
7. The State Archive of Arkhangelsk region (GAAO). Fund 2059. (In Russian).
8. Vologda State Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 3234. (In Russian).
9. *Bol'shevistskaya mysl'*. (1935). Arkhangel'sk. 23.
10. Vologda State Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 1921. (In Russian).
11. Vorob'ev, V.G. (1987) *Zimnie Nochlegi* [Winter Accommodations]. Moscow: Sovremennik. pp. 201-229.
12. The State Archive of Arkhangelsk region (GAAO). Fund 3474. (In Russian).
13. Department of documents of the social and political history. The State Archive of Arkhangelsk region (ODSPI GAAO). Fund 290. (In Russian).
14. The State Archive of Arkhangelsk region (GAAO). Fund 1892. List 2. File 19. (In Russian).
15. State Archive of Vologda region. Fund 1823. (In Russian).
16. Vologda State Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 7852. (In Russian).

УДК 94 (574) «19»
DOI 10.17223/19988613/35/9

С.Ш. Казиев

ПЕРЕСТРОЙКА И КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ (1985–1991 гг.)

Рассматриваются проблемы межэтнических отношений в Казахстане в период кризиса советского общества. Особое внимание уделяется роли этнических элит в развертывании языковой реформы и борьбе с союзным Центром за контроль над союзными республиками. Исследуются причины кризиса межэтнических отношений в СССР. Автор считает, что перестройка политической жизни в СССР нанесла сокрушительный удар по советской идентичности, освободив этнонациональные чувства из-под пресса советской идеологии и ослабив контроль органов управления и госбезопасности над развитием этнополитической ситуации. Результатом стал распад советского общества.

Ключевые слова: национальная политика; казахи; русские; немцы; перестройка; межэтнические конфликты; языковая реформа; национализм.

Этнополитические процессы в бывшем СССР развиваются под влиянием последствий распада великой страны и попыток преодолеть порожденный им раскол постсоветских обществ по этнонациональному признаку. В России и Казахстане сделаны серьезные шаги по пути формирования гражданских наций. Однако проблемы социально-политического отчуждения нетитульного населения остаются актуальными и по настоящее время. В этой связи необходимо изучение дезинтегрирующих факторов в сфере национальных отношений, приведших к крушению СССР и действительной роли в этом процессе межэтнических конфликтов в союзных республиках.

Распад СССР в 1991 г. породил огромный объем исследовательской литературы самого различного жанра – от мемуаров первых лиц до научных монографий. В историографии выделяются субъективистский и объективистский подходы в изучении кризиса национальных отношений, тщательно проанализированные С.В. Чешко в фундированной монографии «Распад Советского Союза: этнополитический анализ» [1].

В зарубежной историографии преобладают объективистские взгляды, согласно которым СССР рухнул вследствие углубления неразрешимых противоречий в этнодемографическом, социально-экономическом и культурном развитии союзных республик, подрывавших монополюсный контроль союзного Центра. З. Бжезинский иронически писал: «Истина сурова: империя не может быть спасена, если его национальный гарнизон состоит из обнищавших великорусов» (цит. по: [2. С. 277]).

В казахстанской историографии кризис национальных отношений и распад советского общества трактуется преимущественно как крушение советской империи, связанное с объективными закономерностями. Антиимперский подход в казахстанской историографии был характерен для исследований бывшего историка КПСС академика М.К. Козыбаева, сведшего основные положения советской национальной политики к ограничению права наций на самоопределение, «созданию “кукольных” национальных образований»

и централизации власти над народами страны [3. С. 158].

В настоящей статье на примере Казахской ССР в перестроечные годы анализируется кризис советской идентичности и идеологии интернационализма и вытекающие из этого последствия в сфере национальных отношений. В процессе написания статьи ставилась задача выяснения степени кризиса межэтнических отношений и их влияния на дезинтеграцию советского общества в переломные годы.

Казахстан в годы пресловутого «застоя» считали «лабораторией дружбы народов», при этом игнорируя формирование иерархии этнических неравенств и существование системы преференций по этническому признаку в получении высшего образования, доступе к занятию руководящих должностей и т.д. Союзное руководство после кончины Л.И. Брежнева попыталось взять под контроль внутренние дела союзных республик, иницируя кампании борьбы с коррупцией и nepотизмом. Избрание в марте 1985 г. М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС сопровождалось по устоявшейся традиции обещаниями широких реформ, направленных на «ускорение социально-экономического развития страны». Новая политика, получившая через три года название «перестройка», была не результатом строго научного видения решения назревших проблем, а скорее воплощением субъективного подхода. Соответственно не просчитывались и негативные последствия тех или иных политических решений. После распада страны Горбачев отметит недооценку актуальности «национального вопроса» при реализации стратегии обновления страны. М.С. Горбачев считал, что обострение межэтнических конфликтов в годы перестройки было результатом сталинской национальной политики: «мины межнациональных конфликтов были заложены десятилетия, а иногда и столетия назад. Мало сказать, что корни конфликтов уходят в прошлое, нужно признать и то, что некоторые из них возникли уже после Октябрьской революции. Национальная политика, проводившаяся большевиками на разных этапах, принесла и многие

беспорные достижения, и огромный ущерб. В этой сфере, как и в других, наследие большевизма было неоднозначным» [4. С. 495]. Жалуясь на «тяжелое наследство» в сфере межнациональных отношений, М.С. Горбачев привычно обвинил Сталина в их нерешенности: «При возникновении национальных споров и претензий Сталин рассматривал их как проявление антисоветчины, а посему не тратил время на разъяснения и увещевания. И все же с проблемой, скажем, Карабаха так и не смог справиться: она регулярно возникала каждые десять лет» [Там же. С. 494]. Тем самым он снял с себя и своего окружения ответственность за неспособность управлять огромной многонациональной страной. Помощник первого и последнего Президента СССР А.С. Черняев пишет о неудачных импровизациях своего шефа в национальной политике, его опоре на «старые приемы» и недооценке последствий односторонней поддержки тех или иных лоббистских этнических групп [5. С. 19].

В апреле 1985 г. проведение новой кадровой политики на основе межреспубликанской ротации партийных работников и смены прежних руководителей союзных республик, выдвинувшихся в результате борьбы с местным национализмом и клановыми группировками (Г.А. Алиев, В.В. Щербицкий), представлялось шагом «революционным». На практике давление «сверху» и «снизу» по рецепту Горбачева обернулось потерей управляемости страной.

В декабре 1986 г. смена на посту первого секретаря казахстанской партийной организации Д.А. Кунаева на Г.В. Колбина привела к выступлениям казахской молодежи, безжалостно подавленной силами органов и войск МВД и КГБ. М.С. Горбачев позже вспоминал, что отстранение Д.А. Кунаева было связано с обострением борьбы внутри казахстанского партийного руководства и клановыми предпочтениями казахстанского руководителя при выдвижении кадров [4. С. 497]. На XVI съезде Компартии Казахстана в феврале 1986 г. молодые казахские партийцы Н.А. Назарбаев, Е.Н. Ауельбеков и З.К. Камалиденов подвергли резкой критике методы управления республикой и аморальный nepотизм Д.А. Кунаева. Однако большинство делегатов съезда высоко оценило заслуги Д.А. Кунаева и проголосовало за переизбрание его первым секретарем ЦК Компартии Казахстана.

Критикуя «старые методы» управления, М.С. Горбачев не постеснялся организовать длительную травлю Д.А. Кунаева. М.С. Горбачев поддержал приезжавшие из республики делегации во главе со вторым секретарем О.С. Мирошхиным и потребовал от Д.А. Кунаева отставки. В ноябре 1986 г. Д.А. Кунаев согласился на отставку, поинтересовавшись у М.С. Горбачева по поводу кандидатуры будущего преемника. По свидетельству Д.А. Кунаева, М.С. Горбачев отказался ответить на его вопрос и грубо заявил: «Позвольте это решить нам самим» [6. С. 288].

11 декабря 1986 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС без участия Д.А. Кунаева было принято решение об освобождении казахстанского лидера от работы в связи уходом на пенсию. Д.А. Кунаева сменил Г.В. Колбин. Г.А. Алиев единственный из членов Политбюро выразил свои сомнения в связи с назначением малоизвестного номенклатурного работника на руководство одной из крупнейших национальных союзных республик [Там же. С. 272]. Несомненно, декабрьские события 1986 г. и кампания борьбы с «казахским национализмом» стали следствием стечения нескольких обстоятельств, в числе которых можно назвать желание Политбюро и лично Горбачева «преподнести урок Казахстану, а заодно и другим» [4. С. 498], обиды Кунаева на своих выдвиженцев.

Об алма-атинских событиях и выступлении казахской молодежи сказано и написано немало. Для нас представляет интерес развитие национально-политических процессов в Казахстане и проблемы межэтнического доверия. Оценки алма-атинских выступлений, данные союзными партийными инстанциями, как проявления казахского национализма не выдерживают серьезной критики. Обвинения в национализме целого народа, всегда лояльного Советскому государству, вызвали горечь и обиду у значительной части казахского населения, узнавшего о событиях в Алма-Ате из средств массовой информации. Прессинг в отношении казахов со стороны партийных органов и органов госбезопасности, сопровождавшийся откровенной ложью и подстрекательством, вызвал недоверие русских по отношению к своим давним этническим партнерам. Крайняя жестокость, проявленная при разгоне демонстрантов со стороны милиции, дружинников, курсантов военных училищ и введенных в город пограничных войск, была результатом распространения среди солдат и сотрудников милиции органами КГБ слухов о якобы вырезанных детсадах с русскими детьми, забытых казахами солдатах и курсантах. Количество жертв могло многократно возрасти в случае ввода боевых частей Среднеазиатского военного округа, на чем настаивали упоминаемые Ф.Д. Бобковым «некоторые горячие головы».

Декабрьские события встревожили союзное руководство. На экстренно созванном январском Пленуме ЦК КПСС было принято Постановление «О работе в Казахской партийной организации и патриотическом воспитании трудящихся». Главным направлением национальной политики был избран слом сложившейся системы преференций по этническому и родовому признакам в кадровой политике, введение национально-пропорционального представительства в партийно-государственном и советском аппарате. Г.В. Колбин специально заявил об отказе от «устаревшей» практики выдвижения руководящих работников по национальному признаку [7. Л. 20–26]. Борьба с преобладанием казахов в руководстве подавалась как исправление

«перегибов» и возвращение к подлинной ленинской национальной политике.

За короткий срок было проведено обновление высшего управленческого звена. Из состава ЦК Компартии Казахстана были выведены Д. Бекежанов, А. Аскараров, Г. Аккозиев, Е. Кадырбаев, Г. Кисанов, А. Статенин и другие кунаевские сподвижники. В августе 1987 г. Г.В. Колбин с гордостью отмечал, что с февраля по август 1987 г. от занимаемых должностей освобождено 144 человека, ранее входивших в номенклатуру ЦК Компартии Казахстана, из них 12 были исключены из партии [8. Л. 15]. В соответствии с национальным составом населения республики был выровнен руководящий партийный аппарат. В конце 1987 г. из 32 членов Бюро ЦК Компартии Казахстана казахов было 13 человек (39%), из 156 членов ЦК Компартии Казахстана 65 человек по национальности были казахами, из 18 первых секретарей обкомов – 7 казахов [Там же. Л. 15; 9. Л. 1].

Повсеместно по республике проводились переаттестации и обновления характеристик в партийных, комсомольских, советских и профсоюзных органах, выливающиеся в новые чистки и поиски «националистов». К первой половине 1988 г. не прошли переаттестацию 21,8% партийных и 34% комсомольских работников. Из органов МВД было уволено 1 200 сотрудников, в министерствах здравоохранения и транспорта работу потеряли 309 человек [10. С. 12–13]. Партийные органы и госбезопасность обратили внимание на то, что в Карагандинскую Высшую школу милиции областные УВД направляли в основном казахов: в 1985 г. – 283 казаха (61%), русских – 85 человек (19,5%), в 1986 г. – 291 казахов (55,3%), русских 124 человека (24,5%) [Там же. С. 269].

Особо пристальное внимание было обращено на алма-атинские, карагандинские и южно-казахстанские вузы, где получили широкое распространение коррупция и протекционизм. Инициаторами проверок в казахстанских вузах выступили газеты «Правда» и «Известия», опубликовавшие статьи, посвященные разоблачению клановых связей в вузовской системе. По результатам проверок потеряли свои должности 12 ректоров, включая ректора КазГУ У. Джолдасбекова и ректора Института народного хозяйства И. Мамырова. Министр высшего и среднего образования К. Нарibaев был переведен на рядовую преподавательскую работу. Всего в алма-атинских вузах были уволены 319 преподавателей и исключены 182 студента [11. Л. 260].

Декабрьское выступление казахской молодежи осветило проблему психологического разрыва между молодым поколением, рассматривавшим назначение стороннего человека на руководство национальной республикой как посягательство на идеалы и представления о подлинном интернационализме, и казахской партийно-комсомольской номенклатурой, вполне довольной своим положением и материальными привилегиями. Собранные комиссией М. Шаханова материалы

по декабрьским событиям свидетельствуют об активном участии казахских партийцев и сотрудников госбезопасности в кампании травли и очернительства участников выступлений. Жесткий прессинг на казахскую элиту, сопровождавшийся огульными обвинениями в национализме со стороны отдельных чиновников и работников КГБ, возрождал в республике атмосферу страха и взаимной подозрительности. В пылу обличительства заговорили даже о культе личности Д.А. Кунаева. В защиту бывшего казахстанского руководителя выступил лишь О. Сулейменов. В своем ярком и эмоциональном выступлении на Пленуме ЦК Компартии Казахстана в январе 1988 г. известный поэт сравнил гармонизацию межнациональных отношений с кропотливым трудом садовода по выращиванию цветника. Развивая далее этот образ о некоторых наиболее ярых борцах с казахским национализмом (М. Мендеубаев, С.М. Мукашев, З.К. Камалиденов, В. Мирошник), он заметил: «...нередко на должность садовода назначаются лесорубы, выполняющие план по заготовке дров» [12. Л. 22–23].

Алма-Атинские выступления казахской молодежи имели еще одно последствие – отказ союзного руководства от попытки вновь воссоздать Целинный край с последующим его выводом из состава Казахской ССР. В 1985 г. в Казахстане циркулировали слухи от готовящейся отставке Д.А. Кунаева и передаче целинных областей РСФСР. О проблеме целинных областей, якобы подаренных Н.С. Хрущевым Казахстану, обмолвился М.С. Горбачев в своих последних выступлениях на посту Президента СССР.

Опытный партийный функционер Г.В. Колбин, работавший на посту второго секретаря в Грузии, понимал опасность чрезмерного давления на титульную нацию, порождающую угрозу широкого межэтнического конфликта. Уже в марте 1987 г. Г.В. Колбин заявил о недопустимости «навешивания ярлыка на весь казахский народ». Он обратил внимание на то, что «имеют место среди некоторой части русского населения проявления неводержанности, неуважения к людям коренной и других национальностей» [13. Л. 28]. По свидетельству известного российского востоковеда С.А. Панарина, Г.В. Колбин был действительно искренним интернационалистом, пытавшимся разобраться в сложной ситуации в республике и найти опору среди казахских партийцев. Н.Э. Масанов полагает, что Г.В. Колбин к лету 1987 г. переключился на лоббирование интересов казахской политической элиты, рассматривая свое пребывание в Казахстане как стартовую площадку для дальнейшего карьерного роста в Москве [14. С. 51]. Г.В. Колбин решительно пресек претензии уйгуров на создание автономного образования. Была запрещена книга уйгурского историка из АН КазССР Кибирова «Уйгуры – автохтоны Семиречья», в которой доказывалась принадлежность земель юго-восточного Казахстана уйгурам.

Одновременно была сделана попытка переключить внимание общества с национальных на социальные

проблемы. Под предлогом борьбы с неоправданными привилегиями в распоряжение Министерства здравоохранения Казахской ССР к августу 1987 г. передаются 247 малых гостиниц, 14 коттеджей, 414 гостевых квартир и 220 охотничьих домиков [15. Л. 27]. По республиканскому телевидению Колбин обещал решить в республике жилищный и продовольственный вопросы путем сокращения обязательных поставок в союзные фонды, добиться строительства в Казахстане новых птицефабрик и автомобильного завода.

Значительные последствия имело обращение Г.В. Колбина к языковой проблеме, а именно к резкому сокращению сферы применения и изучения казахского языка. Г.В. Колбин на январском 1987 г. Пленуме ЦК Компартии Казахстана подверг резкой критике партийную организацию республики за игнорирование проблем казахского языка и указал на необходимость равноправия русского и казахского языков в официальном делопроизводстве. В обязательном порядке он потребовал от партийцев изучить и применять в общении казахский язык, пообещав от себя лично выступить на предстоящем XVII съезде Компартии Казахстана с отчетными докладами на казахском и русском языках. Уже в марте 1987 г. Пленум ЦК Компартии Казахстана принял два постановления: «Об улучшении изучения казахского языка» и «Об улучшении изучения русского языка». На расширенном заседании Бюро ЦК Компартии Казахстана (6–9 марта 1987 г.), посвященном развитию межнациональных отношений, Г.В. Колбин высказался за поддержку казахско-русского билингвизма с приданием равных статусов казахскому и русскому языкам [16. Л. 181].

Республиканское руководство наметило широкий круг мер в рамках программы улучшения изучения казахского языка. Внедрение казахского языка требовало проведения разъяснительной работы среди населения крупных городов, где преобладало русскоязычное население. Партийные и советские органы были обязаны обеспечивать синхронный перевод с казахского и русского языков во время проведения крупных общественно-массовых и культурных мероприятий, организовывать кружки и курсы для желающих изучать казахский язык. Решительные шаги были сделаны для подготовки изучения казахского языка в средней общеобразовательной школе. На основе полной добровольности вводились учебные часы по казахскому языку в детских дошкольных учреждениях и в 1–8-х классах средней школы. В педагогических институтах открывались специальности «казахский язык и литература», происходила переподготовка педагогических кадров. Академические структуры обязывались подготовить и издать казахско-русский словарь, краткий самоучитель, разговорники и учебники по казахскому языку [Там же. Л. 182–183].

Особое внимание республиканское руководство уделило удовлетворению культурных запросов третьего по численности народа – немцев. Это было связано с

начавшейся массовой репатриацией немецкого населения. С 1976 по 1987 г. в республике было подано 79 446 ходатайств на выезд в ФРГ, из них на 9 803 заявления был дан положительный ответ. В наибольшей степени миграционные установки были распространены среди немцев Карагандинской, Джамбульской, Талды-Курганской, Чимкентской и Алма-Атинской областей. После вступления 1 января 1987 г. в силу Постановления Совета Министров СССР о порядке выезда и въезда в СССР увеличивается число заявок на эмиграцию в ФРГ. Только за семь месяцев 1987 г. поступило 2 562 заявки, из них 1 736 были удовлетворены [17. Л. 47–48].

25 июня 1987 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР принял Постановление «О состоянии изучения в республике немецкого языка как родного языка». Согласно намеченной программе, вводилось изучение немецкого языка как родного в дошкольных детских учреждениях. Весьма важным было увеличение числа учащихся в школах с немецким языком обучения, организация телевидения на немецком языке на республиканском телеканале «Алатау» и в областных телецентрах [18. Л. 47].

Новаторские и смелые шаги тогдашнего казахстанского руководства в значительной степени позволили снизить межэтническую напряженность, возникшую после декабрьских событий 1986 г. Первые позитивные результаты были получены уже в первый год реализации языковой программы. В 1987/88 учебный год в Казахстане функционировало 7 900 школ, в которых обучались 3 917 тыс. детей. На казахском языке велись занятия в 2 540 школах (908 тыс. школьников); на русском – в 4 179 школах (2 009 тыс. школьников); на узбекском языке в 73 школах с 58 тыс. учеников; на уйгурском – в 11 школах с 13 тыс. учеников, на таджикском – в 9 школах с 2 056 учениками. В республике функционировали также 1 094 школы со смешанным обучением. Были созданы школьные группы по изучению родного языка: корейские – 11 групп с 191 учащимся, дунганские – 117 групп (3 395 учеников), курдские – 16 групп (204 ученика), турецкие – 14 групп (184 ученика) и азербайджанские – 10 групп (134 ученика) [19. С. 66–67].

Значительные усилия были приложены для возрождения родного языка немцев – третьей по численности этнической группе в Казахстане. В 1988 г. немецкий язык в качестве родного языка изучался в 316 школах и 124 детских садах. В 1987/88 учебном году число немецких детей, обучавшихся на родном языке, увеличилось в Целиноградской области на 1 814 человек, в Павлодарской области – на 610 человек и в Джамбульской области – на 381 человека. Подготовка учительских кадров велась в Кокчетавском педагогическом институте и Саранском педагогическом училище Карагандинской области. Значительно вырос тираж печатной продукции. С 1986 по 1988 г. общий тираж книг на немецком языке вырос в три раза, с 39,2 тыс. до 130,4 тыс. единиц книжной продукции [20. С. 202].

В начале 1989 г. стало ясно, что Г.В. Колбин уедет на повышение в Москву. С его отъездом концепция равноправия казахского и русского языков была пересмотрена в ходе развернувшейся языковой реформы. Известный филолог Г. Кайдаров объяснял корректировку прежнего курса необходимостью защиты казахского языка, утверждая: «Постулирование статуса т.н. «государственного двуязычия» колбинского толка, где в его национально-русском и русско-национальном вариантах доминирует русский язык, и его приравнение с казахским языком, в той атмосфере, в которой мы живем и в силу действующей инерции сознания, не благоприятствует его полнокровному развитию» [21. С. 3].

Известный социолингвист Б.Х. Хасанов, сделавший научную карьеру на разработке проблем русско-казахского билингвизма, в 1989 г. кардинально пересмотрел свои прежние установки в отношении русского языка, прикрываясь заботой о межнациональном согласии. Он писал: «Провозглашение русского языка государственным спровоцирует возможность подмены родного языка нерусских и может вызвать негативную реакцию со стороны нерусских, представляющих положение родного языка ущемленным, и тем самым обострит межнациональные отношения» [22. С. 20].

19 января 1989 г. в ЦК Компартии Казахстана и Президиум Верховного Совета Казахской ССР коллектив Института языкознания АН Казахской ССР направил аналитический доклад «Лингвистическая ситуация в республике и вопросы языкового строительства», в котором поднимались вопросы с катастрофичным положением казахского языка, сокращением преподавания казахского языка в народном образовании. Сотрудники считали положение с казахским языком результатом «искусственной деформации ленинской национальной политики в республике, где вследствие миграционных процессов начали складываться неблагоприятные условия для его функционирования» [23. С. 252–253]. 26 января 1989 г. к критическому обсуждению прежней языковой политики присоединился коллектив Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР. Ссылаясь на опыт закавказских республик и Эстонии, сотрудники Института предложили:

«1. Казахский язык признается государственным языком республики и его статус закреплен в Конституции КССР.

2. Русский язык полностью сохраняет свои функции в качестве языка межнационального общения, необходимо в дальнейшем совершенствовать пропаганду его роли и значения.

3. Содействовать развитию других национальных языков.

4. Решение собрания и мнение коллектива доложить в соответствующие органы» [Там же. С. 252–254].

Активность казахской интеллигенции в вопросе сохранения казахского языка повлияла и на партийные

инстанции. 2 августа 1989 г. Идеологический отдел ЦК Компартии Казахстана опубликовал проект «Концепции языковой политики», в которой недвусмысленно было указано на то, что казахи являются «этнической основой огромной республики». В соответствии с предлагаемым новым ранжированием народов республики предлагалось ввести разный уровень статусов языков: казахский язык провозглашался государственным, русский язык получал неопределенный статус языка межнационального общения, языки национальных меньшинств в районах их компактного проживания объявлялись «региональными, местными» [24. С. 1]. В предложенном проекте прослеживалось влияние прежних наработок казахстанских социолингвистов, в частности не фиксировалась жесткая ответственность чиновников за незнание государственного языка.

Многие неясности были устранены в опубликованном 22 августа 1989 г. Проекте Закона Казахской ССР «О языках в Казахской ССР», в срочном порядке принятом Верховным Советом Казахской ССР 22 сентября 1989 г. В соответствии с новым законом казахский язык был объявлен государственным языком, а русский язык получил статус языка межнационального общения. Закон вменял в прямую обязанность изучение государственного языка представителям управленческого аппарата, в местах компактного проживания этнических меньшинств обязательным было знание и их языков в «объеме, необходимом для осуществления служебных функций» [25. С. 1].

Языковое реформирование потребовало конкретной проработки и планирования мер по внедрению казахского языка. В июне 1990 г. Центр изучения межнациональных отношений АН Казахской ССР предложил документ «Механизмы введения и реализации Закона о языках в Казахской ССР и пути внедрения государственного языка в жизнь». Авторы документа откровенно указывали на русскоязычную часть населения как главный фактор, препятствующий внедрению казахского языка: «Непреодолимой стеной на пути внедрения государственного языка стоит ряд тормозящих факторов, среди которых следует выделить большую долю русскоязычного населения, которая сложилась за счет представителей русской национальности, занимающей второе место в составе населения республики, и нерусской части населения, сменившей родной язык» [26. С. 5]. В качестве неотложных мероприятий специалисты по межнациональным отношениям рекомендовали перевести все официальное делопроизводство на казахский язык, а в районах с преобладанием казахского населения или там, где оно составляет не менее половины населения, языком внутреннего делопроизводства должен стать только казахский язык. За основу внедрения казахского языка брались четыре принципа:

1) планомерность и поэтапность введения казахского языка в служебное обращение;

2) планомерность и поэтапность введения казахского делопроизводства;

3) организация пропагандистской кампании;

4) повсеместное установление отчетности в каждом учреждении, организации и на предприятиях перед вышестоящими органами [Там же. С. 15].

Предложения ЦИМО АН Казахской ССР были учтены в принятой 28 июня 1990 г. «Государственной программе развития казахского языка и других национальных языков до 2000 г.». В этом документе был намечен план и график перевода официального делопроизводства регионов на казахский язык. Предполагалось завершить переход на казахский язык делопроизводства к 1995 г. [27. С. 1]. С учетом того, что в 1988 г. делопроизводство на казахском языке велось только в 748 (25%) из 2 995 исполкомов Советов разного уровня, график предполагал давление республиканской власти на местные органы. Реализовать в сроки намеченный график удалось в Кызыл-Ординской (90% делопроизводства велось на казахском языке), Чимкентской (70%), Джамбульской (60%), Гурьевской (40%) областях. В большинстве областей и в Алма-Ате, во всех республиканских министерствах и ведомствах делопроизводство велось исключительно на русском языке. Серьезным препятствием были также отсутствие достаточного числа квалифицированных специалистов, владеющих казахским языком, и соответствующей материально-технической базы [19. С. 54–55].

Языковая реформа в Казахстане, как и в других союзных республиках, означала начало краха советского интернационалистского проекта, с 1930-х гг. тесно связанного с политикой языковой унификации за счет распространения русского языка. Актуализация проблемы национальных языков создавала мощные ресурсы поддержки притязаний республиканских номенклатур на бесконтрольное властное доминирование и контроль над ресурсами народного хозяйства. Объективно в этом вопросе происходила смычка интересов партийной номенклатуры, ранее приложившей усилия к «угасанию» казахского языка, и национальной интеллигенции.

Языковая реформа расколола общественное мнение и нанесла сильный удар по сохранявшимся отношениям межэтнического доверия и солидаризма, характерного для предшествующего периода. Уже летом 1989 г. в периодической печати северных областей появились критические статьи. В публикациях журналистов и в интервью казахских атаманов ставилась под сомнение территориальная целостность республики (см., напр.: [28]).

Подозрения казахского населения возросли после публикации 18 сентября 1990 г. в «Литературной газете» и «Комсомольской правде» статьи А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию. По-сильным соображениям», в которой лауреат Нобелевской премии призывал к демонтажу СССР и пересмотру границ между союзными республиками. В отношении создания Казахстана в его настоящих границах Солженицын ставил под сомнение правильность политики

Ленина и Сталина. После появления публикации на страницах ведущих газет страны, имеющих многомиллионные тиражи, стало ясно, что данная позиция писателя разделяется частью союзного руководства, давшего «добро» на ее издание.

Немаловажным обстоятельством, способствовавшим предотвращению открытых межэтнических конфликтов, является типологическая схожесть казахского национального проекта с другими национальными гражданскими проектами, включая проект российского возрождения через роспуск СССР. Истоки этой схожести вытекают из общего советского прошлого и практики национал-строительства 1920–1930-х гг., только вместо «государства наций» предполагалось создание государств-наций. В казахском проекте исключался вариант поддержки формирования религиозной солидарности и идентичности. В то же время в казахском проекте предусматривался отказ от демократической концепции «многосоставного» общества, в которой национальные меньшинства имели бы право блокирования принятия ущемляющих их интересы политических решений. Проводники казахского национального проекта отталкивались от того, что республика является государственностью только казахской нации. Позже, в 1993 г., это положение будет закреплено конституционно и значительно осложнит межэтническую ситуацию.

Под давлением союзного Центра 27 сентября 1990 г. Совет Министров Казахской ССР издал Постановление, корректировавшее сроки внедрения государственного языка «с учетом конкретных социально-экономических условий и демографической ситуации». К программе дальнейшего внедрения казахского языка вернулись после провозглашения в декабре 1991 г. независимости Казахстана.

Май–июнь 1989 г. был «переломным» временем в этнополитической истории Казахстана. Отъезд в мае 1989 г. Г.В. Колбина в Москву совпал с началом победоносного «парада суверенитетов». Шумная антисталинистская и антисоветская кампания в центральных СМИ, внутренние конфликты внутри союзного руководства отвлекли внимание общества от процесса обретения могущества этнических элит союзных республик. Новый поворот в национальной политике союзного руководства характеризовался отказом от попыток национальной эгалитаризации и возвращению к доперестроечной практике консенсуса с национальными элитами на новых условиях: свертыванием контроля Центра над экономическими ресурсами республик и невмешательством в кадровую политику в союзных республиках.

После отъезда Г.В. Колбина исход жесткой борьбы за власть был предreshен объединением казахской партийной номенклатуры вокруг личности Н.А. Назарбаева. 22 июня 1989 г. Н.А. Назарбаев был избран первым секретарем казахстанской партийной организации, У. Карманов – Председателем Совета Министров Казахской ССР, а М. Сагдиев – Председа-

телем Верховного Совета Казахской ССР. Новому руководству пришлось решать многие вопросы, связанные с ухудшением социально-экономической ситуации и ростом межэтнической напряженности на фоне общего кризиса советской системы. В 1988 г. субвенции союзного Центра составляли 21,1% от доходной части республиканского бюджета, в 1989 г. – 33,3%, в 1990 г. – 31% и в 1991 г. – 5,5%. Сокращение дотирования из общесоюзных фондов ударило, в первую очередь, по крупным заводам Казахстана, являвшимся частью военно-промышленного комплекса и добывающей промышленности СССР. Нарастание социальных проблем привело к обострению межэтнических отношений.

Первый жесткий межэтнический конфликт в перестроечном Казахстане произошел в западноказахстанском Новом Узене, где 17–29 июня 1989 г. проходили стычки между казахской и северо-кавказской молодежью. Поводом для столкновений стала обычная драка, вылившаяся в общий погром выходцев с Кавказа. Действительные причины возникновения межэтнического конфликта крылись в глубоком социальном расслоении между приезжими и местными жителями, которых не брали на работу на нефтедобывающие предприятия союзного Миннефтепрома. От широкомасштабной этнической чистки чеченцев и ингушей спасли введенные части специального назначения, силами которых осуществлялись подавление беспорядков и соблюдение режима военного положения.

Потенциальная угроза межэтнического конфликта существовала в крупных городах Северного и Восточного Казахстана. 21 сентября 1990 г. Центр изучения социально-политических и идеологических процессов Института социологии АН СССР по рекомендации Отдела национальных отношений ЦК КПСС направил секретарю ЦК КП Казахстана У.Д. Джанибекову аналитическую записку «Оценка вероятности обострения межнациональных отношений в г. Целинограде Казахской ССР». Этот документ был разработан на материалах социологического опроса, проведенного в июне 1990 г. в Целинограде в рамках межрегионального комплексного исследования по проблемам оптимизации межнациональных отношений в СССР. Социологами был отмечен большой разрыв в доходах между бедной и более состоятельной частью казахской части горожан, что могло серьезно осложнить отношения казахов с другими этносами. Ученые предупреждали: «националистические лозунги, спекулирующие на низком материальном уровне части казахов, могут найти поддержку у коренного населения» [23. С. 260].

Учеными был отмечен рост тревожности по поводу грядущих столкновений среди казахстанских славян и немцев, подталкивающий их к выезду из республики. Причинами столкновений могут послужить взаимные претензии, считали социологи, отмечая: «Для настроений значительной части казахского населения

г. Целинограда характерно чувство определенной национально-культурной ущемленности и ощущение пренебрежительного отношения со стороны славянских групп населения. 64% опрошенных казахов часто сталкиваются с неуважением к их языку, традициям и обычаям со стороны славянского населения, 31% казахов – со слабым знанием или незнанием руководителями и представителями власти языка местного населения. При этом претензии этнических групп имели взаимный характер. 62% казахов, 62% русских и 43% украинцев указали, что слышали неуважительные отзывы о своем народе и его культуре, а 52; 60 и 54% соответственно – о других народах, проживающих в республике» [Там же. С. 261]. Несмотря на критическую оценку прогнозов развития межэтнической ситуации в ЦК Компартии Казахстана, материалы и выводы социологического исследования 1989 г. бесценны для понимания протекавших этнополитических процессов в Казахстане накануне распада СССР. Фактически социологами был сделан в будущей столице Казахстана «срез» общественного мнения и вскрыты «болевые» точки в развитии межэтнических отношений, показана тревожность нетитульного населения по поводу своего будущего.

На наш взгляд, этнополитические процессы 1985–1991 гг. характеризовались усилением межэтнической напряженности в обществе, и на этом фоне вспыхивали конфликты между представителями отдельных народов. В то же время абсолютное большинство советских граждан желало сохранения своей страны и не стремилось к выходу республик из состава СССР. Большие надежды население Казахстана возлагало на обновление в стране и нормализацию социально-экономической ситуации и межэтнических отношений. На Всесоюзном референдуме о сохранении СССР (17 марта 1991 г.) абсолютное большинство голосовавших жителей республики (94,1%) поддержало сохранение Союза ССР. Обострение национальных отношений в союзных республиках было больше связано с ростом претензий этнических элит на контроль в национальных республиках. Языковая реформа и этнизация управленческого аппарата были инструментами в очередном витке борьбы за объем властных полномочий между союзным Центром и союзными республиками и не представляли опасность для существования СССР. Исторический опыт показывает, что при наличии политической воли со стороны Центра элиты национальных республик (за исключением республик Балтии и Закавказья) готовы были уступить требованиям союзных властей. Однако в декабре 1991 г. СССР был распущен и народ Казахстана оказался в новой геополитической реальности. Дальнейшее развитие межэтнических отношений зависело не только от национальной политики казахстанского руководства, но и от степени сохранения в обществе отношений солидаризма и межэтнической толерантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чешко С.В. Распад Советского Союза. М. : ИЭА РАН, 2000. 397 с.
2. Бырбаева Г.Б. Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии. Алматы : Дайк-пресс, 2005. 484 с.
3. Козыбаев М.К. Отечественная история XX века: мифы и реальность // Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (Избранные труды). Алматы : Гылым, 2006. С. 158–179.
4. Горбачев М.С. Жизнь и реформы : в 2 кн. М. : Новости, 1995. Кн. 1. 600 с.
5. Черняев А.С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М. : ТЕРРА, Республика, 1997. 336 с.
6. Кунаев Д.А. От Сталина до Горбачёва. Алматы : Санат, 1994. 352 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1669.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1666.
10. Пономарев В.А. Документы и материалы о событиях 1986 года в Казахстане. М. : Информационно-экспертная группа «Панорама», 1993. 315 с.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1671.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1667.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1647.
14. Масанов Н.Э. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. 1996. № 1. С. 46–61.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1668.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1670.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 156. Д. 1677.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 157. Д. 1672.
19. Сужиков М.М., Сапаралиев Г.С. Некоторые философско-правовые проблемы совершенствования культуры межнациональных отношений. Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. 79 с.
20. Советские немцы – история и современность : материалы всесоюз. науч.-практич. конф. Москва, 15–16 ноября 1989 г. М. : ИМЛ при ЦК КПСС, 1990. 383 с.
21. Кайдаров Г. Если исчезнет язык // Казахстанская правда. 1992. 15 окт.
22. Хасанов Б.Х. Национальные языки, двуязычие и многоязычие: поиски и перспективы. Алма-Ата: Казахстан, 1989. 136 с.
23. Кыдыралина Ж.У. Нация и история. Астана : Елорда, 2009. 304 с.
24. Концепция языковой политики в Казахской ССР // Казахстанская правда. 1989. 2 авг.
25. Закон Казахской ССР «О языках в Казахской ССР» // Казахстанская правда. 1989. 22 сен.
26. Хасанов Б.Х. Механизм введения и реализации закона о языках Казахской ССР и пути внедрения государственного языка в различные сферы жизни. Алма-Ата : Наука, 1990. 30 с.
27. Государственная программа развития казахского языка и других национальных языков до 2000 г. // Казахстанская правда. 1990. 1 июля.
28. Феоктистов А. Русские, казахи и Алтай. М. : Альфа и Омега, 1992. 48 с.

Kaziev Sattar Sh. North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev (Petropavlovsk, The Republic of Kazakhstan). E-mail: sattarkaz@mail.ru

PERESTROIKA AND CRISIS OF NATIONAL RELATIONS IN KAZAKHSTAN (1985–1991).

Keywords: national policy; Kazakhs; Russians; Germans; perestroika; interethnic conflicts; language reform; nationalism.

The article deals with the problems of interethnic relations in Kazakhstan in the years of perestroika and breakdown of the USSR. An impression of objectivity of the Soviet society collapse as a result of release of ethnic nationalism from under the “press” of party bodies and state security apparatus due to the crash of official ideology of internationalism and actions of ethnic elites aimed at the disintegration of the country prevails in the research literature. Perestroika in the USSR was directed at the reformation of the Soviet society. Actions of the Soviet Union Center aimed at elimination of ethnic disparity hierarchy in national republics caused titular nations anxiety and expectation of changes among the ethnic minorities that in turn provoked aggravation of ethnic relations. The Union government reconsidered official personnel policy and carried out replacement of the former leaders of National Republics. In Kazakhstan it caused overt actions of Kazakh young people and intelligentsia in Almaty in December 1986. The new party leadership of Kazakhstan headed by G.V. Kolbin chose demolition of existing system of ethnic and tribal preferences in personnel policy and introduction of ethnically proportional representation in party-governmental and Soviet apparatus as its center of attention. Struggle against predominance of Kazakhs in governmental bodied was represented as correction of the “extremes” and return to genuine Lenin’s national policy. At the same time it was attempted to switch attention of the society from national issues to solving problems of social difficulties. Such an approach did not cause any significant opposition in the republic. However, Kolbin’s addressing the language problem, namely, sharp decreasing of the sphere of the Kazakh language application and studying, had considerable consequences. The language reform presupposed equal development of both Kazakh and Russian languages as well as support of language and cultural demands of ethnic minorities. Since the summer of 1989 the language reform was used as the instrument in the fight against the Union Center for accretion of power in National Republics. The language reform in Kazakhstan as well as in other Union republics meant the beginning of the Soviet internationalist project crash which was closely connected with the policy of language unification on account of the Russian language spread since 1930. Actualization of the national languages problem created powerful resources in support of republican nomenclatures’ claims for uncontrolled imperious dominance and control of the national economies. Fairly speaking, interests of party nomenclatura, which earlier had made its contribution to ‘extinction’ of the Kazakh language, and national intelligentsia converged at this issue. The language reform split public opinion and struck a violent blow at the remaining relations of interethnic confidence and solidarity typical of the preceding period. However, Kazakh party nomenclatura and intelligentsia did not aim at secession from the Union. Absolute majority of Kazakhstani people also supported the idea of preserving the unity of the country. Analysis of the ethno-political processes in Kazakhstan in the years of perestroika shows that destructiveness of nationalism potential was exaggerated. The crisis of national relations actually occurred but example of Kazakhstan suggests that potential of interethnic concord and civil loyalty was much more significant. After collapse of the country the social capital in the form of interethnic tolerance was used by the Kazakhstan political leadership to integrate the population into new political community of Kazakhstani people.

REFERENCES

1. Cheshko, S.V. (2000) *Raspad Sovetskogo Soyuza* [The collapse of the Soviet Union]. Moscow: IEA RAS.
2. Byrbaeva, G.B. (2005) *Tsentral'naya Aziya i sovetizm: kontseptual'nyy poisk evro-amerikanskoj istoriografii* [Central Asia and Sovietism: conceptual search Euro-American historiography]. Almaty: Dayk-press.
3. Kozybaev, M.K. (2006) *Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazakhstana* [Problems of methodology, historiography and source history of Kazakhstan]. Almaty: Gylym. pp. 158-179.
4. Gorbachev, M.S. (1995) *Zhizn' i reformy* [Life and Reforms]. Moscow: Novosti. Book 1.
5. Chernyaev, A.S. (1997) *1991 god: Dnevnik pomoshchnika Prezidenta SSSR* [1991. Diary of the Assistant to the President of the USSR]. Moscow: TERRA, Respublika.
6. Kunaev, D.A. (1994) *Ot Stalina do Gorbacheva* [From Stalin to Gorbachev]. Almaty: Sanat.
7. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1668. (In Russian).
8. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1669. (In Russian).
9. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1666. (In Russian).
10. Ponomarev, V.A. (1993) *Dokumenty i materialy o sobytiyakh 1986 goda v Kazakhstane* [The documents and materials about the events of 1986 in Kazakhstan]. Moscow: Panorama.
11. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1671. (In Russian).
12. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1667. (In Russian).
13. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1647. (In Russian).
14. Masanov, N.E. (1996) *Kazakhskaya politicheskaya i intellektual'naya elita: klanovaya prinadlezhnost' i vnutrietnicheskoe sopernichestvo* [Kazakh political and intellectual elites: clan affiliation and internal ethnic rivalries]. *Vestnik Evrazii – Acta Eurasica*, 1996. 1. pp. 46-61.
15. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1668. (In Russian).
16. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1670. (In Russian).
17. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 156. File 1677. (In Russian).
18. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 157. File 1672. (In Russian).
19. Suzhikov, M.M. & Sapargaliev G.S. (1989) *Nekotorye filosofsko-pravovye problemy sovershenstvovaniya kul'tury mezhnatsional'nykh otnosheniy* [Some philosophical and legal problems of improving the culture of international relations]. Alma-Ata: Nauka KazSSR.
20. Chebotareva, V.G. (ed.) (1990) *Sovetskie nemtsy – istoriya i sovemennost'* [The Soviet Germans – the history and the present]. Proc. of All-Union Scientific and Practical Conference. Moscow. 15-16 November 1989. Moscow: IML at the CPSU Central Committee.
21. Kaydarov, G. (1992) *Esli ischeznet yazyk* [If the language disappears]. *Kazakhstanskaya pravda*. 1992. 15th October.
22. Khasanov, B.Kh. (1989) *Natsional'nye yazyki, dvuyazychie i mnogoyazychie: poiski i perspektivy* [National languages, bilingualism and multilingualism: the search and prospects]. Alma-Ata: Kazakhstan.
23. Kydyralina, Zh.U. (2009) *Natsiya i istoriya* [The nation and the history]. Astana: Elorda.
24. Kontseptsiya yazykovoy politiki v Kazakhskoy SSR [The concept of language policy in the Kazakh SSR]. (1989) *Kazakhstanskaya pravda*. 2nd August.
25. Zakon Kazakhskoy SSR “O yazykakh v Kazakhskoy SSR” [The law of the Kazakh SSR “On languages in the Kazakh Soviet Socialist Republic”]. (1989) *Kazakhstanskaya pravda*. 22nd September.
26. Khasanov, B.Kh. (1990) *Mekhanizm vvedeniya i realizatsii zakona o yazykakh Kazakhskoy SSR i puti vnedreniya gosudarstvennogo yazyka v razlichnyye sfery zhizni* [The mechanism of introduction and implementation of the law on the languages in the Kazakh SSR and the ways of implementation of the state language in the various spheres of life]. Alma-Ata: Nauka.
27. Gosudarstvennaya programma razvitiya kazakhskogo yazyka i drugikh natsional'nykh yazykov do 2000 g. [The state program of development of the Kazakh language and other national languages before 2000]. (1990) *Kazakhstanskaya pravda*. 1st July.
28. Feoktistov, A. (1992) *Russkie, kazakhi i Altay* [The Russian, Kazakhs and Altai]. Moscow: Al'fa i Omega.

УДК: 94(470):070(571.16)
DOI 10.17223/19988613/35/10

Н.П. Бобкова

СПЕКТР ОБСУЖДАЕМЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕМ НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ 1990–1997 гг.

Актуальность темы исследования обуславливается возрастающей ролью оппозиционной политической пропаганды и проявлением интереса к изучению проблемы в историческом аспекте. Предметом научной работы являются политические темы на страницах печатных изданий Томской области 1990–1997 гг. Основными методами исследования выступают принцип историзма и контент-анализ прессы. Результатом работы стал анализ региональных печатных изданий, который позволил автору сделать вывод о том, что местные издания отражали политическую ситуацию в стране и области, имели свой взгляд на происходящие события.

Ключевые слова: печатные издания; политические публикации; политические партии; политические деятели; политические позиции.

Первые годы проводимых сначала в СССР, а затем в РФ экономических (рыночных) реформ сопровождались резким снижением уровня жизни населения и глубоким административным и политическим кризисом. Все эти явления и процессы были актуальны для редакторских коллективов как центральной, так и региональной прессы. Ввиду обширности опубликованного печатными средствами массовой информации (СМИ) материала тех лет, является целесообразным проанализировать его всесторонне по регионам. Целью данного исследования является освещение ряда политических проблем начала 1990-х гг. на основе материалов печатных СМИ Томской области.

Так, независимое информагентство «Сибирь» и его издание «Народная воля» 1990 г. города Томска опубликовало статьи с громкоговорящими заголовками: «Президента и правительство – в отставку!», «Роковая ошибка Ленина», «Правда о КПСС», «Детектив». Автор статьи «Кризис власти – кризис экономики» на первой полосе пытался убедить читателей в несостоятельности политики реформ: «С момента прихода к власти Горбачева ни одна программа под его руководством не завершилась успехом».

Автором были перечислены многочисленные провалы в экономике и политике, такие как: дискредитация госприемкой наших товаров на внутреннем и зарубежном рынках; лихорадка промышленного производства; хаос в снабжении из-за децентрализации; инфляция; грабежи, насилие, убийства, национализм, преступность. Далее автор задает вопрос: «А задумывались ли Вы, уважаемый читатель, почему это рукоплещут политике Горбачева руководители США, Англии, Франции? Может, они радуются нашим успехам?». Здесь же приводится ответ: «Отнюдь! Они видят, что действия нашего руководства разрушают наше хозяйство, рушат наш Союз и подрывают обороноспособность нашей страны. Все надежды народа были обращены на народных депутатов. В предвыборных речах они били себя в грудь, обещая защищать интересы народа. И поначалу все шло хорошо. Приняты законы о пенсиях, о повышении заработной платы. Но вот рос-

сийскими депутатами во главе с Ельциным, а затем и союзными принимается программа перехода к рыночной экономике...». В итоге автор делает вывод о том, что «пора кончать это безумие... Такая власть нам не нужна!!!» [1. Л. 1].

Содержание статьи указывает на наличие социальных и политических противоречий в советском обществе. На то, что эти проблемы зародились намного раньше, указывают рассуждения на страницах местной прессы о ходе избирательной кампании 1989 г.

Корреспондент еженедельной газеты Томского областного совета народных депутатов в № 1 от 24 мая 1990 г. «Народная трибуна» («НТ») в статье «Новые люди в парламенте» вспоминает кампанию «Выборы-89», которая, по словам автора, протекала очень остро. Эта острота объясняется, «во-первых, активнейшим противостоянием двух сил: партийная, старая советская и административная структуры, привыкшие к беспределу власти, с одной стороны, и молодая демократическая поросль, осмелившаяся оспаривать эту власть, с другой стороны. И чем сильнее было давление аппарата, тем активнее и более массовым было сопротивление демократических сил. Во-вторых, число кандидатов и депутатских мест было малым, а население лучше информировано о претендентах, которые шли по территориальным округам. В-третьих, подобные выборы (в условиях разрешенной гласности и нескольких фамилий в бюллетене) проводились впервые» [2. Л. 2].

Далее в этом же номере «Народной трибуны» корреспондент «НТ» поздравляет председателя областного Совета В.М. Кресса с избранием на «столь ответственный пост». Но прежде интервьюер напомнил о том, что не всегда выдвижение В.М. Кресса оказывалось удачным: «Говорят даже, что ваша жена запрещала вам участвовать в подобного рода мероприятиях, поскольку вы становитесь “штатным кандидатом”. Но вот, наконец, и вы, и ваша семья, и сторонники могут испытать чувство облегчения – в острой борьбе вам отдано предпочтение» [Там же].

Стоит отметить, что простым людям, избирателям трудно было сориентироваться в новых политических

условиях, что демонстрируют обзоры писем читателей 1990 г. в адрес редакции местных Томских газет «Красное знамя» и «Народная трибуна». В частности, одно из таких посланий содержит размышления женщины, которая сетует: «Дорогая редакция! <...> трудно мы стали жить. Озлобленность, непорядочность людскую показал митинг 25 февраля в Томске. Когда мы выбирали депутатов, я голосовала за Сулакшина. Те, кто за него агитировал, внушили мне, что это тот человек, который будет жить для людей. Но на митинге он мне не понравился. Какой-то самодовольный человек, которому до простых людей дела нет, одна забота протастить к власти своих» [3. Л. 102].

И еще похожее мнение читателя: «Уважаемая редакция газеты «Красное знамя»! <...> когда прочел в № 25 газеты «Красное знамя» от 30.01.1990 г. статью нашего народного депутата СССР С.С. Сулакшина – разочаровался. Кроме разговоров о 6-й статье Конституции СССР, об ответственности некоторых руководителей ЦК КПСС. Недавно я прочел беседы с народным депутатом СССР Н.П. Белоусом и был очень доволен его глубокими мыслями о наших делах, проникнутыми заботой о людях. Мне жаль, что я голосовал на выборах не за Белоуса Н.П., а за Сулакшина С.С.» [Там же. Л. 103].

Однако выборы кандидатов в депутаты – это было ещё не самым сложным для советского избирателя, а вот явление многопартийности оказалось куда более непривычным и непонятным. В однопартийной системе советского государства к 1990 г. оформляются многочисленные общественно-политические движения и организации.

«Республика» – под таким названием вышел в 1990 г. нулевой номер газеты Томского отделения республиканской партии России. Например, в этом номере были статьи с заголовками, говорящими сами за себя: В. Шестаковский «Надо помочь Горбачеву достойно уйти в историю»; В. Лысенко «Коммунистическая идеология стала главной причиной многочисленных бед и трагедий российского народа»; И. Чубайс «Я против всеобщей любви всех со всеми, от этого можно заболеть политическим СПИДом»; С. Сулакшин «Надо поддерживать президента»; «Социологические данные», «Для деловых людей республики», «Застрахован ли Борис Ельцин?», «Егор Лигачев дает показания» [4. Л. 3].

Демократический настрой постепенно приобретал все большую популярность среди политиков. Так, например, Б.К. Шайдуллин, депутат областного совета, член координационного совета Томского отделения Республиканской партии России (РПР), в статье «Мы – за предпринимателя» высказался за скорейший переход к рыночной экономике: «Тема социальной защиты малообеспеченных слоев населения при переходе к рынку становится неким объектом декларативных спекуляций: “Защитим народ от рынка! Частная собственность усилит нищету больных и престарелых!” Особенно в

этом усердствует КПСС, формируя свою социальную базу среди тех, кто действительно в силу своей социальной слабости опасается рынка. Почему Республиканская партия России (РПР) объявила свою приверженность к блоку демократических сил, находящихся в оппозиции к КПСС? Потому, что мы видим различия, прежде всего, в механизмах социально-экономической политики. В программных документах РПР утверждается: основа экономики – предприниматель. Поэтому свою опору, социальную базу партия видит, прежде всего, в тех членах нашего общества, которые способны на инициативу, на смелые, неординарные шаги. Кому не известны горькие принципы 70-х гг.: “Не высовывайся! Инициатива – наказуема!”. Но предпринимателя, менеджера надо еще вырастить». Затем Борис Кимович заявил о том, что в местных советах Томска образована депутатская группа «Демократический Томск», входящая в движение «Демократическая Россия» [Там же. Л. 4].

Несмотря на различия во времени появления региональных организаций «Демократической России», они были созданы во всех крупных городах Западной Сибири. Это свидетельствует о том, что политические процессы в регионе развивались параллельно общероссийским. Помимо «Демократической России» и партий, в нее входящих, на территории Западной Сибири действовали политические организации, по той или иной причине в «Демократическую Россию» не вошедшие. Так, по данным газеты «Красное знамя», в 1991 г. в Томске развернули деятельность «Женская партия», 23 февраля в городе прошло учредительное собрание Партии свободного труда [5. С. 90].

Координационный совет Томского отделения движения «Демократическая Россия» в газете «Народная трибуна» последовательно отстаивает политику реформ Президента РСФСР Б.Н. Ельцина: «Президент РСФСР назначил своим представителем в области лидера демократических сил народного депутата СССР С. Сулакшина. Конференция Томского отделения движения “Демократическая Россия” рекомендовала главе администрации В.М. Крессу назначить на посты, связанные с основными направлениями реформы, прогрессивно настроенных специалистов, участников движения: Бауэра В.А., Вьюгова Б.И., Шайдуллина Б.К. и др. Однако действия В.М. Кресса по формированию администрации показали, что под ширмой разговоров о профессионализме реализуется прежний партийно-номенклатурный подход... Уж не будут ли проводить реформы те, кто жизнь посвятил последовательной и настойчивой борьбе с ними?» [6. Л. 7].

Анализ заявления показывает, что некоторые новые демократические силы региона активно поддерживали Президента РСФСР, но были настроены против губернатора Томской области. Однако на Томской земле имелись объединения, оппозиционно настроенные по отношению к любой власти. Например, в первом номере информационного листка (букв. «информлистка»)

«Рабочий», созданном анархо-синдикалистами г. Томска-7 под лозунгом «Освобождение рабочих – дело рук самих рабочих», коллектив редакции обосновал выход данного издания «необходимостью довести до сведения рабочих ту информацию, которую не увидишь на страницах демократических и прокоммунистических газет». Редакторы отметили далее: «В информлисте, в различных его рубриках, можно ознакомиться с материалами о рабочем движении нашей страны, об опыте работы зарубежных, рабочих организаций и другой, полезной для простого труженика информацией. Мы надеемся, что информлисток “Рабочий” хоть как-то поможет вам сориентироваться в условиях надвигающегося, дикого, капиталистического рынка». Также в номере содержится пояснение редакторов самой сути синдикализма – «это идеология организованных трудящихся, не желающих мириться с положением наемных работников у государства или капиталиста, терпеть их произвол и самодурство, а также желающих стать хозяевами своего предприятия, на котором работают» [7. Л. 76].

Несколько позже Игорь Кузнецов, местный политолог, в статье «Синдикалистские профсоюзы в Сибири» подробно разъяснил читателям истоки синдикалистского движения в Томской области: «В 1989 г. в Москве прошел I съезд Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС). Через год создали свое объединение анархо-синдикалисты Сибири. До 1992 г. они сотрудничали с СОЦПРОФ, шахтерским движением. С 1992 г. начали создавать собственные профсоюзы (синдикаты). Отличие их от обычных профсоюзов в том, что конечная цель синдикатов – переход средств производства в руки трудящихся, создание самоуправления “снизу вверх”, упраздняющее государство. Так как до этого далеко, то сегодняшнее отличие синдиката от тред-юниона еще и в том, что отсутствуют президенты, председатели и “боссы”, все вопросы решаются путем опроса, референдума или путем консенсуса. Если согласие невозможно, то меньшинство не подчиняется большинству, но и не противодействует ему. В 1992 г. подобные организации в рамках ФНПР начали создаваться в г. Северске Томской области. В 1993 г. – в Омской области, где действует уже ОКТ – Омская конфедерация труда. Активисты синдикалистских профсоюзов Северска помогают всем вне зависимости от членства в профсоюзе», – подчеркнул И. Кузнецов [8. Л. 47].

Следует заметить, что классические профсоюзы Томска тоже выражали неодобрение политике главе государства. Тому свидетельство открытое письмо президенту РФ на первой полосе профсоюзной газеты «Действие», в котором рабочие выразили основную претензию: «Очередное подорожание всех без исключения продуктов питания и товаров первой необходимости!» и требование в лозунге – «Хлеб должен быть доступен народу» [9. Л. 4].

В июле 1993 г. томская газета «Красное знамя» опубликовала статью «Общество прозревает и левеет»,

где выдвигалась принятая IV Пленумом Томского областного исполкома Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) программа, включающая в себя: сохранение советской власти; проведение приватизации через трудовые коллективы; сохранение государственной собственности в базовых отраслях; восстановление монополии внешней торговли; разумная налоговая политика; денежная реформа; возвращение к «народному контролю за распределением»; цивилизованное отношение к науке, культуре, здравоохранению; объединение республик на новой основе. Эту программу коммунисты Томской области решили вынести на обсуждение облсовета. С ней КПРФ планировала одержать победу на выборах народных депутатов и глав администраций [5. С. 57].

Б.К. Шайдуллин, руководитель регионального отделения объединения «Яблоко», в своей статье «Томскому вестнику» охарактеризовал 1993 г. как время «Политического застоя в области»: «Партии, именуемые демократическими, себя почти не проявляют. Нет реальной широкой коалиции. Куда девался “Выбор России”? Где “Экологическая инициатива”? Где ТНД, РПРФ и другие? Что это? Проявление осторожности? А может быть, куплены подачками? Судя по неучастию кандидата от коммунистов в выборах губернатора, эта власть устраивает и их. У нас в Томске в условиях отсутствия широкой оппозиции сформировалась монополия власти. Считаю, что в Томске только объединение “Яблоко” действует организованно и последовательно. Думаю, что застой, желание сохраниться во власти – вот главные мотивы, которыми руководствуется губернатор области. Сейчас готовимся к конгрессу демократической коалиции. Возможно, в нем примет участие и Г. Явлинский. Главное, что нас объединяет, – это глубокая неудовлетворенность состоянием общества» [10. Л. 8].

Два года спустя выйдет в свет нулевой номер газеты «ЭПИ-Центр», что означало, по словам инициаторов его создания, «закрепление в г. Томске еще одного звена гражданского общества, которое имело естественную потребность общаться с людьми, вести расширение круга единомышленников». Члены объединения «ЭПИ-центр» считали себя оппозицией власти, «которая сумела по существу сохранить прошлое партийно-номенклатурное содержание, сбросив при этом лишь маску лицемерно-коммунистической идеологии». Девиз сообщества – «Информация – Закон – Разум – Демократия». Интерес вызывает фотография титульного листа издания, на котором Б.К. Шайдуллин и Г.А. Явлинский обмениваются дружелюбным рукопожатием [11. Л. 6].

Не случайно, по данным газеты «Красное знамя» 1995 г., наиболее мощным объединением «Яблока» в Западной Сибири стала организация Томска, где лидеры надеялись на победу в ходе предстоящих думских выборов [12. С. 80].

В 1995 г. в прессе появилась информация о создании еще одного регионального отделения политической силы демократического толка. В марте 1995 г. в Томске открылся офис Либерально-демократической партии России (ЛДПР). Члены ЛДПР начали работу по распространению Устава и программы партии, думского отчета фракции ЛДПР и обращения В. Жириновского к сотрудникам спецслужб [12. С. 76].

Коммунисты Томской области в исследуемый период также активно отстаивали свою позицию, а точнее оппозицию, в информационном пространстве региона. Так, в газете «Коммунист» в 1996 г. было размещено обращение участников конференции Томского регионального отделения НПСР: «Дорогие земляки! В Томске создано региональное отделение народно-патриотических сил России. Его учредителем выступили областные организации Коммунистической партии РФ, Российской коммунистической рабочей партии, Российского коммунистического союза молодежи, Аграрной партии России, общественное движение “Инициатива”. Главная задача нового общественного движения – всемерно противостоять антинародному Правительству и его структурам в центре и на местах, приведших нашу страну к глубочайшему кризису. 3 июля большинство томичей, поддавшись лживой пропаганде, проголосовали за Б. Ельцина, дальнейшее продолжение курса антинародных реформ. Многие поверили тогда его заверениям сделать Россию процветающей страной. Прошли выборы и развеялась эйфория надежд на хорошего царя-батюшку. Уважаемые томичи! 22 декабря в Томске и области пройдут выборы в представительные органы местного самоуправления. Патриоты Томской области выдвигают для работы в них проверенных, деловых, компетентных и честных людей. Мы обращаемся к вам с просьбой сделать мудрый и осознанный выбор» [13. Л. 1].

Издание Томского областного комитета Российского коммунистического союза молодежи «Молодая гвардия» тоже обращается к населению области со своими призывами: «Нынче время – смуты и хаоса в общественно-политической жизни, исторический провал в никуда, за который потомки будут со стыдом вспоминать нас, и задвинут наше время в самый дальний и маленький параграф учебника истории XXI века. 7 ноября в колонне антирежимной оппозиции впереди прошла наша небольшая шеренга. Многочисленные тележурналисты и борзописцы местных газет на этот раз сильно делали вид, что они владеют навыками элементарной демократии, но все-таки не решились официально показать существование в Томске комсомольской организации. А ведь зря. Потеряют из виду» [14. Л. 1].

И вот как молодые коммунисты прокомментировали избирательную кампанию 1995 г.: «С наступлением зимы целые косяки политиков жадно табунились вокруг «Томского вестника» – наиболее известной и якобы демократической газеты. Дело понятное. Кто ставит

на “ТВ”, тот садится в кресло. “Томский вестник” сам не простак, политическую конъюнктуру тоже отслеживал, принимал политических сватов, ломал руки и думал: “На кого же поставить?” – на элдэпээрчиков, как те ребята не солидные, зашорились на своем Жириновском так, что все заборы в Томске покрыли “наскальной живописью” – примитивно. Поставить на демократов, – да не хочется очередного конфуза; на коммунистов – страшно, ведь опять под них перевертываться придется. В конечном счете, опять пришлось рекламировать старых заезженных демократических кляч типа Сулакшина и Бауэра. Более тридцати процентов российских избирателей отдали предпочтение коммунистам. Тем не менее, в одномандатном Томском округе, выборы выиграл, вводя в шоковое состояние почти весь город, четырехкратный депутат – Степан Сулакшин. Интересная эволюция этого героя изобилует самыми разнообразными политическими выкрутасами (сначала он «коммунист», затем демократизатор, потом оголтелый демократ – обиженный демократ и т.д.). А, в конечном счете, нас забавляет два интереснейших следствия прошедших выборов: во-первых, высокая избирательная активность и это очень хорошо – народ просыпается; во-вторых, с этого момента наконец-то всем станет ясно, что Жириновский, Явлинский, Черномырдин и прочие якобы «несовместимые» демократы это все одно лицо. В предстоящей Думе, в противовес фракции коммунистов, все они дружно будут работать на образование одной фракции – радикал-демократов пещерного капитализма. Будут “спасать” демократию, а на деле, еще больше усугублять политический кризис власти» [Там же. Л. 2].

В предвыборную президентскую кампанию 1996 г. активную агитацию за Президента Б.Н. Ельцина проводили на страницах томской прессы, где в его поддержку помимо ряда политических партий высказался президент «Восточной нефтяной компании» Л. Филимонов, ставший доверенным лицом Б.Н. Ельцина. Газета «Томский вестник» от 21 мая убеждала избирателей, что Б.Н. Ельцин создаст коалиционное правительство. На страницах той же газеты велась критика Г. Зюганова, А. Лебеда, Г. Явлинского, Св. Федорова. 28 июня в Томск прибыла большая группа депутатов от НДР во главе с Беляевым, возложившим вину за невыплату зарплат на местные власти. Свообразным апофеозом агитации за действующего Президента стал круглый стол под названием «Что день грядущий нам готовит?». Мероприятие проводилось Антифашистским комитетом, а присутствовали на нем Л. Уханов – проректор Высшего экономико-юридического колледжа, Н. Корпицкий – «Антифашистское молодежное действие», А. Сологаев – профессор Томского педагогического университета, Б. Шайдуллин – «Яблоко», С. Чистяков – предприниматель, сопредседатель коалиции «Достаток, порядок, справедливость», М. Райдман – директор АО «Реатон», Н. Кречетова – глава департамента обл администрации.

Как следствие, публикация материалов круглого стола стала очередной агитационной акцией в поддержку Б.Н. Ельцина. В течение мая–июня газета публиковала интерпретацию на указы Б. Ельцина, касающиеся проблем ветеранов, свободы слова и прессы, государственной поддержки экономического и социального развития Сибири. В итоге результаты первого тура выборов оказались удовлетворительными. В Томской области кандидатура Б.Н. Ельцина набрала 35,07% голосов, оставив позади Г. Зюганова и А. Лебеда, получивших 21,97 и 19,70% соответственно [12. С. 114].

А в 1997 г. еще одно томское коммунистическое издание – газета «Искра» – так комментировало события в стране: «Общий кризис правящей олигархии Ельцина-Черномырдина продолжает углубляться. Кризис в промышленности и энергетике перерастает в кризис финансов и социальной сферы. Неуклонно растет долг по выплате зарплат и пенсий, ширятся забастовки шахтеров и энергетиков, рабочих заводов и служащих бюджетной сферы. Есть ли общественно-политические силы, которые могли бы в короткий срок вернуть жизнь людей в нормальное русло? Да, такие силы есть – это современные коммунисты. Но пока коммунисты разделены на множество партий, нет и не будет у них авторитета в массах» [15. Л. 1].

Однако, несмотря на веру в самих себя, Томская организация КПРФ по различным данным насчитывала 1500–2000 членов и являлась одной из самых слабых в западносибирском регионе. На декабрьских выборах 1997 г. коммунистам удалось провести в областную думу только 2 из 27 выдвинутых кандидатов [12. С. 122].

В целом, позиции основных региональных печатных СМИ Томской области в исследуемый период были представлены следующим образом:

1. Газета «Красное знамя» придерживалась центристских позиций, ближе к левым, отражала в большей мере интересы бывших руководителей промышленных государственных предприятий, демократические силы сотрудничали с газетой. Здесь были попытки

анализа экономической реформы. Бывшая обкомовская. Издавалась на средства учредителей и на доходы от рекламы.

2. Газета «Томский вестник» придерживалась прагматических позиций, поддерживалась демократическими организациями, депутатами. Учредителем был горсовет Томска. Издавалась на средства из городского бюджета и средства подписчиков.

3. Газета «Народная трибуна» – левого толка, предоставляла страницы всем политическим силам без разбора. Учреждена облсоветом. Поддерживала позицию облсовета, критиковала президента, правительство. Издавалась на средства подписчиков, облсовета и рекламы [16. Л. 3].

Выборочный анализ публикаций Томских печатных СМИ 1990–1997 гг. позволил автору сделать выводы о том, что местные издания:

- в 1990–1992 гг. особенно остро сопереживали с читателями неудачи экономических реформ и винили во всем КПСС;

- с 1990 по 1995 г. активно печатали материалы о вновь образующихся движениях и партиях, зачастую разделяя демократические позиции;

- с 1995 по 1997 г. начинают критиковать демократические силы;

- активизировались накануне предвыборных кампаний;

- представляли интересы лояльных руководству страны и области политических сил, оппозиционно настроенных организаций, а также независимых взглядов и мнений;

- вывели в свет новых политических деятелей, таких как С. Сулакшин и Б. Шайдуллин, а также публиковали материалы об уже известных читателям персонах, таких как В. Кресс;

- в исследуемый период выявили и рассмотрели на своих страницах большой спектр социально-политических и экономических проблем в стране и Томской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИИ ТО). Ф. Газеты. Д. 352. Л. 1. Народная воля (Томск). 1990. № 2.
2. ЦДНИИ ТО. Ф. Газеты. Д. 353. Л. 12. Народная трибуна (Томск). 1990. 24 мая. № 1.
3. ЦДНИИ ТО. Ф. 5654. Оп. 1. Д. 114. Л. 102. Письма читателей газеты «Народная трибуна».
4. ЦДНИИ ТО. Ф. Газеты. Д. 390. Л. 3–4. Республика (Томск). 1990. Ноя.
5. Новиков С.В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимодействия. 1988–1996 гг. Омск : Изд-во ОмГАУ, 2002. 408 с.
6. ЦДНИИ ТО. Ф. 5642. Оп. 1. Д. 31. Л. 7. Народная трибуна (Томск). 1991. 29 ноя.
7. ЦДНИИ ТО. Ф. 5643. Оп. 1. Д. 79. Л. 76. Рабочий (Томск). 1992. Апрель. № 1.
8. ЦДНИИ ТО. Ф. 5643. Оп. 1. Д. 108. Л. 47. Народная трибуна (Томск). 1994. 17 ноя. № 227–228.
9. ЦДНИИ ТО. Ф. Газеты. Д. 586. Л. 4. Действие (Томск). 1992. 7 окт. № 34 (72).
10. ЦДНИИ ТО. Ф. 5642. Оп. 1. Д. 32. Л. 8. Томский вестник (Томск). 1993. 3 мая. № 82.
11. ЦДНИИ ТО. Ф. 5691. Оп. 1. Д. 65. Л. 6. ЭПИцентр (Томск). 1995. Декабрь. № 0.
12. Новиков В.С. Региональные отделения политических партий и печатные СМИ в процессе формирования предпочтений избирателя. 1992–2000 гг. На материалах Западной Сибири / В.С. Новиков, С.В. Новиков. Омск : ИПК Макшеевой Е.А., 2011. 200 с.
13. ЦДНИИ ТО. Ф. Газеты. Д. 820. Л. 1. Коммунист (Томск). 1996. Ноябрь. № 13.
14. ЦДНИИ ТО. Ф. Газеты. Д. 829. Л. 1–2. Молодая гвардия (Томск). 1996. Январь. № 1.
15. ЦДНИИ ТО. Ф. Газеты. Д. 862. Л. 1. Искра (Томск). 1997. Май. № 1.
16. ЦДНИИ ТО. Ф. 5654. Оп. 1. Д. 296. Л. 3. Аналитический обзор Томского отделения коалиции «Солидарность и реформы о политической позиции региональных СМИ Томской области».

Bobkova Natalya P. Omsk State Agrarian University (Omsk, Russian Federation). E-mail: volodina_84_84@mail.ru

A SPECTRUM OF THE DISCUSSED POLITICAL TOPICS IN THE PUBLICATIONS OF THE TOMSK REGION IN 1990–1997.

Keywords: printed editions; political publications; political parties and policy makers; political positions.

The first years of economic (market) reforms, first held in the USSR and then in Russia, were accompanied by a sharp decline in living standards of the population and a deep administrative and political crisis. All these phenomenon and processes were relevant to the editorial boards of both central and regional press. In view of the extensiveness of the published on the pages in the print media material of those years, it is reasonable to analyze it comprehensively and regional. The aim of this study is to highlight some of the political problems of the early 1990's on the basis of the print media of the Tomsk region. The topicality of the research is determined by the increasing role of opposition political propaganda and demonstration of interest in the study of problems in historical aspect. The subject of this work is political issues on the pages of printed media of the Tomsk region in 1990–1997. The main methods of the research are the principle of historicism and content analysis of the press. The result of the work was the analysis of regional printed media. The last one allowed to the author to draw conclusion that these regional printed media reflected the political situation in the country and in the region, had their own perspective on the events of that time. In general, the positions of the main regional print media of the Tomsk region during the researched period were as follows: - The newspaper «Krasnoye Znamya» («The Red flag»), the followers of the centrist positions, closer to the left, reflects mostly the interests of former heads of state industrial enterprises; the democratic forces cooperated with this newspaper. There have been attempts to analyze economic reforms. It is the former newspaper of the Regional Committee of the CPSU. It was published at the expense of founders and advertising revenues. - The newspaper «Tomskiy Vestnik» («The Bulletin of Tomsk») is centre-right, and is supported by democratic organizations, deputies. The founder of the newspaper is the Council of the city of Tomsk. The newspaper is published with funds from the city budget and the funds of subscribers. - The newspaper «Narodnaya tribuna» («The tribune of the people») is the left position, provides a page with all political forces indiscriminately. The newspaper is established by the Regional Council and supports the position of the regional Council, criticizes the President and the Government. This periodical is published with funds from the Regional Council, subscribers and advertising. After sample analysis of publications of Tomsk print media in 1990–1997, the author concludes that local periodical print publications: - In 1990–1992 – they particularly acute empathy with readers of the failure of economic reforms and blamed all of the CPSU; - From 1990 to 1995 – they actively printed materials about the newly formed parties and movements, often dividing the democratic position; - From 1995 to 1997 – they start to criticize the democratic forces; - They intensified on the eve of election campaigns; - They represented the interests loyal to the government and political forces, opposition organizations, as well as independent views and opinions; - They brought in the light of new policy makers such as S. Sulakshin, and B. Shaydullin, as well as published materials about the persons already known to the readers, such as B. Kress; - In the period under review they had identified and reviewed on their page a wide range of socio-political and economic problems in the country and the region.

REFERENCES

1. *Narodnaya volya*. (1990) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund *Newspapers*. File 352. Page 1. (Tomsk). 2. (In Russian).
2. *Narodnaya tribuna*. (1990) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund *Newspapers*. File 353. Page 12. Tomsk, 24th May.
3. *Pis'ma chitateley gazety "Narodnaya tribuna"* [Letters from readers of the newspaper *Narodnaya tribuna*]. The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund 5654. List 1. File 114. Page 102. Tomsk. (In Russian).
4. *Respublika*. (1990) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund *Newspapers*. File 390. P. 3-4. Tomsk. November. (In Russian).
5. Novikov, S.V. (2002) *Politicheskie partii, obshchestvenno-politicheskie dvizheniya, pressa, izbiratel' Zapadnoy Sibiri: problemy vzaimovliyaniya. 1988–1996 gg.* [Political parties, socio-political movement, mass media, elector of Western Siberia: the problem of mutual interaction. 1988–1996]. Omsk: Omsk State Agrarian University.
6. *Narodnaya tribuna*. (1991) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund 5642. List 1. File 31. P. 7. Tomsk. 29th November. (In Russian).
7. *Rabochiy*. (1992) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund 5643. List 1. File 79. P. 76. Tomsk. 1st April. (In Russian).
8. *Narodnaya tribuna*. (1994) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund 5643. List 1. File 108. P. 47. Tomsk. 17th November. (In Russian).
9. *Deystvie*. (1992) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund *Newspapers*. File 586. P. 4. Tomsk. 7th October. (In Russian).
10. *Tomskiy vestnik*. (1993) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund 5642. List 1. File 32. P. 8. Tomsk. 3th May. (In Russian).
11. *EPItsentr*. (1995) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund 5691. List 1. File 65. P. 6. Tomsk. December. (In Russian).
12. Novikov, V.S. & Novikov, S.V. (2011) *Regional'nye otdeleniya politicheskikh partiy i pechatnye SMI v protsesse formirovaniya predpochteniy izbiratelya. 1992–2000 gg. Na materialakh Zapadnoy Sibiri* [The regional offices of political parties and the print media in formation of voter preferences. Western Siberia, 1992–2000]. Omsk: IPK Maksheevoy E.A.
13. *Kommunist*. (1996) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund *Newspapers*. File 820. P. 1. Tomsk. November. (In Russian).
14. *Molodaya gvardiya*. (1996) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund *Newspapers*. File 829. P. 1–2. Tomsk. January. (In Russian).
15. *Iskra*. (1997) The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund *Newspapers*. File 862. P. 1. Tomsk. May. (In Russian).
16. The Centre for Documentation of Contemporary History of Tomsk Region (TsDNII TO). Fund 5654. List 1. File 296. P. 3. (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94

DOI 10.17223/19988613/35/11

А.С. Галстян

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ АРМЯНСКОГО ВОПРОСА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Данная статья посвящена историческим событиям в Османской Империи периода 1915–1923 гг. и их влиянию на политику великих держав в отношении Армении и армянского народа. Рассмотрены и проанализированы различные источники: международные договоры, дипломатическая переписка, воспоминания высокопоставленных европейских и американских политиков. Исследуется не только фактор геноцида армян в период 1915–1920 гг., но и геополитическая конфигурация, сложившаяся на Ближнем Востоке в результате распада Османской Империи. Анализ источников и литературы того периода позволил проследить эволюцию армянского вопроса и выявить основные причины, способствовавшие принятию политических решений в отношении Армении и Турции.

Ключевые слова: геноцид армян; армянский вопрос; Армяно-турецкая война; Лига Наций; Севрский мирный договор; Лозаннский мирный договор; Арбитражное решение Вудро Вильсона.

Преступления против человечности совершались в различные периоды истории, однако первый массовый акт уничтожения целого народа произошел в период Первой мировой войны в Османской империи. В целом теория этнополитических конфликтов объясняет, что геноцид армян и другие аналогичные преступления в будущем стали показателями того, как отдельные политические группы стремились быстро решить религиозные и национально-этнические проблемы. Так, если в определенном обществе имеет место антагонистическое разделение по этническому или религиозному признаку на «своих» и «чужих», а управление страной сосредоточено в руках исключительно «своих», то возникают все условия для потенциальной реализации геноцида «чужих». В XX в. многие государства, реализуя свои национальные интересы, прибегали к психологическому приему, известному как «убийство во имя выздоровления» (the healing-killing paradox).

Помимо этого, существуют и другие политические и психологические факторы. Так, американский правозащитник и психолог Ирвин Стауб выдвигает теорию «тяжелых времен», которые всегда предшествуют геноциду, так как стимулируют ощущение депрессии, безнадежности, окруженности врагами, несправедливости, совершаемой по отношению к «моему народу» и «моей религии» [1. Р. 39]. С теорией Стауба соглашаются отечественные эксперты Л. Гозман и Е. Шестопап, которые в своей статье «Психология геноцида и массовых убийств» отмечают, что за годы «тяжелых времен» в обществе накапливаются раздражение и агрессия, которые потом находят выход в варварских актах геноцида [2. С. 175].

В той же работе авторы выдвигают тезис о том, что помимо жертвы и погромщика в актах геноцида есть и третий участник – свидетель: «Геноцид всегда направлен против меньшинства, и, если, например, поджигают дом одного узбека, армянина или представителя

любой другой национальности, живущего в инонациональном окружении, то, естественно, поджигателей будет всего несколько человек. В то же время толпа, которая стоит вокруг и вроде бы никакого насилия сама не осуществляет, насчитывает десятки людей. Известно, что ни один геноцид, ни один случай массовых убийств не происходил без такой толпы и бурно выражаемого одобрения тех, кто не участвует в актах насилия», – отмечают авторы [Там же. С. 212]. В целом как зарубежные, так и отечественные эксперты сходятся во мнении, что геноцид невозможен «без острого чувства ненависти к народу или религии».

Вышеперечисленные факторы прослеживались в Османской империи, где на протяжении 400 лет формировалась негативная психологическая атмосфера в отношении коренных христианских народов, в том числе армян, греков и ассирийцев. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на стороне России сражалось большое количество армянских солдат и офицеров, что вызывало крайне негативную реакцию в турецком обществе по отношению к армянскому народу. Итогом войны после капитуляции Турции стало подписание Сан-Стефанского мирного договора. В 16-й статье этого договора впервые был зафиксирован пункт об обеспечении безопасности армян в Османской империи, а гарантом безопасности армянского населения выступала Российская империя [3]. Однако Британия и Австро-Венгрия, опасаясь усиления российского влияния на Балканах, созвали Берлинский конгресс для пересмотра Сан-Стефанского договора. Под сильным давлением со стороны европейских государств России пришлось пойти на значительные уступки. В итоге Россия была вынуждена вывести свои войска из Западной Армении, что поставило армянский народ перед серьезными внутренними угрозами.

Тогдашний турецкий султан Абдул Хамид II, воспользовавшись ситуацией, начал переселение мусуль-

ман в районы компактного проживания армян. Шла целенаправленная акция по устрашению, ослаблению и ассимиляции армянского населения. В Константинополе и других больших городах прошли многочисленные погромы, а в Западной Армении было организовано массовое уничтожение деревень. Параллельно по всей империи шло уничтожение памятников древней армянской цивилизации. Восстание армян г. Сасун в 1894 г., вызванное попытками властей покончить с полуавтономным статусом Сасуна, а также армяно-курдскими столкновениями, привело к гибели более 10 тысяч армян [4. Р. 54].

Это событие заставило европейские державы поднять перед Турцией вопрос о реализации 61-й статьи Берлинского конгресса, предполагавшей гарантии защиты армянского населения и проведения реформ на территории Западной Армении. В мае 1895 г. послы Великобритании и России потребовали от султана Абдул-Хамида II проведения реформ с целью обеспечить защиту армян от нападений и грабежей. Но турецкие власти не реализовывали реформы и продолжали поощрять армянские погромы. Турция, которую на тот момент назвали «больным человеком Европы», находилась в серьезном политическом кризисе. Революции в России и Иране в 1905 г. воодушевили младотурецкое движение, которое стремилось свергнуть султана и установить конституционный порядок. Добившись своих целей (1908 г.), младотурки пообещали национальным меньшинствам гарантии безопасности и их активного включения в политический процесс [5. С. 25].

Однако неудачи в реализации задуманных реформ и поражение Турции в войне с Италией ослабили их позиции, чем воспользовалась либеральная ассоциация «Свобода и согласие». Ее лидеры пообещали национальным меньшинствам империи автономию и, заручившись их поддержкой, сумели отстранить младотурок от власти. Однако катастрофические неудачи турецкой армии в Первой Балканской войне 1912 г. вновь привели к власти младотурок. Уже к концу 1913 г. лидеры младотурецкой партии Энвер-паша, Талаат-паша и Джамаль-паша сосредоточили всю полноту власти в стране в своих руках. Младотурки взяли курс на сближение с кайзеровской Германией, став впоследствии ее союзником в Первой мировой войне. Свою внутреннюю политику они выстраивали на принципе отрицания существования понятия «национальное меньшинство». В основу проводимой ими национальной политики легли идеи пантюркизма [6. С. 117]. Идея возрождения Турции как центра, способного объединить тюркский мир от Балкан до Поволжья и Азербайджана, стала новым обоснованием уничтожения коренных христианских народов. Дополнительным фактором было то, что армяне считались наиболее зажиточным и образованным народом в Османской империи и поддерживали тесные контакты со своими влиятельными соотечественниками в России, которая в период Первой мировой воевала на стороне Антанты.

К весне 1915 г. в стране шло разоружение армян, а в Алашкертской долине отряды турецких и курдских четников вырезали армянские деревни, недалеко от Смирны были перебиты призванные в армию греки, началась депортация армянского населения Зейтуна. В ночь на 24 апреля 1915 г. в Константинополе было арестовано и убито 250 армянских интеллектуалов: писателей, художников, деятелей науки, врачей, юристов, — после чего по всей стране начались акты массовой резни и депортации армян, греков и ассирийцев. Американский историк Джозеф Гатман в своей книге «Начало геноцида. Краткое изложение армянских погромов в Первой мировой войне» пишет, что в Турции «...был хорошо подготовленный план действий; координированные операции всей администрации, направлявшиеся обладавшей сильной властью партийной машиной; стимулированное правительством подстрекательство толпы к насилию» [7. Р. 61].

В итоге, по различным данным, жертвами геноцида стали 1,5–2 млн армян. Немецкий историк Вольфганг Густ в монографии «Геноцид армян» пишет, что характерной особенностью геноцида армян является деятельное участие в нем широких масс рядового гражданского населения: «В отличие от геноцида евреев при Гитлере в Германии, где эта политика была в первую очередь результатом деятельности бюрократического спецаппарата и системы лагерей смерти, обывательское население в Турции со странным воодушевлением занималось истреблением армян, грабило имущество, похищало и насилывало женщин и детей [8. Р. 208].

В результате осуществленной акции геноцида младотурки не только избавились от неудобного для них христианского меньшинства, но и получили экономические выгоды. Так, после того как были уничтожены армяне, турки и курды стали наиболее богатыми народами страны, нажившись на примитивном грабеже имущества армян. Несмотря на все попытки турецких властей скрыть масштабы своих преступлений и сохранить лицо цивилизованной страны, консулы иностранных государств и миссионеры регулярно посылали сообщения о происходящих событиях. Но освещение событий по всему миру было бы невозможным без активных действий армянской диаспоры.

Наиболее успешно в тот период действовали американские армяне. 17 мая 1915 г. известный бостонский адвокат армянского происхождения Ваан Кардашян начал широкую кампанию по привлечению представителей политического истеблишмента в Американский комитет в поддержку независимости Армении. Важно отметить, что АКПНА стала первой лоббистской организацией в США, представляющей интересы Армении и диаспоры. Основным органом организации стал Высший совет, куда вошли такие влиятельные политики, как вице-президент Томас Маршалл, госсекретарь Роберт Лансинг, спикер палаты представителей Джеймс Кларк и член Верховного суда Чарльз Эванс Хьюз.

21 марта 1916 г. сенатор от штата Массачусетс Джон Уикс внес на рассмотрение в Конгресс «Акт Ближневосточной помощи», предусматривавший оказание Соединенными Штатами финансовой и гуманитарной поддержки армянам Османской империи. Слушания, которые продлились более трех часов, закончились принятием резолюции со следующими пунктами программы:

1) оказать гуманитарную поддержку христианским народам Османской империи, подвергающимся насилию и испытывающим «голод и физические страдания»;

2) оказать необходимую помощь армянам, евреям, грекам и ассирийцам, стремящимся перебраться на постоянное местожительство в США;

3) поддержать стремление армянского и греческого народов к созданию независимых национальных государств [9. Р. 62].

Особо важным фактом стало то, что во время слушаний в Конгрессе выступили очевидцы преступлений турецких властей. Были заслушаны свидетельства и тогдашнего посла США в Османской империи Генри Моргентау, который заявил: «Я спорил всеми возможными способами с ним [Энвер-пашой], но он сказал, что это бесполезно, что они уже избавились от трех четвертей армян. Никого не осталось в Битлисе, Ване, Эрзруме, и ненависть их настолько огромна, что они должны завершить дело. Я поговорил с ним также об экономических потерях, и он сказал, что их это не интересует, что они знают цифровое выражение этих потерь, которое не превышает пяти миллионов фунтов в банках. Он сказал, что они хотели обращаться с армянами так, как мы обращались с неграми. Я думаю, что он имел в виду индейцев» [10. Р. 298].

Присутствовавший на слушаниях госсекретарь Лансинг после речи Моргентау сделал заявление, в котором подчеркнул, что администрация президента США и Государственный департамент получили все документы и изучили множество свидетельских показаний, которые подтверждают целенаправленную политику младотурок по уничтожению армян. Кроме того, в данном акте Конгресс призвал президента США официально осудить массовые убийства армян турками. Принятие данного акта стало возможным благодаря скоординированной работе Американского комитета в поддержку независимости Армении.

Однако, несмотря на активность властей независимой Армении и американской диаспоры, к марту 1920 г. ни одна из союзных держав не желала принимать мандат на Армению. Тогда в Верховном совете союзников предположили, что Лига наций наилучшим образом подходит для этой роли. Но во время обсуждения этого вопроса в совете Лиги британский делегат А. Бальфур заявил, что организация перегружена и не может взять мандат на Армению [11. Р. 27]. Тогда лидеры армянских организаций Америки и Франции, встретившись с главами союзных держав, попросили

поднять вопрос о возможности принятия армянского мандата Штатами, которые под влиянием АКПНА первыми в мире признали появление 28 мая 1918 г. независимой Республики Армения. Во время заседания в Сан-Ремо британский премьер-министр Л. Джордж и глава французского правительства А. Мильтеран пригласили Соединенные Штаты принять мандат и передать для арбитражного решения президента Вильсона вопрос о границах Республики Армения в пределах четырех самых восточных провинций Османской империи.

С одной стороны, согласие британцев и французоз предложить мандат Америке стало результатом активной деятельности армянского лобби США и Франции. Но важно отметить также и то, что лидеры союзных держав вели двойную игру. Американский историк Ричард Ованнисян в своей книге «История армянского народа: От древности до наших дней» пишет, что Британия и Франция отдали армянский вопрос Вильсону, понимая, что Конгресс не даст положительного ответа, после чего армянская сторона будет сговорчивее и уступчивее [12. Р. 104].

Однако европейцы недооценили влияние армянского лобби в Конгрессе. 8 января 1920 г. палата представителей и спустя три дня сенат одобрили резолюцию под спонсорством члена АКПНА, конгрессмена Джеймса Кларка о наделении президента полномочиями вынести арбитражное решение по армянскому вопросу [Там же. Р. 117]. В этой связи уже 19 января 1920 г. Верховный совет главных союзных держав в Париже согласился признать легитимность правительства Армении при условии урегулирования вопроса границ с Турцией. Полный доклад Комиссии по арбитражу границы между Турцией и Арменией был представлен в Государственном департаменте 28 сентября 1920 г. В данном докладе были определены следующие положения:

1) подчиненная арбитражу зона, источники, доступные для использования Комиссией, принципы и основы проведения данных работ;

2) необходимость включения Трапезунда в качестве гарантии беспрепятственного выхода к морю;

3) целесообразность демилитаризации линии границы, характеристика создающегося армянского государства;

4) непосредственные финансовые перспективы Армении, а также актуальная политическая ситуация на Ближнем Востоке.

Территория, выделяемая Армении арбитражем президента Вильсона, составляла 103 599 кв. км. В арбитраже также пояснялось, что резкое уменьшение территории Армении было связано с сокращением коренного армянского населения вследствие турецкой политики уничтожения армян. 28 сентября 1920 г. президент Вудро Вильсон передал свое арбитражное решение союзным правительствам. Спустя десять дней он подписал окончательный доклад под названием «Решение Пре-

зидента Соединенных Штатов Америки о границе между Турцией и Арменией, выходе Армении к морю и демилитаризации турецкой территории, прилегающей к армянской границе» [13].

Боле того, когда Турция объявила войну, граф Воронцов-Дашков призвал лидеров партии Дашнакцутюн собрать отряд добровольцев. Большая часть добровольцев была из Восточной Армении, к ним примкнули также те, кому в свое время удалось спастись от резни в Западной Армении. Призыв к добровольцам был услышан и в диаспоре. Уже 9 мая 1915 г. в «Бостон Геральд» было опубликовано объявление лидера армянской общины штата Массачусетс Оганеса Гулезяна о том, что 1 000 армян Америки уже готовы отправиться на борьбу с турками, и 4 000 человек еще можно собрать [14. Р. 108]. Сперва он изложил свое предложение военному министру Канады, затем представил его в Англии. В обращении к британскому военному министерству Гулезян писал, что «победа Германии была бы катастрофой для всего мира». В письме он также ясно давал понять, что для армянских добровольцев из США важно сражаться именно в Турции. Он также указал на тесную связь двух врагов: «Германия обрекла себя на неприятие всего человечества и гнев праведного Бога, когда выпустила кровавый потоп священной войны за ислам на христианский мир», напоминая при этом о тех зверствах, которые армяне-христиане претерпели от рук турок [14. Р. 235].

Гулезян также признавал, что добровольцы не имеют военной подготовки и знаний, но многие из них прекрасные наездники, что очень важно, к тому же армяне известны как хорошие воины. Они способны быстро проводить разведку, рвутся в бой и легко обучаемы.

Партии Дашнакцутюн, Гнчакян и Рамкавар проводили набор добровольцев по всем армянским общинам Америки. Редакция же газеты «Гончак» твердила, что молодые армяне, проживающие в безопасности в США, не должны рисковать своими жизнями и подписываться на смерть, а если бы им и пришлось взять в руки оружие, то делать это стоит не ради Родины предков, а ради государства, гражданами которого они являются ныне. Редакция газеты «Айреник» придерживалась противоположной точки зрения. Когда в Америку стекались все новые потоки беженцев, «Айреник» сетовал, что они не только не остались на своей земле, но и не возвращаются, чтобы бороться за нее вместе с оставшимися соотечественниками. Трудоспособные молодые армяне-американцы, по мнению редакции газеты, должны были чувствовать свое армянство не просто в общей привязанности к Армении, а в связи с конкретным селом, деревней, откуда родом их предки. И они должны были быть готовы защищать эти земли, где бесчинствует враг. Помимо поисков путей помощи и рассуждений на тему жертвования себя ради Родины, американские армяне также регулярно собирали средства на всеармянскую борьбу.

Сбор средств для помощи соотечественникам в осажденной родной стране в основном проводился посредством мероприятий, концертов, которые психиатр Левон З. Бояджян описывает в своих мемуарах как «большой праздник, с национальной едой, музыкой, танцами, то есть тем, что было оставлено позади, потеряно» [15. Р. 39]. Также проводились мероприятия на открытом воздухе, так называемые пикники, и это уже было больше американской традицией в армянском образе жизни.

В июле 1920 г., когда все партии объединились под эгидой Национального союза Армении, была начата кампания по сбору одного миллиона долларов, при этом для каждой общины в различных городах был установлен определенный минимум сбора. Главы общин потом хвастались, что намного превысили заданную планку. В газете «Айреник» было опубликовано сообщение о том, что в начале мая 1922 г. Красный Крест Армении провел кампанию по сбору средств в Брантфорде, штат Пенсильвания, в результате которой было в кратчайшие сроки собрано 112 долларов [16. Р. 47]. Сообщали также о творческом вечере в Броктоне, штат Массачусетс, по окончании которого было собрано 100 долларов. Эти деньги тогда были существенной суммой. По новостям того времени создается впечатление, что подобные мероприятия были неотъемлемой частью жизни общин и большая часть армян принимала в них участие.

Однако в 1923 г. союзные державы подписали с Турцией Лозаннский договор, который установил новые границы Турции, юридически оформив распад Османской империи и закрепив территорию Турции в ее современных границах. Турции возвращались Измир, Восточная Фракия с Эдирне, европейский берег Дарданелл, Галлиполийский полуостров, турецкая часть Армении и Курдистан. Таким образом, Великобритания, Франция и Италия отказались от ранее взятых обязательств по отношению к Армении. Более того, ситуация усложнилась, когда армянская делегация была вынуждена подписать с Турцией Адрианопольский договор в 1920 г., завершивший Армяно-турецкую войну. Согласно этому договору Турции отходили армянонаселенные Карсская область и Сурмалинский уезд, а Нахиджеван переходил под турецкий протекторат. Спустя всего несколько дней после подписания договора с Турцией в Ереван вошла 11-я армия РККА, и тогдашнее армянское правительство объявило о вхождении республики в состав СССР. Подобное развитие событий фактически девальвировало политическую значимость Арбитражного решения президента В. Вильсона о турецко-армянской границе.

В итоге провозглашение Армянской ССР и усиление геополитической значимости Турции привело к тому, что армянский вопрос был закрыт вплоть до конца Второй мировой войны. В целом современные турецкие историки пытаются оправдать целенаправ-

ленную политику младотурок по уничтожению армянского населения тем, что армяне симпатизировали России и принимали участие в Первой мировой войне на стороне государств – членов Антанты. Однако большинство отечественных и зарубежных исследователей отмечают, что уничтожение армян началось задолго до Первой мировой, а массовое уничтожение и депортация в период 1915–1923 гг. тщательно планировались турецким руководством. Говоря об участии армян в войне против Турции, важно учитывать, что Восточная Армения была частью Российской Империи. В связи с этим армяне, как и множество других народов, служили в российской армии и принимали

участие в боевых действиях на различных фронтах. Гипотеза о стремлении армянской диаспоры разрушить Турцию изнутри также не выдерживает критики. Во-первых, на тот период времени армянская диаспора не имела серьезного политического веса и не могла влиять на международные процессы. Во-вторых, создание первых добровольческих общин в диаспоре началось лишь к концу 1915 г. (уже после начала геноцида и депортаций) и было продиктовано, с одной стороны, необходимостью защиты своих соотечественников от полного истребления, с другой – безразличием великих держав к уничтожению христианских народов Османской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Staub E. *The roots of evil: The origins of genocide and other group violence*. New York : Cambridge University Press, 1989.
2. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. *Политическая психология: Психология геноцида и массовых убийств*. Ростов-на-Дону : Феникс, 1996.
3. Сан-Стефанский мирный договор 1878 г. Исторические источники // Энциклопедия «Хронос». URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1878sanstef.html>, свободный.
4. Dadrian V.N. *The History of the Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus*. Berghahn Books, 2003.
5. Саркисян Е.К. *Великая Октябрьская социалистическая революция в национально-освободительной борьбе в Турции*. Ереван, 1958.
6. Киракосян Д.С. *Младотурки перед судом истории*. Ереван, 1989.
7. Guttman J. *The beginnings of genocide. A brief account of the Armenian massacres in World War I*. New York 1948. Оригинальный текст опубликован: Yivo Bieter. *Journal of Yiddish Scientific Institute*. Vol. XXVIII. № 2. Op. cit. P. 61.
8. Gust W. *The Armenian Genocide: Evidence from the German Foreign Office Archives, 1915–1916*. Berghahn Books, 2013.
9. Cardashian V. *Adv. Extraordinaire, Understanding Vahan Cardashian's Legacy*. Boston Exp: 1991.
10. *United States Diplomacy on the Bosphorus: The Diaries of Ambassador Morgenthau 1913–1916*.
11. *Proces-Verbal of the Fourth Session of the Council of the League of Nations*. Geneva, 1920.
12. Hovannisian R. *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. New York : St. Martin's Press, 1997.
13. Woodrow Wilson's Arbitral Award adopted in 22 November 1920.
14. Waldstreicher D. *The Armenian Americans*. New York : Chelsea House, 1989.
15. Boyajian L.Z. *Hayots Badeevuh: Reminiscences of Armenian Life in New York City*. Taderon Press, 2004.
16. Waldstreicher D. *The Armenian Americans*. New York : Chelsea House, 1989.

Galstyan Areg S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: galstyanareg@gmail.com

FORMATION AND EVOLUTION OF THE ARMENIAN QUESTION IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES.

Keywords: Armenian Genocide; the Armenian question; the Armenian-Turkish War; the League of Nations; Treaty of Sevres; Treaty of Lausanne; Wilson's arbitration award.

The Armenian question is a complex of problems of political history of the Armenian people connected with its aspiration to reconstruct the sovereign statehood in the historical territory by means of national liberation fight. Having become part of the Eastern question, the Armenian question took a certain place in policy of great powers in the Middle East. The term “Armenian question” was introduced in diplomatic and historical literature after the Russian-Turkish war of 1877–1978. In the middle of the XIX century the Ottoman Empire became an object of active fight between the leading states of Europe. Each of these powers covered the operation of Turkey with the principle of “status quo” of the empire which was quite beneficial for sultan autocracy in reactionary domestic policy. The European powers made the tough conditions of the ethnic minorities of the empire even worse, using the position of the Christian people, in particular Armenians, as a pretext for pressuring on High Porto. The Christian population which sought for release from the Turkish yoke, was regarded by the sultan government as a threat for the future empire. After defeat of Turkey in World War I and the Armistice of Mudros of 1918 the Turkish troops left the territory of the Republic of Armenia and Kars province. Also the border of 1914 was restored. In 1919–1920 the government of the Republic of Armenia sought to unite Western and East Armenia in the uniform independent state with the help of the Western states. The Armenian question was discussed at the Parisian peace conference of 1919–1920 which resulted in a decision on granting the USA the mandate for Armenia. That decision was approved by the League of the Nations. In 1920 (November-December) at the London conference and in 1921 (January) at a meeting of the Supreme Council of the Entente in Paris France required to revise the Treaty of Sèvres. Before carrying out the Conference of Lausanne France, England and Italy receded from the protective positions of the Treaty of Sèvres, that is from the solution of the Armenian question. In resolutions of the London conference of 1921 the expression “The Armenian independent state” was replaced with the indistinct formulation about creation of “The Armenian national center” on the territory of Turkey. However even this expression was deleted by the diplomats at the Conference of Lausanne (1922–1923). The League of the Nations also appeared to be incapable of taking any measure to facilitate the life of the people that underwent genocide and deportation.

REFERENCES

1. Staub, E. (1989) *The roots of evil: The origins of genocide and other group violence*. New York: Cambridge University Press.
2. Gozman, L.Ya. & Shestopal, E.B. (1996) *Politicheskaya psikhologiya: Psikhologiya genotsida i massovykh ubiystv* [Political psychology: Psychology of genocide and mass murder]. Rostov-na-Donu: Feniks.

3. Encyclopaedia Kronos. *San-Stefanskiy mirnyy dogovor 1878 g.* [San Stefano peace treaty in 1878]. [Online] Available from: <http://www.hrono.ru/dokum/1878sanstef.html>.
4. Dadrian, V.N. (2003) *The History of the Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus*. Providence, RI: Berghahn Books.
5. Sarkisyan, E.K. (1958) *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v natsional'no-osvoboditel'noy bor'be v Turtsii* [The Great October Socialist Revolution in the national liberation struggle in Turkey]. Erevan: n.s.
6. Kirakosyan, D.S. (1989) *Mladoturki pered sudom istorii* [The Young Turks before the tribunal of history]. Erevan: Ayastan.
7. Guttman, J. (1948) *The beginnings of genocide. A brief account of the Armenian massacres in World War I*. New York: ANCA.
8. Gust, W. (2013) *The Armenian Genocide: Evidence from the German Foreign Office Archives, 1915-1916*. Berghahn Books, 2013.
9. Cardashian, V. (1991) *Adv. Extraordinaire, Understanding Vahan Cardashian's Legacy*. Boston Exp.
10. Morgenthau, H. (2004) *United States Diplomacy on the Bosphorus: The Diaries of Ambassador Morgenthau 1913-1916*. Michigan: Gomidas Institute.
11. The League of Nations. (1920) *Proces-Verbal of the Fourth Session of the Council of the League of Nations*. Geneva.
12. Hovannisian, R. (1997) *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. New York: St. Martin's Press.
13. *Woodrow Wilson's Arbitral Award*. 22nd November 1920.
14. Waldstreicher, D. (1989) *The Armenian Americans*. New York: Chelsea House.
15. Boyajian, L.Z. (2004) *Hayots Badeevuh: Reminiscences of Armenian Life in New York City*. Michigan: Taderon Press.
16. Waldstreicher, D. (1989) *The Armenian Americans*. New York: Chelsea House.

УДК 94(569.4).05
DOI 10.17223/19988613/35/12

Н.В. Жадовец

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИЗРАИЛЕ

Одним из последствий глобализации является интернационализация высшего образования. В разных странах интернационализация развивается по-разному. Израильский академический сектор постепенно открывается миру: Израиль получил доступ к сотрудничеству с научными учреждениями и вузами Европы и США и участию в новых разнообразных программах исследований. 96% научно-технических статей, написанных израильтянами, публикуются в иностранных журналах. Однако в процессе интернационализации система высшего образования в Израиле сталкивается с определенными трудностями: утечкой мозгов, усиливающейся конкуренцией, постоянной необходимостью улучшать качество образования и пр.

Ключевые слова: интернационализация; высшее образование; Израиль.

Одним из следствий глобализации в мире становится интернационализация высшего образования. При сохранении национального суверенитета в области образования и его национального многообразия интернационализация высшего образования является ключевым фактором его трансформации в развитых странах в последние десятилетия. Процесс интернационализации неуклонно усиливается, его значение растет, в разных странах интернационализация развивается в разных формах.

Согласно определению, принятому в исследованиях Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), интернационализацию образования принято понимать как процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение [1]. Понятие интернационализации в сфере высшего образования в международной практике традиционно включает в себя два аспекта: «внутреннюю» интернационализацию и «внешнюю», или образование за границей. Этой проблеме уделяется значительное внимание в англоязычной литературе главным образом потому, что вузы англоговорящих стран являются наиболее привлекательными для иностранных студентов, преподавателей и ученых. В последние годы во всем мире существенно возросла международная активность университетов, о чем свидетельствуют увеличение числа студентов, обучающихся за рубежом, рост обмена студентами и стажерами, расширение практики привлечения на работу зарубежных преподавателей и т.п. В современных условиях международная академическая мобильность все чаще рассматривается в контексте торговых отношений. Однако прибыль университетов является не единственным стимулом для интернационализации. Многие вузы используют международную активность для расширения своих исследовательских и образовательных возможностей и улучшения качества преподавания, конкурентоспособности, престижа вуза, установления полезных контактов и развитию сотрудничества.

Академический сектор израильского общества, как и другие подвергшиеся влиянию глобализации сферы, постепенно открывается миру: Израиль получил доступ к сотрудничеству с научными учреждениями и вузами

Европы и США и участию в новых разнообразных программах исследований. Израильские исследователи много публикуются в международных научных изданиях, 96% научно-технических статей, написанных израильтянами, публикуются в иностранных журналах. Около 1/3 научных публикаций израильтян написано в соавторстве с иностранными учеными [2]. По словам президента Тель-Авивского университета Дж. Клафтера, несмотря на то что Израиль больше сотрудничает с США и Европой, «важным направлением являются страны Востока: Китай, Индия и Сингапур. Мы хотим быть частью этого пробуждающегося мира, который дает не только новый взгляд на науку, но и студентов-отличников» [3].

Кроме торгово-экономического, научного и культурного аспектов, интернационализация высшего образования как направление публичной дипломатии (в рамках концепции «мягкой силы» Дж. Наая) обладает мощным внешнеполитическим потенциалом, поскольку проблема оказания влияния является основной во внешней политике. Предоставление образовательных услуг иностранным студентам – один из важнейших инструментов «мягкой силы» государства. Следует иметь в виду, что при обучении в юношеские годы в значительной степени формируется система ценностей, которые потом сопровождают человека всю жизнь [4. С. 200–201].

Самая известная форма интернационализации высшего образования – это мобильность студентов – увеличение числа студентов, обучающихся за границей. Многие израильтяне стремятся получать образование именно в американских вузах. По словам Г. Эдсман, советника Американско-израильского образовательного фонда (USIEF), израильские студенты отличаются хорошей успеваемостью и сильной мотивацией [5]. Ежегодно несколько тысяч израильтян обучаются в США. Такая привлекательность американского высшего образования объясняется тем, что израильтяне имеют возможность во время учебы установить деловые связи с людьми, работающими в крупных международных компаниях.

Однако Израиль также стремится привлекать иностранных студентов. Стоит отметить пример «Техни-

она», у которого широко развиты международные связи с учеными и университетами многих стран, в котором обучаются около 400 иностранных студентов, так как многие курсы обучения доступны на английском и русском языках. В «Технионе» действует Центр по международным академическим отношениям. Совместно с такими университетами, как Университет Мериленда, Йельский университет, Университет Вирджинии, а также европейскими и азиатскими университетами факультет разрабатывает курсы, позволяющие студентам узнавать тонкости управления высокотехнологичным бизнесом в разных странах. «Технион» регулярно посещает множество делегаций из-за рубежа, в университете действуют программы обмена студентами с более 100 университетами мира, здесь имеют возможность заниматься исследовательской и научной деятельностью студенты, исследователи и ученые из других стран по программам бакалавриата, магистратуры, докторским и постдокторским академическим программам.

Большинство учебных заведений Израиля заключают соглашения о сотрудничестве, которые касаются различных аспектов преподавания и обучения. Очень часто эти соглашения связаны с обменом студентами и/или преподавателями; доступные для иностранных студентов программы есть в каждом вузе Израиля. Некоторые университеты предлагают иностранным студентам односеместровые или годовые программы. Особое место занимают программы, разработанные специально для иностранных студентов, имеющих еврейское происхождение, однако недостатком израильских программ для иностранных студентов является то, что большинство из них касается гуманитарных наук, а не технических или естественно-биологических.

Тем не менее в последнее время Израиль сделал шаг вперед в этом направлении, открывая возможности иностранным студентам учиться и осуществлять свои исследования в израильских вузах. Например, в 2011 г. была разработана программа стипендий для выдающихся студентов из таких стран Азии, как Китай, Индия, Сингапур, Япония, Южная Корея и Тайвань, желающих учиться в Израиле, получать доступ к израильским лабораториям и всей научно-технической инфраструктуре, а также иметь возможность сотрудничества с израильскими профессиональными сообществами. Данная программа была вызвана осознанием того, что, несмотря на сотни приезжающих каждый год в Израиль иностранных студентов, в том числе из Азии, лишь немногим из них удавалось наладить крепкие контакты с израильскими студентами и профессорами.

По словам исполнительного директора Центра «Израиль-Азия» Р. Зеферт, «студенты из Азии – это будущие партнеры Израиля... Израилю нужно лучше готовить себя к будущему, где его экономические, дипломатические и культурные партнеры будут не только на Западе... нужно инвестировать в будущих азиатских партнеров и лидеров в построении отношений Израиля

и стран Азии и работать с ними над достижением общих интересов и решением общих вызовов» [6].

Израиль является членом программы TEMPUS, учрежденной в 1990 г. Европейской Комиссией для модернизации высшего образования в Европе и соседних странах. Израиль также является членом параллельной программы Европейской Комиссии – ErasmusMundusProgram. Студенты и сотрудники израильских вузов, участвующих в программе (Еврейский университет в Иерусалиме, Хайфский университет, Университет Бен-Гуриона в Негеве, Институт Вейцмана), могут учиться и заниматься исследованиями в любом европейском вузе, участвующем в программе.

Мобильность преподавательского состава можно считать второй по важности формой интернационализации высшего образования. Позиция Израиля в отношении мобильности студентов и преподавателей неоднозначна, так как, с одной стороны, многие израильтяне – преподаватели вузов получают ученые степени, занимаются исследованиями и публикуются за рубежом, многие израильские студенты также получают образование в иностранных вузах. С другой стороны, недостаточное количество учебных программ на английском языке в самом Израиле, использование мало распространенного в мире иврита в обучении приводят к тому, что программы международного обмена работают не в полную силу и Израилю нелегко привлекать большее количество иностранных студентов и преподавателей в свои вузы, несмотря на то что израильские университеты в мире высоко ценятся. Несмотря на очевидный растущий государственный интерес к интернационализации образования, относительно небольшой процент студентов участвует в международном и межкультурном процессе обмена знаниями.

Достоинством Израиля можно считать то, что Израиль стремился распространить знание английского языка среди населения, что в большой мере помогло интернационализации его высшего образования. Израильтяне изучают английский язык 8 лет до окончания средней школы в качестве второго языка (программ по изучению других языков вместо английского нет), и к окончанию университета они хорошо могут объяснить на английском языке [7]. Еще одно достоинство Израиля – он стал одной из немногих стран, где ведется мониторинг качества предлагаемых программ, а вузы Израиля начинают вкладывать значительные средства на создание бренда и маркетинга, чтобы увеличить набор студентов. На миграцию студентов с целью получения образования оказывает влияние также стоимость обучения в Израиле, где она все же ниже, чем, например, в США. Однако в целом международное образование в Израиле сталкивается с рядом проблем, таких как небольшое количество курсов на английском языке, недостаточное участие студентов в международных программах и пр.

Недостатком процессов интернационализации высшего образования и глобализации стало то, что Изра-

иль страдает от утечки мозгов, т.е. оттока квалифицированных специалистов и инженеров за рубеж в поисках лучших условий, возможностей, дохода и пр. Израиль характеризуется как страна с одним из самых высоких уровней «утечки мозгов»: на 100 ученых, оставшихся в Израиле, приходится 29 уехавших в США [3]. С 2000 по 2008 г. в США уехали более 20 тыс. специалистов в области высоких технологий, по уровню «утечки мозгов» в 2010 г. Израиль занимал 32-е место в мире [8]. По подсчетам проф. Тель-Авивского университета Д. Бен Давида, 10% израильских физиков и 1/3 ученых компьютерных наук работают в ведущих американских университетах [9]. Эта проблема тесно связана с нехваткой как учебных мест, так и трудовых вакансий в вузах. Остроту этой проблемы наглядно отразило присуждение в 2013 г. Нобелевской премии израильским ученым, которые не смогли получить статус постоянного сотрудника Института Вейцмана и переехали в США [10]. Кроме того, среди профессорско-преподавательского состава наблюдается явное преобладание людей пожилого возраста, в то время как новые выпускники докторантуры ограничены в возможности трудоустройства в вузах Израиля и вынуждены уезжать за рубеж в поисках трудоустройства и проведения исследований.

По мнению проф. Еврейского университета в Иерусалиме Э. Винтера, израильтяне, получающие докторские степени за рубежом, вряд ли вернутся, так как в Израиле меньше зарплаты и хуже условия труда [11]. По мнению другого исследователя этой проблемы О. Моава, профессора факультета экономики Еврейского университета в Иерусалиме, несмотря на то что Израиль выпускает высококлассных специалистов, университеты не имеют возможности платить им достаточно, чтобы удержать в стране [12]. Вопрос места работы также связан с такими важными моментами, как возможность публиковаться в престижных изданиях, получать приглашения на важные конференции и др. На отток ученых из страны влияет нехватка вакантных должностей в израильских вузах [9]. Управляющий Банком Израиля С. Фишер (2005–2013 гг.) также считал, что условия для ученых и исследователей в США значительно лучше, чем в Израиле: зарплаты даже начинающих исследователей значительно больше, университеты оборудованы лучше и пр. [13].

Вред от утечки мозгов очевиден, однако в случае с Израилем этот процесс имел и положительные стороны, например формирование сети личных отношений между учеными и исследователями, приобретение необходимого опыта для управления инновациями. М. Тойбал указал на то, что профессиональные связи израильтян с американскими коллегами оказались весьма важным фактором в инновационном развитии [14]. Десятилетиями складывалась ситуация, когда значительное число израильтян выезжало в США для обучения в магистратуре и докторантуре, и многие из них оставались там работать в американских мультинацио-

нальных высокотехнологичных компаниях, университетах или малых высокотехнологичных фирмах.

Несколько забастовок студентов и преподавателей в 1990–2000-х гг., значительный отток студентов, преподавателей и ученых из страны позволили говорить о несовершенствах в работе системы высшего образования. Кризис связан с несколькими проблемами, в том числе со значительным недофинансированием на протяжении многих лет; быстрым, во многом нерегулируемым ростом системы, в том числе из-за проникновения на рынок филиалов иностранных вузов; появлением сомнений относительно качества высшего образования в некоторых научных областях и отдельных вузах; ограниченной доступностью; недостаточным анализом политики высшего образования и научных исследований.

Государственная политика в сфере высшего образования в 1990-е гг. была направлена на то, чтобы обеспечить практически всем желающим возможность обучения на степень бакалавра, однако преимущественно вне рамок университетов открылись двери для иностранных университетов и высших школ. Общее число студентов выросло примерно с 80 тыс. в 1990 г. до 308 тыс. в 2013 г. [15]. Однако появились сомнения в качестве услуг вновь появившихся институтов высшего образования, не являющихся ведущими университетами страны. Национальный союз израильских студентов провел исследование и пришел к выводам, что израильские студенты становятся все менее удовлетворены качеством преподавания в вузах [16].

Также вопрос платы за обучение в вузах Израиля часто становится взрывоопасным. После серии студенческих забастовок 1998 г. и давления студенческих организаций с целью найти способ снижения платы за обучение в мае 2000 г. была создана специальная комиссия по снижению платы в учреждениях высшего образования – Комиссия Винограда, которая пришла к выводу, что можно постепенно (в течение 5 лет) снизить плату за обучение (с ≈ 10 до ≈ 5 тыс. шекелей). Решение Комиссии Винограда одобрили представители студенческих профсоюзов, но не правительство, которое создало новую комиссию под председательством бывшего министра финансов А. Шохата, отказавшегося снижать плату за обучение. Однако премьер-министр Э. Барак, со вступлением в должность, обещал сократить плату за обучение студентов.

Несмотря на рекомендации в 2001 г. снизить вдвое плату за обучение, она была снижена всего на 26%, а с тех пор незначительно возрастала каждый год на основе индекса потребительских цен. Профессор М. Трахтенберг, председатель Совета по высшему образованию, считает, что плата за обучение должна быть увеличена, чтобы поддержать долгосрочный план улучшения высшего образования [17]. Однако плата за обучение в вузах Израиля уже выше, чем в большинстве стран Европы, и составляет 10 198 шекелей (2 127 евро) – бакалавриат и 13 781 шекелей (2 874 евро)

ро) – магистратура. Кроме того, в Израиле нет широкой программы кредитования студентов, какие развернуты в европейских странах [18].

Осенью 2009 г. Израиль потрясли две забастовки. Профессора университетов требовали повысить их зарплаты на треть и выделить дополнительные государственные дотации на нужды университетов. Длительное неудовлетворительное финансирование деятельности израильских вузов, по сравнению с ведущими западными вузами, с одной стороны, вызвало утечку университетских кадров, с другой стороны, недовольство среди оставшихся. Их требования были удовлетворены частично: постепенно увеличены оклады на 24%. В 2012 г. началась забастовка в защиту прав младшего преподавательского состава вузов, работающего «через посредников». В 2013 г. лишь две трети (66%) преподавателей в государственных академических колледжах были заняты на тех же условиях, что и работники, принятые через подрядчиков. В частных колледжах процент внештатных преподавателей составлял 37%. В университетах лишь 8% университетских преподавателей работали как внештатные сотрудники, однако эти изменения произошли после длительных забастовок и борьбы младшего преподавательского состава в 2012 г. [19].

Необходимость перемен в системе высшего образования и укрепления научной мощи в условиях интернационализации стало первостепенной политической проблемой, признаваемой как политиками, так и обществом в целом [17]. Одна из главных проблем – это удорожание исследований, и поскольку Израиль достаточно ограничен в средствах, ему труднее обеспечить условия для ученого, сопоставимые с доступными в США или некоторых странах Западной Европы [11]. В 2008 г. был разработан план действий, предусматривающий значительное увеличение государственных расходов на высшее образование в течение шести лет (итого более 7 млрд шекелей ($\approx$ 1,9 млрд долл.)) [20].

Характеризуя тенденции развития высшего образования в Израиле, нужно отметить следующее: система продолжает расширяться – в 2013 г. число учащихся вузов возросло на 2,2%. В первую очередь это произошло за счет студентов колледжей, которые составляют две трети студентов. Процесс «академизации» колледжей является одним из основных определяющих векторов. В колледжах открывается все больше программ обучения на степень магистра. Университеты все больше и больше превращаются в место обучения преимущественно студентов второй и третьей степеней (магистрантов и докторантов) и тех, кто изначально рассчитывает на подобную многоступенчатую учебную карьеру. Сокращение государственной поддержки университетов приводит и к растущей безработице среди молодых ученых – эта проблема стоит особенно остро в связи с тем, что резкий рост числа магистрантов и докторантов значительно опережает рост числа академических ставок.

Следует также отметить продолжающийся спад популярности естественнонаучных и, в особенности, гуманитарных специальностей. Единственный вуз, которому удалось переломить эту тенденцию, стал Еврейский университет в Иерусалиме. На его гуманитарном факультете в 2013/14 г. учились 747 студентов – на 11% больше, чем годом ранее [21].

Другой отличительной чертой является то, что Израиль получил доступ к сотрудничеству с научными учреждениями и вузами других стран. Претерпела изменения и сама система высшего образования Израйля, так как вместе с ее расширением появились элементы конкуренции в системе и возможности для израильских студентов принимать активное участие в международной индустрии высоких технологий.

Стоит отметить, что Израиль занимает второе место среди самых «образованных» стран мира. Доля населения с высшим образованием в Израиле – 46%, это второе место после Канады (50%) [22]. Заработные платы израильских учителей и преподавателей – одни из самых низких в промышленно развитых странах [23]. С 1995 по 2007 г. ежегодные инвестиции в образование в Израиле увеличились только на 8%, в то время как в странах ОЭСР они увеличились в среднем на 42%.

В настоящее время в мире, в том числе и в Израиле, нет однозначного видения пути развития высшего образования в условиях интернационализации [24]. Существуют две модели государственного участия в развитии системы высшего образования: 1) строгие правила, обширные государственные надзорные механизмы и государственный бюджетный контроль. Большинство стран осуществляло эту политику в 1970–1980-х гг., системы в целом расширились, а государственное финансирование сектора увеличивалось; 2) дерегулирование системы учебных заведений, саморегуляция вузов, государственный надзор осуществляются опосредованно в рамках общей государственной политики.

Согласно точке зрения, весьма распространенной сегодня, необходимо саморегулирование университетов, а не надзор со стороны внешних организаций, особенно финансируемых из госбюджета. Система высшего образования Израйля не только не следует современным мировым тенденциям развития, а идет в противоположном направлении [25]. В отличие от глобальных тенденций Совет только укрепляет свой надзорный аппарат, игнорируя рыночные силы. Проблема контролирующих и надзорных органов дополняется проблемами роста расходов на высшее образование и дальнейшего расширения системы.

В первой половине 2000-х гг. наблюдалось некоторое ухудшение положения Израйля среди стран ОЭСР. Израиль занимает последние места по росту числа студентов, занятых наукой в соотношении с количеством населения страны. Исключение составляют студенты инженерных наук, в которых Израиль сохраняет хорошие позиции [26].

В силу определенных особенностей Израиль не может придерживаться стратегий получения дохода или привлечения квалифицированной рабочей силы, так как, во-первых, в самом Израиле накоплены значительные ресурсы высококвалифицированных специалистов; во-вторых, в силу культурно-этнических причин существуют трудности в привлечении иностранных студентов и преподавателей; в-третьих, Израиль развивает систему академических стипендий для привлечения студентов в страну (а не систему маркетинга и брендов израильских вузов); в-четвертых, не хватает активной программы продвижения системы высшего образования Израйля за рубежом. Большинство израильских вузов вовлечено в международную деятельность, но они не могут считаться в истинном смысле международными, так как это предполагает процесс систематической международной интеграции в образование, исследования и общественную деятельность высших учебных заведений. Количество иностранных студентов и число курсов для них явно недостаточны, чтобы израильские вузы стали международными центрами высшего образования. Тем не менее международные программы израильских вузов играют значительную роль в интернационализации высшего образования, становясь ее катализаторами,

так как напрямую помогают развивать междууниверситетские сообщества факультетов, стимулируют участие студентов в программах обучения за рубежом и иногда субсидируют их, развивают межкультурные программы обучения, предоставляют возможности обучения для иностранных студентов. Трудным моментом для Израйля является возможность присутствия в стране иностранных вузов, осуществление ими образовательной деятельности и признание выдаваемых ими дипломов. Израиль к этому не стремится.

В 2014 г. в рамках Института Ш. Немана при «Технионе» был инициирован проект по исследованию международных связей Израйля в сферах науки, исследований и развития. Необходимость в данном проекте была вызвана тем, что влияние международных научных связей на рост научных достижений Израйля стало очевидным для многих израильских исследователей [27]. Основными показателями этого влияния стали рост научных публикаций в соавторстве с иностранными учеными, количества патентов и старт-ап компаний в различных научных сферах. В целом наблюдается увеличение интереса израильских исследователей к международным аспектам развития израильской системы высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Internationalization of Higher Education* // The Organization for Economic Cooperation and Development. Electron. data. Paris, 2004 [Electronic resource]. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/33/60/33734276.pdf>, free.
2. *Israel ranks fourth in the world in scientific activity, study finds :Israel's role in global scientific activity is 10 times larger than its percentage of the world's population* // Haaretz. Electron. data. Tel Aviv, 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.haaretz.com/print-edition/news/israel-ranks-fourth-in-the-world-in-scientific-activity-study-finds-1.4034>, free.
3. *TAU President: Without more funds to higher education, Israel can't solve brain drain* // Jerusalem Post. Electron. data. 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.jpost.com/National-News/TAU-President-Without-more-funds-to-higher-education-Israel-cant-solve-brain-drain-328702>, free.
4. *Лебедева М.М., Фор Ж.* Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестник МГИМО. 2009. № 6.
5. *Zelikovich Y.M.* US schools encouraging Israeli «brain drain» // Ynetnews. Electron. data. Tel Aviv, 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3593427,00.html>, free.
6. *Israel's New Investment Incentives-2005* // Israel-Asia Center. Electron. data. Jerusalem, 2005 [Electronic resource]. URL: <http://www.israelasiacenter.org/asia-leaders-fellows-2011/4556042857>, free.
7. *De Fontenay C., Carmel E.* Israel's Silicon Wadi: The forces behind cluster formation // Stanford Institute for Economic Policy Research. Electron. data. Stanford, CA, 2001 [Electronic resource]. URL: <http://www.siepr.stanford.edu/papers/pdf/00-40.pdf>, free.
8. *Работники хай-тека покидают Израиль (на иврите)* // MSN новости. Электрон. дан. [Б.м.], 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.msn.co.il/news/BusinessCommunication/science20/08/07>, free.
9. *Ben-David D.* Soaring Minds: The Flight of Israel's Economists // Tel-Aviv University. Electron. data. Tel-Aviv, 2008 [Electronic resource]. URL: <http://spirit.tau.ac.il/public/bendavid/econ-rankings/SoaringMinds.pdf>, free.
10. *Лауреат Нобелевской премии: «В Израиле я не смог получить статус постоянного работника»* // Newsru.co.il. Электрон. дан. [Б.м.], 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/09oct2013/levitt_009.html, free.
11. *U.S. Nobel laureate: Israel must invest more in higher education* // Israeli Central Bureau of Statistics. Electron. data. Tel-Aviv, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.haaretz.com/weekend/week-s-end/u-s-nobel-laureate-israel-must-invest-more-in-higher-education-1.407091>, free.
12. *Gould E.D., Moav O.* Israel's Brain Drain // Technological Incubators Program. Electron.data. Jerusalem, 2009 [Electronic resource]. URL: http://www.bankisrael.gov.il/deptdata/mehkar/iser/09/iser_1.pdf, free.
13. *Remarks by the Governor of the Bank of Israel at Gvahim's Annual Event.* Bank of Israel. 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.bankisrael.gov.il/en/NewsAndPublications/PressReleases/Documents/2012-8-Gvahim-speech.doc>, free.
14. *Teubal M.* Towards R&D Strategy for Israel // Hebrew University in Jerusalem. Electron. data. Jerusalem, 1999 [Electronic resource]. URL: <http://micro5.mscc.huji.ac.il/~economics/facultyteubal/rd.pdf>, free.
15. *Recipients of Degrees from Institutions of Higher Education, by Degree and Type of Institution* // The Central Bureau of Statistics. Electron. data. Jerusalem, 2014 [Electronic resource]. URL: http://www1.cbs.gov.il/publications14/m1388_haskhala_gvoha13/pdf/t3_01.pdf, free.
16. *Israel Higher Education System Looking to Solve 'Brain Drain'* // EducationNews. Electron. data. Houston, TX, 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.educationnews.org/international-uk/israel-higher-education-brain-drain/#sthash.52uYYwqS.dpuf>, free.
17. *Israel's Higher Education System: Leaping Forward* // Council for Higher Education. Electron. data. Jerusalem, [s.a.] [Electronic resource]. URL: <http://www.i-core.org.il/The-Higher-Education-Reform-Plan>, free.
18. *University tuition higher in Israel than almost all of Europe, study finds* // Universities News. Electron. data. Jerusalem, 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.universitiesnews.com/2013/10/23/university-tuition-higher-in-israel-than-almost-all-of-europe-study-finds>.
19. *Депутаты Кнессета против дискриминации внештатных преподавателей вузов* // Madan.org.il. Электрон.дан. [Б.м.], 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://madan.org.il/node/7685>, free.
20. *Branovsky Y.* Higher education budget gets 30% raise // Yedioth Internet. Electron. data. Tel-Aviv, 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3939122,00.html>, free.

21. В Израиле начался новый академический год // Newsru.co.il. Электрон. дан. [Б.м.], 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://newsru.co.il/israel/13oct2013/vuz_a206.htm, free l.
22. OECD: Israel is second-most educated country // Yedioth Internet. Electron. data. Tel-Aviv, 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4280394,00.htm>, free l.
23. Velmer T. OECD: Israel's education in regression // Yedioth Internet. Electron. data. Tel-Aviv, 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3951130,00.htm>, free l.
24. Atkinson-Grosjean J., Grosjean G. The Use of Performance Models in Higher Education: A Comparative International Review // Arizona State University. Electron. data. Tempe, 2000 [Electronic resource]. URL: <http://olam.ed.asu.edu/epaa/v8n30.html>, free.
25. Bernstein S. The Rise and Fall of Private Higher Education in Israel // Institute for Advanced Strategic and Political Studies. Electron. data. Washington, 2002 [Electronic resource]. URL: www.iasps.org/policystudies/ps52.pdf, free .
26. Investments in Higher Education and Economic Performance: Israel in an international perspective // The Samuel Neaman Institute. Electron. data. Haifa, 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.neaman.org.il/Neaman2011/Templates/showpage.asp?DBID=1&LNGID=1&TMID=580&FID=964&IID=709>, free.
27. A Survey of Israel's Foreign Relations in Science, Research, and Development // The Samuel Neaman Institute. Electron. data. Haifa, 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.neaman.org.il/Neaman2011/Templates/showpage.asp?DBID=1&LNGID=1&TMID=580&FID=964&IID=1350>, free.

Zhadovets Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zhadovets82@rambler.ru

PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTERNATIONALIZATION OF ISRAELI HIGHER EDUCATION.

Keywords: Internationalization; higher education; Israel.

One of the consequences of globalization is the internationalization of higher education. This process takes various forms in different countries. Israeli academic sector, as well as other areas influenced by globalization, is gradually opening to the world: Israel gained access to the cooperation with scientific institutions and universities in Europe and the United States, and participates in a variety of new research programs abroad. 96% of the scientific and technical articles written by the Israelis are published in foreign journals. The best-known form of internationalization of higher education is the mobility of students. The number of Israeli students studying abroad increases steadily. Many Israelis prefer to get higher education in American universities. The advantage of Israeli education system is that Israel has sought to extend the knowledge of English among the population, which largely helped to internationalize its higher education. Israel is also seeking to attract foreign students. Israeli universities are regularly visited by many students from abroad; these students can be engaged in research and scholarly activities in undergraduate, graduate, doctoral and postdoctoral academic programs. The universities have agreements with many foreign higher education institutions, these agreements define the terms of cooperation, exchange of students and/or faculty members; every Israeli university has programs in English available for overseas students, and can offer foreign students one-semester or one-year programs. Programs designed specifically for foreign students who have Jewish ancestry set a special bloc of courses in many Israeli higher education institutions. But in the process of internationalization the Israeli system of higher education faces certain difficulties: brain drain, competition, the constant need to improve the quality of education, etc. The most acute problem in Israeli system of higher education is the outflow of skilled professionals and faculty members, and even talented students. This problem was primarily caused by the inability of Israeli universities to provide employment of many graduates who wish to pursue research activities and are interested in science career. In addition, the young Israeli scientists often find working conditions and salaries in foreign research institutions more attractive. Difficult moment for Israel is the presence of foreign universities and their affiliations in the country, the implementation of educational activities and the recognition of diplomas issued by them.

REFERENCES

1. *Internationalization of Higher Education*. (2004) The Organization for Economic Cooperation and Development. [Online] Available from: <http://www.oecd.org/dataoecd/33/60/33734276.pdf>.
2. Llani, O. (2009) Israel ranks fourth in the world in scientific activity, study finds: Israel's role in global scientific activity is 10 times larger than its percentage of the world's population. *Haaretz*. [Online] November 17th. Available from: <http://www.haaretz.com/print-edition/news/israel-ranks-fourth-in-the-world-in-scientific-activity-study-finds-1.4034>.
3. Ziri, D. (2013) TAU President: Without more funds to higher education, Israel can't solve brain drain. *Jerusalem Post*. [Online] October 14th. Available from: <http://www.jpost.com/National-News/TAU-President-Without-more-funds-to-higher-education-Israel-cant-solve-brain-drain-328702>.
4. Lebedeva, M.M. & For, Zh. (2009) Vysshee obrazovanie kak potentsial «myagkoy sily» Rossii [Higher education as a potential "soft power" of Russia]. *Vestnik MGIMO*. 6.
5. Zelikovich, Y.M. (2008) US schools encouraging Israeli "brain drain". *Ynetnews* [Online] August 9th. Available from: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3593427,00.html>.
6. Israel-Asia Center. (2005) *Israel's New Investment Incentives-2005*. [Online] Available from: <http://www.israeliasiacenter.org/asia-leaders-fellows-2011/4556042857>.
7. De Fontenay, C. & Carmel, E. (2001) *Israel's Silicon Wadi: The forces behind cluster formation*. Stanford: Stanford Institute for Economic Policy Research. [Online] Available from: <http://www.siepr.stanford.edu/papers/pdf/00-40.pdf>.
8. MSN novosti [MSN news]. (2007) *Rabotniki khay-teka pokidayut Izrail' (na ivrite)* [Employees of high-tech leave Israel (in Hebrew)]. [Online] Available from: <http://news.msn.co.il/news/BusinessCommunication/science20/08/07>.
9. Ben-David, D. (2008) *Soaring Minds: The Flight of Israel's Economists*. Tel-Aviv: Tel-Aviv University. [Online] Available from: <http://spirit.tau.ac.il/public/bendavid/econ-rankings/SoaringMinds.pdf>.
10. Levitt, M. (2013) *Newsru.co.il*. Laureat Nobelevskoy premii: "V Izraile ya ne smog poluchit' status postoyannogo rabotnika" [The Nobel Prize Laureate: "In Israel, I was not able to obtain the status of permanent employee"]. [Online] Available from: http://newsru.co.il/israel/09oct2013/levitt_009.html.
11. Feldman, N. (2012) U.S. Nobel laureate: Israel must invest more in higher education. *Haaretz*. [Online] January 13th. Available from: <http://www.haaretz.com/weekend/week-s-end/u-s-nobel-laureate-israel-must-invest-more-in-higher-education-1.407091>.
12. Gould, E.D. & Moav, O. (2009) Israel's Brain Drain. *Technological Incubators Program*. [Online]. Available from: http://www.bankisrael.gov.il/deptdata/mehkar/iser/09/iser_1.pdf.
13. Bank of Israel. (2012) *Remarks by the Governor of the Bank of Israel at Gvachim's Annual Event*. [Online] Available from: <http://www.bankisrael.gov.il/en/NewsAndPublications/PressReleases/Documents/2012-8-Gvachim-speech.doc>.
14. Teubal, M. (1999) *Towards R&D Strategy for Israel*. Jerusalem: Hebrew University in Jerusalem. [Online] Available from: <http://micro5.mscc.huji.ac.il/~economics/facultyte/teubal/rd.pdf>.
15. Israel. The Central Bureau of Statistics. (2014) *Recipients of Degrees from Institutions of Higher Education, by Degree and Type of Institution*. [Online] Available from: http://www1.cbs.gov.il/publications14/m1388_hashkala_gvoha13/pdf/t3_01.pdf.

16. Nadeem, M. (2014) Israel Higher Education System Looking to Solve “Brain Drain”. *EducationNews*. [Online] October 17th. Available from: <http://www.educationnews.org/international-uk/israel-higher-education-brain-drain/#sthash.52uYYwqS.dpuf>.
17. Council for Higher Education. (s.a.) *Israel's Higher Education System: Leaping Forward*. [Online] Available from: <http://www.i-core.org.il/The-Higher-Education-Reform-Plan>
18. University tuition higher in Israel than almost all of Europe, study finds. (2013) *Universities News*. [Online] Available from: <http://www.universitiesnews.com/2013/10/23/university-tuition-higher-in-israel-than-almost-all-of-europe-study-finds>.
19. Madan.org.il. (2013) *Deputaty Knesseta protiv diskriminatsii vneshtatnykh prepodavateley vuzov* [Members of the Knesset against discrimination of freelance lecturers]. [Online] Available from: <http://madan.org.il/node/7685>.
20. Branovsky, Y. (2010) Higher education budget gets 30% raise. *Yedioth Internet*. [Online] August 18th. Available from: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3939122,00.html>.
21. Newsru.co.il. (2013) *V Izraile nachalsya novyy akademicheskiy god* [The beginning of a new academic year in Israel]. [Online] Available from: http://newsru.co.il/israel/13oct2013/vuz_a206.htm.
22. Velmer, T. (2012) OECD: Israel is second-most educated country. *Yedioth Internet*. [Online] September 12th. Available from: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-4280394,00.htm>.
23. Velmer, T. (2010) OECD: Israel's education in regression. *Yedioth Internet*. [Online] September 7th. Available from: <http://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3951130,00.htm>.
24. Atkinson-Grosjean, J. & Grosjean, G. (2000) *The Use of Performance Models in Higher Education: A Comparative International Review*. Tempe: Arizona State University. [Online] Available from: <http://olam.ed.asu.edu/epaa/v8n30.html>.
25. Bernstein, S. (2002) *The Rise and Fall of Private Higher Education in Israel*. Washington: Institute for Advanced Strategic and Political Studies. [Online] Available from: www.iasps.org/policystudies/ps52.pdf.
26. Frenkel, A. & Leck, E. (2006) *Investments in Higher Education and Economic Performance: Israel in an international perspective*. Haifa: The Samuel Neaman Institute. [Online] Available from: <http://www.neaman.org.il/Neaman2011/Templates/showpage.asp?DBID=1&LNGID=1&TMID=580&FID=964&IID=709>.
27. Getz, D., Fortuna, G., Kirsh, U. et al. (2014) *A Survey of Israel's Foreign Relations in Science, Research, and Development*. Heifa: The Samuel Neaman Institute. [Online] <http://www.neaman.org.il/Neaman2011/Templates/showpage.asp?DBID=1&LNGID=1&TMID=580&FID=964&IID=1350>.

УДК 94:60:377 (734.4+735.6)
DOI 10.17223/19988613/35/13

О.Е. Варламов

ОБЩИННЫЕ КОЛЛЕДЖИ СЕВЕРНОЙ КАРОЛИНЫ И МАССАЧУСЕТСА КАК ИНСТИТУТ ПОДГОТОВКИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОГО БИЗНЕСА В СФЕРЕ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Проблема подготовки квалифицированной рабочей силы для инновационной экономики в Соединенных Штатах Америки стала в последние десятилетия особо острой. Развивающиеся инновационные отрасли промышленности, прежде всего биотехнологии, требовали большего количества рабочего подготовленного персонала. Эта необходимость была осознана как на уровне штатов, так и на уровне федерального правительства. В рамках поиска решения данной проблемы особое внимание было уделено «общинным колледжам», промежуточным образовательным учреждениям между средней школой и университетами. В статье анализируются подходы и инициативы, выдвигавшиеся с начала 2000-х гг. двумя ведущими инновационными штатами США – Массачусетса и Северной Каролины, а также их корреляция с сопутствующими инициативами на федеральном уровне.

Ключевые слова: инновации; общинные колледжи; Массачусетс; Северная Каролина.

Наличие квалифицированной рабочей силы является неперенным условием для успешного функционирования инновационных фирм. В свою очередь успех инновационных компаний отражается на экономическом благополучии того региона, где они размещаются. Соответственно, подготовка специалистов является одной из наиболее важных стратегических задач для развития инновационной экономики. В Соединенных Штатах Америки ввиду все более нарастающей международной инновационно-экономической конкуренции данная проблема встает со все большей остротой.

В 2001 г. известный ученый и специалист по кластерной и инновационной политике М. Портер опубликовал отчет для Совета по конкурентоспособности США, в котором, рассмотрев опыт пяти ведущих технологических регионов страны, дал рекомендации по повышению их экономической эффективности. Рассматривая опыт этих штатов, Портер отметил, что бизнес охотнее идет в регионы с развитой системой школьного образования, в регионы с исследовательскими университетами и в те регионы, где развита система специализированной профессиональной подготовки на уровне общинных колледжей [1].

Общинные колледжи в США являются промежуточным звеном между средней школой и университетами. Программы обучения в этих колледжах обычно двухгодичные и предполагают получение промежуточной степени младшего специалиста (*associate degree*) с последующей возможностью поступления в университет и получения уже степени бакалавра. Ввиду специфики этих образовательных учреждений и их программ (краткосрочность) они идеально подходили для переобучения и повышения квалификации работников промышленности.

Интерес в этой связи представляет сравнение опыта использования общинных колледжей в двух штатах США – Массачусетсе и Северной Каролине. Эти инновационные регионы шли к построению высокотехноло-

гичной экономики различными путями: Массачусетс изначально был штатом с развитой системой элитарного высшего образования и местом концентрации талантливых ученых и изобретателей, а Северная Каролина была отсталым аграрно-индустриальным штатом, создавшим инновационный кластер с нуля. Такое различие в научно-техническом и экономическом развитии штатов отразилось и на подходах к использованию общинных колледжей. Лидирующей инновационной отраслью обоих штатов является биотехнологическая промышленность. Именно в связи с необходимостью развития кадрового потенциала для удовлетворения ее нужд и связано повышенное внимание к общинным колледжам в 2000-х гг.

К началу 2000-х гг. объем производства биотехнологических кластеров штатов Северная Каролина и Массачусетс рос высокими темпами и потому бизнес и исследовательские лаборатории испытывали все большую нужду в квалифицированных работниках. К данному обстоятельству добавлялась и растущая гонка биотехнологических инноваций между штатами США, в которой необходимо было использовать все имеющиеся ресурсы, чтобы не потерять лидерство. В дополнение к этому сама специфика отрасли подталкивала к использованию общинных колледжей: к примеру, эксперты из Северной Каролины, оценивая ситуацию в биопроизводстве, пришли к выводу, что около 60% всех потребностей в рабочей силе для него можно удовлетворить за счет среднего образования и двухгодичной подготовки, без получения степени бакалавра. То же самое было справедливо и для Массачусетса с его развитым биотехнологическим кластером. Разумеется, спектр направлений переподготовки на базе колледжей был шире, но биотехнологии сыграли главную роль в формулировании нового подхода к колледжам.

Власти двух штатов начали работу с этими образовательными институтами примерно в один и тот же

период – начало 2000-х гг. В последующие годы инициативы на уровне штатов шли рука об руку с федеральными программами в области активного вовлечения общинных колледжей в подготовку инновационной рабочей силы.

В 2000 г. в Массачусетсе было опубликовано исследование «Новые навыки для новой экономики», проведенное массачусетской некоммерческой организацией MassINC. В нем авторы пришли к выводу, что на тот момент навыки и уровень образования 1 142 000 работников в штате оказались недостаточными для растущих высокотехнологичных отраслей промышленности региона и рекомендовали обратить внимание на общинные колледжи как институт подготовки кадров [2]. В Северной Каролине ситуация с рабочей силой в этот период также была сложной ввиду того, что диверсификация экономики, превратившая штат из аграрного-индустриального региона в индустриально-инновационный, тем не менее, не привела к исчезновению традиционных отраслей промышленности (табачная промышленность), которые приходили в постепенный упадок. Занятые в этих отраслях рабочие оказывались перед фактом потери рабочих мест и необходимостью приобретения новых навыков в условиях меняющейся структуры экономики. Практически синхронно власти обоих штатов начали работу по выработке подходов к переобучению работников традиционных производств, встраиванию этих трудовых ресурсов в конкретные инновационные отрасли штата и – шире – к их адаптации в новой инновационной экономике. Решение этой проблемы потребовало совместной работы властей штата, бизнеса и образовательных учреждений. И в Массачусетсе, и в Северной Каролине чиновники обратили внимание на общинные колледжи, однако процесс вовлечения колледжей двух штатов в этот процесс оказался различным.

В 2001 г. после широкого резонанса от отчета MassInc. губернатор Массачусетса Д. Свифт создала межведомственную оперативную группу по реформированию образования для взрослых и повышения рабочей квалификации. Эта группа выпустила собственный отчет, в котором предлагалось создать образовательные программы переквалификации (в том числе в сфере биотехнологии), которые были бы доступны во всех общинных колледжах штата. По итогам отчета была создана программа «Выстраивая систему обучения ключевым навыкам» (*Building Essential Skills Training – BEST program*). Было сформировано 6 направлений переподготовки кадров, включая биотехнологии, и составлены учебные планы. Организацию курсов взяло на себя правительство Массачусетса в лице Commonwealth Corporation, государственно-частной структуры штата, ответственной за обучение рабочих кадров. К проекту подключились Массачусетский совет по биотехнологиям и четыре крупные региональные биотехнологические компании (*Genzyme, Biogen Idec, Immunogen Inc., Wyeth Biopharma Genet-*

ics Institute). В качестве площадки для проведения биотехнологических курсов были выбраны два общинных колледжа: колледж Роксберри в Бостоне и Миддлсекс в Лоуэлле.

На развитие учебных программ в каждом из колледжей были выделены гранты в размере от 350 до 750 тыс. долл. Всего в программе BEST приняли участие 2 600 человек. К концу 2003 г. три группы студентов-биотехнологов окончили курсы в Миддлсексе и одна в Роксберри. Весной 2004 г. двухгодичная программа BEST была завершена.

Оценка результатов эксперимента была неоднозначная. Прежде всего не удалось добиться широкого участия работников штата в переквалификации в рамках программы BEST, так как около 85% обучавшихся на курсах являлись работниками четырех биотехнологических компаний-соучредителей. По замыслу создателей, в рамках программы работодатели должны были сообщать о недостатке определенных навыков у работников, таким образом, BEST имела бы практическую направленность в переподготовке кадров. В результате компании-учредители поняли это как необходимость сообщать о недостатках навыков своих, уже трудоустроенных служащих. В итоге программа во многом замкнулась на этих четырех биотехнологических компаниях. Тем не менее, несмотря на такой перекоп, оставшиеся 15% участников, не связанные с корпорациями-учредителями, признавали, что BEST помогла им получить работу (в некоторых случаях в этих же фирмах), которую без этой переподготовки они бы не получили никогда.

Быстрое завершение программы и отсутствие массовости участия в ней было также связано с недостаточным финансированием. На цели программы BEST было рекомендовано выделение финансирования в размере 30 млн долл. Сделано это было в начале 2001 г., однако после терактов 11 сентября и последующего за ним экономического спада экономика штата столкнулась с рецессией и финансирование было сокращено. В отличие от Северной Каролины, обеспеченной средствами табачных компаний, Массачусетс не смог изыскать первоначальную сумму и вместо 30 млн смог собрать лишь 3,5 млн долл. с учетом федеральной помощи и средств предпринимательского общества.

В целом результаты программы были довольно умеренными. Однако это стало толчком к продолжению использования общинных колледжей для подготовки кадров для биотехнологической промышленности. Колледж Миддлсекс, например, создал свою собственную программу по получению младшей степени в области биотехнологий, уже вне программы BEST. В 2003 г. было создано партнерство CONNECT, объединявшее Бристольский колледж, колледж Кейп-Кода и несколько университетов штата. Целью сотрудничества было расширение спектра учебных курсов, в том числе в области биотехнологий и инноваций.

Северная Каролина начала переподготовку в области биотехнологий еще в 1999 г., когда представители табачных компаний и законодательное собрание штата основали фонд GoldenLEAF. Он был создан для поддержки табачной индустрии, ее модернизации и развития биотехнологической составляющей табачной промышленности. Под его эгидой на базе общинных колледжей штата были разработаны программы по переобучению фермеров и работников табачной индустрии работе в биопроизводстве и постепенной адаптации их навыков для работы в более сложных областях биотехнологий. Одноименная программа GoldenLEAF действует по сию пору. По состоянию на конец 2013 г. в рамках программы GoldenLEAF было профинансировано более 1 245 образовательных грантов на сумму более 547 млн долл. [3].

Следует отметить важность достаточного финансирования этого фонда: GoldenLEAF получал деньги из средств, выделенных Северной Каролине по соглашению об урегулировании претензий к табачным компаниям. В начале 1990-х гг. генеральные прокуроры 46 штатов предъявили одновременные иски к 4 крупнейшим табачным компаниям США. В них требовалось возместить расходы бюджета штатов на медицинское обслуживание людей, страдающих от болезней, связанных с курением. В 1998 г. это соглашение вступило в силу, и табачные компании выплатили штатам США 206 млрд долл. Часть этих денег досталась и Северной Каролине. Из этих средств фонд GoldenLEAF закупал оборудование для первых образовательных программ на базе общинных колледжей.

Старт масштабному направленному использованию системы общинных колледжей в биотехнологическом образовании и переподготовке кадров в Северной Каролине был дан в 2003 г., уже во время действия программы BEST в Массачусетсе. Губернатор штата М. Изли поручил представителям законодательного собрания, известным деятелям образования и науки составить стратегический план развития биотехнологий в Северной Каролине до 2013 г. Возглавили комитет разработчиков два бывших губернатора: Дж. Хант и Дж. Мартин. В 2004 г. план был вынесен на суд общественности. Основной упор в плане делался на важности создания образовательной сети по обучению навыкам в области биопроизводства и биотехнологий на базе системы общественных колледжей штата. К моменту обнародования плана фонд GoldenLEAF уже потратил 64,5 млн долл. на создание сети образовательных центров на базе двух университетов Северной Каролины и нескольких общинных колледжей [4].

Власти Северной Каролины фактически увязывали будущий экономический успех штата с развитием биотехнологической промышленности, ведущей отрасли региона. Предполагалось активное создание новых рабочих мест и привлечение больших фармацевтических компаний на основе квалифицированной рабочей силы. Увязав развитие инновационной отрасли и подготовку

специалистов с развитием штата, власти Северной Каролины, в отличие от Массачусетса, четко обозначили цель и пути ее достижения. Впоследствии это стало одним из ключевых факторов успеха реформ.

На основе рекомендаций экспертов была создана сеть образовательных центров на базе общинных колледжей, получивших название Bionetwork. Всего было создано семь центров: центр биотехнологий в сельском хозяйстве (*BioAgriculture Center*), центр биотехнологического бизнеса (*BioBusiness Center*), центр биотехнологического образования (*BioEducation Center*), центр биопереработки (*Bioprocessing Center*), Национальный центр трудовых ресурсов в сфере биотехнологии (*National Center for the Biotechnology Workforce*), Кэпстоуновский центр (*BioNetwork Capstone Center*) и фармацевтический центр (*Pharmaceutical Center*). Каждый из них курировал отдельную область биотехнологической промышленности.

В работу по поддержке сети BioNetwork включился и Центр биотехнологий Северной Каролины. Эта авторитетная организация, первая в своем роде государственно-частная структура в США, отвечающая за региональное развитие биотехнологий, обладает большим весом в штате и лоббировала продолжение финансирования системы общинных колледжей. Бюджет системы колледжей является отдельной статьей расходов в ежегодных документах законодательного собрания штата и постоянно включается в разделы по финансированию развития рабочей силы.

Инициатива имела большой успех ввиду ее серьезного финансирования, а также наличия исторического опыта сотрудничества промышленности и системы общинных колледжей Северной Каролины – еще в 1957 г. в штате были созданы центры промышленного образования, ставшие предшественниками общинных колледжей, а в 1985 г. была запущена первая в Соединенных Штатах программа получения младшей научной степени в области биотехнологий на базе колледжей Северной Каролины.

Исторический фактор также проявлялся в самом генезисе и структуре управления общественными колледжами в двух штатах. Ввиду активной, а временами и ключевой, роли властных структур в развитии инновационной экономики Северной Каролины общественные колледжи в штате были поставлены под государственное управление, в то время как массачусетские колледжи управлялись децентрализованно, что помешало им выработать всеобъемлющую стратегию развития рабочей силы в инновационных отраслях в начале 2000-х гг.

Необходимость улучшения образования в рамках общинных колледжей к середине 2000-х гг. осознавалась настолько широко, что проекты штатов стимулировали появление общегосударственной инициативы по более широкому использованию общинных колледжей и улучшения качества преподавания. В 2004 г. по инициативе неправительственного фонда Lumina, а также

семи других организаций, была инициирована федеральная программа под названием «Исполняя мечту» (*Achieving the Dream*), которая была направлена на реформу общинных колледжей. Основной целью реформ было улучшение качества образования, его доступности, а также структурно-организационные реформы в колледжах в разных штатах. За годы работы программы была создана сеть из 200 учебных заведений, в ней принимают участие более сотни консультантов и преподавателей, а также 15 команд, разработавших политику реформирования системы колледжей в разных штатах.

Северная Каролина присоединилась к инициативе в самом начале, в 2004 г. Массачусетс же с опозданием присоединился к движению – в 2007 г. В 2011 г. появился отчет, оценивавший итоги проекта. Несмотря на выводы отчета, согласно которым только 10% предполагаемой целевой аудитории улучшили свои показатели вследствие оптимизации работы колледжей, он оказал большое влияние на реформирование системы общественных колледжей [5]. Вступление в программу штата Массачусетса позволило ему сделать новый старт: начать разрабатывать комплексную стратегическую политику развития общинных колледжей, а самое главное – реформировать их структуру управления.

В 2009 г. губернатор Массачусетса Д. Патрик назначил Р. Фриланда на должность комиссара департамента высшего образования. Фриланд сразу же предпринял масштабный аудит всех 15 колледжей Массачусетса. Была разработана система мониторинга оценок учащихся первого года обучения в колледжах, введены ежегодные отчеты о деятельности колледжей, были инициированы программы помощи для студентов по переходу от двухгодичных программ колледжа к четырехлетним программам бакалавриата в университетах.

В 2010 г. в Массачусетсе была обнародована программа «Видение» (*the Vision project*), целью которой стало достижение наивысшего уровня образования жителей штата вообще и рабочей силы в частности. В этом же году был создан Массачусетский консорциум в области наук о жизни. Эта совместная инициатива Массачусетского совета по биотехнологиям и Фонда биотехнологического образования. В рамках этой инициативы было создано 11 программ по получению младшей научной степени в области биотехнологий на базе 8 общинных колледжей Массачусетса.

В исследовании Фонда Бостона 2011 г., опубликованном спустя 10 лет после инициативы BEST, указывалось на то, что общинные колледжи Массачусетса все еще не сформировали целостную систему подготовки кадров для инновационной экономики и бизнеса. Местные власти обратили на этот факт внимание и предприняли уже структурную реформу общинных колледжей штата.

В 2013 г. система общинных колледжей Массачусетса начала объединяться, становясь похожей на систему Северной Каролины. Сделано это было под

влиянием губернатора Патрика, предложившего данные изменения для оптимизации колледжей и получения федеральных грантов на развитие от Министерства труда США. Согласно прописанным в бюджете новым правилам, Совет по высшему образованию Массачусетса назначает главных должностных лиц каждого колледжа, а губернатор назначает председателя совета попечителей. Также Совету по высшему образованию были переданы полномочия в области распределения финансов между колледжами, определении эффективности их работы и взаимодействия с работодателями штата. Помимо этого, в рамках структурной реформы колледжи обязали прописать в своих уставах приверженность новому системному подходу улучшения своей работы, т.е., по сути, закрепить в своих официальных документах ведущую роль властей штата [6].

Еще в 1998 г. научная сотрудница Гарварда Л. Мауссурис в своем исследовании пришла к выводу, что в связи с проблемами в экономике и изменением приоритетов промышленности в области рабочей силы элитная образовательная подготовка на базе университетов штата, которой славился Массачусетс, начинает соединяться с более эгалитарной образовательной моделью, основой которой могут стать общинные колледжи и их сотрудничество с промышленностью [7]. Такой поворот действительно произошел, однако, в отличие от Северной Каролины, Массачусетс, ввиду экономических проблем и децентрализованной структуры управления колледжами, не сразу смог сделать их полноценным элементом подготовки инновационных кадров и добиться для них такой же важной роли в образовательной инновационной системе, как в Северной Каролине. Помимо бюджетных проблем, это объясняется тем фактом, что элитарная модель высшего образования Массачусетса давала ощутимые результаты на протяжении всего его существования, обеспечивая кадрами инновационные фирмы за счет МТИ, Гарварда и Йеля, и уделяла мало внимания общинным колледжам в принципе. В Северной Каролине сеть этих колледжей, напротив, была исторически важна для образовательной системы штата. Также важным фактором служило то обстоятельство, что инновационная экономика в штате создавалась с нуля и потому власти штата использовали все имеющиеся у них ресурсы, не оставляя ни одну возможность развития без внимания.

Тем не менее, спустя 10 лет после окончания программы BEST, Массачусетс фактически обратился к модели Северной Каролины, законодательно оформив государственное управление общинными колледжами, а также активное участие властей штата в разработке их образовательных программ и программ развития.

Северная Каролина изначально сделала ставку на централизованное управление общинными колледжа-

ми, достигла больших успехов в подготовке квалифицированных кадров, а в начале 2000-х гг. просто встроила этот элемент в стратегию своего долгосрочного экономического развития, что усилило эффективность образовательной подготовки.

Создание образовательных программ в области биотехнологий, сопровождавшееся институциональными преобразованиями, позволило двум штатам сохранить свое лидерство в общенациональном рейтинге биотехнологических регионов США.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Clusters of innovation: Regional foundations of US competitiveness*. URL: http://www.compete.org/images/uploads/File/PDF%20Files/CoC_Reg_Found_national_cluster.pdf (access date: 15.12.14).
2. *New skills for a new economy: Adult's education key role in sustaining economic growth and expanding opportunity*. URL: http://www.massinc.org/~media/Files/Mass%20Inc/Research/Executive%20Summary%20PDF%20files/new_skills_es.ashx (access date; 15.12.14).
3. *North Carolina Biotechnology Center*. URL: <http://www.ncbiotech.com> (access date: 15.12.14).
4. *A Strategic Plan for Growing the Economy Statewide through Biotechnology*. 2004. URL: http://www.ncbiotech.com/sites/default/files/Strategicplan_1.pdf (access date: 15.12.14).
5. *Turning the Tide: Five Years of Achieving the Dream in Community Colleges*. 2011. URL: http://www.mdrc.org/sites/default/files/full_593.pdf (access date: 15.12.14).
6. *Governor's budget FY2013 Community College Reform*, 2012. URL: http://www.mass.gov/bb/h1/fy13h1/os_13/h30.htm (access date: 15.12.14).
7. Linda Moussouris *The Higher Education – Economic Development “Connection” in Massachusetts: Forging a Critical Linkage*. 1998. URL: <http://link.springer.com/article/10.1023%2FA%3A1003015721238#page-1> (access date: 15.12.14).

Varlamov Oleg E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ovarlamov@mail.ru

COMMUNITY COLLEGES OF NORTH CAROLINA AND MASSACHUSETTS AS WORKFORCE TRAINING INSTITUTIONS FOR INNOVATIVE BIOTECHNOLOGICAL BUSINESS.

Keywords: innovations; biotechnology; North Carolina; Massachusetts.

Workforce training is one of the most essential, strategic goals for innovation development. In the USA this issue is pressing because of growing international competition. Recently community colleges started to play one of the most important roles in this process. They were chosen by regional authorities as a tool for workforce training aimed at satisfying demand of biotechnology companies. Of great interest in this respect are two major biotechnological states in the USA: Massachusetts and North Carolina. By the beginning of 2000-s the production volume of biotechnological companies in Massachusetts and North Carolina increased rapidly and they urgently needed trained workers. Besides, interstate competition in biotechnologies exacerbated the issue. In 2001 Massachusetts launched Building Essential Skills Training Program. There were 6 areas of workforce training including biotechnology. The results of the program were controversial: good scores of participants didn't lead to creation of comprehensive system of workforce training on the basis of community colleges. In 2003 North Carolina released strategic plan on prospective economic development of the state. The main point of it was job creation through development of biotech and workforce training for biotech industry in community colleges. GoldenLEAF foundation in NC helped finance this program and it resulted in establishment of BioNetwork. This network consisted of 6 centers of excellence throughout the state. Success of this initiative was determined by historical role of community colleges in NC. Long tradition of partnership with the industry and government control over management and budget of community colleges became key success factors. In 2004 non-government “Lumina” foundation launched federal program Achieving the Dream with the aim of improving curricula and organization structure reform of colleges in participating states. North Carolina joined the program in 2004 and Massachusetts in 2007. This program again drew attention of Massachusetts state government to community colleges. In 2009 Governor of Massachusetts Deval Patrick appointed R. Freeland to the position of Commissioner of Higher Education for Massachusetts. Freeland, in turn, initiated audit of all community colleges in state and developed general standards for college effectiveness measurement. Starting from that moment separate colleges have been transformed in complete system. In 2013 Governor Patrick signed the Massachusetts budget into law. According to the budget state community colleges changed their organization structure and would be governed by state government officials. This government control is much like of that in North Carolina. Massachusetts authorities followed NC and adjusted community colleges to workforce development system in order to satisfy the demand of their biotechnological business. Those measures of two states allowed them to remain leaders in biotech industry of the USA.

REFERENCES

1. *Clusters of innovation: Regional foundations of US competitiveness*. [Online] Available from: http://www.compete.org/images/uploads/File/PDF%20Files/CoC_Reg_Found_national_cluster.pdf. (Accessed: 15th December 2014).
2. *New skills for a new economy: Adult's education key role in sustaining economic growth and expanding opportunity*. [Online] Available from: http://www.massinc.org/~media/Files/Mass%20Inc/Research/Executive%20Summary%20PDF%20files/new_skills_es.ashx. (Accessed: 15th December 2014).
3. *North Carolina Biotechnology Center*. [Online] Available from: <http://www.ncbiotech.com>. (Accessed: 15th December 2014).
4. *A Strategic Plan for Growing the Economy Statewide through Biotechnology*. 2004. [Online] Available from: http://www.ncbiotech.com/sites/default/files/Strategicplan_1.pdf. (Accessed: 15th December 2014).
5. *Turning the Tide: Five Years of Achieving the Dream in Community Colleges*. 2011. [Online] Available from: http://www.mdrc.org/sites/default/files/full_593.pdf. (Accessed: 15th December 2014).
6. *Governor's budget FY2013 Community College Reform*, 2012. [Online] Available from: http://www.mass.gov/bb/h1/fy13h1/os_13/h30.htm. (Accessed: 15th December 2014).
7. Moussouris, L. (1998) *The Higher Education – Economic Development “Connection” in Massachusetts: Forging a Critical Linkage*. [Online]. Available from: <http://link.springer.com/article/10.1023%2FA%3A1003015721238#page-1>. (Accessed: 15th December 2014).

Е.Ю. Тройнина

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ ПРАВИТЕЛЬСТВА ТАЙВАНЯ

Несмотря на дипломатическую изоляцию, Тайвань глубоко интегрирован в международную экономическую систему. В связи с этим анализируются каналы внешнего влияния, которые оказали воздействие на политику правительства острова в области науки и технологий. В качестве основных источников внешнего воздействия на разработку научно-технологической политики рассматриваются США и КНР, определяется взаимосвязь экономических и политических факторов.

Ключевые слова: Тайвань; наука и технологии; внешнее влияние.

В новейшей истории развитие государств и территорий происходит в тесном взаимодействии с зарубежными странами в рамках глобальной системы международных отношений. В современном мире изоляция воспринимается как исключение, нежели норма, ее характеристики варьируются от «национальной специфики», если мы говорим, к примеру, о замкнутости японского общества, до «государств-изгоев», как Северная Корея. Однако даже политическая изоляция не является препятствием для развития внешнеэкономических отношений.

Ярким примером, подтверждающим этот тезис, является Тайвань – остров, который в 1971 г. был исключен из ООН и до настоящего момента не имеет дипломатических отношений с большинством стран мира, но который, несмотря на это, смог добиться впечатляющих результатов экономического и научно-технологического развития. Однако достижение этих результатов было бы невозможно без воздействия внешних факторов.

Прежде всего, огромное значение для Тайваня имеют внешние рынки сбыта. Тайвань – маленький остров, население которого в 1965 г. составляло всего 12,6 млн человек, а к 2000 г. выросло до 22,2 млн. В условиях ограниченности внутреннего рынка экспорт продукции становится критически важным. Повышение технологического уровня производимых на Тайване товаров отразилось на структуре экспорта: статистические данные (таблица) демонстрируют поступательное увеличение доли высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта с 18,3% в 1982 г. до 42,1% в 2000 г. и 52,9% в 2010 г., при этом доля низкотехнологичных товаров, составлявшая почти половину экспорта в 1982 г., упала до 6,5% в 2010 г. Учитывая тот факт, что начиная со второй половины 1960-х гг. экспорт Тайваня составлял около половины ВВП, внешние рынки являются мощным двигателем развития высокотехнологичных отраслей Тайваня.

Структура экспорта Тайваня по степени технологичности товаров (1982–2010 гг.) [1. Р. 215; 2. Р. 220]

Год	Высокотехнологичные товары, %	Товары со средним уровнем технологичности, %	Низкотехнологичные товары, %
1982	18,3	32,6	49,1
1985	18,8	33,6	47,6
1990	26,7	38,6	34,7
1995	36,5	41,4	22,0
2000	42,1	41,0	16,9
2005	50,0	41,0	9,0
2010	52,9	40,6	6,5

Вторым серьезным каналом внешнего влияния является опосредованное идейное и прямое политическое воздействие США. Проводником идейного влияния стала прежде всего технократическая элита, представители которой получили западное образование (технического или естественнонаучного профиля), вследствие чего они придерживались западных экономических концепций. Министр Ли Годин получил докторскую степень в Кембридже, министр Сунь Юньсюань – в 1943–1945 гг. проходил обучение в государственной корпорации Tennessee Valley Authority (США), министр Юй Гоуа получил магистерскую степень в Гарвардском университете, проходил обучение в Университете Лондона, президент Ли Дэнхуэй обучался в

Университете штата Айова и получил докторскую степень в Корнелльском университете и т.д.

Кроме того, технократы сохранили широкие связи с политическими, деловыми и научными кругами США и неоднократно использовали эти связи для реализации своей стратегии научно-технологического развития. К примеру, министры Ли Годин и Сунь Юньсюань приглашали тайваньских и китайских эмигрантов из США для оказания консультационной помощи в вопросах планирования научно-технологического развития, а также на исполнительные должности в исследовательских организациях (например, в Академии Синика) и государственно-частных корпорациях (самый яркий пример – корпорация TSMC). Важность такого идейного влияния была обусловлена тем, что министры-

технократы фактически осуществляли разработку политики по развитию науки и технологий. Тайваньский исследователь Ван Цзюнь отмечает: «Технократы пользовались доверием Чан Кайши и Цзян Цзинго, а их инициативы находили поддержку в правящих кругах США» [3. Р. 102].

Прямое воздействие со стороны США в 1960–1970-е гг. осуществлялось в форме политического давления в вопросах необходимости технологической модернизации экономики. Американская исследовательница Меган Грин указывает на то, что «только под давлением тайваньских технократов, представителей научных кругов, иностранных советников и экономических доноров [прежде всего, имеются в виду Соединенные Штаты Америки] политические лидеры Тайваня начали вяло проводить политику развития технических наук» [4. Р. 3]. (Грин отмечает, что тайваньские технократы нередко приглашали иностранных консультантов и экспертов, чтобы последние поддержали точку зрения или предложения технократов перед высшим руководством.)

Для реализации первой национальной Программы развития науки и технологий, принятой Исполнительным Юанем в 1979 г., по инициативе Ли Година и Сунь Юньсюаня в конце 1979 г. был учрежден новый государственный орган – Совещательный Комитет по науке и технологиям, который начал работу в 1980 г. По замыслу своих создателей, Совещательный Комитет должен был включать руководителей правительственных ведомств Тайваня, относящихся к научно-технологическому развитию, а также независимых, в том числе иностранных, экспертов, которые имеют профессиональный взгляд на вопрос развития науки и технологий и обширный опыт в этой области [5. Р. 173].

На момент создания Комитета иностранные эксперты были представлены учеными, государственными служащими и управленцами с опытом работы в промышленности США: группа менеджеров корпорации Texas Instruments во главе с бывшим главой этой компании Патриком Хэггерти (Patrick Haggerty), который был давним знакомым Сунь Юньсюаня и Ли Година. Хэггерти привлек в Совещательный комитет Фредерика Зайтца (Frederick Seitz), который имел большой опыт работы в полупроводниковой промышленности США, а также был президентом Университета Рокфеллера. Кроме того, в группу вошли Карл Герстэкер (Carl Gerstacker, директор компании Dow Chemicals), Айвон Беннетт (Ivan Bennett, президент Университета Нью-Йорка, физик по образованию), Томас Мартин (Thomas Martin, президент Технологического института Иллинойса), Стерлинг Уортман (Sterling Wortman, генетик, член Совещательного комитета Белого Дома по науке и технологиям), Саймон Рамо (Simon Ramo, председатель рабочей группы президента США по науке и технологиям) и Чонси Старр (Chauncey Starr, физик по образованию и основатель Института исследований

электрической энергии) [6]. В 1983 г. Хэггерти пригласил в Комитет Боба Эванса (Bob Evans), бывшего вице-президента IBM по развитию, а также Кена Маккея (Ken Mackay), работавшего в Bell Labs [4. Р. 133]. В том же году премьер Сунь пригласил в Комитет Пьера Эйгрена (Pierre Aigrain), бывшего министра по развитию науки и технологий Франции [7], и советника корпорации Thomson-CSF. Доктор Эйгрэн посоветовал развивать на Тайване производство программного обеспечения и предсказал широкое использование микрокомпьютеров в механических системах в будущем, а также обещал содействовать развитию научно-технологических связей Тайваня и Франции [8].

Состав Комитета не был постоянным, постепенно расширялся за счет руководителей промышленных предприятий, президентов университетов, институтов, членов правительства Тайваня. Эксперты Совещательного Комитета выдвигали свои предложения в области научно-технологического развития: например, в 1980 г. было проведено исследование, результаты которого показали, что большинство предприятий на Тайване являются слишком маленькими, чтобы проводить самостоятельные исследования и разработки. В соответствии с данным выводом начала широко применяться стратегия проведения исследований и разработок в Институте индустриально-технологических исследований (ИТРИ) с последующей передачей технологий малым и средним предприятиям острова. Другие примеры рекомендаций Совещательного комитета, касающиеся работы Организации по исследованиям и обслуживанию электронной промышленности (ERSO, подразделения ИТРИ) и реализованные на практике, включают создание пилотного цеха по производству микросхем, освоение технологии производства динамичных запоминающих устройств как перспективного направления развития, акцент на высшее, а не среднетехническое образование с одновременным повышением качества планирования, отчетности и оценки результатов работы университетов и т.д. [9. Р. 179–180]. Таким образом, Совещательный комитет сыграл положительную роль в научно-технологическом развитии острова, при этом участие иностранных экспертов с большим опытом работы в высокотехнологичном кластере также оказало значимое воздействие на результативность рекомендаций Комитета.

Помимо политического и идейного влияния США оказали Тайваню прямую экономическую помощь, которая дала мощный толчок научно-экономическому развитию. Будучи основным политическим и экономическим партнером США также выступили в роли технологического донора. Первым мощным импульсом развития НИОКР в ИТРИ, созданном в 1973 г. и ставшим локомотивом научно-технологического развития Тайваня, стало обучение сотрудников Института в американской корпорации RCA (Radio Corporation of America). В 1976 г. ИТРИ подписал с RCA соглашение о трансфере технологий, после чего делегация тай-

ваньских инженеров отправилась на стажировку в США [10].

В 2011 г. в интервью для Музея компьютерной истории (Калифорния, США) Ши Циньтай [11] (1976–1989 гг. – инженер, вице-президент ERSO, 1989–1994 гг. – исполнительный вице-президент ИТРИ, 1994–2003 гг. – президент ИТРИ) отметил важную особенность проекта с RCA: в отличие от трансферта готовых технологических решений, который уже проходил на Тайване на уровне предприятий, стажировка в RCA сопровождалась всесторонним обучением, которое позволило тайваньским специалистам разрабатывать новые технологические решения на базе исходных технологий. Благодаря этой стажировке специалисты ИТРИ получили знания о технологическом процессе производства интегральных микросхем и практические навыки, которые имели определяющее значение. Таким образом была заложена основа отрасли, в которой Тайвань долгое время удерживал мировое лидерство.

На основе полученных от RCA технологий и навыков в 1977 г. в ИТРИ был открыт первый цех по производству интегральных микросхем. С одной стороны, сама работа данного цеха стала своеобразным отчетом о полученных в ходе командировки новых знаниях. С другой стороны, на производстве проходила передача ноу-хау специалистам ИТРИ, которым не удалось поехать на обучение.

Вторым и не менее важным, чем США, компонентом внешнего окружения Тайваня является КНР. После череды военно-политических кризисов и десятилетия региональной напряженности 1950-х гг. в 1960–1970-х гг. отношения двух сторон Тайваньского пролива характеризовались взаимной изоляцией и лишь периодически демонстрациями взаимной неприязни. Подобное соседство оказало консолидирующее воздействие на правящий класс Тайваня, а невозможность вернуть контроль над территорией материкового Китая военным путем заставила сосредоточиться на экономических преобразованиях на острове. Нормализация отношений КНР и США в 1979 г., начало проведения в КНР политики «реформ и открытости» с 1978 г. и смена агрессивного внешнеполитического курса на более мирный и прагматичный привели к постепенному расширению неформальных связей между двумя сторонами пролива, прежде всего в области торговли и инвестиций, которые осуществлялись через Гонконг.

Динамичное экономическое развитие КНР в 1980–1990-х гг. обострило региональную конкуренцию, особенно в трудоемких отраслях. Однако производственная цепочка высокотехнологичных товаров, производимых на Тайване, также включает трудоемкие и капиталоемкие стадии. Увеличение в 1990-х гг. в КНР числа рабочих и инженеров с квалификацией, достаточной для производства электронных товаров, привело к тому, что предприятия Тайваня начали всерьез задумываться о переносе не только трудоемких, но и высокотехнологичных производств на континент. Основным

побудительным мотивом были экономические соображения – наличие дешевой рабочей силы и большого количества земли в КНР позволили бы снизить стоимость продукции и получить преимущества на высококонкурентном рынке, но лингвистическая и культурная близость также повышали привлекательность инвестиций в предприятия на континенте.

Однако руководство Тайваня, прежде всего президент Ли Дэньхуэй (1988–2000 гг.), опасаясь размывания ведущей отрасли и потери конкурентного преимущества (знаний и технологий), выступал против инвестиций тайваньских предприятий в КНР. Позицию президента укрепил ракетный кризис в Тайваньском проливе 1996 г., усиливший неопределенность перспектив развития отношений между Тайванем и КНР. После ракетного кризиса 14 сентября того же года на национальном собрании тайваньских бизнесменов Ли Дэньхуэй объявил о необходимости применения в данном вопросе подхода «не спешить и сохранять терпение». Гоминьдан предостерегал бизнесменов о потенциальных потерях, которые они понесут, если КНР начнут боевые действия против Тайваня и если тайваньские предприятия на континенте будут экспроприированы. Кроме того, правительство опасалось, что после передачи Гонконга в юрисдикцию КНР в 1997 г. Гонконг может быть «закрыт» для Тайваня, что нанесло бы сильный удар по экономике острова. В рамках данной политики был наложен запрет тайваньским предприятиям и бизнесменам делать инвестиции в высокотехнологичные отрасли, инфраструктуру КНР, также были запрещены инвестиции в КНР объемом более 50 млн долл. США.

Открытие на Тайване Южного научного парка в 1996 г., которое сопровождалось освоением новых земель и предоставлением льготных условий бизнесу, помимо политических мотивов и необходимости развития относительно отсталого южного региона, также было призвано хотя бы частично компенсировать альтернативные издержки, которые высокотехнологичный сектор понес от запрета на инвестиции в КНР. Кроме того, в 1997 г. правительство инициировало новый инфраструктурный проект – высокоскоростную железную дорогу, которая связала крупные города и научные парки [12. Р. 612–613].

Влияние КНР на научно-технологическую политику Тайваня усилилось в 2000-е гг. При этом политика правительства по ограничению переноса производств в КНР имела под собой рациональные мотивы, так как эта тенденция в 2000-х гг. приняла существенные масштабы: в начале 2000-х гг. Тайвань был крупнейшим в мире производителем портативных ноутбуков. С 2003 г. уже более половины ноутбуков тайваньских компаний производились на фабриках в КНР, к 2005 г. доля КНР достигла 92,8%, а в 2007 г. на Тайване была остановлена последняя линия сборки ноутбуков, производство этого товара было полностью перенесено на материк. На фоне повышающегося в 2000-е гг. уровня

безработицы потеря рабочих мест в пользу КНР вызвала болезненную реакцию в обществе. Несмотря на использование метода «кнута и пряника» (судебные дела против нарушителей запрета и предоставление льготных условий для высокотехнологических предприятий на Тайване), правительство не смогло изменить стратегию высокотехнологического бизнеса и остановить его быстрое сближение с КНР. Тесное сотрудничество государства и бизнеса, которое позволяло им достигать общих экономических целей в 1960–1980-е гг., в 2000-х гг. заметно ослабло [13. Р. 993].

В августе 2001 г. на Консультативной конференции по экономическому развитию, проводившейся при поддержке правительства Демократической прогрессивной партии, правительство приняло решение о необходимости смены подхода предыдущего президента Ли Дэньхуэя («не торопиться и сохранять терпение») [14]. Новая формула взаимодействия с КНР, предложенная президентом Чэнь Шуйбянем (2000–2008 гг.), – «Активная открытость, эффективное управление» – стала компромиссом между сторонниками и противниками сближения с КНР. В рамках нового подхода в ноябре 2001 г. правительство Чэнь Шуйбяня сняло установленные ранее ограничения в размере 50 млн долл. США на инвестиции в КНР по ряду позиций (устройства CD-ROM, ноутбуки, мобильные телефоны с форматом связи 3G и др.) [15].

30 марта 2002 г. премьер Ю Сикунь объявил, что правительство приняло решение разрешить тайваньским компаниям переносить часть своих мощностей по производству 8-дюймовых микросхем в КНР, если будут выполнены меры по защите тайваньской полупроводниковой промышленности (перенос только тех технологий, которые не являются передовыми разработками Тайваня, 6 месяцев стабильного производства более современных 12-дюймовых микросхем на территории Тайваня, создание в КНР не более 3 заводов до 2005 г.) [16]. При этом мониторинг таких инвестиций правительство ДПП планировало осуществлять в рамках озвученного ранее подхода – «активная открытость, эффективное управление», согласно которому сами по себе инвестиции в КНР могут и должны приносить пользу, если каждый проект по производству 8-дюймовых микросхем будет получать разрешение со стороны государства. Первой компанией, воспользовавшейся данным решением, стала корпорация TSMC, которая получила разрешение на начало первой фазы строительства в августе 2003 г. [17. Р. 11].

Однако, будучи обеспокоенным усилением экономической зависимости Тайваня от КНР, в новогоднем обращении 1 января 2006 г. Чэнь Шуйбянь переформулировал подход правительства по вопросу инвестиций тайваньских высокотехнологических корпораций в экономику КНР, сделав акцент на управлении, и новая формула стала звучать как «активное

управление, эффективная открытость» [18]. Поясняя содержание данного подхода, президент Чэнь отметил, что «роль правительства должна заключаться в активном выполнении функции управления, чтобы эффективно снижать риски повышения открытости». Данная речь стала сигналом для бизнеса по обе стороны пролива и для правительства КНР о том, что контроль над двухсторонними экономическими отношениями будет усилен. В скором времени были предприняты практические шаги: 23 марта 2006 г. правительство приняло решение о том, что государство будет осуществлять «активное управление» в отношении всех инвестиций в КНР размером более 20 млн долл. США или подразумевающих передачу КНР высоких технологий и ноу-хау с целью защиты конкурентоспособности национальной экономики Тайваня. Перед тем как выдать разрешение, специальная инспекция проверит, какой объем капиталовложений обратившаяся компания потратила на исследования и разработки на Тайване. Разрешение на инвестиции также предусматривает согласие инвестора на проведение государственных инспекций «на местах» уже после запуска проектов. Принимающим решением по данному вопросу органом стала Инвестиционная комиссия при Министерстве экономики [19].

Вопросы конкуренции с КНР, переноса высокотехнологических производств и связанная с ним возможная потеря конкурентного преимущества Тайваня, заключающегося в инновациях, а также повышение безработицы и до сегодняшнего дня остаются актуальными для Тайваня.

Таким образом, на научно-технологическое развитие Тайваня в 1960–1980-х гг. положительное воздействие оказало политическое давление и консультационная помощь со стороны США и американских и европейских экспертов, а также технологический трансферт, которым тайваньцы смогли эффективно распорядиться. Соседство КНР, несмотря на то что представляло военно-политическую угрозу, способствовало консолидации правящей элиты и ее концентрации на вопросах экономического и, в частности, научно-технологического развития. Спад напряженности между двумя сторонами пролива, начавшийся в 1980-х гг., развитие торгово-инвестиционных отношений и повышение конкуренции со стороны КНР благодаря ее стремительному экономическому росту заставили правительство Тайваня сохранить активную поддержку НИОКР на острове и ввести ограничения на инвестиции в КНР в 1990–2000-х гг. с целью защиты конкурентного преимущества Тайваня. Однако экономическое сближение с КНР, которое стало еще более масштабным и необратимым в середине 2000-х гг., несет в себе целый комплекс новых вызовов, ответы на которые Тайваню еще предстоит найти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Taiwan Statistical Data Book 2002*. Council for Economic Planning and Development, Taiwan.
2. *Taiwan Statistical Data Book 2012*. Council for Economic Planning and Development, Taiwan.
3. Ван Цзюнь. Ли Годин: цзишу гуаньялю юй тайваньдэ сяньдайхуа [Ли Годин: технократы и модернизация Тайваня]. Кэсюэ вэньхуа пинлунь. 2009. № 5. URL: <http://wenku.baidu.com/view/938d1711fc4ffe473368abf0.html>, free (access data: 25.10.2014).
4. Greene J.M. *The Origins of the Developmental State in Taiwan: Science Policy and the Quest for Modernization*. Harvard University Press, 2008.
5. Li Kuo-Ting. *The Evolution of Policy Behind Taiwan's Development Success*. World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 1995.
6. Science, technology to be given priority. Taiwan Info, Ministry of Foreign Affairs, Taiwan. 1981. URL: <http://taiwaninfo.nat.gov.tw/fp.asp?xItem=121932&CtNode=103>, free (access data: 25.10.2014).
7. Цинхуа дасюэ минью гунсюэ боши Ли Годин сяньшэн цзинянь чжуаньцзи [Юбилейный сборник Университета Цинхуа в честь почетного доктора технических наук господина Ли Година]. Голи Цинхуа дасюэ шувэй сяошигуань. 2003. URL: <http://archives.lib.nthu.edu.tw/history/about/3-03/3-03-05-02.htm>, free (access data: 25.10.2014).
8. *Scientific links with France Strengthened*. Taiwan Info, Ministry of Foreign Affairs, Taiwan. 1983. URL: http://taiwaninfo.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=124784&CtNode=103&htx_TRCategory=&mp=4, free (access data: 25.10.2014).
9. Aberbach J.D., Dollar D., Sokoloff K.L. *The Role of the State in Taiwan's Development*. New York: M.E. Sharpe Inc., 1997.
10. *Milestones*. ITRI, Taiwan. 2013. URL: <https://www.itri.org.tw/eng/econtent/about/about05.aspx>, free (access data: 25.10.2014).
11. Lin Ling-Fei. *Taiwanese IT Pioneers: Chintay Shih (interview)*. 2011. Computer History Museum.
12. Hsu Jinn-Yuh. *State Transformation and Regional Development in Taiwan: From Developmentalist Strategy to Populist Subsidy*. *International Journal of Urban and Regional Research*. 2011. Vol. 35.3.
13. Wu Yu-Shan. *Taiwan's Developmental State: after the Economic and Political Turmoil*. *Asian Survey*. 2007. Vol. 47, № 6.
14. MAC Vice Chairman Lin Chong-Pin, *Mainland Affairs Council News Briefing*. Mainland Affairs Council, Taiwan. Aug. 17, 2001. URL: http://www.mac.gov.tw/ct.asp?xItem=48833&ctNode=6462&mp=3&xq_xCat=2001, free (access data: 25.10.2014).
15. Chang's change of heart sign of China's chip boom. *Taipei Times*. 2001. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/twbiz/archives/2001/10/02/0000105453/2>, free (access data: 25.10.2014).
16. TSMC to scout for locations in China. *Taipei Times*. 2002. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/twbiz/archives/2002/04/02/0000130255>, free (access data: 25.10.2014).
17. TSMC Annual Report 2004. TSMC, official web-site. URL: <http://www.tsmc.com/download/ir/annualReports/2004/2004e.pdf>, free (access data: 25.10.2014).
18. President Chen's 2006 New Year Message – Democratic Taiwan: Thriving Onward. Center for Strategic and International Studies. 2006. URL: http://csis.org/files/media/csis/programs/taiwan/timeline/sums/timeline_docs/CSI_20060101.htm, free (access data: 25.10.2014).
19. Chang Yun-Ping. *Investment rules made stricter*. *Taipei Times*. 2006. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/taiwan/archives/2006/03/23/2003298757>, free (access data: 25.10.2014).

Troykina Ekaterina Y. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shkrob_katya@mail.ru

FACTORS OF EXTERNAL INFLUENCE ON SCIENCE AND TECHNOLOGY POLICY OF THE GOVERNMENT OF TAIWAN.

Keywords: Taiwan; science and technology; external influence.

In spite of diplomatic isolation Taiwan is deeply involved into the global economic system. Taiwan's policy of science and technology development was influenced by external powers in different ways. First of all, Taiwan has a highly export-oriented economy, and development of high-technology industries would be impossible without large-scale export of high-tech product to the global market. In 1982, high-tech products made up only 18,3% of Taiwan's exports, in 2005 this share increased up to 50%. Second, Taiwan S&T policy experienced political, economic and ideological influence of the USA. Taiwanese technocrats, who graduated from American universities, were the advocates of the Western economic theories. Moreover, they maintained a lot of personal contacts with political establishment and business in the USA. These relationships allowed them to attract American experts and top-managers for consultations that contributed to the S&T policy formulation and its effectiveness. Technology transfer from the Radio Corporation of America (USA) gave an important impetus for independent science and technology research within Industrial Technology Research Institute (ITRI) which became the driving force of high-tech industry in Taiwan. Another important source of influence is the People's Republic of China. Before the 1980s when no economic and trade ties existed between two sides of the Taiwan Strait, the threat from the mainland consolidated governing elite in Taiwan and made it focus on economic development. Economic reforms started in the PRC in the late 1970s, its rapid industrialization and rise of regional competition forced Taiwan to pay more attention to high-tech industries. On the other hand, in the 1990s Taiwanese firms started to move production facilities to the PRC. Starting from 1996, the government of Taiwan restricted investments in high-tech production in PRC, while giving more preferences to high-tech companies in Taiwan. It also urged Taiwanese government to continue active S&T policy, although the whole economic system of the island was under the deregulation process. However, in the beginning of 2000s, the restrictions were loosened to let the local business reduce costs. Nowadays, competition of the PRC and the possible hollowing out of the most competitive industries and innovations is one of the major challenges for Taiwan.

REFERENCES

1. Taiwan. (2002) Council for Economic Planning and Development, Taiwan. *Statistical Data Book 2002*.
2. Taiwan. (2012) Council for Economic Planning and Development, Taiwan. *Statistical Data Book 2012*.
3. Wang, J. (2009) Lee Godin: technocrats and upgrading of Taiwan. *Kesyue ven'khua pinlun'*. [Online] 5. Available from: <http://wenku.baidu.com/view/938d1711fc4ffe473368abf0.html>. (Accessed: 25th October 2014). (In Chinese)
4. Greene, J.M. (2008) *The Origins of the Developmental State in Taiwan: Science Policy and the Quest for Modernization*. Harvard University Press.
5. Li Kuo-Ting. (1995) *The Evolution of Policy Behind Taiwan's Development Success*. World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd.
6. Taiwan. (1981) Ministry of Foreign Affairs. *Science, technology to be given priority*. [Online] Available from: <http://taiwaninfo.nat.gov.tw/fp.asp?xItem=121932&CtNode=103>. (Accessed: 25th October 2014).
7. *Tsinkhua dasyue minyuy gunsyue boshi Li Godin syan'shen tszinyan' chzhuan'tszi* [Jubilee collection of Tsinghua University in honor of the Honorary Doctor of Technical Sciences Mr. Lee Godina]. (2003) Available from: <http://archives.lib.nthu.edu.tw/history/about/3-03/3-03-05-02.htm>. (Accessed: 25th October 2014).

8. Taiwan. (1983) Ministry of Foreign Affairs. *Scientific links with France Strengthened*. Available from: http://taiwaninfo.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=124784&CtNode=103&htx_TRCategory=&mp=4. (Accessed: 25th October 2014).
9. Aberbach, J.D., Dollar, D., & Sokoloff, K.L. (1997) *The Role of the State in Taiwan's Development*. New York: M.E. Sharpe Inc.
10. *Milestones*. (2013) ITRI, Taiwan. Available from: <https://www.itri.org.tw/eng/econtent/about/about05.aspx>. (Accessed: 25th October 2014).
11. Lin Ling-Fei. (2011) *Taiwanese IT Pioneers: Chintay Shih (interview)*.
12. Hsu Jinn-Yuh. (2011) State Transformation and Regional Development in Taiwan: From Developmentalist Strategy to Populist Subsidy. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 35.3.
13. Wu Yu-Shan. (2007) Taiwan's Developmental State: after the Economic and Political Turmoil. *Asian Survey*. 47 (6).
14. Taiwan. (2001) Mainland Affairs Council. MAC Vice Chairman Lin Chong-Pin, Mainland Affairs Council News Briefing. August 17th, 2001. [Online] Available from: http://www.mac.gov.tw/ct.asp?xItem=48833&ctNode=6462&mp=3&xq_xCat=2001. (Accessed: 25th October 2014).
15. Chang's change of heart sign of China's chip boom. (2001) *Taipei Times*. [Online] Available from: <http://www.taipetimes.com/News/twbiz/archives/2001/10/02/0000105453/2>. (Accessed: 25th October 2014).
16. TSMC to scout for locations in China. (2002) *Taipei Times*. [Online] Available from: <http://www.taipetimes.com/News/twbiz/archives/2002/04/02/0000130255>. (Accessed: 25th October 2014).
17. TSMC. (2004) TSMC Annual Report. [Online] Available from: <http://www.tsmc.com/download/ir/annualReports/2004/2004e.pdf>. (Accessed: 25th October 2014).
18. *President Chen's 2006 New Year Message*. (2006) Democratic Taiwan: Thriving Onward. Center for Strategic and International Studies. [Online] Available from: http://csis.org/files/media/isis/programs/taiwan/timeline/sums/timeline_docs/CSI_20060101.htm. (Accessed: 25th October 2014).
19. Chang Yun-Ping. (2006) Investment rules made stricter. *Taipei Times*. [Online]. Available from: <http://www.taipetimes.com/News/taiwan/archives/2006/03/23/2003298757>. (Accessed: 25th October 2014).

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 39 (=512.1)

DOI 10.17223/19988613/35/15

В.В. Ушницкий

КЫПЧАКСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЭТНОГЕНЕЗЕ САХА

Анализируются гипотезы ведущих исследователей по этногенезу и ранней этнической истории кыпчаков. Разбираются версии происхождения кыпчаков от кюеши, сиров-сйеяньто, кимаков, басмылов. Утверждаются многосоставность кыпчакского союза племен и формирование нового этноса на основе старых племен. Рассматриваются этнокультурные контакты кыпчаков с восточными районами Сибири. Обсуждается возможность проникновения кыпчаков в Восточную Сибирь, их участие в этногенезе саха. Исследуются параллели в материальной культуре саха и кыпчакских народов.

Ключевые слова: кыпчаки; этнонимы; история Центральной Азии; тюркология; средневековые монголы; тюркские племена; Восточная Сибирь; археология; материальная культура; погребальный обряд.

Образование и распад кочевых орд в Евразийских степях в значительной мере отличались от этногенетических процессов, происходивших у оседлых народов. Поэтому типичные для оседлых народов процессы этногенеза и формирования культурных традиций не применимы для них. Для кочевников характерными являются дальние миграции, полное истребление и уход прежнего населения с территории обитания, формирование на основе распавшихся орд и появление близких племенных названий на огромных расстояниях. Их этническую историю нельзя исследовать в застывшем виде, считать неизменным на протяжении веков, ограничиваться методами лингвистического и генетического сравнения. Между тем в изучении этногенеза кочевых народов применяются те же стереотипы, принятые при исследовании оседлых народов, для которых характерны устойчивые границы бытования этнонимов, преемственность языка и культуры. Весьма трудным является попытка проследить пути формирования новых кочевых народов в результате миграции таежных, лесных этносов в степь.

Этническое самоопределение тюркских народов в фольклорных источниках зафиксировано в легенде об Огуз-кагане. Высказывалась версия, что его прототипом является хуннский Шаньюй Маодунь. Согласно данному фольклорному самосознанию, кыпчаки являлись одним из 24 племен огузов. Мифического мальчика, которому Огуз-каган присвоил имя кыпчак и по имени которого назвали его племя, согласно легенде, нашли во время неудачного похода огузов на племя ит-барак в дупле дерева, что и отразилось на его имени. «Это слово – производное от слова «кобук», что по-тюркски означает «дерево со сгнившей сердцевиной» [1. С. 83–84]. По замечанию Абу-л-Гази: «На древнем тюркском языке дуплистое дерево называют кыпчак» [2. С. 43].

Таким образом, по тюркской мифологии, генезис кыпчаков тесно связан с образами дерева и леса, что, видимо, исходит из их таежного происхождения. Лексе-

ма «кыпчак» связывается с якутским словом «кыпчый», «кыбытар» – зацепить, заземлять. Между якутскими стоячими барабанами табык и каменными изваяниями древних тюрков, именуемыми в литературе «половецкими бабами», существует тесная связь. Данный обряд, видимо, восходит к глубокой древности, когда люди хоронили останки (кости, пепел) сородичей в дуплах растущих деревьев. Так, позднее внутри дуплистых деревьев якуты замуровывали коробки тюктойэ [3].

Традиция погребения с конем в Восточноевропейских степях, связываемая с половцами-кыпчаками, впервые появляется у древних южносибирских племен пазырыкской и уюкской археологической культуры. Исходя из этого, можно предположить, что начальный этап этногенеза племен кыпчакской языковой группы связан с территорией Южной Сибири и протекал отдельно от хуннских племен. Так, у Сыма Цяня (II в. до н. э.) среди племен, покоренных Маодунем, встречается племя цюйше. Попытка Б. Калгрена реконструировать это название как кыйчак-кыпчак было поддержано рядом советских исследователей [4. С. 154]. Это племя упоминается в числе других этносов, покоренных «на севере» хуннским шаньюем Модэ в 201 г. до н.э. [5. С. 50]. Д.Г. Савинов выдвинул гипотезу о передвижениях племени цюйше, которые в хуннское время жили в Верхнем Приобье, а затем вошли в состав объединения теле [6. С. 72–75]. Отождествление предков кыпчаков с известным в ханских источниках названием кюеше, или цюйше, и его локализация в Верхнем Приобье вызывают серьезные сомнения. К тому же отождествление слов «цюйшэ» и «кыпчак» не оправдано фонетически [7. С. 110].

По одной точке зрения куманы сопоставимы с народом сары ал-Марвази. Например, как считал С.М. Ахинжанов, этнонимы «куман» и «сары» объясняют внешний облик кыпчаков-половцев [8. С. 81–84]. Знаменитый востоковед В.В. Бартольд впервые высказал предположение, что этноним «половцы» – это калька с тюркского этнонима «сары (к)». Однако быто-

вание этнонима «сары (к)» у среднеазиатских народов, казахов и башкир приводит к мысли, что в Средние века «сары (к)» было («желтый»), видимо, наименованием крупного тюркоязычного племени [9. С. 29–30]. Русским источником половцы были известны, кроме имени команы, под названием сарацин, сорочин, срачин, сорочинин [Там же. С. 29]. В якутском олонхо часто встречается слово «сараһын» – «бледноликая» в применении к дочери абааһы, применительно к дочери Сах. В некоторых текстах олонхо упоминается сараһын улууһа, т.е. «племя лукавых». Имеется и упоминание о спрятавшихся в ветвистых деревьях аймахе сараһын.

По мнению С.Г. Кляшторного, половцы отличны от кыпчаков и являются потомками части басмалов, прозываемых шары [7. С. 137]. У аль-Марвази есть интересное место, где он отождествляет басмылов с шары, занявших прежние земли туркмен и огузов, т.е. степи Казахстана. Во главе басмылов стояли князья из рода Ашина, а шары, по аль-Марвази, были известны благодаря их вождю, происходящему от басмылов [10. С. 56].

Этноним «кыпчак» мог быть связан с какими-то племенами древнетюркского происхождения. Так как кыпчаки сначала упоминаются в Восточном Туркестане, то они могли быть связаны с басмылами, которые там же обитали. По словам Г. Рубрука, басими (басмылы) это те же «аргоны» [11], под которыми можно понимать аргынов – крупный союз племен в составе казахского народа. Аргын в казахском языке обозначает «помесь, смесь», как и басмыл. Казахские исследователи Т.А. Инсебаев и Е.З. Кажибеков впервые отметили связь родословной саха и шежере казахского племени аргын. Согласно родословной, предками Омогоя и Эллэя являются Ёксюкю – Мэйэрэм Сюппю – Хорохой – Аргын – Аяал – Ёрёс Кюёл Дьулдугун – Тюёртюгюл – Хайаран – Омогой, Эллэй. Имена предков саха они сопоставили с родовым делением казахского рода сююндук, входивших в состав аргынов: оразкельды – ёрёскюёлдьулдугун; тортуул и тюёртюгюл, мейрам и мэйэрэм – сюппю [12. С. 107–108; 13].

Еще немецкий ученый И. Маркварт предложил монгольскую версию происхождения кыпчаков. Его теория была основана на биографии кыпчакского хана и Юаньского генерала Тутухи. Согласно ей, предок Тутухи перекочевал с гор Аньдогань в Юйлиболи, в котором исследователи видят Уральские горы [14]. Как выяснил П. Пелльо, предки Тутухи были из племени байаут, присвоивших себе имя кыпчаков, они приняли этноним «юйлиболи», переводимый как «эльбури» (ильбари, или ольбурлик). Байауты проживали на территории Южного Забайкалья, по р. Джида, их тоже можно отнести к саянтийской культуре. Имя рода Байагантай сопоставляется с названием племени байаут в составе монголов. Это племя являлось династическим среди кыпчаков Западного Казахстана в XII в. Байауты в домонгольское время отчасти обита-

ли на территории Южной Бурятии по р. Джида и отсюда мигрировали в западные степи. Действительно, в списке поздних кыпчакских племен фигурируют байауты [2]. Предполагается, что означенное событие могло иметь место в XII в., так как переселялся дед Тутухи, проживавшего в середине XIII в. Нужно обратить внимание на фразу, что байаутов стали именовать кыпчаками. Байаутов принято относить к монгольским племенам, но они скорее тюрки, попавшие под монгольское господство. В составе огузов династическим племенем были баяты, вопрос их связи с монголо-кыпчакскими байаутами остается дискуссионным. Их можно отнести к потомкам теле-огузского племени байырку. Нужно обратить внимание, что уже в составе кимаков есть байандуры. Поэтому нужно сказать, что переселение байаутов-байырку на Запад и вхождение их в состав кыпчаков происходило в более раннюю эпоху. Именно к ним бежали в 1216 г. разбитые монголами меркиты.

На смену кимакам приходят новые конфедерации племен, среди них канглы; можно привести высказывание Г. Рубрука о близком родстве канглы с команями (кипчаками). И. Маркварт считает справедливым замечание В.В. Бартольда о том, что «племенные наименования канглы и кыпчак представляются нам почти тождественными» [13]. Тамги кыпчаков и канглы совпадают, следовательно кыпчаки могли происходить из канглы. Кыпчакский компонент в составе саха связывается с родом Хангалас, отождествляемыми с канглы в составе кыпчакских народов. А.И. Гоголев кыпчакский компонент в составе саха связывает исключительно с кангаласами [14]. О происхождении племени канглов, имевшегося в составе практически всех западных тюркских народов, имеются две точки зрения. Одна считает их потомками отуреченного ираноязычного народа Кангюй. Другая, выводящая их названия «канкалы» – телега, связывает с народом Гаогюй – «Высокая телега» в китайских хрониках, являвшихся предками древних уйгуров.

Из перевода труда Марвази, в интерпретации И. Маркварта, известно, что к тюркам принадлежит также племя марка, именуемое кун. Они ушли после столкновений с киданями из-за земли. И. Маркварт затруднялся отождествлять название племени марка с монгольским этнонимом «меркит», так как в нем имеется палатальная гласная [13]. В труде бухарского хана XVII в. Абульгази Бахадур-хана меркиты обозначены под именем маркатов. В.Ф. Минорский отмечал, что в арабских скрижалях упоминается племя марка; по его замечанию, данное название у тюркоязычных народов встречается только в Якутии, где в долине Туймаада есть местность Марха [15]. В бассейне рек Лены и Вилюя широко встречается топоним Марха. Топоним Марха можно вывести от названия рода Марха, имеющегося в составе Кангаласского улуса. Топоним Марха встречается и на территории Казахстана. Довольно оригинальным взглядом пред-

ставляется отождествление кунов, т.е. марка с курыканами [16. С. 153]. Однако его гипотеза построена только на сопоставлении второй части этнонима «курыкан» – кан с кунами, что, безусловно, представляется выдуманным. Напомним, что до сих пор в научной и популярной литературе встречается получившее в советской историографии широкое распространение мнение о курыканах как этнических предках саха.

В последнее время растет число публикаций, содержащих новые факты и сведения о кыпчакских племенах. Есть солидный корпус трудов археологов, которые связывают различные культуры Западной и Южной Сибири с этногенезом кыпчаков. Выделение обширной кыпчакской группы тюркских языков показывает место кыпчаков в этногенезе тюркских народов западных степей. Создание монографического исследования по этнической и политической истории кыпчаков с эпохи древности до позднего средневековья – одна из нерешенных задач тюркологии. Изучение кыпчакских родоплеменных образований в отдельных регионах или в составе тех или иных этносов может пролить свет на этническую историю кыпчаков.

Возможность проникновения кыпчаков в Восточную Сибирь и участие их в этногенезе саха и бурятов доказываются в последних научных публикациях А.И. Гоголева, Б.Б. Дашибалова и В.С. Николаева. Дискуссионным является время появления кыпчаков на территории Восточной Сибири и их значение в этногенезе саха.

Если обратиться к археологии, то имеются данные, говорящие о присутствии кыпчаков в территории Забайкалья и даже Прибайкалья. Если ранее находки погребений с конем связывали с переселениями кыпчакских воинов, подчинявшихся монголам, то в последнее время есть данные о связи кыпчаков с территорией Байкальского региона XII–XIV вв., совпадающие с периодом возвышения кыпчакского союза племен на западных степях. Высказывались предположения о принадлежности к культуре кыпчаков погребений по обряду одиночной ингумации на Среднем Енисее и захоронений со шкурой коня в Монголии и Забайкалье [17. С. 90–91].

Однако погребения с конем встречаются на территории Прибайкалья и Забайкалья с датировкой XII–XIV вв. По словам Б.Б. Дашибалова, обычай установки в надмогильной насыпи вертикально стоящего камня является характерным для могил саянградской культуры [18. С. 125]. В.С. Николаев выделяет усть-талькинскую археологическую культуру Южного Приангарья XII–XIV вв., для которого характерными являются погребения с конями. По его мнению, усть-талькинцы происходили из кимако-кыпчакских племен. Он их связывает с этническими предками саха, в соответствии с письменными источниками эта культура могла принадлежать племени туматов, прикочевавшему с территории Тувы [19].

Далее кыпчакские элементы обнаруживаются в этнической культуре народа саха. По словам А.И. Гоголева, западная ориентация, характерная в погребениях с

лошадью, возникла под прямым или опосредствованным воздействием кыпчакской среды. Во всяком случае, известно, что в XII–XIII вв. под влиянием печенежско-торческого обряда, как отмечалось выше, половцы (кыпчаки) стали придерживать западной ориентации при погребении умерших людей. С ними с левой стороны, в отдельной яме или вместе с покойником, обнаруживается захоронение остова коня головой на запад, иногда, на приступке, рядом с ямой, перекрытой деревянными плахами [14]. В память умершего якуты вырезали из дерева человеческое изображение и ставили ему куски пищи и мазали рот маслом [18. С. 124]. Интересны также попытки сопоставления стилистики якутских женских фигурок из кости с иконографией половецких «баб» юга России [Там же. С. 125].

В традиционной одежде тоже встречаются якутско-половецкие этнические параллели. Например, у якутов, наездников-скотоводов, в старину бытовала ныне совершенно забытая одежда-набедренник (бэлэпчи), имеющаяся и у западных бурят (бэлэбши), генетически и этимологически связанная с киргизским «бэльдэмчи». Из-за этого ранее ее считали перенятой от курыкан. Недавно появилось сообщение, что найден исторический прототип киргизско-казахской белдемчи. Это распашная юбка средневековых половцев европейских степей [20. С. 85]. Каменные «бабы» кыпчаков-половцев изображены в древних головных уборах – островерхой круглой шапочке в виде высокой тубетейки. Утверждается, что старинная якутская шапка, образующая в верхней части купол типа шатра (так называемая шапка-ермолка), восходит в своих истоках к ней [21. С. 19–20].

Интересно сравнение пищевого режима. У кыпчаков не последнее место в пищевом рационе имела конина, причем мясо нежеребившейся кобылы считалось лучшей пищей, пиршественным блюдом, а кумыс был приятнейшим и любимым напитком кочевников [2. С. 237]. У саха также конское мясо, жир, потроха считались самым лакомым блюдом, а кобылий кумыс – самым отменным напитком [22. С. 258]. Лошадь саха обладает великолепным свойством – рыться в снегу, доходя через снежный покров к траве. Между прочим, кыпчакская лошадь умела тебеневаться при глубине снежного покрова до 40 см.

Определенное сходство обнаруживается в почитании Солнца и основанного на этом культе Солнца. Кыпчаки и их потомки уже в ранней своей истории развили этот культ, и обряды их во многом сходны с якутскими обычаями. Известно о том, что кыпчаки почитали Солнце на восходе, и у них был обычай обращать свои статуи лицом на восток, в сторону восхода солнца [2. С. 273]. Для сравнения у саха существует обряд поднимания чаш в сторону восхода солнца во время ысыаха. По словам С.Е. Ажигали, традиция установки деревянных коновязей сохранялась длительное время у различных народов региона; это типологически весьма близкие между собой коновязи – сэргэ и

чаки у бурят, саха и алтайцев и фейфа у некоторых групп венгров [23].

Нам известно о том, что при болезни человека половцы ставили знак над своим домом, чтобы никто не входил. Таким образом они опасались, чтобы со входящим не явился злой дух или ветер [24. С. 101]. С этим можно сравнить подобный обычай саха. С момента смерти человека его юрта и все его родственники считались нечистыми. В дом, где жил покойник, никто из посторонних не заходил, и старались не встречаться с его домочадцами [25. С. 100]. В XIII в. татары (половцы-кыпчаки) для умерших «богачей» строили пирамиды, т.е. остроконечные домики [11. С. 128]. В этой связи особо следует отметить, что у якутов существовали восьмиугольные надмогильные срубы, причем некоторые имели крышу в виде восьмигранной усеченной пирамиды [26. С. 190].

Вполне возможно, что так называемый кыпчакский комплекс в этнической культуре саха следует связывать с сибирскими татарами, возможно участвовавшими в этногенезе северных тюрков. Так, В.Ф. Ахметова отмечала сходство сюжета и мотивы «Эллэйады» и многочисленные параллели и аналогии в эпосе «Идиге и Тохтамыш», распространенном среди кыпчакоязычных народов от Алтая до Дуная [27. С. 169].

Имя другого якутского рода Мэнэ связывается с кыпчакским словом «мэнгу» – вечный. Имя сына Эллэя Хатан Хатамаллай сопоставимо с этнонимом и антропонимом «котан», встречающимся среди казахов и сибирских татар. От него произошел Хатылинский род, впоследствии ставший Батурусским улусом. Среди кыпчакоязычных народов есть ктани, кытай, котаны, каракытай. Действительно, среди кыпчакских племен

упоминаются котаны; под этим названием скрываются кидани. Название якутского рода Борогон сопоставимо с борганами, крупным племенным объединением тюрков Северного Кавказа. С этим племенем связан генезис кумыкского народа, иногда их потомками считаются карачаевцы и балкарцы. Есть разные мнения о происхождении борганов. Нам встречались сведения об их именовании как борган-кыпчак; их название воспроизводится от имени племени баргу, фигурирующего в списке поздних кыпчакских племен.

Русские исследователи XIX в. выводили саха от качинского рода соххы или сахаларов во множественном числе. Однако, по преданию, соххы пришли с Иртыша, оторвавшись от орды Кучума. В дополнение к этому можно привести тот факт, что соххы входили в XVII в. в Кубанов аймак. Собственно на этом факте основано мнение А.И. Гоголева, который кыпчакский компонент в составе саха связывает с носителями этнонима саха [14].

Таким образом, так называемый кыпчакский компонент в якутской этнокультуре, возможно, связан с участием татарского (сибирского) элемента в этногенезе саха. Тем более в якутских фольклорных источниках прародители народа часто выводятся из народа татаар. Отсюда исследователи досоветского периода часто выводили этнические корни саха из татар. В качестве прародины саха, опираясь на ранние фольклорные источники, часто указывали Тобол и Барабинские степи. Однако указание на участие кимако-кыпчакского элемента в этногенезе усть-талькинской археологической культуры XII–XIV вв. свидетельствует о возможности более ранних контактов. Возможно, это связано с участием сибирского (байаутского, курыканского, алатского) компонента в этногенезе кыпчаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 1–2.
2. *Абульгази*. Родословное древо тюрков / пер. Г.С. Саблукова. Казань, 1906.
3. *Васильев В.Е.* Традиционное верование по преданиям саха. Якутск, 2006.
4. *Бернштам А.Н.* Заметки по этногенезу Северной Азии // Советская этнография. 1947. № 2.
5. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Ч. I.
6. *Савинов Д.Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири. Кемерово, 1994.
7. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000 (2004).
8. *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989.
9. *Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974.
10. *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.
11. *Г. де Рубрук*. Путешествие в восточные страны. 4-е изд. М., 1997.
12. *Кажибекоев Е.З., Инсебаев Т.А.* Некоторые предварительные результаты сопоставления и анализа названий родоплеменных групп адай и суюндук // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.
13. *Маркварт И.* О происхождении народа куманов. URL: <http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml>, свободный (дата обращения: 22.06.08).
14. *Гоголев А.И.* Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993.
15. *Minorsky V.* Hudud al – ‘Alam. London. URL: <http://odnap11yazyk.narod.ru/1937>, свободный.
16. *Яйленко В.И.* Миграция кунов-курыкан из Южной Сибири в Поднепровье в свете письменных и археологических источников // Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово, 1987.
17. *Кызласов И.Л.* Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // Советская археология. 1980. № 2.
18. *Дашибалов Б.Б.* К археологии кыпчаков: каменные изваяния в средневековых культурах Юго-Восточной Сибири // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. науч. трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул, 2007.
19. *Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск, 2004.
20. *Лобачева Н.П.* К истории среднеазиатского костюма: киргизские белдемчи // Этнографическое обозрение. 1997. № 6.
21. *Гаврильева Р.С.* Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. Новосибирск, 1998.
22. *Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993.
23. *Ажигали С.Е.* Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.
24. *Карпини Плано Дж. Дель.* История монголов. 4-е изд. М., 1997.
25. *Бравина Р.И.* Погребальный обряд якутов: учеб. пособие. Якутск, 1996.

26. Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. I.
 27. Ахметова Ф.В. Эпические параллели якутской «Элэйады» и татарских дастанов // Тезисы докладов к научной конференции «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири». Омск, 1979.

Ushnitskiy Vasily V. Institute of Humanities and Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: voma@mail.ru

KIPCHAK COMPONENT IN THE SAKHA ETHNOGENESIS.

Keywords: Kipchaks; ethnonyms; history of Central Asia; Turkic studies; medieval Mongols; Turkic tribes; east Siberia; archeology; material culture; funeral rite.

This article analyzes the participation of Kipchak component in the ethnogenesis of the Sakha. This hypothesis appeared in the XX century, based on the detected parallels between archaeological and ethnographic materials of Sakha-Yakut people and Kipchak culture of the Eurasian steppes. The burials with horse that are typical for Yakut ethnic culture have a direct connection with the Ust-Talkinsk archaeological culture of the South Angara of XII–XIV centuries. Sakha also are connected with the Kipchaks by proximity of ethnonyms. There are also versions of the origin of Kipchaks from Baikal tribes of Kurykan-Kun, Merkit-markha, and bayauts. The most famous versions about the origin of the term “Kipchak” are: the origin from the “Kybchak” word – “hollow tree”; identification with the ancient Chinese name of Central Asia tribe Kyueshe; connecting the notation of Kipchak – Kuman with Turkic ethnonym sary. Kazakh researchers T.A. Insebaev and E.Z. Kazhibekov marked the connection between Saha and shezher Kazakh tribe argyn pedigrees. The possibility of penetration of Kipchaks in Eastern Siberia as well as their participation in the ethnogenesis of Sakha and the Buryats are proved in the last scientific publications of A.I. Gogolev, B.B. Dashibalov and V.S. Nikolaev. Controversial is the time of appearance of the Kipchaks on the territory of Eastern Siberia and their role in the ethnogenesis of Sakha. Kipchak component in the Yakut ethnic culture, probably is connected with the participation of the Tatar (Siberian) element in the ethnogenesis of Sakha. Especially in the Yakut folklore sources progenitors people often are derived from the people tatar. From here, researchers of pre-Soviet period often took out the ethnic roots of the Sakha from Tatars. As the ancestral home of the Sakha due to early folklore sources the researchers often pointed Tobol and Baraba steppes. However, the indication of the part Kimak-Kipchak element in the ethnogenesis Ust-Talkinsk archaeological culture in XII–XIV centuries suggests the possibility of earlier contacts. Perhaps this fact is connected with the participation of Siberian (bayautsk, kurykans, alatsk) components in the ethnogenesis of Kipchaks.

REFERENCES

- Rashid-ad-din. (1952) *Sbornik letopisey* [Collection of Histories]. Translated from Persian by L.A. Khetagurov, O.I. Smirnova. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. Vol. I.
- Abu al-Ghazi Bahadur. (1906) *Rodoslovnnoe drevo tyurkov* [Genealogy of the Türks]. Translated by G.S. Sablukov. Kazan: s.n.
- Vasil'ev, V.E. (2006) *Traditsionnoe verovanie po predaniyam sakha* [Traditional beliefs according to Sakha legends]. Yakutsk: Bichik.
- Bernstam, A.N. (1947) *Zametki po etnogenezu Severnoy Azii* [On the ethnic genesis of North Asia]. *Sovetskaya etnografiya*. 2.
- Bichurin, N.Ya. (1950) *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [The information about peoples in Central Asia in ancient times]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. Part I.
- Savinov, D.G. (1994) *Gosudarstva i kul'turogenез na territorii Yuzhnoy Sibiri* [The state and cultural genesis in South Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University.
- Klyashtornyy, S.G., & Sultanov, T.I. (2000) *Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e* [States and peoples of Eurasian steppes. Ancient times and Middle Ages]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Akhinzhanov, S.M. (1989) *Kipchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the history of Medieval Kazakhstan]. Alma-Ata: Zhilym.
- Shaniyazov, K.Sh. (1974) *K etnicheskoy istorii uzbekskogo naroda* [On the ethnic history of the Uzbek people]. Tashkent: Fan.
- Klyashtornyy, S.G. & Savinov, D.G. (1994) *Stepnye imperii Evrazii* [Steppe Empires of Eurasia]. St. Petersburg: Farn.
- Rubrout, G. (1997) *Puteshestvie v vostochnye strany* [Journey to the East]. Translated from French by I.M. Minaev. Moscow: Mysl'.
- Kazhibekov, E.Z., & Insebaev, T.A. (1984) *Nekotorye predvaritel'nye rezul'taty sopostavleniya i analiza nazvaniy rodoplemennykh grupp aday i suyunduk* [Some preliminary results of the comparison and analysis of the names of tribal groups Aday and Suyunduk]. In: Kheyderov, A.A. (ed.) *Tyurkskaya onomastika* [Turkic onomastics]. Alma-Ata: Nauka.
- Marquart, I. (1914) *O proiskhozhdenii naroda kumanov* [On the origin of the Cumans]. Translated by A. Nemirova. [Online] Available from: <http://steppe-arch.konvent.ru/books/markvart1-00.shtml>. (Accessed: 22th June 2008).
- Gogolev, A.I. (1993) *Yakuty (Problemy etnogeneza i formirovaniya kul'tury)* [The Yakut (Problems of ethnic genesis and formation of culture)]. Yakutsk: Ilin.
- Anon. *Hudud al – 'Alam*. Translated from English by V. Minorovsky. [Online] London. Available from: <http://odnap1yazyk.narod.ru/1937>.
- Yaylenko, V.P. (1987) *Migratsiya kunov-kurykan iz Yuzhnoy Sibiri v Podneprov'e v svete pis'mennykh i arkhеologicheskikh istochnikov* [Migration of Kurykans from Southern Siberia to the Dnieper as described in written and archaeological sources]. In: *Problemy arkhеologii Stepnoy Evrazii* [Problems of archeology of Steppe Eurasia]. Kemerovo: Kemerovo State University.
- Kyzlasov, I.L. (1980) *Kypchaki i vosstaniya eniseyskikh plemen v XIII v.* [Kipchaks and rebellions of Yenisei tribes in the 13th century]. *Sovetskaya arkhеologiya*. 2.
- Dashibalov, B.B. (2007) *K arkhеologii kypchakov: kamennye izvayaniya v srednevekovykh kul'turakh Yugo-Vostochnoy Sibiri* [Archeology of Kipchaks: stone sculptures in medieval cultures of Southeast Siberia]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Kamennaya skulptura i melkaya plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [Stone sculptures and plastic arts of ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Azh Buka.
- Nikolaev, V.S. (2004) *Pogrebal'nye komplekсы kochevnikov yuga Sredney Sibiri v XII–XIV vekakh. Ust'-Tal'kinskaya kul'tura* [Funerary complexes of the nomads in the south of Central Siberia in the 12th – 14th centuries. Ust-Talkinskaya culture]. Vladivostok-Irkutsk: Institute of Geography of SB RAS.
- Lobacheva, N.P. (1997) *K istorii sredneaziatskogo kostyuma: kirgizskie beldemchi* [On the history of the Central Asian costume: Kyrgyz Beldemchi]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6.
- Gavriilyeva, R.S. (1998) *Odezhda naroda sakha kontsa XVII – serediny XVIII veka* [The clothes of Sakha people in the late 17th – mid-18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- Seroshevskiy, V.L. (1993) *Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakut: Ethnographic research]. Moscow: n.s.
- Azhigali, S.E. (2002) *Arkhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kul'tury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiyskogo regiona)* [The architecture of nomads – the phenomenon of Eurasian history and culture (the monuments of the Aral-Caspian region)]. Almaty: Fylym.
- Carpini, P.G. (1997) *Istoriya mongolov* [History of the Mongols]. Moscow.
- Bravina, R.I. (1996) *Pogrebal'nyy obryad yakutov* [The funeral ceremony of Yakuts]. Yakutsk: Yakutsk State University.
- Okladnikov, A.P. (1955) *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. Vol. I.
- Akhmetova, F.V. (1979) [Epic parallels of Yakut “Elleyady” and Tatar dastans]. *Tezisy dokladov k nauchnoy konferentsii “Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri”* [Abstracts to the Scientific Conference “Ethnogenesis and ethnic history of Turkic peoples of Siberia”]. Омск: Омск State University. (In Russian).

УДК 666.3:536+902.1
DOI 10.17223/19988613/35/16

М.П. Черная, А.В. Мананков, В.С. Дубровская

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ ТОМСКОГО КРЕМЛЯ

Используются методы естественных наук для выявления технологических особенностей археологической керамики средневекового Томска, а также установления вероятных источников минерального сырья. Результаты анализов глин позволили выделить в коллекции группы керамики, в целом пересекающиеся с группами, выделенными визуально, но не идентичные. Обозначены дальнейшие направления исследования.

Ключевые слова: археология; керамическое производство; Томск; методы естественных наук.

При раскопках средневековых русских городов – центров ремесла и торговли – всегда встречается значительное число разнообразных предметов ремесленного производства, среди которых наиболее массовой категорией находок являются фрагменты керамических изделий.

Керамика – многоплановый, информативный источник, содержащий сведения не только о гончарстве как социально-экономическом институте, но и об уровне развития техники, этнокультурных контактах, идеологических представлениях. Исследование археологической керамики сопряжено с некоторыми сложностями, которые неоднократно описывались в литературе и охарактеризованы в отдельной статье [1].

На сегодняшний день общепринята практика использования естественнонаучных методов анализа керамического материала для выявления возможных сырьевых баз, уточнения состава формовочных масс, температуры и режима обжига и ряда других физико-механических показателей керамического материала [2, 3].

Авторами настоящей статьи поставлена **цель** – оценить возможности методов естественных наук для определения технологических особенностей керамики из археологической коллекции средневекового Томска и установления вероятных источников минерального сырья. Используются хорошо зарекомендовавшие себя методы естественных наук: оптическая и электронная микроскопия, рентгенография, термография, термолюминесценция, рентгенолюминесценция и др.

Объектами исследования являются фрагменты керамических изделий, обнаруженные в культурном слое Томского кремля середины XVII–XVIII вв., расположенного на южном мысе Воскресенской горы (памятник Воскресенская гора) [4], а также глины разного минерального состава, имеющиеся на территории современного города.

Исходные материалы и методы исследования. Керамическая коллекция Томского кремля середины XVII–XVIII вв. насчитывает более 50 000 фрагментов. Предварительно выделено семь групп посудной керамики по *визуально* фиксируемым признакам: цвет черепка, состав теста (наличие примесей, «зернистость» –

по размеру частиц наполнителя) и качество теста (однородность текстуры), система обжига изделий (однородность цвета черепка в изломе), способ обработки поверхности.

1. Красноглиняная керамика. Характеризуется качественным керамическим тестом на основе красножгущейся глины. Черепок плотный, гладкий, толщина фрагментов 6–10 мм, черепок в изломе окрашен в различные оттенки красного.

2. Тонкая белоглиняная керамика. Характеризуется качественным тонким керамическим тестом на основе беложгущейся глины, хорошим обжигом. Черепок плотный, гладкий, толщина фрагментов от 3–5 до 7–12 мм; черепок в изломе имеет цвет от молочно-белого до темно-серого.

3. Грубая белоглиняная керамика. Характеризуется тестом на основе беложгущейся глины с большим содержанием крупнозернистого песка или других крупнозернистых примесей, что дает грубый шероховатый черепок. Часто тесто средне или плохо промешано. Поверхности грубо обработаны (например, видны следы небрежного заглаживания деревянной щепкой или аналогичным инструментом), часто присутствуют следы нагара. Толщина фрагментов 8–14 мм. Черепок в изломе окрашен в различные оттенки серого. Данная разновидность керамических изделий явно использовалась как кухонная посуда для приготовления пищи.

4. Обварная керамика. Характеризуется наличием на поверхности следов обработки обварой (разводов и пятен бурого цвета). Тесто могло быть составлено как на основе красножгущейся, так и на основе беложгущейся глины, в основном хороший обжиг. Черепок плотный, гладкий, толщина фрагментов в основном 6–8 мм; черепок в изломе имеет серо-коричневый цвет.

5. Чернолощенная керамика, получившая свое название за черный цвет черепка и наличие лощения на поверхности сосуда. Характеризуется качественным керамическим тестом на основе красножгущейся глины с примесью мелкозернистого песка, в основном хороший обжиг. Черепок плотный, гладкий, толщина фрагментов от 4–7 до 8–12 мм; черепок в изломе имеет цвет от белесо-серого до темно-серого. На внешней поверхности большинства фрагментов присутствует белый ан-

гоб. Встречается небрежное сплошное лощение и узорное. Чернолощенная посуда представляла лучший сорт гончарных изделий того времени (имитация дорогой металлической посуды) и была доступна для населения со средним достатком [5. С. 63, 80; 6. С. 254–256]. Чернолощенная керамика Томского кремля предположительно привозная, по технике изготовления и способу обработки поверхности она аналогична московской [4. С. 70]. Использовалась почти исключительно как столовая и, возможно, тарная посуда.

6. Поливная керамика. Характеризуется качественным керамическим тестом, хорошим обжигом. Тесто могло быть составлено как на основе красножгущейся, так и на основе беложгущейся глины. Черепок плотный, гладкий, толщина фрагментов от 3–5 до 7–12 мм. Одна или обе поверхности покрыты глазурью (чаще всего зеленой, но встречаются также коричневая, черная, синяя, молочно-белая). Использовалась как столовая посуда.

7. Фарфор и фаянс – эта группа близка поливной керамике, но ее характеризует использование исключительно беложгущейся каолиновой глины, прозрачной или непрозрачной поливы и различного декора. На русских памятниках Сибири встречается фарфор разного производства: в XVII – первой половине XVIII в. получил распространение исключительно китайский фарфор, с третьей четверти XVIII в. в Западную Сибирь начал поступать и русский фарфор (Завод Гарднера, Товарищество М.С. Кузнецова и др.) [7. С. 285].

В отдельную группу следует выделить изразцы. Изразец служил облицовочным керамическим материалом, предназначенным для защиты и украшения фасадов зданий, внутренних помещений, печей в парадных покоях. Для Томского кремля середины XVII–XVIII в. изразцы служили одним из основных датирующих материалов [4. С. 56]. Изразцы с Воскресенской горы представлены двумя типами:

1. Терракотовые «красные» изразцы не покрыты глазурью, сделаны из красножгущихся глин, при обжиге дающих различные оттенки красного цвета; имеют квадратную форму лицевой пластины (17×17, 18×18 см) с рельефным рисунком. Изразцы стоили дорого, и их использование в интерьере свидетельствовало о достаточно высоком статусе хозяина. Качество обработки томских изразцов, тщательность моделировки рельефного рисунка, художественная манера изображения, а также отсутствие в Томске масштабного каменного строительства и кирпичного дела (а значит, и надобности в трудоемком изразцовом производстве) позволяют предположить, что красные терракотовые изразцы были привезены в Томск из Москвы или других городов центральной части Русского государства [Там же. С. 60–66].

2. Поливные зеленые (муравленые) изразцы имеют красноглиняную основу, лицевая пластина покрыта подглазурным белым ангобом, лицевая поверхность с крупнорельефным рисунком залита прозрачной зеленой гла-

зурью, высота изразца достигала не менее 34–36 см. Зеленые глазурованные изразцы, по всей видимости, также не являлись продуктом местного сибирского производства. Судя по конструктивным и художественным особенностям, они сделаны в одном из центров изразцового производства Европейской России, а возможно, ремесленниками – носителями традиций западных школ изразцового мастерства [Там же. С. 66–68].

Для проведения анализов было отобрано несколько образцов, представляющих все вышеперечисленные группы керамического материала: фрагменты керамической посуды и изразцов. Все образцы происходят из культурного слоя воеводской усадьбы – одного из важнейших объектов памятника.

Посудная керамика

Образец № 1 – фрагмент керамического венчика серого цвета (ВГ-99, Р 9, кв. 10, ур. –140...–160 см). Обжиг неполный, в изломе три слоя: темно-серая средняя часть, по периферии с обеих сторон красно-коричневые зоны. Тесто однородное, поверхности обработаны техникой обвара. Толщина фрагмента 8 мм.

Образец № 2 – фрагмент керамического изделия (ВГ-99, Р 9, кв. 11, ур. –120...–140 см). Тесто однородное, на изломе черепок светло-серого цвета. Толщина фрагмента 8 мм. Внешняя поверхность покрыта нагаром мощностью около 1–2 мм. Внутренняя поверхность имеет темно-коричневый окрас.

Образец № 5 – фрагмент керамического донца белого цвета (ВГ-99, Р 9, кв. 9, ур. –80...–100 см). Толщина фрагмента 5 мм. Черепок молочно-белый, тесто однородное, тщательно вымешанное.

Образец № 6 – фрагмент керамического венчика (ВГ-99, Р 9, кв. 16, ур. –120...–140). Черепок темно-серый, тесто однородное, с большим (более 10%) содержанием песка. Обжиг неполный, в изломе три слоя: темно-серая средняя часть, по периферии с обеих сторон более светлые зоны толщиной 0,8 мм. Поверхности грубо обработаны, присутствуют следы нагара. Толщина фрагмента 11 мм.

Образец № 7 – фрагмент чернолощеного керамического изделия (ВГ-99, Р 9, кв. 3, ур. –140...–160 см). Черепок в изломе белый, поверхности черные. Тесто однородное, тщательно вымешанное. Внешняя поверхность украшена сетчатым лощением. Толщина фрагмента 6 мм.

Образец № 8 – фрагмент керамического изделия (ВГ-00, Р 10, кв. 18, ур. –120...–140 см). Толщина фрагмента 6 мм. Черепок в изломе светло-серый. Тесто однородное, тщательно вымешанное. Внутренняя поверхность покрыта зеленой глазурью. Внешняя поверхность ошлакована (возможно, была покрыта поливой с нарушением технологий).

Образец № 9 – фрагмент керамического изделия (ВГ-99, Р 9, кв. 17, ур. –140...–160 см). Тесто однородное, тщательно вымешанное. Обжиг неполный, в изломе три слоя: серая средняя часть, по периферии с обеих сторон красные зоны толщиной 2 мм. Поверхности грубо обработаны. Толщина фрагмента 6 мм.

Образец № 10 – фрагмент чернолощеного керамического венчика (ВГ-99, Р 9, кв. 17, ур. –80...–100 см). Толщина фрагмента 7 мм. Черепок в изломе белый, поверхности черные. Тесто однородное, тщательно вымешанное.

Образец № 11 – фрагмент керамического изделия (ВГ-99, Р 9, кв. 12, 13, 17, 18, ур. –120...–140 см). Толщина фрагмента 8 мм. Черепок белый, пористый. Внешняя поверхность ошлакована (возможно, была покрыта поливой с нарушением технологий).

Образец № 19 – фрагмент керамического изделия с сохранившейся ручкой (ВГ-00, Р 10, кв. 34, ур. –140 см). Толщина стенок фрагмента 6 мм. Черепок молочно-белый, тесто однородное, тщательно вымешанное.

Образец № 20 – фрагмент керамического изделия (плошки) белого цвета (ВГ-98, Р 1, кв. 8, ур. –260...–280 см). Сохранился практически полностью. Толщина стенок изделия 4–5 мм. Черепок молочно-белый, тесто однородное, тщательно вымешанное.

Изразцы

Образец № 3 – фрагмент муравленого печного изразца (ВГ-00, Р 10, кв. 33, ур. –140...–160 см). Излом черепка кирпично-красный. Тесто однородное, тщательно вымешанное.

Образец № 4 – фрагмент терракотового печного изразца (ВГ-99, Р 9, кв. 19, ур. –120...–140 см). Излом черепка кирпично-красный. Тесто достаточно однородное, тщательно вымешанное. На лицевой поверхности фрагмента – растительный орнамент.

Фарфор

Данная категория материала весьма специфична – эта категория посуды явно была привозной. Фарфоровые и фаянсовые заводы в Сибири появились только во второй половине XIX в., и Томск не входил в число городов, владеющих такими заводами [8. С. 387]. Поэтому образцы археологического фарфора, представленного в керамической коллекции Томского кремля середины XVII–XVIII в., были отобраны для проведения сравнительного анализа степени водопоглощения вышеперечисленных образцов керамики. Среднее значение степени водопоглощения археологического фарфора составляет 0,2% – наименьшее значение из всех исследованных образцов, что объясняется качеством керамического теста и высоким технологическим уровнем производства данной категории посуды.

Образец № 21 – фрагмент керамического изделия белого цвета (фарфор) (ВГ-06, Р 12, кв. 3, ур. –120...–140 см). Толщина фрагмента 3 мм. Черепок молочно-белый, тесто однородное, тщательно вымешанное. Внешняя поверхность украшена растительным орнаментом, подглазурная роспись синей краской. Фрагмент покрыт брызгами шлака.

Образец № 22 – фрагмент керамического донца белого цвета (ВГ-00, Р 10, кв. 41, ур. I). Толщина стенок фрагмента 4–7 мм. Черепок молочно-белый, тесто однородное, тщательно вымешанное. Внутренняя и внешняя поверхности украшены растительным узором

красными и зелеными красками (надглазурная роспись). Предположительно фрагмент китайского фарфора «зеленого семейства».

Образец № 23 – фрагмент керамического изделия белого цвета (ВГ-00, Р 10, кв. 61, ур. –180...–200 см). Толщина стенок фрагмента 3 мм. Черепок молочно-белый, тесто однородное, тщательно вымешанное. Внешняя поверхность украшена растительным узором красными и зелеными красками (надглазурная роспись). Предположительно фрагмент китайского фарфора «зеленого семейства».

Образец № 24 – фрагмент керамического донца белого цвета (фарфор) (ВГ-00, Р 12, кв. 3, ур. –120...–140 см). Толщина фрагмента 3 мм. Черепок молочно-белый, тесто однородное, тщательно вымешанное. Фрагмент покрыт брызгами шлака.

Пробы глин, отобранные на территории города и отражающие практически весь спектр их составов (рис. 1).

Три пробы глин с оползневых склонов в Лагерном саду: № 12 – белая глина, № 13 – коричневая глина и № 14 – черная глина.

Две пробы в осыпи южного мыса Воскресенского холма: № 15 – светло-коричневая глина с осыпи восточного склона рядом с «Музеем славянской мифологии»; № 18 – опесчаненная глина светло-серого цвета с осыпи западного склона у гостиницы «Тоян».

Две пробы с осыпи правого берега р. Ушайки, ниже здания по ул. Алтайской, дом 4: № 16 – серовато-бурая суглинистая глина с большим содержанием кварцевого песка; № 17 – бурый суглинок.

Минеральный состав керамики и глин исследовался с помощью рентгеновского дифрактометра X'Pert PRO в интервале 9–81°С при нормальных условиях по геометрии Брэгга–Бертрано с использованием Cu K α -излучения, напряжение на трубке 40 кВ, ток 30 мА. Дифференциальный термический анализ (ДТА) выполнен на современном приборе дериватографе марки Q-15001 фирмы MOM, действие которого основано на сочетании ДТА с термогравиметрией (ТГ). Микроструктурные и текстурные особенности исследованы минералого-петрографическим анализом на универсальных поляризационных микроскопах. Термо- и рентгенолюминесценция керамик и глин исследована на отечественных приборах, изготовленных в ТГУ. Водопоглощение керамик определено стандартными методиками [9, 10].

Теоретические представления о фазовых превращениях при производстве керамики. Знакомство с современными теоретическими аспектами необходимо для научного обоснования уровня технологии производства древней керамики.

Современные теоретические постулаты получения керамики основаны на расчетах тепловых эффектов реакций в кристаллической смеси при повышенных температурах (на основании фундаментальных термодинамических положений), находящихся отражение и в

многокомпонентных диаграммах равновесия для природных и технических систем. Особенностью реакций в системах «глина – керамика» является ступенчатое протекание процесса. При этом по мере роста температуры в исходной глине могут получаться разные соединения и процесс кристаллизации конечного продукта проходит через ряд стадий и ступеней. Так, каолиновые глины из белых шляп выветривания в Лагерном саду очень тонкодисперсные и потому отличаются слабой окристаллизованностью частиц каолинита, что способствует накоплению в них низко-температурной адсорбционной воды. Поэтому методом ДТА при нагревании в них выделяются две эндотермические стадии (табл. 1).

Анализ данных табл. 1 позволяет выделить при получении керамики из каолинита три стадии и множество ступеней до кристаллизации конечных фаз.

Первая стадия включает две ступени. Эндозффекты при 100–150°C соответствуют выделению *адсорбированной воды* и наиболее заметному увеличению массы. Второй, более пологий и менее масштабный эндозффект при 250–390°C связан с окислением и выгоранием органики гумусовой природы. Нами ранее изучены микроорганизмы и установлено, что в каолиновой коре выветривания преобладают хемолитотрофные *сульфатредуцирующие и тионовые бактерии*, катализирующие скорость процесса каолинизации почти в тысячу раз [11].

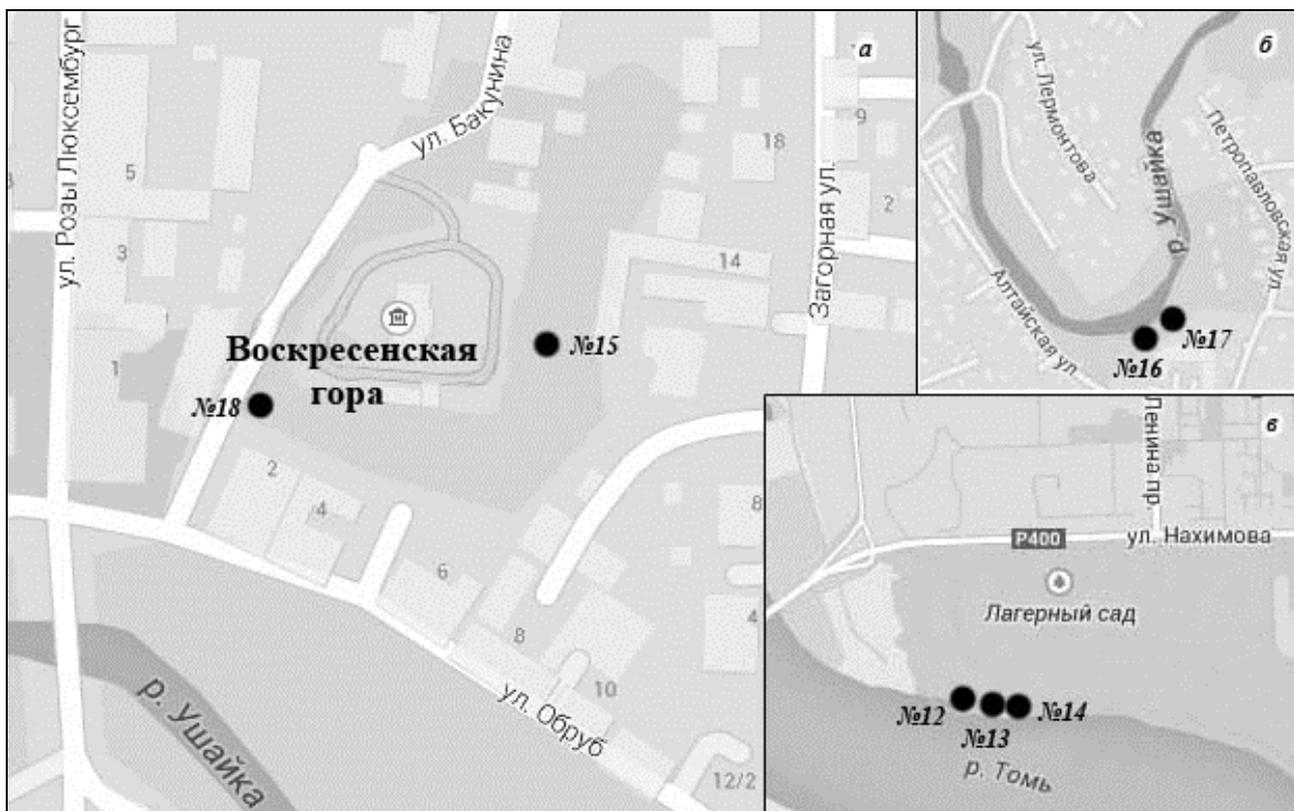

Рис. 1. Места взятия проб глин: а – южный мыс Воскресенской горы; б – осыпь правого берега р. Ушайки; в – Лагерный сад

Таблица 1

Последовательные стадии фазовых превращений в каолиновой глине

Глина	Стадия							
	1 (эндозффекты)				2 (эндозффекты)		3 (экзоэффекты)	
	Десорбция		Сублимация органики		Дегидратация, диссоциация		Рост кристаллических фаз	
	ДТА, °С	ТГ, %	ДТА, °С	ТГ, %	ДТА, °С	ТГ, %	ДТА, °С	ТГ, %
Каолинит	100–150	+2,3	250–390	+0,6	575–605	-2,8	720, 950, 995	-1,8–(-0,3)

Примечание. ДТА – значение температуры; ТГ – изменение веса.

Следующая эндотермическая реакция с четко выраженным максимумом в интервале 570–605°C (в зависимости от степени кристалличности и частично от размера кристаллов) отражает потерю кристаллизационной воды и гидроксила воды, а также аморфизацию минерала при сохранении некоторой степени упорядо-

ченности в виде структуры безводного дисиликата алюминия (метакаолинита). С помощью электронной микроскопии показано, что метафаза структурно вначале является однородной, а позже распадается и превращается в механическую смесь *кремнезема, β-кварца, γ-глинозема и свободных оксидов (железа,*

кальция, натрия и др.). Важной реакцией здесь является полиморфный переход β -кварца в α -кварц, который сопровождается скачкообразным увеличением объема продукта на 2,4%.

Экзотермические реакции начинаются с 720°C и заканчиваются около 1300°C. Вначале метакаолинит полностью разрушается, γ -глинозем стремится к полиморфному превращению в α -модификацию, которая позже в составе жидкой фазы участвует в формировании зародышей муллита ($3\text{Al}_2\text{O}_3 \cdot 2\text{SiO}_2$). При температуре выше 1200°C происходит кристаллизация избыточной аморфной кремнекислоты с образованием высокотемпературного кристобалита. Игольчатый муллит как бы армирует зерна основных фаз, в результате продукт приобретает большую плотность и прочность. За счет роста плотности происходит уменьшение его раз-

меров (огневая усадка). По действующим сейчас нормативам кристаллическая фаза обожженного фарфорового изделия содержит до 80% муллита и 10–15% избыточного кварца.

Фрагменты посудной керамики по минеральному составу и свойствам – истинной пористости (около 10–12%) и водопоглощению (от 7,6 до 17,3 при среднем 12,9%) – по современной классификации соответствуют фаянсу, пригодному для производства столовой посуды повседневного использования [12, 13]. Специфика исходного сырья в том, что оно без пошивки исходной каолиновой глины (с кварцевым песком) карбонатами кальция, магния и т.п. В целом, на основании анализа степени водопоглощения образцов посудной керамики было выделено 4 группы изделий (табл. 2).

Таблица 2

Степень водопоглощения археологической керамики Томского кремля

№ образца	m(сух), гр	m (насыщен), гр	Степень водопоглощения, %
Посудная керамика			
Группа 1			
1	23,096	25,018	8,3%
9	5,653	6,0852	7,6%
Группа 2			
2	18,619	20,609	10,7%
6	55,0962	61,3257	11,3%
11	12,888	14,4025	11,8%
Группа 3			
5	4,1921	4,8032	14,6%
7	5,838	6,647	13,9%
8	5,6706	6,4247	13,3%
19	18,3432	21,0018	14,5%
20	88,2162	100,155	13,5%
Группа 4			
10	0,7815	0,917	17,3%
Среднее значение – 12,9%			
Изразцы			
3	5,0785	6,0861	19,8%
4	37,9709	43,315	14,1%
Среднее значение – 17,0%			
Фарфор			
21	1,184	1,1864	0,2%
22	17,6004	17,6285	0,2%
23	1,1557	1,1588	0,3%
24	10,7376	10,7524	0,1%
Среднее значение – 0,2%			

Термограммы монтмориллонитовых глин не имеют принципиальных отличий от каолиновых, но продуктами экзотермических реакций здесь чаще выступают, кроме муллита, энстатит и анортит, вплоть до кордиерита. Водопоглощение археологических изразцов находится в пределах от 14 до 20% при среднем значении 17%, что заметно больше, чем у посудной керамики и, конечно, археологического фарфора с водопоглощением 0,1–0,3% (табл. 2). Такой разброс значений степени водопоглощения объясняется особенностями технологического производства различных категорий археологической керамики. На

втором этапе детально изучался минеральный и петрографический состав керамики. Для исследования были взяты образцы № 1, 3, 4, 5, 7 (анализ лишь части отобранных образцов связан с финансовыми трудностями). На дифрактограммах всех фрагментов посудной керамики отчетливо идентифицируются основные фазы: каолинит, кварц, новообразованные (дополнительные) полевые шпаты (альбит) и железосодержащая шпинель (герцинит), а также продукты разной степени упорядоченности метакаолинита. В табл. 3 представлена дифрактограмма образца № 5 – фрагмента белой керамики.

Таблица 3

Дифрактограмма образца № 5 – фрагмента белой керамики

№ 5		Кварц SiO ₂		Каолинит Al ₂ O ₃ ·2SiO ₂ ·2H ₂ O		Альбит Na ₂ O·Al ₂ O ₃ ·6SiO ₂		Герцинит FeO·Al ₂ O ₃		Исходная белая глина Лагерного сада (№ 12)		
d/n	I	d/n	I	d/n	I	d/n	I	d/n	I	d/n	I	Минерал
10,039	3											
				7,150	10					7,172	6	каолинит
5,015	2									4,972	3	иллит
4,489	5			4,453	5					4,466	4	монтмориллонит
4,253	9	4,260	6							4,248	8	кварц
4,035	2					4,020	9					
3,780	2			3,734	2	3,780	8					
3,522	3			3,566	10					3,597	3	каолинит
3,343	10	3,340	10							3,340	10	кварц
3,245	5					3,210	10			3,250	2	альбит
3,190	3			3,091	2	3,180	8			3,188	3	альбит
2,897	1							2,87	9			
2,586	2									2,569	4	каолинит
2,458	7	2,450	5					2,46	10	2,488	2	каолинит
2,283	6	2,280	5	2,284	8					2,281	4	каолинит
2,238	5									2,237	4	каолинит
2,129	6	2,123	5	2,127	2					2,128	5	каолинит
1,981	4			1,985	7					1,991	4	каолинит
1,818	8	1,820	9							1,817	6	кварц
1,715	1			1,711	1							
1,671	4			1,665	7							
1,659	3	1,656	2	1,659	8					1,659	4	каолинит
1,541	7	1,541	9					1,57	8	1,541	6	кварц
1,453	3			1,543	3			1,44	6			
1,382	4	1,38	8									
1,374	4			1,373	2							
1,372	4	1,372	9									

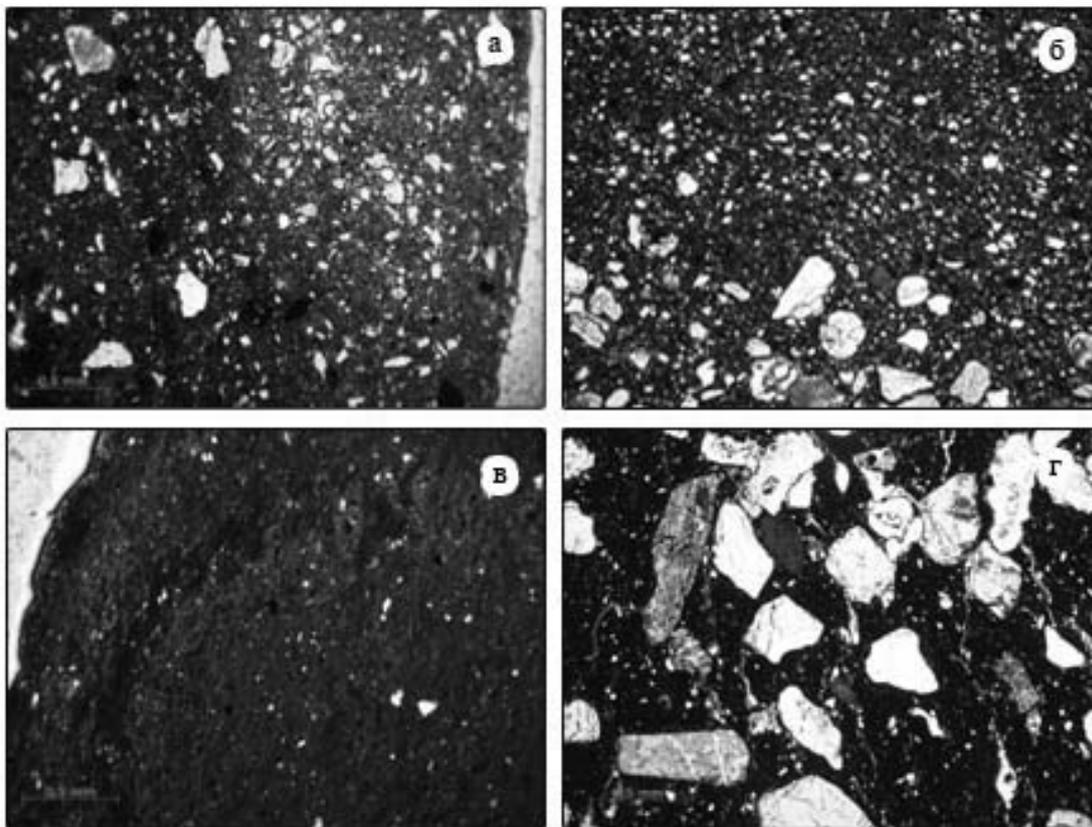

Рис. 2. Микроструктура керамики, полученная с помощью поляризационного микроскопа:
 а – образец № 1 (фрагмент белоглиняного венчика со следами обвары); б – образец № 3 (фрагмент муравленого печного изразца); в – образец № 5 (фрагмент тонкого белоглиняного донца); г – образец № 6 (фрагмент грубого белоглиняного венчика). Белые зерна – кварц

Дифрактограмма образца № 3 – муравленого печного изразца с кирпично-красным изломом

№ 3		Кварц SiO ₂		Анортит CaO·Al ₂ O ₃ ·2SiO ₂		Иллит		Хлоритоид		Монтмориллонит		Исходная глина (№ 15)	
d/n	I	d/n	I	d/n	I	d/n	I	d/n	I	d/n	I	d/n	I
										9,5-20	10	14,154	1
9,926	1							9,980	8			9,951	2
8,283	1											8,446	1
6,419	2									6,400	3	6,372	2
5,006	2							4,970	4			5,050	1
4,480	2							4,470	8	4,490	10	4,420	8
4,245	6	4,260	6									4,247	9
4,027	3			4,080	3			4,110	2			4,023	3
3,775	3			3,800	3			3,700	2			3,767	3
3,660	4			3,630	2							3,651	2
3,490	2											3,477	2
3,433	3							3,400	6	3,390	1		
3,339	10	3,340	10	3,370	2			3,310	2			3,340	10
3,238	4			3,260	1							3,242	4
3,181	6			3,200	10			3,200	4			3,180	6
2,971	2			2,948	4			2,980	8	2,960	5		
2,927	2											2,932	3
2,892	2											2,830	1
2,851	2							2,840	8			2,898	2
2,693	3									2,620	4		
2,516	3			2,509	6							2,550	8
2,456	6	2,450	5					2,44	6	2,460	2	2,470	4
2,281	5	2,280	5							2,310	5	2,250	3
2,236	4							2,240	4	2,250	1		
2,158	2			2,135	6							2,237	3
2,127	4	2,123	3									2,16	1
1,979	4									2,13	2	2,13	3
1,816	6	1,82	9							1,983	1	1,98	4
1,671	4	1,66	8									1,82	1
1,657	2	1,656	2									1,69	6
1,541	6	1,541	9					1,64	6	1,65	1	1,655	6
1,452	2			1,48	4			1,5	8	1,58	2	1,658	3
1,414	1			1,41	2					1,49	8	1,541	7
1,381	3	1,38	8	1,385	4								
1,374	4							1,38	4				
1,371	4	1,372	9										

С помощью дифрактограмм археологической изразцовой керамики установлено, что в ее составе основными фазами являются иллит, плагиоклаз альбит-анортитового ряда, кварц, хлоритоид, монтмориллонит и фрагментарные продукты кристаллизации аморфных фаз разложения монтмориллонита (табл. 4). По действующим нормативам изученные фрагменты изразцов, благодаря наличию основных плагиоклазов анортитового состава, относятся к вполне качественной продукции.

Исследование микроструктурных и текстурных особенностей археологической керамики Томского кремля. Минералого-петрографический анализ образцов керамики на универсальных поляризационных микроскопах (образцы № 1–11) подтвердил наличие в археологической коллекции Томского кремля нескольких групп керамики, отличающихся минеральным составом и текстурой, а значит, и изготовленных с помощью различных технологических приемов. Фотографии шлифов образцов, характерных для каждой из групп керамики, представлены на рис. 2.

Например, сравнение микроструктур на рисунках демонстрирует более совершенную технологию пригото-

вления шихты для керамики на рис. 1, в: зерна кварца по размеру отличаются в разы и на порядки. А по содержанию зерен кварца в керамике (рис. 1, з) она ближе к мягкому китайскому фарфору, так как в ней больше 45% кварца. С другой стороны, она беднее флюсами и процесс обжига осуществлялся при заметно более низких, по сравнению с требуемыми, температурах (до появления муллита).

Обсуждение результатов и выводы. По результатам анализа можно сделать предварительное заключение о существовании местной сырьевой базы для развития керамического производства в средневековом Томске, что подтверждается сходством минерального состава местных глин с археологической керамикой (кроме фарфора и, видимо, изразцов). Исторически сложившиеся названия томских улиц также свидетельствуют о местном характере гончарства и связанного с ним кирпичного производства: Горшковский (Горшков, Горшечный) переулоч, ул. Средне-Кирпичная, Мало-Кирпичный переулоч, ул. Бол. Кирпичная (Кирпичная слободка), «Кирпичи» (район между восточным склоном Воскресенской горы и р. Ушайкой) [14. С. 71, 364–367]. Эти названия фиксируются с середины XIX в., когда

изготовление кирпича приобрело товарный характер, но истоки производства бытовой керамики уходят в предыдущие столетия. Сведения о месторождениях глины как возможных источников сырья для томского керамического ремесла содержатся в письменных материалах [15, 16]. В дальнейшем следует углубленно изучить месторождения каолиновых глин Лагерного сада, а также выходы глин в районах «кирпичных» переулков для установления вероятных мест производства, в первую очередь, посудной керамики.

Группы керамики, выделенные по визуальным признакам и физико-техническим показателям, в целом пересекаются, но не идентичны, как и группировка образ-

цов по минеральному составу не совсем совпадает с группами керамики по степени водопоглощения. Это объясняется тем, что применяемые естественнонаучные методы выявляют разные свойства керамического материала. Для обобщенной характеристики технологических особенностей керамики из археологической коллекции средневекового Томска необходимо увеличить объем образцов и расширить спектр методов, в том числе использовать структурно-текстурный анализ и микронзондирование. Совокупные данные позволяют более точно и объективно произвести типологическую дифференциацию томской керамики и выявить специфику производства различных ее групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володина В.С., Черная М.П. К методике исследования русской средневековой городской керамики как исторического источника // Вестник Омского университета. 2012. № 2. С. 332–335.
2. Методологические основы исследования древней керамики. М., 1977. 51 с.
3. Гражданкина Н.С. Методика химико-технологического исследования древней керамики // Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965. С. 152–160.
4. Черная М.П. Томский кремль середины XVII – XVII вв.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Томский государственный университет, 2002. 187 с.
5. Рабинович М.Г. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии. 1949. № 12, Т. 2. С. 57–105.
6. Салтыков А.Б. Гончарные изделия // Русское декоративное искусство от древнейшего периода до XVIII в. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1962. С. 249–264.
7. Татаурова Л.В., Татауров Ф.С. Возможности «археологического» фарфора как источника // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 285–288.
8. Татауров Ф.С. Школы, основные центры производства и характер распространения фарфора из археологических памятников Западной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: Междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 383–388.
9. Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. 233 с.
10. Борисов В.А. Опыт разработки и применения экспериментальных методов исследования керамики (по материалам эпохи бронзы Верхнего Приобья: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 288 с.
11. Мананков А.В., Подшивалов И.И., Фатыхова Ю.Н., Осипов С.П. Эволюционно-диффузионная математическая модель воздействия микроорганизмов на строительные материалы // Известия вузов. Строительство. 2006. № 8. С. 20–25.
12. Граменицкий Е.Н., Котельникова А.Р., Батанова А.М. и др. Экспериментальная и техническая петрология. М.: Научный Мир, 2000. 416 с.
13. Грум-Гржимайло О.С. Микроскопическое изучение дефектов керамических материалов. М.: Стройиздат, 1973. 230 с.
14. История названий томских улиц. Томск: Издательский дом «D'Print», 2004. 401 с.
15. Белковец Л.П. Томск в известиях западно-европейских путешественников и ученых XVII–XVIII вв. // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С. 21–32.
16. Коровин М.К. Очерк геологического строения и полезных ископаемых Томского округа // Труды общества изучения Томского края. Томск: Красное знамя, 1927. Вып. 1. С. 28–59.

Chernaya Maria P. E-mail: mariakreml@mail.ru; Manankov Anatoliy V. E-mail: mav.39@mail.ru; Dubrovskaya Victoria S. E-mail: dvs@ido.tsu.ru. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

EXPERIENCE OF METHODS OF NATURAL SCIENCES TO STUDY TOMSK KREMLIN ARCHAEOLOGICAL CERAMICS.

Keywords: archaeology; potter production; Tomsk; methods of the natural sciences.

During the excavation of the medieval Russian city a researcher always find a huge number of various handicraft products, because the city is the center of the craft. The leading role is played by the fragments of ceramics, which are the most numerous findings on medieval Russian monuments. Ceramics as one of the categories of archaeological material – a multi-faceted, informative source containing information not only on pottery as a social and economic institution, but also about family relations, ethno-cultural contacts, ideological views, the level of technological development. The study of archaeological ceramics is interfaced with some difficulties which were described in the other papers. Nowadays there is a practice of using natural methods of analysis of the ceramic material to clarify the composition of the molding compounds, to identify possible sources of raw materials, refining temperature and firing mode and a number of other physical and mechanical properties of the ceramic material. The authors of this article set an aim – to evaluate the capabilities of the methods of the natural sciences to identify the technological features of ceramics from the medieval Tomsk archaeological collection, and also to determine its probable sources of minerals. The objects of the study are the fragments of ceramics found in the cultural layer of Tomsk Kremlin in mid XVII–XVIII centuries, which is located on the southern cape of Voskresenskaya mountain, and various fragments of clay with different mineral composition found on the territory of the modern city. Obtained data allowed us to make a preliminary conclusion about the existence of the resource base for the development of ceramic production in the medieval Tomsk, which is confirmed by the similarity of the mineral composition of clays with local archaeological ceramics (except porcelain and apparently tiles). The historical names of Tomsk streets also indicate the nature of the local pottery and brick production connected with it. Information about the clay fields as a possible source of raw materials for Tomsk ceramic crafts is also found in written materials. The analysis results allows to identify a collection groups of ceramics similar with the groups selected by visual inspection, but not identical. In addition, the groups identified by various scientific methods are similar, but not identical. This fact gives a ground for thoughts and further researches. To reinforce conclusions, and possibly get new data it is necessary to conduct larger studies of Tomsk Kremlin ceramic collection using spread spectrum of natural science methods, including structural and textural analysis and microprobe.

REFERENCES

1. Volodina, V.S. & Chernaya, M.P. (2012) K metodike issledovaniya russkoy srednevekovoy gorodskoy keramiki kak istoricheskogo istochnika [On the method of research of Russian medieval city ceramics as a historical source]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 2. pp. 332-335.
2. Sayko, E.V. & Kuznetsov, A.V. (1977) *Metodologicheskie osnovy issledovaniya drevney keramiki* [Methodology of research of ancient ceramics]. Moscow: n.s.
3. Grazhdankina, N.S. (1965) Metodika khimiko-tehnologicheskogo issledovaniya drevney keramiki [Chemical-engineering technology for the study of ancient ceramics]. In: Kolchin, B.A. (ed.) *Arkheologiya i estestvennyye nauki* [Archeology and Science]. Moscow: Nauka. pp. 152-160.
4. Chernaya, M.P. (2002) *Tomskiy kreml' sereдины XVII – XVIII vv.: Problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii* [Tomsk Kremlin of the mid 17th – 18th centuries: Problems of reconstruction and historical interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Rabinovich, M.G. (1949) Moskovskaya keramika [Moscow ceramics]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii*. 12(2). pp. 57-105.
6. Saltykov, A.B. (1962) *Goncharnye izdeliya* [Moscow ceramics]. In: Leonov, A.I. (ed.) *Russkoe dekorativnoye iskusstvo ot drevneyshego perioda do XVIII v.* [Russian decorative art from the ancient period to the 18th century]. Moscow: USSR Academy of Arts. pp. 249-264
7. Tataurova, L.V. & Tataurov, F.S. (2010) *Vozmozhnosti "arkheologicheskogo" farfora kak istochnika* ["Archaeological" porcelain as a source]. In: Chernaya, M.P. (ed.) *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in the historical context: The experience of the West Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Tomsk: Agraf-Press. pp. 285-288.
8. Tataurov, F.S. (2011) *Shkoly, osnovnyye tsentry proizvodstva i kharakter rasprostraneniya farfora iz arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri* [Schools, the main centers of production and distribution patterns of porcelain from archaeological sites in Western Siberia]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnyye metody i tekhnologii* [Russian Culture in archaeological research: interdisciplinary methods and technologies]. Omsk: RSUTE. pp. 383-388.
9. Bobrinskiy, A.A. (ed.) (1999) *Aktual'nyye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Topical questions of the study of ancient pottery]. Samara: Samara State Pedagogical University.
10. Borisov, V.A. (2009) *Opyt razrabotki i primeneniya eksperimental'nykh metodov issledovaniya keramiki (po materialam epokhi bronzy Verkhnego Priob'ya* [Experience in the development and application of experimental methods for studying ceramics (based on the Bronze Age of the Upper Ob)]. History Cand. Diss. Barnaul.
11. Manankov, A.V., Podshivalov, I.I., Fatykhova, Yu.N. & Osipov, S.P. (2006) An evolutionary-diffusional mathematical model of microorganisms action on building materials. *Izvestiya Vuzov. Stroitel'stvo – News Of Higher Educational Institutions. Construction*. 8. pp. 20-25. (In Russian).
12. Gramenitskiy, E.N., Kotel'nikova, A.R., Batanova, A.M. et al. (2000) *Eksperimental'naya i tekhnicheskaya petrologiya* [Experimental and technical petrology]. Moscow: Nauchnyy Mir.
13. Grum-Grzhimaylo, O.S. (1973) *Mikroskopicheskoe izuchenie defektov keramicheskikh materialov* []. Moscow: Stroyizdat.
14. Starikova, G.N., Zakharova, L.A., Ivantsova, E.V. et al. (2004) *Istoriya nazvaniy tomskikh ulits* [History of names of Tomsk streets]. Tomsk: D'Print.
15. Belkovets, L.P. (1979) *Tomsk v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i uchenykh XVII – XVIII vv.* [Tomsk in the correspondence from West European travelers and scholars of the 17th–18th centuries]. In: Bozhenko, L.I. & Razhon, I.M. (eds.) *Tomsku – 375 let* [375 years to Tomsk]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 21-32.
16. Korovin, M.K. (1927) *Ocherk geologicheskogo stroeniya i poleznykh iskopaemykh Tomskogo okruga* [An essay on geology and mineral resources of Tomsk District]. In: Reverdatto, V.V., Slobodskoy, M.A. & Yukhnovich, B.P. (eds.) *Trudy obshchestva izucheniya Tomskogo kraya* [Proceedings of the Society for the Study of Tomsk region]. Tomsk: Krasnoye znamya. Issue 1. pp. 28-59.

УДК 903/904(574.31) "634"
DOI 10.17223/19988613/35/17

А.З. Бейсенов

ПАМЯТНИКИ ВЕРХОВЬЕВ РЕКИ АТАСУ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке ФН РК по программе Грантового финансирования (Проект № 2988/ГФ4 «Культура населения Бетпадалы в эпоху палеометалла»).

В Центральном Казахстане, в 236 км на юго-запад от г. Караганды, находится поселение эпохи бронзы Атасу, впервые открытое для науки А.Х. Маргуланом в 1955 г. Со временем многочисленные памятники его округа были объединены под названием Атасуский микрорайон, на территории которого в течение ряда лет стационарные раскопки были проведены М.К. Кадырбаевым и его соратниками. Основной упор в те годы был сделан на изучение памятников эпохи бронзы. На Атасу также находятся многочисленные памятники эпохи раннего железа, средневековья. В 2014 г. группой под руководством автора статьи здесь начаты новые исследования. В статье приводятся обзор ранее проведенных работ, данные новых изысканий. Интересен клад предметов конской сбруи раннесакской эпохи. По трем погребальным сооружениям бегазы-дандыбаевской культуры получены радиоуглеродные даты.

Ключевые слова: Центральный Казахстан; Атасу; эпоха бронзы; ранний железный век; поселения; могильники; реставрация; топография.

В 2015 г. исполняется 60 лет с начала исследования памятников верховьев р. Атасу в Центральном Казахстане – замечательного комплекса, для изучения которого приложили усилия многие исследователи, начиная с первых работ А.Х. Маргулана. Около четверти века тому назад приостановились стационарные исследования на Атасу, хотя эпизодические изыскания здесь не прекращались и поныне имеют место. Назрела необходимость возобновления исследований в русле современных требований.

Само открытие Атасу и весь период исследования его памятников неразрывно связаны с деятельностью Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ) Академии наук Казахстана. В организации и создании ЦКАЭ огромную роль сыграл выдающийся ученый-геолог, академик, организатор и первый президент Казахской академии наук Каныш Имантаевич Сатпаев – выпускник Томского технологического института. Также, надо сказать, немалая заслуга в организации этой первой Академической экспедиции Казахской ССР принадлежит Алькей Хакановичу Маргулану. Приступив к своей деятельности в 1946 г., ЦКАЭ за короткий срок обследовала и выявила большое количество памятников в Центральном Казахстане, осуществив первое подлинное археологическое открытие этого региона. В ее полевых исследованиях принимали участие многочисленные представители разных отраслей науки. По праву считается, что ЦКАЭ в ту пору была школой подготовки для многих ученых, археологов, этнографов Казахстана [1. С. 14].

Освещая результаты экспедиции 1948 г., академик А.Х. Маргулан писал в 1951 г.: «Первая археологическая разведка убедила, что бассейн р. Атасу является одним из интересных в археологическом отношении районов Центрального Казахстана, где можно проводить комплексное обследование памятников, относящихся к разным периодам. Среди этих объектов важное место занимают древние выработки и курганы эпохи поздней

бронзы, которые обнаруживаются в разных местах р. Атасу» [2. С. 24]. Этот момент отражает первое посещение тех мест археологами, когда были осмотрены (в 1948 г.) те или иные памятники и их скопления.

Непосредственно начало археологического исследования комплекса Атасу было положено раскопками 1955 г., которые проводились А.Х. Маргуланом [3. С. 207–219; 4. С. 165]. Поселение Атасу – так вошел в историю памятник, материалы которого в дальнейшем предопределили научную перспективу изучения рассматриваемой группы древностей Центрального Казахстана. Этот памятник находится на территории современного Шетского района Карагандинской области, на правом берегу одноименной реки, в 236 км на ЮЗ от г. Караганда и в 28 км на ЮЗ от с. Кызылтау (рис. 1).

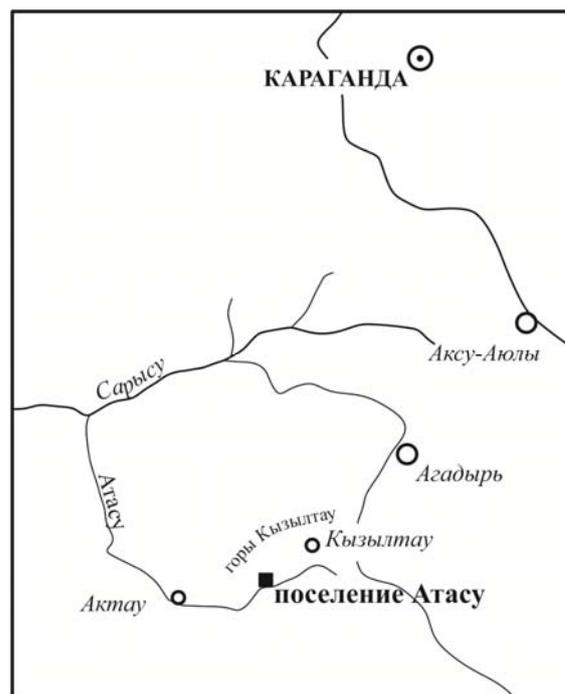

Рис. 1. Карта расположения поселения Атасу

В 1955 г. было исследовано одно жилище (№ 4), два зольника и одно хозяйственно-производственное помещение – мастерская. Среди многочисленных находок исследователей особо впечатлили костяные псалы [3. С. 215, рис. XXIV, 7–8].

Очень важным свойством памятника оказалось также наличие данных, свидетельствующих о занятии населения горным делом и металлургией. Об этом говорили многочисленные орудия, шлаки, медные слитки, куски руды (один из них – весом около 500 г), остатки плавильного устройства. Интересно описание исследователями устройства изученного ими жилища, разделенного деревянной перегородкой на две части. Одна часть с утрамбованным глиной полом была жилая, а во второй, по их предположению, содержался скот. Здесь «пол ниже, он не забутован и насыщен органическими остатками в виде наслоения кизьяка» [Там же. С. 212]. Подобные данные об особенностях жилищ эпохи бронзы Центрального Казахстана в дальнейшем в материалах других исследователей не встречаются. Этот момент вызывает интерес тем, что в таком безлесом регионе, как Центральный Казахстан, с далеко не мягким климатом, обогрев жилища в холодное время года является особым вопросом в жизни его населения. Содержание скота в помещении могло обеспечить жителей дополнительным теплом, или же здесь можно было держать часть скота, например маток с молодняком. Обыкновенно в особо холодные периоды зимы держать слабый молодняк в доме сохранялось в Центральном Казахстане (скорее, не только здесь) вплоть до 1960-х гг.

По-видимому, в 1955 г., в период раскопок поселения Атасу, были сделаны и важные разведочные обследования в его округе. Об этом говорит тот факт, что в статье 1956 г. А.Х. Маргулан впервые перечисляет конкретные памятники данного района: Дарат, Сангыру, Акшоқы, Еркебулан, Аксай, Караузек, Косагал и др. Обращает внимание и то, что в этой работе исследователь впервые применил термин «атасуские комплексы» [5. С. 23].

Нужно отметить, что именно в 1955 г. был исследован мавзолей 1 в составе могильника Сангыру-1. Это – бегазинская тематика. Если всмотреться в хронику событий тех лет, увидим, что именно в 1955 г. начались и в 1956 г. [4. С. 102] завершились полевые исследования мавзолея Бугулы-3 – еще одного яркого бегазинского памятника Центрального Казахстана. Вероятно, А.Х. Маргулан на Бугулы-3 взял курс, увидев особенности мавзолея 1 на Сангыру-1. На раскопках Бугулы-3 участвовал М.К. Кадырбаев.

На материалах Атасу и других важных памятников эпохи бронзы исследователи не могли обойти тему металлургии и горного дела. Обозревая памятники Центрального Казахстана середины II тыс. до н.э., А.Х. Маргулан в 1956 г. отмечал, что «огромная масса древних выработок» определяет «Центральный Казахстан как один из крупных центров древней металлургии» [5. С. 30]. В работе 1960 г. он снова подчеркивает,

что «наряду с яйлажным скотоводством, металлургия меди в тот период явилась одним из основных занятий насельников Центрального Казахстана» [6. С. 3].

Меднорудные залежи Центрального Казахстана уже в те годы были хорошо известны. Материалы Атасуского поселения и целого ряда аналогичных ему памятников, открытых к этому времени, дали основание сделать предположение об источниках олова для рассматриваемого региона. Химические анализы металлических изделий позволили в середине 1960-х гг. сделать вывод о том, что племена «исследуемого района имели свою базу снабжения оловом». Далее К.А. Акишевым отмечалось, что «по предварительным данным, наиболее вероятным местом добычи этого металла были горы Атасу» [3. С. 270]. Следует заметить, что это положение не теряет своего значения и поныне.

Видный исследователь Центрального Казахстана, один из основоположников казахстанской археологии Мир Касымович Кадырбаев впервые ознакомился с памятниками Атасу в 1958 г. – надо отметить, за год до начала знаменитых раскопок на Шидерты, принесших ему славу первооткрывателя тасмолинской культуры.

М.К. Кадырбаев приехал на Атасу в качестве исследователя раннего железного века, начальника отряда в составе ЦКАЭ и, следует думать, если не по заданию А.Х. Маргулана, то по его информации и совету. В это время отряд М.К. Кадырбаева занимался изучением памятников раннего железного века Центрального Казахстана, а сведения о наличии здесь тех или иных групп памятников раннего железного века известны были прежде всего А.Х. Маргулану.

На Атасу в 1958 г. М.К. Кадырбаевым были изучены четыре каменных кургана в могильнике Сангыру-2. Три из них являлись комплексами курганов с «усами» (№ 1–3). Материал по раннему железному веку не был получен, за исключением уже известных ему лепных горшков, но под курганами и в их окружении им были вскрыты более десяти ящиков эпохи бронзы [7]. Материалы эпохи бронзы сочетали в себе алакульские и федоровские черты, поэтому, согласно использовавшейся в то время периодизации, эти погребения были определены как «позднефедоровские» и «раннеалакульские» [Там же. С. 61]. Среди инвентаря были знаменитые андроновские браслеты с «рогами» на концах. Как известно, вывод М.К. Кадырбаева о новом «трехрогом» типе браслетов [Там же. С. 60–61] спустя время был скорректирован Н.А. Аванесовой [8. С. 69].

После открытия Тасмолы, материалы которой вошли в коллективную монографию по Центральному Казахстану [3. С. 303–433], ряда лет, проведенных в разведке и раскопках памятников Центрального, Западного Казахстана, а также на Отраре и Каратау, в середине 1970-х гг. М.К. Кадырбаев вернулся на Атасу.

Принято считать, что на Атасу его снова «вывел» Алькей Хаканович, начавший в это время разработку

плановой темы по палеоэкономике древнего Центрального Казахстана и напрямую заинтересованный в ее участии такого квалифицированного специалиста, как М.К. Кадырбаев. С начала 1970-х гг. в секторе археологии наметился прорыв, в осуществлении которого есть место и М.К. Кадырбаеву, его тогдашним соратникам,

ученикам, а также тем начинаниям и увлечениям, что было воплощено в окружающую их среду. Была организована и уже проводила свои масштабные исследования Южно-Казахстанская экспедиция под руководством К.А. Акишева – на Отраре и на ряде памятников его округи.

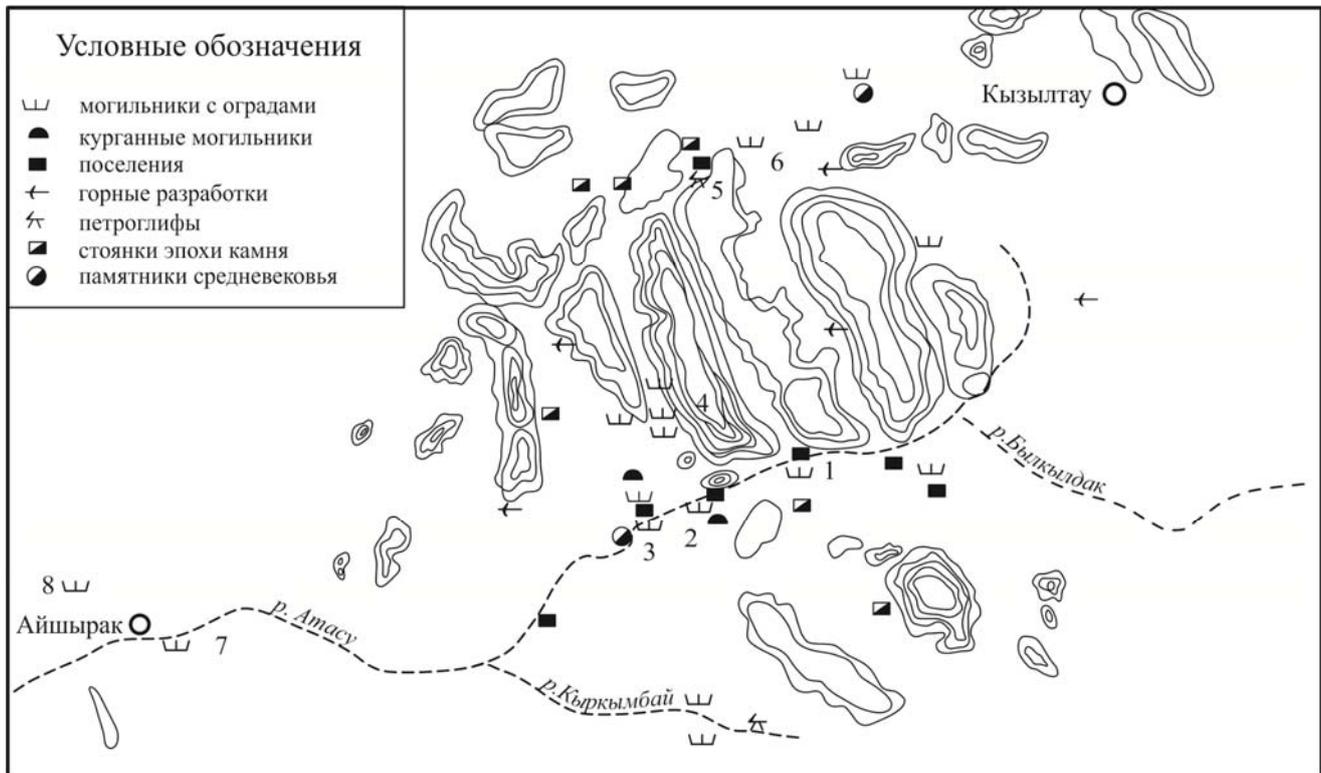

Рис. 2. Карта опорных памятников Атасуского микрорайона по работам 1980-х гг. [12]

Отдавая дань справедливости, нужно отметить, что кадырбаевский период исследований на Атасу, начавшийся в 1975 г. и продолжившийся до июня 1982 г., когда его не стало, по сути, был временем второго открытия этого комплекса.

М.К. Кадырбаевым, ставшим, по личному решению Алькея Хакановича, начальником ЦКАЭ, за очень короткое время была блестяще организована работа на Атасу. С этого времени берега Атасу стали не только местом полевых исследований, но и шумным и веселым полевым станом, местом встреч. Как вспоминают, Мир Касымович был не только талантливым ученым, хорошим организатором, но и открытым, добрым человеком. Все запомнили свои общения с ним и особенно звуки его неизменного аккордеона. Атмосферу тех лет хорошо передают воспоминания археолога Э.Р. Усмановой [9]. Работали в составе ЦКАЭ, а также и приезжали на какое-то время многочисленные археологи, палеозоологи, геологи, архитекторы, художники, энтузиасты. На Атасу работали Ж. Курманкулов, А.С. Загородний, З.С. Самашев, С.М. Ахинжанов, Т.Н. Нурумов, С.У. Жауымбаев, А.С. Ермолаева, Ж.К. Таймагамбетов, Т.И. Кулик, Н.С. Гецова, Н.А. Боковенко, Э.Р. Усманова, Л.Н. Ермоленко,

С.А. Берденов, В.В. Варфоломеев, Ж.Е. Смаилов и многие другие. Т.М. Тепловодская и Э.Ф. Кузнецова обрабатывали материалы по гончарству и металлическим изделиям [10]. Позже, в середине – второй половине 1980-х гг., удалось побывать на Атасу и автору этих строк. На стационарных исследованиях были привлечены, помимо приезжающих из Алматы, учащиеся ПТУ Каражала, студенты и сотрудники Карагандинского государственного университета, Карагандинского политехнического института, хорошая связь была налажена с Ленинградом.

В 1975–1976 гг. М.К. Кадырбаев исследовал пять жилищ (20, 21, 5, 6, 7) поселений Атасу, материалы которых вошли в изданную под его редакцией монографию А.Х. Маргулана [4. С. 165–184]. Затем были продолжены исследования как на этом поселении, так и на ряде других памятников. Именно в это время были получены данные о «памятниках опорного района» Атасу (рис. 2).

Статья М.К. Кадырбаева «Шестилетние работы на Атасу» [11] вышла после смерти ученого. Эта работа представляет собой краткий обзор достигнутых успехов, одновременно она перед читателем, прежде всего знакомым с настоящей темой, раскрывает основные

цели исследователя, перспективы и объем тех задач, которые должны были решаться на этом комплексе.

Говоря о нерешенных, дискуссионных вопросах андроноведения, о периоде 1970-х гг. как о периоде «смены парадигм», автор подчеркивает важность «сбора массовой информации» в местах «наибольшей концентрации разнотипных памятников». Развивая свою мысль, автор дает такую характеристику атасускому комплексу: «К числу таких крупнейших в Центральном Казахстане микрорайонов сосредоточения древностей развитой бронзы и ее заключительного этапа относится территория верховий реки Атасу... Ядро Атасуского микрорайона составляют три поселения – Атасу I, Атасу II (Акмустафа) и Мыржик, серия некрополей Сангыру I-III, Атасу I-III, Акмустафа, Мыржик I-II и горные выработки Сарыбулак, Дарат, Огузтау» [11. С. 134]. После безвременной кончины М.К. Кадырбаева в июне 1982 г. исследования продолжили его ближайшие коллеги и ученики С.М. Ахинжанов, Ж. Курманкулов и др.

Ж. Курманкуловым была подготовлена к печати и издана в 1992 г. совместная с М.К. Кадырбаевым монография [12], где были обобщены материалы по Атасу.

Ранний железный век, за исключением указанных работ М.К. Кадырбаева на Сангыру-1 в 1958 г., а также некоторых его архивных материалов, касающихся единичных неопубликованных объектов, тогда еще не был предметом специальных исследований на Атасу.

В 2014 г. группой под руководством автора начаты новые исследования на территории Атасуского микрорайона. Были проведены разведочные работы, где основной упор делался на выявление и осмотр технического состояния ранее открытых памятников с составлением новой полевой документации. Важной частью задачи являлось проведение консервационных и реставрационных работ на ранее раскопанных объектах. Проводились раскопки новых объектов.

Возвращаясь к теме раннего железного века, отметим, что некоторые обследования местности в 2014 г. убедили в наличии достаточно ярких и перспективных памятников этой эпохи.

В частности, перспективным является изучение вновь открытого могильника Мыржык-6 (нумерация присвоена в 2014 г.), находящегося в 2 км к северо-востоку от одноименной зимовки. В группе три кургана вытянуты по линии ССВ-ЮЮЗ, диаметры их составляют 20–25 м при высоте около 1,1–1,2 м. Все насыпи – из земли с участием камня, на расстоянии от насыпи проходит округлая каменная ограда. Юго-восточнее могильника Акмустафа, на расстоянии 300–400 м, находится могильник из трех каменных курганов. Центральное положение занимает здесь курган 1 диаметром 18 м. Два остальных каменных кургана имеют диаметры 5 и 6 м. На территории микрорайона в ряде мест отмечены курганы с «усами». В могильниках Сангыру-2, Айдарлы имеются раскопанные курганы с «усами», частично исследованный один ком-

плекс находится в урочище Койшоки, неисследованный комплекс есть в районе поселения Атасу. Возле горы Кабантау в 2014 г. изучен один комплекс.

В свете планируемых новых изысканий по раннему железному веку на Атасу интересен клад металлических предметов раннесакского времени, найденный в ограде 96Б могильника Акмустафа.

Согласно сообщению Ж. Курманкулова, исследовавшего этот памятник [13. С. 145–147], ограда 96Б располагалась на территории могильника несколько обособленно – в 150 м к юго-востоку от основной части. Ограда округлой формы составлена из семи вертикально установленных плит, диаметр ее – 5,6 м. Человеческое погребение в ограде отсутствует. Внутри ограды, в восточном секторе, находилась упавшая плита, некогда стоявшая вертикально и напоминающая по форме «бараний камень» (по А. Х. Маргулану) бегазыдандыбаевской культуры. Западнее этой плиты были найдены металлические предметы конской сбруи.

На глубине 0,2 м обнаружены два изделия – подпружная пряжка и пронизь-застежка с грибовидной шляпкой. На глубине 0,4 м была вскрыта небольшая яма прямоугольной формы со сторонами 0,15 x 0,16 м, содержащая фрагменты сожженных костей лошади, бронзовые, железные предметы конской узды (рис. 3).

В составе комплекса находятся следующие предметы: пара трехдырчатых псалиев с двуплановым расположением отверстий (рис. 3, 1, 2); удила со стремевидными окончаниями и отверстием пешковидной формы, с упором, с прямоугольными выступами на стержнях (рис. 3, 3); две пряжки (рис. 3, 4, 5); три обоймы-распределители, полусферические шляпки которых имеют граненую поверхность (рис. 3, 6); три пронизь-застежки с круглой шляпкой на стержне, по форме шляпки также заметен многогранник (рис. 3, 7, 8, 9); две фрагментированные полусферические бляшки (рис. 3, 10); две фрагментированные бляшки с ровным щитком, имеющим невысокую закраину (рис. 3, 11); кольцо (рис. 3, 12). Три изделия из железа – одна застежка (рис. 3, 9) и две бляшки с закраиной (рис. 3, 11). Все остальные предметы выполнены из бронзы.

Как подчеркивает Ж. Курманкулов, датировавший данный комплекс предметов узды VIII–VII вв. до н.э., клад связан со стелой бегазыдандыбаевского (поздне-бронзового) облика, у подножия которой было совершено ритуальное захоронение черепа лошади. Предметы узды из ямы побывали в ритуальном костре, совершенном в стороне, часть предметов деформирована от воздействия огня, некоторые расплавились. Были еще несколько неподдающихся определению фрагментов от расплавленных бронзовых предметов. Эти изделия [14], ныне хранящиеся в Центральном государственном музее РК (г. Алматы), остаются неизвестными для широкого круга специалистов и должны рассматриваться в контексте изучения конской сбруи раннесакского/раннескифского времени степей Евразии.

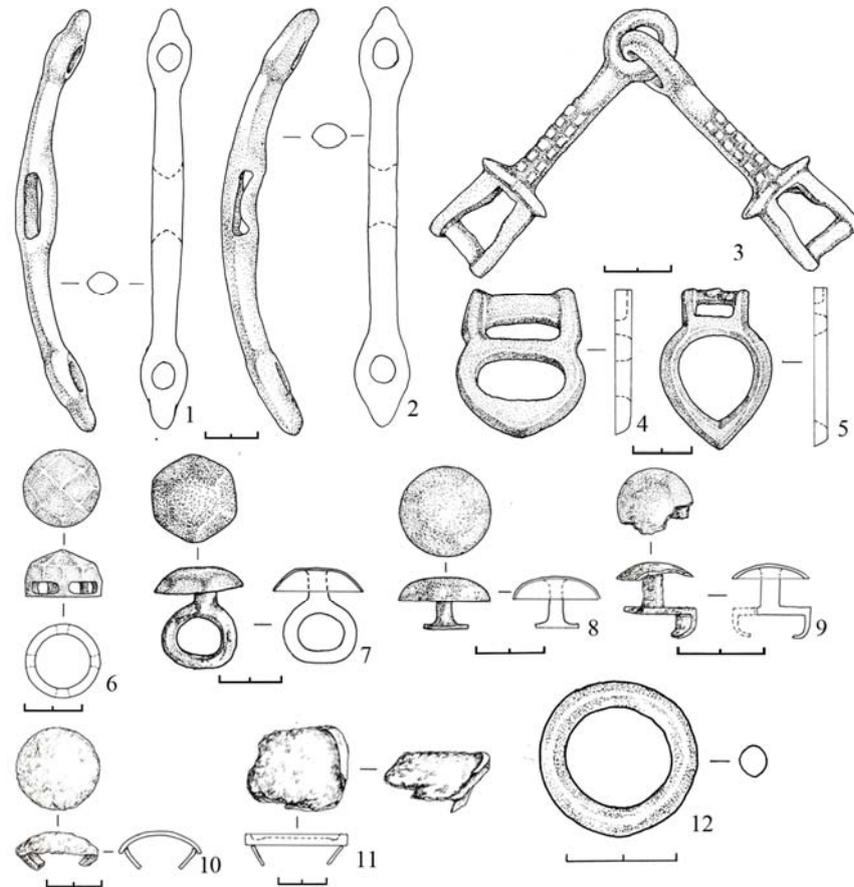

Рис. 3. Предметы конской сбруи из ограды 96Б могильника Акмуштафа

На Атасу Ж. Курманкуловым и Л.Н. Ермоленко проведены плодотворные исследования памятников Средневековья. Это работа, результаты которой отражены в целом ряде публикаций [15–20], продолжается и сейчас.

В полевом сезоне 2014 г. проведены работы по реставрации (восстановлению) мавзолея 7 могильника Сангыру-1. Могильник Сангыру-1 был исследован ЦКАЭ в 1955, 1963 гг., и его материалы, наряду с данными таких памятников, как Бегазы, Дандыбай, Бугулы-3 и др., вошли в круг источников для выделения А.Х. Маргуланом бегазы-дандыбаевской культуры. Мавзолей 7 раскопан в 1963 г., данные его раскопок вошли в монографию А.Х. Маргулана 1979 г. [4. С. 124–131]. За истекшее время старые отвалы раскопок повсеместно оплыли и значительно перекрыли края каменных конструкций сооружения, что, в принципе, оказало благоприятную услугу в сохранении вскрытого полвека назад объекта. Факты вывоза камней от старых раскопок на строительные нужды встречаются повсеместно. Но здесь мавзолей от антропогенных воздействий особо сильно не пострадал. Крупных населенных пунктов в этой местности нет, что, видимо, тоже играло роль. Развал раскопанных и расчищенных каменных конструкций произошел,

главным образом, естественным путем. Каменные конструкции мавзолея были полностью расчищены с частичной разборкой особо развалившихся участков, после чего сооружение было восстановлено по раскопочным чертежам и описаниям (рис. 4). С северной стороны сооружения, в старом отвале на глубине 0,45 м, был найден фрагмент керамики.

После завершения работ на мавзолее 7 были проведены раскопки новых памятников.

Ограда 13 могильника Сангыру-1 представляет собой подквадратное сооружение размерами 4 x 4 м (рис. 5). Центральное место занимает квадратный, наземного типа, ящик со сторонами 1,4 x 1,4 м, сооруженный из цельных обработанных гранитных плит. Квадратной формы ограда из вертикально установленных плит сохранилась фрагментарно. Между ящиком и оградой прослеживается разрушенная и частично разобранная в наше время простая кладка из горизонтальных плит. В ходе раскопок была расчищена в северо-западном углу сооружения лежащая крупная плита длиной свыше 1 м. Судя по лунке, глубиной 0,18 м на материковом уровне, по-видимому, это упавший менгир. В северо-восточном углу ящика были обнаружены разрозненные обломки костей человека и фрагменты от развала сосуда.

Рис. 4. Мавзолей 7 могильника Сангры-1. Вид после реставрации

Другие сооружения эпохи поздней бронзы были вскрыты на могильнике Сангыру-3, расположенном севернее Сангыру-1 и Сангыру-2, в глубине ущелья у восточного склона одноименной горы.

Ограда 2 (сооружение 2) могильника Сангыру-3. Выбранный для исследования объект занимает крайнюю восточную позицию на могильнике. До раскопок представлял собой округлое каменно-земляное сооружение общим диаметром около 9–10 м, высотой над современной дневной поверхностью до 0,5 м. В ходе работ на площади раскопа здесь были вскрыты несколько конструкций. Основным объектом является большой округлый курган-ограда 2 диаметром около 8,5 м с центральным погребением, обозначенный как ящик 1. В восточной части насыпи расчищен ящик 2. К северному краю насыпи кургана-ограды 2 примыкает отдельная малая ограда 3. Выявленный в юго-западному углу раскопа жертвенник с менгиром, вероятно, связан с курганом-оградой 2.

Курган-ограду 2 можно считать погребальным сооружением мавзолейного типа (рис. 6).

В центре сооружения расположена погребальная камера в виде крупного наземного ящика, вокруг которого расчищены камни оплывшей конструкции, в момент раскопок имеющей вид округлой «насыпи». Последняя состояла из колотых камней, положенных на тонкую грунтовую подсыпку, которая постепенно возвышается к центру и ближе к погребальной камере имеет мощность до 0,2 м от материкового уровня.

Диаметр данной конструкции 8,4 м, высота – 0,5 м. В южной части конструкции лежали разбросанные плиты длиной до 1 м и шириной 0,5 м. По всей вероятности, это плиты перекрытия ящика, выброшенные грабителями.

Дальнейшая расчистка выявила в структуре камней «насыпи» кладку квадратных очертаний, состоящую из обломков плит крупных и средних размеров. По своему внешнему периметру она ограничена квадратной оградой сторонами 4,5 x 4,5 м, составленной из больших вертикальных плит. Прямоугольные плиты поставлены на ребро, под углом во внутреннюю сторону, без заглабления в грунт. Высота плит над современной дневной поверхностью достигает 0,5–0,8 м. Западная стена ограды частично разрушена, плиты завалены. С внешней стороны плиты ограды подпираются грунтовой подсыпкой и уложенным поверх нее слоем из обломков плит. Последняя деталь наземной части сооружения, а именно каменно-земляной слой, подпирающий плиты ограды со всех сторон, имеет круглую на плане форму, и она создает законченный округлый вид всей наземной конструкции.

В центре сооружения установлен подквадратный ящик (ящик 1), сооруженный из четырех больших плит. Его размеры 2,3 x 2 м, высота 1,2 м. Плиты ящика врыты в материк на 0,15 м. Ящик был заполнен колотым камнем и обломками плит. На дне его в северо-восточном углу были найдены мелкие истлевшие обломки человеческих костей и несколько фрагментов от

плоскдонного сосуда серого цвета. Пространство между ящиком и оградой использовано для возведения

монолитной стены, выложенной обломками плит с землей. Ширина кладки составила 0,9–1 м.

Рис. 5. Ограда 13 могильника Сангру-1. План и разрез

В 0,3 м к юго-западу ограды 2 расчищен округлой формы жертвенник из шести уложенных плашмя камней. Диаметр около 1,15 м. С южной стороны жертвенника в свое время стоял вкопанный в землю менгир высотой 1,5 м. В момент раскопок зафиксирована нижняя часть менгира, возвышающаяся над материком на высоту 10 см. Неподалеку, чуть западнее, лежала основная часть менгира. Длина ее – 1,4 м.

В 0,4 м от восточной стены ограды 2 был расчищен ящик 2, впущенный в насыпь первой. В длину ящик был 1,4 м, в ширину 1 м. Кости погребенного не сохра-

нились, у восточной стены найден небольшой плоскодонный горшок.

С северной стороны каменной насыпи ограды 2 расположена *малая ограда 3* (рис. 6). Она имела квадратную форму, размеры 3,5 x 3,5 м. Внутри нее находился ящик размерами 1 x 1 м. Плиты ящика и ограды развалены. Пространство между ящиком и оградой было забутовано камнем. В заполнении ящика, чуть выше дна, найдены мелкие обломки человеческих костей, у восточной стены ящика найдены фрагменты плоскодонного сосуда.

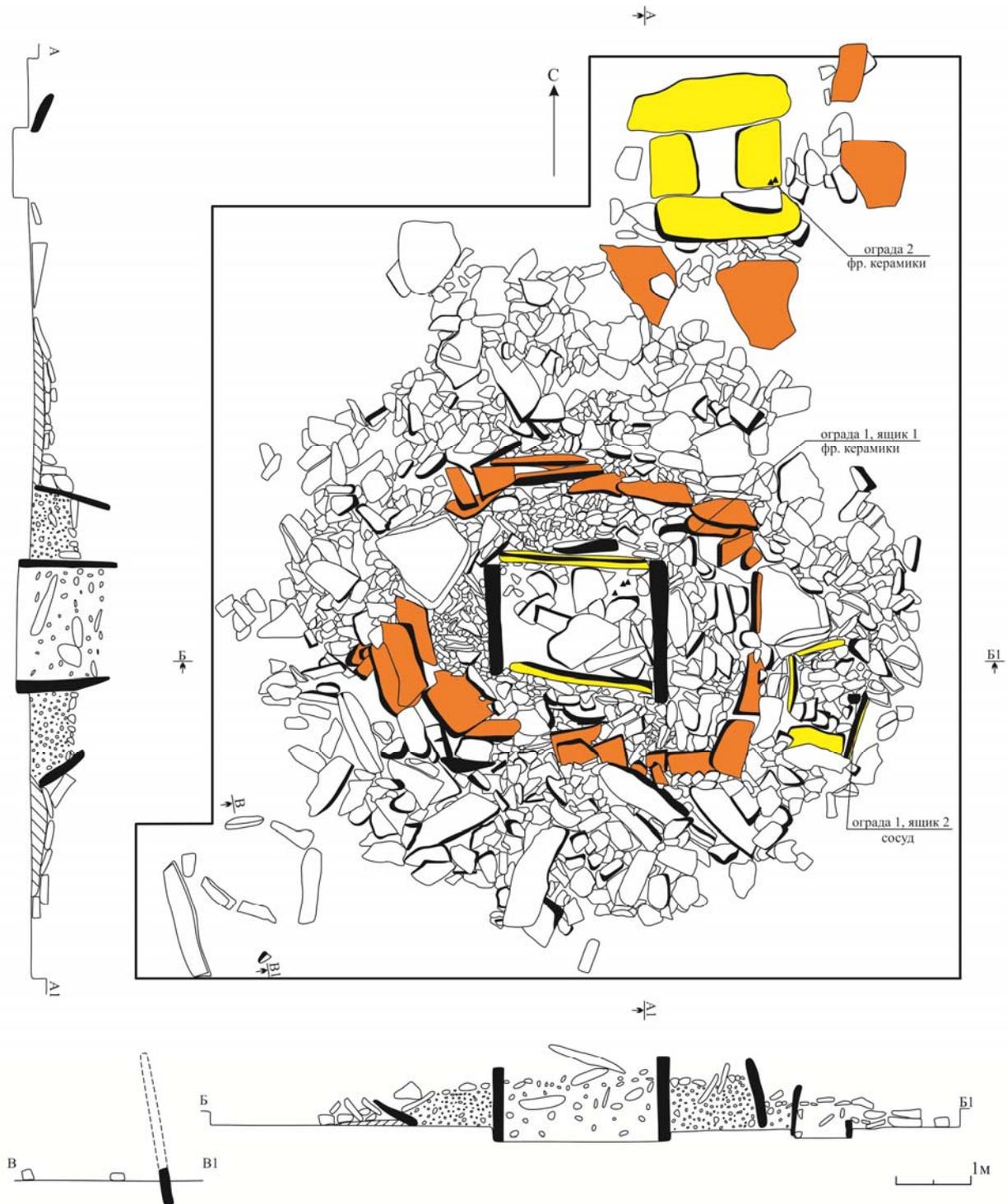

Рис. 6. Ограды 2 и 3 могильника Сангры-3. План и разрезы

В рассмотренных сооружениях найдена керамика, в целом характерная для могильников бегазыдандыбаевского времени. Из старых отвалов мавзоля 7 происходит фрагмент (рис. 7, 1) придонной части плоскодонного сосуда с частично сохранившимся орнаментом, выполненным гребенчатым штампом с трапециевидным сечением зубцов. По-видимому, орнамент захватывал среднюю часть тулова и представлял собой многорядный вертикальный зигзаг. В ящике ограды 13 могильника Сангры-1 находился развал

неорнаментированного сосуда горшковидной формы (рис. 7, 7) с прямостоящей шейкой и сферическим туловом. Диаметр дна значительно меньше диаметра устья, основание шейки опоясывает узкое валикообразное утолщение. В центральном погребении (ящик 1) ограды 2 могильника Сангры-3 найдены фрагменты сосуда, украшенного двумя слабовыраженными каннелюрами (рис. 7, 4, 5). В ящике 2 найден (рис. 7, 6) неорнаментированный сосуд горшковидной формы с отогнутой наружу раструбообразной шейкой и округ-

лым плечиком, находящимся на середине высоты сосуда. В ограде 3 могильника Сангыру-3 обнаружены фрагменты (рис. 7, 2, 3) сосуда с орнаментом в виде горизонтальной цепочки округлых вдавлений, под ко-

торой в шахматном порядке расположены треугольники из трех таких же вдавлений. Орнамент выполнен концом округлой палочки с треугольным вырезом на торце.

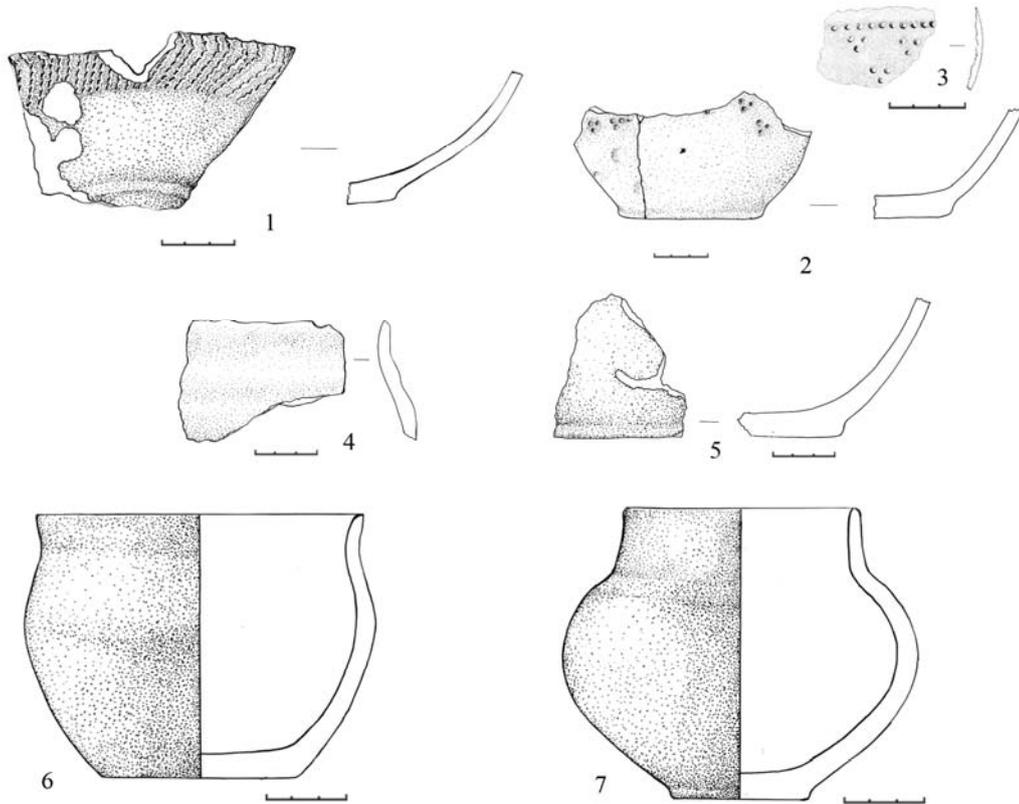

Рис. 7. Керамика из могильников Сангыру-1 и Сангыру-3: 1 – Сангыру-1, мавзолей 7; 2–3 – Сангыру-3, ограда 3; 4–5 – Сангыру-3, ограда 2, центральное погребение (ящик 1); 6 – Сангыру-3, ограда 2, ящик 2; 7 – Сангыру-1, ограда 13

По образцам из фрагментов костей животного и людей, найденных в мавзолее 7 и ограде 13 могильника Сангыру-1, в ограде 3 могильника Сангыру-3 были получены радиоуглеродные даты (таблица). Анализы были проведены в лаборатории радиоуглеродного датирования в Королевском университете (г. Белфаст, Северная Ирландия, Великобритания; куратор проекта С. Святко).

Следует оговорить условие находки кости животного в мавзолее 7 могильника Сангыру-1. В погребальной камере, представленной крупным наземным ящиком, в момент вторичной расчистки памятника находок и костей не было. В ходе разборки развалов и полной рас-

чистки остатков стен и ограды сооружения, что обычно предшествует реставрационным работам, в узком пространстве между северной стеной ящика и горизонтальной плиточной кладкой на материковом уровне был обнаружен крупный обломок кости животного (метаподия лошади). Один конец кости оказался зажатым между плитами самого нижнего ряда стены-кладки, по-видимому, кость попала туда еще в ходе строительства мавзолея. Во время археологических раскопок ЦКАЭ стена-кладка не разбиралась, поэтому данная кость обнаружена нами в неповрежденном состоянии.

AMS ^{14}C дата проанализированных образцов из мавзолея 7 и ограды 13 могильника Сангыру-1, ограды 2 могильника Сангыру-3

Лабораторный номер	Памятник	^{14}C ВР	Калиброванная дата (1 Сигма, 68.3)	Калиброванная дата (2 Сигма, 95.4)
UBA-28364	Мавзолей 7, могильник Сангыру-1	3179±30	Cal BC 1496-1474 0.379 1461-1427 0.621	Cal BC 1505-1408 1.000
UBA-28365	Ограда 13, могильник Сангыру-1	3055±29	Cal BC 1386-1339 0.464 1317-1268 0.506	Cal BC 1406-1256 0.942 1251-1231 0.058
UBA-28368	Ограда 2, могильник Сангыру-3	3158±32	Cal BC 1494-1479 0.184 1456-1408 0.816	Cal BC 1502-1387 0.952 1338-1319 0.048

В ходе полевых исследований автор обратил внимание на архаичный характер архитектуры мавзолея 7, а также ограды 2, имеющей вид мавзолейного сооружения. Полученные даты позволяют отнести три исследованных памятника в целом к периоду не ранее XV в. до н. э. и не позднее середины XIII в. до н. э. В том числе более ранним представляется позиция мавзолея 7 могильника Сангыру-1, верхняя радиоуглеродная дата которого не выходит за пределы XV в. до н. э. Если исходить из калибровочных значений дат трех памятников, то можно представить их усредненную датировку в рамках XV–XIV вв. до н. э. По бегазы-дандыбаевской культуре Центрального Казахстана, куда относятся эти три памятника, в настоящее время накопился ряд нерешенных проблем [21–23]. Одна из важнейших среди них – это проблема хронологии. В ранние периоды работ у исследователей бытовало мнение о гораздо поздней дате памятников бегазы-дандыбаевской культуры. Затем сложилось в науке представление о периоде XIII–IX вв. до н. э. как времени существования культуры в целом. Разумеется, полученные в группах Сангыру три даты не решают все вопросы. Нужны более представительные серии.

В настоящее время в ряде научных центров по памятникам разных эпох получены многочисленные серии радиоуглеродных и иных дат. Обсуждение вопро-

сов хронологии, а также рассмотрение целого ряда других аспектов выходят за рамки нашего повествования. Тем не менее отметим, что традиция строительства так называемых мавзолейных погребальных сооружений в Центральном Казахстане, по-видимому, сложилась гораздо раньше, чем это представлялось. Это, в свою очередь, затрагивает вопрос о длительности бытования данной традиции. Тамбурные мавзолеи некрополя Бегазы, если исходить из наличия наконечников стрел предсакского облика в мавзолее 1, должны датироваться временем начала I тыс. до н. э. От Сангыру до Бегазы лежит временной отрезок длиной в полтысячи лет. Между тем по основным архитектурно-конструктивным особенностям, характеру других материалов эти и другие известные нам каменные гробницы бегазы-дандыбаевской эпохи характеризуют одно культурное сообщество.

Тридцать лет назад Атасу был определен в качестве одного из опорных районов изучения древней культуры Центрального Казахстана. Итоги работ 2014 г. показали большую перспективность реализации нового этапа исследований в Атасуском микрорайоне. Общий объем предстоящих изысканий можно разбить на два блока: 1) фиксация и исследование памятников разных исторических периодов с целью получения более полных научных данных; 2) мероприятия по сохранению и использованию памятников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алдажуманов К.С., Курманкулов Ж., Бейсенов А.З., Евдокимов В.В. Введение // Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем / под ред. К.С. Алдажуманова и А.З. Бейсенова. Алматы : Эверо, 2004. С. 5–27.
2. Маргулан А.Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Известия АН КазССР. Серия археолог. 1951. Вып. 3. С. 3–52.
3. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1966. 435 с.
4. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1979. 335 с., прил.
5. Маргулан А.Х. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1956. № 3. С. 18–32.
6. Маргулан А.Х. Открытие новых памятников культуры эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М. : Восточ. лит-ра, 1960. 12 с.
7. Кадырбаев М.К. Могильник Сангыур II // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Тр. Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1961. Т. 12. С. 48–61.
8. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (По металлическим изделиям). Ташкент : Фан, 1991. 201 с.
9. Уманова Э. «Воскреси мне луну золотую...» // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии : сб. в честь 65-летия Ж. Курманкулова / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы : Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола, 2013. С. 18–22.
10. Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы : Гылым, 1994. 207 с.
11. Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : ЧелГУ, 1983. С. 134–142.
12. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Са-Арки. Алма-Ата : Гылым, 1992. 247 с.
13. Курманкулов Ж. Новые материалы VIII–VII вв. из Центрального Казахстана // Маргулановские чтения : сб. матер. конф. Алма-Ата : ИИАЭ АН КазССР, 1989. С. 145–147.
14. Культура ранних кочевников Казахстана: археологические коллекции. Научный каталог. Алматы : ЦГМ РК, 2009. 430 с.
15. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния с верховьев реки Атасу // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда : КарГУ, 1987. С. 102–108.
16. Ермоленко Л.Н. О семантике средневековых кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетиях н. э. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994. С. 157–165.
17. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 2004. 132 с.
18. Ермоленко Л.Н., Гецова Н.С., Курманкулов Ж.К. Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири : сб. науч. тр. Новосибирск : Наука, 1985. С. 137–161.
19. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж. Центрально-казахстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика // Маргулановские чтения (тезисы). Петропавловск, 1992. С. 116–119.
20. Ермоленко Л.Н., Касенова А.Д. Вклад А.Х. Маргулана в изучение древней каменной скульптуры Центрального Казахстана // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3 (59). Т. 2. С. 20–23.
21. Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В. Могильник Бегазы. Центральный Казахстан в бегазы-дандыбаевскую эпоху. Алматы : Инжу-Маржан, 2008. 126 с.

22. Бейсенов А.З. Бегазы. Новые исследования в Центральном Казахстане // Свидетели тысячелетий: Археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991–2011) : сб. науч. ст., посв. 20-летию независимости Казахстана. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. С. 57–68. На каз. яз.
23. Варфоломеев В.В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы : матер. междунар. науч. конф., посв. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Алматы, 2011. Т. I. С. 210–240.

Beisenov Arman Z. Institute of Archaeology after A.H. Margulan of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan). E-mail: azbeisenov@mail.ru

MONUMENTS OF THE UPPER ATASU RIVER IN CENTRAL KAZAKHSTAN.

Keywords: Central Kazakhstan; Atasu; Bronze Age; Early Iron Age; settlements; burial grounds; restoration; topography.

The article discusses a group of archaeological monuments located in the upper Atasu river in the Karaganda region. They were discovered for the first time for the scientific community 60 years ago by A.Kh. Margulan. In 1955, the Central Kazakhstan archaeological expedition under the guidance of A.Kh. Margulan excavated the Bronze Age settlement Atasu. In 1974–1981 M.K. Kadyrbaev held stationary excavations of large Bronze Age settlements Atasu, Akmustafa, Myrzhyk, as well as of a number of large cemeteries located near them. It led to the discovery of the “core sites of Atasu area”. The research works continued by M. K. Kadyrbaev's colleagues in the early 1990s have stopped. Atasu group is defined as a large metallurgical center of the Bronze Age in Eurasia steppes in the works of scientists of Kazakhstan. Currently questions to continue a comprehensive study of these monuments related to the incompleteness of the job have actualized. In 2014, the author started new research works on Atasu. All known objects were viewed, new field documentation was drawn, and many new monuments were opened. New researches were conducted on cemeteries Sangyru-1 and Sangyru-3 of Begazy-Dandybay culture. Detailed researches and restoration of the three previously excavated objects were carried out on the cemetery Sangyru-1, one burial structure was excavated on Sangyru-3. Recent studies have shown that in addition to the objects of the Bronze Age the area is full of outstanding monuments of the early Iron Age, including large mounds with stone walls. Burial mounds Myrzhyk-6, which are recorded in the 2014, have stone-earthen embankment with the height more than 1 m, and 20–25 m in the diameter. They are promising for the further studies. The mounds are surrounded by a circular fence of vertically set slabs. Mounds with stone ridges are found on the territory. In 1980s J. Kurmankulov in Akmustafa burial found a unique treasure of metallic objects (harness) belonging to the early Sak time. These articles are still unknown to many specialists. Conducting stationary research of early Iron Age monuments is one of the outstanding and urgent tasks on Atasu. The results of work in 2014 are promising for further implementation of a new research phase in Atasu. The total amount of future research can be divided into two parts: 1) a study of monuments of different historical periods in order to obtain more complete scientific data; 2) activities for conservation and use of monuments. Much attention is paid to the use of modern techniques in dating sites, studies of the obtained materials, cartography, topography, and others.

REFERENCES

1. Aldazhumanov, K.S. & Beysenov A.Z. (eds.) (2004) *Vostochnaya Saryarka. Karkaralinskiy region v proshlom i nastoyashchem* [Eastern Saryarka. Karkaral the region in the past and present]. Алматы: Evero. pp. 5-27.
2. Margulan, A.Kh. (1995) Tretiy sezon arkheologicheskoy raboty v Tsentral'nom Kazakhstane [The third season of archaeological work in Central Kazakhstan]. *Izvestiya AN KazSSR*. 3. pp. 3-52.
3. Margulan, A.Kh., Akishev, K.A., Kadyrbaev, M.K. & Orazbaev, A.M. (1966) *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [The ancient culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
4. Margulan, A.Kh. (1979) *Begazy-dandybaevskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
5. Margulan, A.Kh. (1956) Glavneyshie pamyatniki epokhi bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana [The main monument of the Bronze Age of Central Kazakhstan]. *Vestnik Akademii Nauk Kazahskoy SSR*. 3. pp. 18-32.
6. Margulan, A.Kh. (1960) *Otkrytie novykh pamyatnikov kul'tury epokhi pozdney bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana* [The discovery of new monuments of culture of the Late Bronze Age of Central Kazakhstan]. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Kadyrbaev, M.K. (1961) *Mogil'nik Sanguyr II* [Burial Sanguyr II]. In: Arghynbaev, Kh. & Kadyrbaev, M.K. (ed.) *Novye materialy po arkheologii i etnografii Kazakhstana* [New materials on archeology and ethnography of Kazakhstan]. Alma-Ata: Khazah SSR. Vol. 12. pp. 48-61.
8. Avanesova, N.A. (1991) *Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy Aziatskoy chasti SSSR (Po metallicheskim izdeliyam)* [The culture of shepherd tribes of the Bronze Age in the Asian part of the USSR (based on metal products)]. Tashkent: Fan.
9. Usmanova, E. “*Voskresi mne lunu zolotuyu...*” [Resurrect the gold moon for me]. In: Beysenov, A.Z. (ed.) *Begazy-dandybaevskaya kul'tura stepnoy Evrazii* [Begazy-Dandybay culture of Eirasian steppe]. Алматы: Research Center for History and Archaeology of Begazy-Tasmola. pp. 18-22.
10. Kuznetsova, E.F. & Teplovodskaya, T.M. (1994) *Drevnyaya metallurgiya i goncharstvo Tsentral'nogo Kazakhstana* [Ancient pottery and metallurgy of Central Kazakhstan]. Алматы: Gylym.
11. Kadyrbaev, M.K. (1983) *Shestiletie raboty na Atasu* [Six-year work at Atasu]. In: Zdanovich, G.B. (ed.) *Bronzovyy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyskogo mezhdurech'ya* [The Bronze Age steppe zone of the Ural-Irtys interfluv]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. pp. 134-142.
12. Kadyrbaev, M.K. & Kurmankulov, Zh. (1992) *Kul'tura drevnykh skotovodov i metallurgov Sa-Arki* [The culture of ancient herdsmen and metallurgists of Sa Arch]. Alma-Ata: Gylym.
13. Kurmankulov, Zh. (1989) [New Materials of the 8th–7th of Central Kazakhstan]. *Margulanovskie chteniya* [Margulan Readings. Proc. of the Conference. Alma-Ata: AS KazSSR. pp. 145-147.
14. *Kul'tura rannikh kochevnikov Kazakhstana: arkheologicheskie kolleksii* [The culture of the early nomads of Kazakhstan: archaeological collections]. (2009) Алматы: TsGM RK.
15. Ermolenko, L.N. (1987) *Srednevekovyye kamennyye izvayaniya s verkhov'ev reki Atasu* [Medieval stone sculptures from the upper reaches of the river Atasu]. In: Evdokimov, V.V. (ed.) *Voprosy periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana* [Issues of periodization of archaeological monuments of Central and Northern Kazakhstan]. Karaganda: Karaganda State University. pp. 102-108.
16. Ermolenko, L.N. (1994) *O semantike srednevekovykh kochevnicheskikh svyatilishch so skrytymi v nasypyakh izvayaniyami* [About the semantics of nomadic medieval shrines with sculptures hidden in mounds]. In: *Etnokul'turnyye protsessy v Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v I–II tysyacheletii n. e.* [Ethno-cultural processes in the South Siberia and Central Asia in the I-II BC]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 157-165.

17. Ermolenko, L.N. (2004) *Srednevekovye kamennye izvayaniya kazakhstanskikh stepey (tipologiya, semantika v aspekte voennoy ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya)* [Medieval stone sculptures of Kazakh steppes (typology, semantics in terms of military ideology and traditional worldview)]. Novosibirsk: SB RAS.
18. Ermolenko, L.N., Getsova, N.S. & Kurmankulov, Zh.K. (1985) *Novyy vid sooruzheniy s izvayaniyami iz Tsentral'nogo Kazakhstana* [A new kind of constructions with sculptures in Central Kazakhstan]. In: *Problemy okhrany arkheologicheskikh pamyatnikov Sibiri* [Problems of archaeological sites in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 137-161.
19. Ermolenko, L.N. & Kurmankulov, Zh. (1992) *Tsentral'no-kazakhstanskije pamyatniki s izvayaniyami kypchakskogo oblika* [Central Kazakhstan monuments with sculptures of Kipchak type]. In: *Margulanovskie chteniya* [Margulan Readings]. Petropavlovsk, 1992. pp. 116-119.
20. Ermolenko, L.N. & Kasenova, A.D. (2014) Margulan's contribution to the research of ancient stone sculpture of central Kazakhstan. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3-2 (59). pp. 20-23. (In Russian).
21. Beysenov, A.Z. & Varfolomeev, V.V. (2008) *Mogil'nik Begazy. Tsentral'nyy Kazakhstan v begazy-dandybaevskuyu epokhu* [The Burial of Begazy. Central Kazakhstan in Begazy-Dandybay era]. Almaty: Inzhu-Marzhan.
22. Beysenov, A.Z. Begazy. (2011) *Novye issledovaniya v Tsentral'nom Kazakhstane* [New research in Central Kazakhstan]. In: *Svideteli tysyacheletii: Arkheologicheskaya nauka Kazakhstana za 20 let (1991–2011)* [Witnesses of the millennium. Archeology in Kazakhstan for 20 years (1991-2011)]. Almaty: Institute for Archeology. pp. 57-68. (In Kazakh).
23. Varfolomeev, V.V. (2011) [Begazy Dandybay culture of the steppes of Central Eurasia]. *Arkheologiya Kazakhstana v epokhu nezavisimosti: itogi, perspektivy* [Archeology of Kazakhstan in the era of independence: results and prospects]. Proc. of the International Research Conference. Almaty. Vol. I. pp. 210-240. (In Russian).

ПАЛЕОХОРЕОГРАФИЯ В НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКАХ ТУВЫ

Исследуется палеохореография, запечатленная в наскальных рисунках, обнаруженных на территории современной Тувы. При осуществлении палеохореографического анализа наскальных рисунков Тувы особое внимание было уделено выявлению основных компонентов статики и кинематики изображений персонажей повседневных и ритуальных действий далеких предков тувинцев, запечатленных в наскальном искусстве Тувы, а также раскрытию танцевальной семантики данных изображений посредством детального анализа танцевальных поз и движений персонажей наскальных рисунков.

Ключевые слова: палеохореография; тувинский танец; наскальные рисунки Тувы; древний уйгурский танец.

Термин «палеохореография» впервые прозвучал в Институте археологии и этнографии СО РАН в Новосибирском Академгородке в начале 1994 г. [1. С. 78]. В.В. Ромм делает первые попытки в разработке методов реставрации движений палеолитической пластики [2. С. 128]; Р.П. Повелейко – первые шаги в анализе культуры движения [3. С. 78]. Термин «палеохореография» определяет совместное исследование палеолитических памятников искусства археологами и хореографами. Предмет палеохореографического анализа – это специфическая и знаковая система, выраженная посредством движений человеческого тела [Там же. С. 78]. И.Г. Есаулов сказал: «Искусство хореографии – это наука» [4. С. 78].

Многочисленные наскальные рисунки, обнаруженные на территории современной Тувы, представляют огромный интерес для ученых, ведущих свои исследования в области истории культуры танца, и практиков современной хореографии. Наскальные рисунки Тувы, показывая различные этапы развития доисторических предков современных тувинцев, запечатлели широкий спектр палеохореографии наших предков: пляски первобытных охотников и собирателей; пляски земледельцев и скотоводов; подражательные пляски змей, птиц и зверей; повседневные, ритуальные, военные, погребальные и трудовые пляски.

В данной статье исследуется палеохореография, запечатленная в наскальных рисунках, обнаруженных на территории современной Тувы. При осуществлении палеохореографического анализа наскальных рисунков Тувы особое внимание было уделено выявлению основных компонентов статики и кинематики изображений персонажей повседневных и ритуальных действий далеких предков тувинцев, запечатленных в наскальном искусстве Тувы, а также раскрытию танцевальной семантики данных изображений посредством детального анализа танцевальных поз и движений персонажей наскальных рисунков. Палеохореографический анализ наскальных рисунков имеет важное значение для современной тувинской хореографии, так как он дает почву для воссоздания утраченной танцевальной культуры тувинского этноса, позволяет развивать и совершенствовать национальный танцевальный фольк-

лор тувинского народа. Кроме того, анализ будет способствовать дальнейшему продвижению в междисциплинарном изучении богатейшего историко-культурного наследия народов, населявших в разные эпохи территорию Тувы, и откроет новые горизонты для ученых, занимающихся сравнительным изучением культур разных народов мира.

В.В. Ромм предлагает методику анализа движений палеолитических плясок [2. С. 128].

Приведём текст рисунка № 266 «Уникален образ пляшущего ритуальную пляску» в комментарии М.А. Дэвлет, чтобы уточнить этот образ [5. С. 185]: «Над рекой возвышается мощный скальный массив. Верхняя плоскость неровная и уступчатая, местами имеет наклон к воде, частично обращена в небо. Здесь сосредоточены высокохудожественные изображения людей и личин-масок, выполненные в точечной технике. Все петроглифы обращены к реке, и некоторые из них, расположенные у самого обрыва к реке, древний художник мог выбить лишь с определённым риском сорваться со скал в реку. Слева одна из самых совершенных личин святилища по степени стилизации и законченности формы. Круглый, как будто выполненный по циркулю овал лица, две скобки на щеках, нос, сужающийся в середине, симметрично расположенные глаза, изысканно изогнутые рога, антенна с окружностью на конце, уши. Надо полагать, что эту личину выбивали уверенная и натренированная рука. Далее, справа изображён человек в широкополом головном уборе, к поясу прикреплен продолговатый предмет, по всей вероятности кожаный сосуд или мешок. Человек держит в руках лук, перед ним козёл с четырьмя ногами и двумя рогами, который обращён головой вправо, к человеку. Далее, на отдельной плоскости изображён человек с посохом в поднятой над головой руке, другая его рука находится перед лицом. Ноги согнуты в коленях. Возможно, что это поза сидящего, но положение рук и весь облик его свидетельствуют в пользу предположения, что здесь изображена фигура человека, исполняющего ритуальный танец. Если это не игра света и воображения зрителя, то на увеличенной фотографии видятся длинные волосы, вьющиеся на концах, и строгий благородный профиль маленького танцора. Справа

парциальная личина без абриса и большая личина-маска со сложной короной на голове в виде соединённых между собой горизонтальной линией антенны, рогов и длинных ушей и лицом, свободным от забивки лишь в верхней трети. Скальная корка сохранена только вокруг глаз и рта. Рядом маленькая личина с большой антенной, которая составляет с носом единую линию и оканчивается на конце окружностью, над ней парциальная личина лишь с местами намеченным абрисом. Справа другая парциальная личина, с незамкнутым контуром лица и без носа. Антропоморфное изображение: маленькая личина с антенной, у которой изображена одна четырёхпалая рука. Ниже личина с опущенными книзу отростками-ушами, а внизу ещё четыре личины. Слева направо: маленькая, безрогая, с обозначенными чертами лица, затем парциальная, не имеющая абриса и рта, далее полная личина-маска с одним наклонным отростком на голове и моделированным лицом, наконец, личина-маска с антенной, имеющей под кружком два маленьких выступа, и отростками-ленточками, свисающими с рогов. Рот в виде дуги выпуклой частью книзу, что создаёт впечатление улыбающегося лица» [5. С. 185]. Посох, или жезл, с крюкообразным завершением он держит в руке, поднятой над головой, другая рука находится перед его лицом, длинные волосы, вьющиеся на концах [5. Камень 226, табл. 47. С. 185]. На микалентных копиях у данного персонажа не лицо, а «рыльце». К вышеописанному можно добавить наши версии.

Проведем анализ рисунка «Уникален образ пляшущего ритуальную пляску» в мугур-саргольском персонаже, выбитого на скальном выходе, который основанием уходит в воды Енисея. На рисунке изображена молодая девушка в позе ритуального движения, в руках посох. Танцовщица одета в облегающий костюм (с изображением лица человека), тонкая талия, ровные идеальные пропорции тела, точные движения рук свидетельствуют о сверхсложной технике исполнения движения. Рост маленький, фигура изящная, худенькая, руки и ноги длинные худощавые, физические данные безупречные. Состояние мышечного аппарата человека позволяет сделать сверхсложные движения, говорит о хорошей физической подготовке. Прямой корпус тела наклонён на 45°, ноги согнуты, как бы в движении, правая нога впереди, левая нога сзади, обе в согнутом положении, лицо смотрит на землю. Утончённое лицо смотрится изумительно красиво, возвышенный нос, большие глаза, головной убор – в богатом убранстве, левая рука перед лицом в согнутом положении как бы молится земле, а правая рука поднята вверх сзади корпуса, в правой руке посох. Возможно, ритуальная пляска исполняется в ритмическом темпе, с глубокой концентрацией. Настроение танцовщицы не весёлое и не грустное, а, скорее, задумчивое. Пляска не связана с тотемом, не изображает подражание животных. Можно даже сказать, что масок нет, а есть красивая причёска или богатый головной убор. Изящная поза говорит о

сложности движений (выворотные, необычные, характерные). Положение ног следующее: на полупальцах, возможно, чередуются высокие и быстрые прыжки, поза ног свидетельствует о чувстве ритма. Положение рук: кисти рук необычайно гибки, так как в руках изображён посох.

Исходное положение: прямой корпус, руки и ноги прямые. Жрица начинает ритуальную пляску с прыжка. Производит режущий жест рукой на землю, концентрируя свой взгляд в подземный мир с его духами. Но в современной хореографии нет такого сюжета. Движения режущие бывают только в стиле «Бхарата натьям» индийского классического танца. Посредством движения патака¹ тхенга (уверенное «Я буду!») – правая рука в хасте мушти направляется резко вниз. Талвар нритья – пляска, которая исполняется с мечами или в которой имитируется держание меча.

Можно предположить, что обычная ритуальная пляска первобытно-общинного строя состоит из следующих движений. Туловище низко наклонено на 45°. На счёт «раз» – шаг правой ногой, на счёт «два» – шаг правой ногой (т.е. два шага правой ногой, два шага левой ногой), туловище два раза чуть наклоняется вниз. На счёт «три» – шаг левой ногой, на счёт «четыре» – шаг левой ногой, туловище два раза чуть наклоняется вниз и т.д. На счёт «раз» – опустить правую руку вниз и перевернуть ладонью вверх, а левую руку поднять вверх и перевернуть ладонью вверх, на счёт «два» – перевернуть кисть правой руки ладонью вниз, перевернуть кисть левой руки ладонью вниз; на счёт «три» – правую руку опустить вниз и перевернуть кисть ладони вверх, левую руку поднять вверх и перевернуть кисть левой руки ладонью вверх, на счёт «четыре» – перевернуть кисть правой руки ладонью вниз, перевернуть кисть левой руки ладонью вниз. Здесь кисть руки танцора как бы трепещет. Далее повторить те же движения. Но, к сожалению, посох в правой руке мешает исполнить такие движения. Здесь виден концентрированный взор в подземный мир, что выражает не просто исполнение механического движения, а ритуальной пляски, имеющей свои функции. Через некоторое время нам открывается секрет этого таинственного движения.

К окончательному выводу приходим, когда на Интернет-сайте «Танцы народов мира» (уйгуры буквально недавно стали публиковать свое хореографическое искусство) из уйгурских танцев наблюдаем «Древнюю уйгурскую пляску», на котором уйгурская девушка исполняет древнюю уйгурскую пляску (Уйгурский каганат в Туве существовал в VIII–IX вв.). И мы видим точно такие же движения из наскального рисунка. Как мы и предполагали ранее о богатом головном уборе, на голове девушки – украшение вроде короны из ярких цветных перьев павлина. Техника движения древней уйгурской пляски до высочайшей степени виртуозна: высокое акробатическое мастерство, шпагат вверх вперёд, мостик стоя назад в виде круглой змеи, стреми-

тельные пируэты, каскад поворотов, вращательные по кругу повороты на коленях, устремленный вниз взгляд с резким движением вниз руками, микродвижения лица и т.д. Первая версия, которая была идентична индийскому классическому танцу «Бхарата натьям», в котором показывается режущие движения, отпала, но все равно в обеих культурах есть что-то схожее, то ли в характерности, то ли в комбинации, то ли в технике. В древней уйгурской пляске наблюдаются сочетание всех древних цивилизаций и культур, усложненная техника танца: цирковые трюки, акробатика, экспрессивные движения и т.д., к которым должна стремиться тувинская хореография; все это дает возможность вернуться к своим корням.

Gulmire Memet [6] исполняет древне-уйгурский танец на сцене, танец по-настоящему древний, ибо был в быту еще в домусульманский период. Танец называется Guza. Ярко прослеживается связь с буддизмом, даже в наше время небольшое количество уйгуров остаются буддистами.

Зафиксируем сценический танец. Танцовщица поднимает руку вверх, смотря вверх, делает шаг в сторону и сгибается назад до пола, руками касается пола, ноги стоят на месте, возвращается в исходное положение и делает движение отгалкивания от себя руками, затем совершает резкие быстрые зигзагообразные, змееподобные движения, наклоняется вниз, медленно руками делает по

очереди маховые движения, резко поднимает руки назад, сгибая до пола, встает, затем ритмично идет быстрыми шагами вперед, соершая руками змееподобные движения вокруг тела, затем происходит резкий удар барабана – и девушка резко опрокидывает голову назад до пола, встает в исходное положение, идет быстрыми шагами, обе руки иногда положив на плечи (руками может обхватить себя вокруг тела и вокруг лица), на мгновение поворачивается лицом к зрителю с загадочной улыбкой. Заканчивает танец круговыми движениями на коленях вокруг зала.

В наскальных рисунках в Туве пройдены все исторические этапы: с первобытных охотников и собирателей, обрядовые и ритуальные охотничьи пляски эпохи палеолита; обрядовые и ритуальные пляски эпохи лука и стрел, охотничьи, военные и бытовые пляски, а также пляски земледельцев и скотоводов, подражательные пляски змей, птиц и зверей. Образ быка в танцевальных мистериях, характерные черты пластики женской и мужской пляски, сопровождаемые ритуальными позами, пляски с символическими предметами, сопровождаемые особыми символически значимыми прыжками, посвящены и направлены поклонению солнцу. Особо хочется отметить пляски, отображающие древо жизни, а также погребальные, большое количество бытовых женских и мужских плясок на темы труда.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Патака («знамя») употребляется в начале представления и для обозначения *резания чего-то, могущества, обители богов, благословения, идеального правителя, клятвы, открывания и закрывания дверей*, облаков, леса, запрета, низа, реки, лошади, ветра, положения чего-то, походки, успеха, доблести, света луны, сияния солнца, волны, выхода на улицу, равенства, растирания тела, тишины, пальмового листа, щита, дотрагивания моря, удачи в хорошем деле, обращения к идущему впереди человеку, держания меча, месяца, года, дождливого дня; а также для обозначения понятий «мы», «остановить кого-то», «плавать», «спать», «зеркало» и «защита».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ромм В.В. Палеохореография в основаниях изучения человека // Высшая школа и проблемы духовно-нравственного становления личности: тезисы межвуз. науч.-практ. конф. / под ред. В.А. Колеватова. Новосибирск : НГТУ. 1995.
2. Ромм В.В. К методике палеохореографического анализа. Новосибирск, 1994.
3. Повелёйко Р.П. Системный подход к палеотанцу: простое и сложное // Палеохореография : тезисы междунар. науч. конф. / под ред. В.А. Колеватова. Новосибирск : НГТУ. 1995.
4. Есаулов И.Г. Искусство хореографии – это наука // Палеохореография : тезисы междунар. науч. конф. / под ред. В.А. Колеватова. Новосибирск : НГТУ, 1995.
5. Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // Свод археологических источников. М., 1980. Вып. Д. 4–7. М., 1980. 66 с. + 29 табл.
6. Древний уйгурский танец. URL: my.mail.ru/mail/zaitun2007/video/27/32.html, свободный (дата обращения: 30.03.2013).

Sunday Dzhulietta M. International Center for Khoomei Studies (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: dzhusun7@mail.ru

PALEOCHOREOGRAPHY ON ROCK DRAWINGS OF TUVA.

Keywords: paleochoreography; Tuvan dance; rock drawings of Tuva; ancient Uighur dance.

The term “paleochoreography”, introduced in scientific usage at the end of the last century, determines a joint investigation of monuments of Paleolithic art by archeologists and choreographers. The world of rock art of Tuva is rich and diverse, and has long been the object of careful scrutiny of archeologists and historians. Along with this, numerous rock drawings, discovered on the territory of present-day Tuva, are of great interest for scholars who study the history of the culture of dancing and for practitioners of modern choreography. The rock drawings of Tuva, showing various stages of historical development of prehistoric ancestors of the present-day Tuvans, depicted a wide range of paleochoreography of our ancestors: dances of primitive hunter-gatherers; dances of farmers and stockbreeders; dancers imitating snakes, birds and animals; ritual, military, funeral, everyday and work dancing ceremonies. This article studies paleochoreography depicted on the rock drawings found on the territory of present-day Tuva. The aim of the paleochoreographic analysis was to reveal main components of statics and kinematics of the images of participants of ritual and everyday dancing ceremonies of the ancestors of Tuvans depicted in rock art of Tuva, and to get a deeper insight into the semantics of their dancing via a thorough analysis of dancers’ poses and movements on the rock drawings. Paleochoreographic analysis is of great significance for present-day Tuvan choreography because it contributes to the restoration of a lost dance culture of the Tuvan ethnos and makes it possible to develop and im-

prove national dance folklore of the Tuvan people. In addition, the analysis of the paleochoreography of rock art of Tuva will contribute to a further advance in the multidisciplinary study of a richest historical and cultural heritage of the peoples who inhabited the territory of Tuva at different epochs and will open new horizons for comparative study of the cultures of different peoples of the world.

REFERENCES

1. Romm, V.V. (1995) *Paleohoreografiya* [Paleochoreography]. In: Kolevatov, V.A. (ed.) *Paleohoreografiya: Tezisy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Paleochoreography: Abstracts of International Conference]. Novosibirsk: NGTU.
2. Romm, V.V. (1994) *K metodike paleokhoreograficheskogo analiza* [Methods of paleochoreography]. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
3. Poveleyko. (1995) *Sistemnyy podkhod k paleotantsu: prostoe i slozhnoe* [A systematic approach to the paleodance: simple and complex]. In: Kolevatov, V.A. (ed.) *Paleohoreografiya: Tezisy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Paleochoreography: Abstracts of International Conference]. Novosibirsk: NGTU.
4. Esaulov, I.G. (1995) *Iskusstvo khoreografii – eto nauka* [The art of choreography – is a science]. In: Kolevatov, V.A. (ed.) *Paleohoreografiya: Tezisy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Paleochoreography: Abstracts of International Conference]. Novosibirsk: NGTU.
5. Devlet, M.A. (1980) *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny 2 v. do n.e. – 1 v. n.e.* [Siberian waist openwork plate 2BC – 1BC]. Moscow: Nauka.
6. *Drevniy uygurskiy tanets* [Ancient Uyгур dance]. [Online] Available from: my.mail.ru/mail/zaitun2007/video/27/32.html. (Accessed: 30th March 2013).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 930.85

DOI 10.17223/19988613/35/19

Б.В. Давыдов

ВОПРОСЫ ЗАРОЖДЕНИЯ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АНТИЧНОЙ ПРОТОНАУКЕ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Статья посвящена историографии проблемы возникновения и становления метода эмпирического исследования в ранней греческой науке. Автор проводит детальный анализ данных, полученных различными исследователями, о научных изысканиях древнегреческих ученых и рассматривает оценки, доминирующие в историографии. Подчеркивается значимость использования античными учеными эмпирических методов в протонауке Древней Греции, что позволило ей достичь значительных успехов, и констатируется, что лучшими примерами эмпирических исследований следует считать исследования в области естественных наук, а именно – медицину и астрономию.

Ключевые слова: метод эмпирического познания; эмпирические исследования; античная протонаука; научное познание; Древняя Греция VI–IV вв. до н.э.

Начиная со второй половины XX в. в историографии активно обсуждается вопрос зарождения эмпирических исследований в Античности. Например, Г. Ллойд [1. Р. 135–142, 335] определенно указывает на широкое применение и развитие соответствующих методов. Он, как и другие авторы [2. С. 89–184; 3. Р. 247–301], уделяет большое внимание гиппократовскому трактату «*О Священной Болезни*», где точно описывается клиника эпилептического припадка и использование анатомического вскрытия для проверки теоретических предположений. Таким образом, несмотря на широкий разброс мнений по данному вопросу, в историографии доминирует признание неотъемлемой значимости наблюдений и опытов для греческой мысли VI–IV вв. до н.э. Джон Бернет, к примеру, утверждал, что «...идея, будто греки не являлись наблюдателями, до нелепости ошибочна» [4. С. 1–15, 736; 5. С. 95–98, 512; 6. С. 45–49, 364; 7. Р. 34–48].

Обществам, которые использовали бесписьменные языки, зачастую свойственна острая наблюдательность в отношении явлений природы, которая отражается, например, в сложных системах классификации. Такая таксономия, включенная в естественные языки, не является результатом целенаправленного исследования, которое предполагает наличие конкретной мотивации и стремления расширить знания [8. Р. 369–386]. Греческая литература полна описаний, подтверждающих способность греческих авторов к эмпирическому наблюдению, именно эта особенность древнегреческой цивилизации целенаправленно анализируется в литературе [9. С. 320].

По мнению Л. Эдельштейна и П. Ахинштейна, определяющее значение для оценки отношения греков к эмпирическим исследованиям имеет ряд комментариев Платона в «*Государстве*» о роли восприятия в определенных отраслях науки [10. Р. 89–105; 3. 247–301]. Платон делает несколько замечаний в отношении астрономии, в которых негативно оценивает попытку

достижения предметов исследования исключительно методами наблюдения. Интерпретация этого текста представляет собой сложную задачу, однако ясно, что Платон анализирует в «*Государстве*» не астрономию как таковую, а ее значение среди прочих наук с позиции конкретной пользы, например обучение стражей с намерением развивать их разум, а не чувства. Отстаивая значимость теоретических исследований, философ высказывает мысль о необходимости не просто отделить математическую астрономию от созерцания звезд. Высказывание «мы оставим небеса в покое», вырванное из контекста, обсуждалось и расценивалось как в древние времена, так и в наши дни в качестве запрета на методы наблюдения в целом [11. Р. 193–203].

Существуют и другие тексты, доказывающие нам, что в древности идея недоверия чувствам находила множество сторонников, однако, по мнению Г. Ллойда, они могут интерпретироваться по-разному. После отказа Парменида от признания непосредственной достоверности чувств Эмпедокл и Анаксагор вновь на ней настаивают. Хотя утверждается, что Анаксагор говорил: «...мы не можем выносить суждение об истинности из-за слабости органов чувств», при этом он призывает использовать «объект, который выглядит», как «видение того, что не ясно». Этому утверждению дал свою оценку Демокрит, который считал, что чувства человека являются «незаконнорожденными» знаниями, и противопоставлял им, в свою очередь, знания «законные», т.е. учение об атомах. Однако он также признавал тот факт, что разум получает данные, исходящие от органов чувств [12. Р. 102–108; 7. Р. 34–48].

Напротив, Парменид и Меллис в своих взглядах придерживались радикальной позиции полного отказа от чувственного наблюдения. Противоположная точка зрения также находила своих защитников, по крайней мере, до IV в. до н.э. Концепцию «Знание – восприятие», выдвинутую в разговоре Платона с Тезтетом, философ Сократ представил как следствие из изречения

Протагора о том, что человек является мерой всех вещей [13. Р. 15–23]. Остается спорным вопрос, соответствует ли интерпретация Сократом этого высказывания взглядам Протагора. Аристотель разделял большинство гносеологических доктрин Платона, выделяя восприятие и опыт в теории о знании как наиболее важный ее аспект и соглашаясь с Платоном в том, что знание существует вне форм, Аристотель оспаривал это в отношении некоторых аспектов природы форм. Несмотря на то что значительная часть элементов платоновских теорий вошли в онтологию и эпистемологию Аристотеля, последний делает акцент не только на значении частности, но и на оригинальном понимании восприятия. Зачастую он проводит четкую границу между обращением к теоретическим аргументам и осмыслению «фактов» и «данных»: то, что относится к «данным», может меняться в зависимости от контекста. Эти понятия охватывают намного больше, в сравнении с тем, что мы называем результатами наблюдений. Бесспорным остается лишь тот факт, что единого мнения по вопросу наблюдения и исследования в античной традиции до IV в. до н.э. не сложилось [9. С. 320; 14. С. 169–176; 15. С. 88–93; 16. С. 59–262, 830].

Если эпистемологические споры подробно анализировались в историографии, то практике научных исследований в Древней Греции уделялось намного меньше внимания. Проблема заключается в том, что зачастую разница в качестве исследований в различных дисциплинах не рассматривалась, хотя в некоторых областях она была достаточно заметной. Существует множество примеров эмпирических исследований во многих областях ранней греческой науки, например математика и медицина, где метод наблюдения использовался ограниченно [16. С. 59–262, 830; 17. Р. 60–65; 18. Р. 15–18].

Немногие из ученых до и после Парменида ставили себе целью получить новые факты, подтвердить или опровергнуть какую-либо гипотезу, игнорируя метод эмпирического исследования вообще. В определенной мере это объясняется характером изучаемых явлений или объектов. Историки древнегреческой философии констатируют внимание к теоретическим методам в таких областях, как природа или причина природных явлений, где возможности для эмпирических исследований были ограничены либо вообще отсутствовали. Во многих областях отсутствие наблюдений и данных опытов отражало природу изучаемых проблем, однако философы VI–IV вв. до н.э. предпринимали попытки построить теории в тех областях познания, где это не создавало неразрешимых проблем. К примеру, они разработали доктрины о фундаментальных составляющих материальных объектов, что позволило сопоставлять данные наблюдений с теориями [19. Р. 40–48].

Наиболее богатым источником для изучения развития эмпирических методов в ранней греческой науке является *Корпус Гиппократов*. Общеизвестно, что собрание текстов, предписываемое реальному историче-

скому персонажу Гиппократу II из рода Асклепиадов, в действительности принадлежит перу разных авторов, возможно, писавших в разное время, но не позднее конца IV в. до н.э. В историографии со времен Ф. Леттре сложился консенсус, в рамках которого Гиппократ II именуется автором всего корпуса трудов. Греческие ученые, писавшие о медицине, применяли эмпирические методы исследования, причем их даже можно рассматривать как разработчиков этих методов. Например, Трактат «О древней медицине» критикует использование метода, основанного на гипотезах и постулатах, который, с точки зрения автора, типичен для натурфилософии. В этом трактате автор высказывает мысль о том, что в идеале должны проверяться и теории, и методы исследования, но ввиду невозможности исследовать процессы, происходящие внутри человеческого тела, предлагает альтернативный подход: изучать изменения, происходящие вне тела, и по аналогии делать выводы о происходящем внутри. Между теорией и практикой по-прежнему в это время существует широкий разрыв, и поэтому исследования, на которые он ссылается в главах 15 и 24 своего труда, считаются сомнительными [4. С. 1–15, 736; 1. Р. 335, 135–142]. Концептуальные рамки его теорий не менее спекулятивны, чем идеи оппонентов, что, конечно, выглядит естественным ограничителем практической пользы эмпирических исследований.

Попытки авторов медицинских текстов провести эмпирическое исследование таких проблем, как анатомия и физиология человеческого организма, не имели значительного успеха, хотя их относительная неэффективность не умаляет значения того, что они вообще предпринимались. Недостаток подобного подхода проявляется в том, что целью исследований было подтверждение теорий, выбранных, исходя из общих философских размышлений и доводов. В трактатах Гиппократов даются детальные и обоснованные описания, фиксирующие почти каждодневное течение различных заболеваний. Эти истории болезней – один из главных примеров детальных наблюдений в Древней Греции, свидетельствующих об эмпирическом методе в античной традиции [20. Р. 40–43, 416; 21. Р. 68–79; 22. Р. 161–176].

Существуют веские доводы в пользу того, что идея вскрытия животных для подтверждения исследовательских гипотез и проведения определенных исследований появилась в конце V – начале IV в. до н.э. Например, в трактате «О священной болезни» автор упоминает о возможности проведения посмертного препарирования мозга. На основании этой и других работ можно сделать вывод, что анатомические вскрытия проводились и до Аристотеля. Работы большинства современников Гиппократов, относящиеся к V и началу IV вв. до н.э., говорят об ограниченном знании внутренней анатомии, однако два трактата представляют исключение – «О местах в человеке» и трактат «О мясе». Мнение, что врачи-современники Гиппократов бы-

ли основателями или одними из основателей эмпирического метода в греческой науке, в историографии принимается с некоторыми оговорками. Некоторые врачи осуществляли клинические наблюдения, а некоторые, как автор труда «О древней медицине», даже внесли важный вклад в спор о методологии, выступая против произвольных допущений, настаивая на проверяемости теорий, важности методов научных открытий и восприятию очевидного как отображения скрытого [4. С. 1–15, 736; 5. С. 95–98, 512; 6. С. 45–49, 364; 23. Р. 188].

Использование и развитие эмпирического метода в науке можно также проследить на примере таких дисциплин, как география и астрономия. Издавна такой метод, как наблюдение, использовался для сбора и записи данных об известных частях света. Мы не сможем полностью воссоздать первую карту Греции, составленную Анаксимандром, но, исходя из слов Геродота, можем предположить, что карты были весьма схематичны. Еще один милетский картограф Гекателлий являлся автором первого завершеного исследования, на основании данных которого появились данные о других этносах. В дальнейшем эту его традицию продолжили такие ученые, как Геродот, Евдокс и др.

Астрономия, как и медицина, служит ярким примером связи между эмпирикой и теорией в древнегреческой науке. Многие полагают, что ученые, изучавшие астрономию в конце V – начале IV в., имели представление об устройстве Солнечной системы [21. Р. 68–79]. Из работ Гесиода следует, что люди следили за восходом и заходом солнца, расположением главных созвездий на небе, чтобы предсказывать наступление времени года. Из сохранившихся работ Метона и Евктемона можно выделить цикл из 19 солнечных лет, называемый сейчас Метоновым циклом, созданным для согласования продолжительности лунного месяца и солнечного года. Исследование выполнено при помощи вычислений и экстраполяций, но в его основе было эмпирическое наблюдение, пусть мы и не можем до конца определить его масштабность [24. Р. 275; 25. Р. 407].

К середине IV в. до н.э. в греческих текстах появляются прямые упоминания вавилонской и других восточных астрономических школ. Упоминается также о достижениях египетских ученых, что удивляет Г. Ллойда, так как известные в XX в. данные о египетской астрономии не содержат намека на наблюдение за движением планет до эллинистического периода вплоть до Птолемея. Возможно, это следствие фрагментарного характера доступных источников, вероятно, что сведения о вавилонских наблюдениях поступали в Грецию частично через Египет, что и стало причиной путаницы в идентификации страны происхождения этих данных [22. Р. 161–176; 25. Р. 407].

Первые дошедшие до нас записи оригинальных греческих астрономических наблюдений приводит Аристотель, где впервые показывается, что речь идет о современных греческих наблюдениях, а не о вавилон-

ских записях. Гиппарх и Птолемей широко используют полученные вавилонскими мудрецами данные. В каталоге Птолемея имеется более 1 020 звезд с описанием их долготы и широты в градусах и минутах, а также их звездной величины. Этот каталог – подлинное свидетельство удивительно точных наблюдений греческих астрономов. Птолемей, возможно, использовал в качестве отправной точки данные Гиппарха, но сделал гораздо больше, чем просто скопировал их, проведя численную корректировку. Сам Птолемей сообщает, что его источником послужили астрономические данные вавилонян времен Набонасара и наблюдения лунных затмений VIII, VII и VI вв. до н.э. Наблюдения за звездным небом, как и анатомические вскрытия, являются свидетельством тщательности, широты и точности эмпирических исследований, проводимых греческими учеными [1. Р. 135–142, 335; 15. С. 88–93].

Таким образом, в современной историографии доминирует мнение, что данные медицины и астрономии античной Греции свидетельствуют о значительной традиции эмпирических исследований. Даже при ограниченности подхода Гиппократ в медицинских науках и минимуме сохранившихся исследований астрономов IV в. эти сферы остаются лучшими примерами исследовательской программы в ранней истории греческих наук о природе. В историографии существует консенсус в отношении значения исследований Аристотеля для развития всего естествознания в целом. Конечно, его философская школа Ликей многим была обязана платоновской Академии. Хотя Платон способствовал развитию математики и точных наук, политической теории, диалектики и этики, все-таки естественные науки играли в работе Академии весьма ограниченную и зависимую роль [26. Р. 118; 27. Р. 279].

Ликей свел под руководством Аристотеля, а затем Феофраста крупнейших специалистов в области естествознания, занимавшихся широким спектром научных вопросов, как в сфере наук о природе. По мнению Г. Ллойда и Б. Фаррингтона, Ликей – первое учреждение, к которому применимо понятие коллективной мысли. Они были беспрецедентны по размаху и включали в себя большинство сфер античной «физики», где применялись эмпирические методы, а не только диалектические размышления. Только Александрийский Мусейон смог превзойти Ликей по своему масштабу естественнонаучной деятельности в Античности. Эти исключения из правила тем наиболее ценны, что, как считает Х. Гомперц, развитию естественных наук в древности мешал недостаток институционализации и организационных рамок. И хотя Ликей, в отличие от Мусейона, не состоял под покровительством царей, он предоставлял возможности для проведения совместных исследований. Как отмечалось ранее, феномены, с которых начинается аргументацию Аристотель, даже в естественных науках совершенно не связаны с наблюдениями. Он часто включает наблюдаемые факты в понятие «видимого», особенно когда добавляет уточ-

нение «согласно ощущениям», но насколько он следует своим методологическим принципам на практике – неизвестно [9. С. 320; 28. Р. 94–102].

Сильные стороны труда Аристотеля заключаются в критическом разборе общепринятых взглядов, в анализе привычного словоупотребления и тонком разграничении терминов. Отправной точкой и ключом к размышлениям Аристотеля служит типичный, или парадигмальный, пример. Приводимые в «Физике» эмпирические данные почти полностью сводятся к нескольким общеизвестным фактам. В других физических трактатах, особенно в трактатах «О небесах» и «Метеорологии», эмпирические свидетельства применяются шире, в том числе используются данные, полученные в ходе специальных наблюдений [16. С. 59–262, 830; 28. Р. 94–102].

Если предположить, что четвертая книга «Метеорологии» написана если и не Аристотелем, но его соратником, то она окажется древнейшим текстом в греческой науке, который посвящен изучению широкого диапазона природных явлений. В книге перечислены и проанализированы свойства веществ, а также классифицированы соединения по преобладающему в них элементу. По мнению П. Ахинштейна, достоинства «Метеорологии» заключаются в том, что она объясняет более широкий спектр явлений, чем любой предыдущий текст. В ней описано поведение большого количества природных веществ в разных условиях, и среди этих условий есть не только сложные технологические процессы, но и искусственно смоделированные ситуации; данные о них – не общеизвестные факты, а результаты целенаправленных исследований [10. Р. 89–105; 12. Р. 102–108].

Эмпирические работы Аристотеля по зоологии в разное время становились то объектом безудержной похвалы, то мишенью уничтожающей критики [4. С. 1–15, 736]. Огромное количество информации в зоологических трактатах впечатляет одной своей стройностью изложения, однако источники Аристотеля порой вызывают вопросы, так как отделить собственные исследования Аристотеля от работы его последователей невозможно. Впрочем, учитывая, что вся деятельность ученых Ликея была коллективной, это не является настолько важным. Из текстов Аристотеля ясно, что он и его ассистенты консультировались у различных специалистов, работавших с животными. Обработывая данные своих изысканий, Аристотель руководствовался данными исследовательской программы. Скрупулезность, с которой он берется за описание животных, предопределена заявленной целью исследования: собрать явления, различные характеристики животных и указать их причинную связь. Такая исследовательская программа требует от Аристотеля создания энциклопедического описания наблюдаемых фактов. Он утверждает, что обусловленные формой и целью причины гораздо важнее материальных, и уделяет больше внимания функциям органических и неорганических ча-

стей тел, чем их материальному составу [7. Р. 34–48; 9. С. 320; 20. С. 40–43, 416].

В историографии доминирует точка зрения, что ошибки у Аристотеля начинаются там, где необъективные суждения влияют на работу [7. Р. 34–48]. Как в физических трактатах, так и в биологии Аристотель зачастую строит общую теорию на экстраполяции из недостаточного проработанного эмпирического основания. В то же время философ использует данные наблюдений, чтобы опровергнуть теории оппонентов. Цель исследования определяется как нахождение причин и разрешение трудностей в общепринятых представлениях, и для этого он собирает множество фактов. Как средство в достижении этой цели свидетельства органов чувств играют определенную роль наряду с общепринятым мнением и логической аргументацией; первые иногда оказываются предпочтительнее. Аристотелевская программа – первая *общая* исследовательская программа в естественных науках, его учение о причинах содержит вопросы, которыми должен задаваться исследователь, и ясные указания по каждой области естественных наук, насколько это вообще представляется возможным. Аристотель считает, что ограниченность наблюдений не должна заслонять широты достижений в разных сферах естественнонаучного познания. Успех его зоологических трактатов произошел благодаря первому систематическому исследованию животного мира за счет не только описанных в книге частных открытий, но и скрупулезного сбора массива данных по множеству различных видов живых организмов, а также хитроумного взаимодействия этих данных и логической аргументации в ходе критического разбора таких неочевидных проблем, как размножение.

По мнению Г. Ллойда, не выдерживает критики идея о том, что греческие ученые игнорировали эмпирику либо у них было инстинктивное понимание ее [1. Р. 135–142, 335]. Существуют различия в достижениях разных направлений античной науки и ее представителей, но разграничение на философов-«диалектиков» и врачей-«эмпириков» невозможно. Хотя некоторые наблюдения в медицинской литературе систематичны и обстоятельны, у греческих врачей есть и догматические подходы. И наоборот, есть свидетельства, что пифагорейская нумерология помогла развитию эмпирической акустики. Наблюдения и исследования должны руководствоваться теориями, общими или частными, однако неизменной особенностью случаев, которые мы рассмотрели, является встраивание исследования в модель доказательства. Наблюдения приводятся в качестве иллюстрации и обоснования конкретных учений, как основные или дополнительные аргументы, а также как один из диалектических приемов доказательства той или иной теории [22. Р. 161–176]. Иногда наблюдения заранее интерпретируются в свете теории, которую они только должны подтверждать, и во многих случаях их соответствие теориям несколько преувеличено. Изучение вопроса прекращалось, как только удавалось

получить первые данные в поддержку теории, которой потом предпочитали не рисковать и не подвергать проверке дальнейшими наблюдениями [7. Р. 34–48; 25. Р. 407].

Греческую науку часто обвиняют в отсутствии экспериментов, но в большинстве своем эта критика является беспочвенной [1. Р. 135–142, 335; 7. Р. 34–48]. Проведение опытов не ограничивалось естественными науками и не являлось их отличительной чертой. Опыты встречаются во всех видах медицинских текстов, и не только у Плиния, но и у нескольких авторов «Корпуса Гиппократов» и самого Аристотеля. Их объединяет то, что рациональность самих проверок не подвергается сомнению, и то, что они рассчитаны не на выяснение причин, а на разрешение конкретных вопросов.

Значит, если проведение опытов само по себе можно считать лишь разновидностью обычного метода проб и ошибок, то чисто научный эксперимент будет отличаться от него, в первую очередь, заданной целью пролить свет на природу и причины физических явлений и процессов. Хотя большинство сохранившихся образцов проведения системных и подробных опытов в греческой науке восходят к поздней Античности, трактаты Гиппократов и особенно труды Аристотеля содержат примеры проводимых опытов в связи с проверкой физических и физиологических теорий. Таких примеров немного, но во многих областях физической науки, интересовавших греков, эксперименты либо практически невозможны (в астрономии и метеорологии), либо не могут решить фундаментальные вопросы (в дискуссии между атомистами и сторонниками континуума). [14. С. 169–176; 20. С. 40–43, 416]. Многие из опытов древнегреческих ученых не давали никаких результатов. Стоит отметить и то, что многие опыты, как и простые наблюдения, которые они во многом продолжают, использовались в качестве дополнительного доказательства, а не для беспристрастного установления истины [21. Р. 68–79].

Изучение трактата «О священной болезни» показывает, что обладание познаниями о работе организма не являлось достаточным основанием для отказа от маги-

ческих верований. Наоборот, примеры тщательных наблюдений можно найти за пределами греческой науки и еще задолго до ее появления. Во многих сферах развитие греческой науки хотя бы частично зависело от расширения ее эмпирической базы. Полноценная физиология, патология или астрономия, не говоря уже о географии, анатомии, зоологии или ботанике, невозможны без детальных сведений, которые можно получить только в результате тщательных и систематичных наблюдений.

Сила греческой науки состоит в ее формальных методах доказательства и диалектического анализа, в свою очередь определение и анализ аксиоматичной дедуктивной системы, а также применение математики к объяснению явлений природы составляют ее самое значительное интеллектуальное достижение [1. Р. 135–142, 335]. Несмотря на все ограничения, греки продвинули эмпирические методы в науке, как в теории, так и на практике, но вскоре сложились и другие области исследования. Столь тщательное и скрупулезное собрание информации о течении заболеваний, присутствующее в гиппократовском трактате «Эпидемика», намного превосходит имеющиеся данные в предыдущей литературе, как в Греции, так и за ее пределами. Если изначально исследования концентрировались на узких темах и руководствовались узкоспециальными теориями, то труды Аристотеля уже составили первую обобщенную исследовательскую программу. История метода аутопсии и наблюдений греческих астрономов показывает, как медленно находили применение некоторые научные методы, однако их успешность настолько значительна, что их можно считать одними из важнейших достижений греческой науки. Некоторые ученые Античности и сами считали, что только точная наука может считаться подлинной наукой, но сущность их наследия заключается не только в этой идее и концепции аксиоматической системы. Наряду с этими представлениями следует рассматривать и идею эмпирического исследования как метода научного познания, имеющего важное значение в античной протонауке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lloyd G.E.R.* Magic Reason and Experience: Studies in the Origin and Development of Greek Science. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 335 p.
2. Балалыкин Д.А. Преемственность взглядов Гиппократов и Галена на природу организма человека // История медицины. 2014. № 4. С. 89–184.
3. *Edelstein L.* 1932-3/1967 The history of anatomy in antiquity (originally 'Die Geschichte der Sektion in der Antike', Quellen und Studien zur Geschichte der Naturwissenschaften und der Medizin in, 2 (1932-3), 100-56), in Edelstein 1967. P. 247–301.
4. *Гиппократ.* Сочинения / пер. В.И. Руднева, комм. В.П. Карпова. М. : Биомедгиз, 1936. Кн. 1: Избранные книги. 736 с.
5. *Гиппократ.* Сочинения / пер. В.И. Руднева, комм. В.П. Карпова. М. : Медгиз. 1944. Кн. 2. 512 с.
6. *Гиппократ.* Сочинения / пер. В.И. Руднева, комм. В.П. Карпова. М. : Медгиз. 1941. Кн. 3. 364 с.
7. *Lloyd G.E.R.* Galen and his contemporaries, in Hankinson (ed.), 2008.
8. *H.F.J. Horstmanshoff, M. Stol.* Magic and Rationality in Ancient Near Eastern and Greco-Roman Medicine. Leiden, 2004.
9. *Гайденок П.П.* История греческой философии в её связи с наукой. М. : Универ. книга, 2000. 320 с.
10. *Achinstein P.* Theoretical terms and partial interpretation. *British Journal for the Philosophy of Science* XIV, 1963.
11. *Achinstein P.* The problem of theoretical terms. *American Philosophical Quarterly* 11, 1965.
12. *Achinstein P.* Concepts of Science. Johns Hopkins, Baltimore, 1968.
13. *Gomperz H.* Sophistik und Rhetorik. Leipzig, 1912.
14. Балалыкин Д.А. Зарождение рациональной медицины в Древней Греции VI–IV вв. до н.э. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 169–176.

15. Балалыкин Д.А. Methodological problems in history and philosophy of medicine // Материалы конференции «The Fourth International Conference on History and Political Sciences» – 2014. «Eat West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna. 2014.
16. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Редакторы тома и авторы вступительных статей А.И. Доватур, Ф.Х. Кессиди. М. : Мысль. Редакции философской литературы, 1983. Т. 4. 830 с.
17. Allman G.J. Greek Geometry from Thales to Euclid. Dublin and London, 1889.
18. Borchner S. The Role of Mathematics in the Rise of Science. Princeton University Press, Princeton, New Jersey, 1966.
19. Anton J. P. and Kustas G.L. (edd.) Essays in Ancient Greek Philosophy. State University of New York Press, 1971.
20. Гален: врач и философ: монография / Д.А. Балалыкин, А.П. Щеглов, Н.П. Шок. М. : Весть, 2014. 416 с.
21. Farrington B. The Greeks and the experimental method. Discovery xviii, 1957.
22. Gomperz H. Problems and methods of early Greek science // Journal of the History of Ideas rv, 1943. P. 161–176.
23. Howard Clark Kee. Medicine, Miracle and Magic in New Testament Times. Cambridge University Press, 1988.
24. Bailey M.D. Magic and Superstition in Europe: A Concise History from Antiquity to the Present. Rowman & Littlefield, 2007.
25. Herman F.J. Horstmanshoff, Marten Stol, C. R. Van Tilburg. Magic And Rationality In Ancient Near Eastern And Graeco-roman Medicine. BRILL, 2004.
26. Adkins A.W. H. Moral Values and Political Behaviour in Ancient Greece. London, 1972.
27. Bailey M.D. Magic and Superstition in Europe: A Concise History from Antiquity to the Present. Lanham : Rowman and Littlefield, 2007. 279 p.
28. Barnes S. B. Paradigms, scientific and social. Man NS rv, 1969.

Davydov Boris V. I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russian Federation). E-mail: bdavydov@yandex.ru
THE QUESTIONS OF THE ORIGIN OF EMPIRICAL STUDIES IN THE ANCIENT PROTOSCIENCE: MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM.

Keywords: method of empirical knowledge; empirical research; antique protoscience; scientific knowledge; Ancient Greece VI–IV centuries BC.

This article is devoted to the historiography of the problem of appearance and formation of the method of the empirical study in early Greek science. The article presents a detailed analysis of data obtained by different researchers about the scientific researches of the ancient Greek scientists and reviews estimates that dominate in the historiography. The richest source for the study is the Corpus of Hippocrates. In the treatises of Hippocrates are given detailed and reasoned description of fixing almost every day for various diseases. This history is one of the main examples of detailed observations in Ancient Greece, indicating the empirical method in the ancient tradition. There are strong arguments in favor of the fact that the idea of an animal autopsy to confirm the research hypotheses and conducting certain studies appeared at the end of V–IV centuries B.C. In his treatise “On the sacred disease”, the author mentions the possibility of conducting a post-mortem dissection of the brain. On the basis of this and other works we can conclude that the anatomical autopsy was conducted even before Aristotle. Most contemporaries of Hippocrates, dating to the V and IV centuries B.C., say about a limited knowledge of the internal anatomy, however, two of the treatise are the exception – “On the places in man” and “On the meat”. The view that doctors contemporaries of Hippocrates were the founders or one of the founders of the empirical method in Greek science, historiography is accepted with some reservations. Some physicians carried out clinical observations, and some, like the author of “On ancient medicine”, even made an important contribution to debate about the methodology, speaking against arbitrary assumptions, insisting on verifiability of theories, the importance of the methods of scientific discovery and perception of the obvious display as hidden. Use and development of the empirical method in science can also be seen, for example, in some disciplines such as geography and astronomy. For a long time such method as the observation was used to collect and record data about the known parts of the world. We will not be able to fully recreate the first map of Greece, compiled by Anaximander, but, according to Herodotus, we can assume that the cards were very sketchy. Astronomy, like medicine, is a shining example of the link between empirical and theory in ancient Greek science. Many believe that scientists studying astronomy in the late V – early IV century had a notion about the Solar system. From the works of Hesiod it implies that people were watching sunrise and sunset, the location of the major constellations in the sky to predict the onset time of the year. In the catalogue of Ptolemy, there are more than 1020 stars with a description of their longitude and latitude in degrees and minutes, as well as their magnitude. This directory is a genuine testimony of surprisingly accurate observations of the Greek astronomers. Ptolemy reports that his source was the astronomical data of the Babylonians in the time of Nabonassar and observation of lunar eclipses in VIII, VII and VI centuries B.C. Observation of the night sky, as well as anatomical dissection, are evidence of the thoroughness, breadth and accuracy of the empirical research conducted by Greek scientists. The article emphasizes the importance of using by the antique scientists the empirical methods in protoscience of the Ancient Greece, which allowed it to achieve significant success and it is stated that the research in the natural Sciences, namely medicine and astronomy should be considered as the best examples of empirical studies.

REFERENCES

1. Lloyd, G.E.R. (1979) *Magic Reason and Experience: Studies in the Origin and Development of Greek Science*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Balalykin, D.A. (2014) Continuity in the views of Hippocrates and Galen on the nature of the human body. *Istoriya meditsiny – History of Medicine*, 4, 89–184. (In Russian).
3. Edelstein, L. (1932-3) Die Geschichte der Sektion in der Antike. *Quellen und Studien zur Geschichte der Naturwissenschaften und der Medizin*, 2, 100–56.
4. Hippocrates. (1936) *Sochineniya* [Works]. Translated by V.I. Rudnev. Moscow: Biomedgiz. Book 1.
5. Hippocrates. (1944) *Sochineniya* [Works]. Translated by V.I. Rudnev. Moscow: Medgiz. Book 2.
6. Hippocrates. (1941) *Sochineniya* [Works]. Translated by V.I. Rudnev. Moscow: Medgiz. Book 3.
7. Lloyd, G.E.R. (2008) *Galen and his contemporaries*. In: Hankinson, R. J. (ed.) *The Cambridge Companion to Galen*. Cambridge University Press.
8. Horstmanshoff, H.F.J., van Tilburg, C.L. & Stol, M. (2004) *Magic and Rationality in Ancient Near Eastern and Greco-Roman Medicine*. Leiden: BRILL.
9. Gaydenko, P.P. (2000) *Istoriya grecheskoy filosofii v ee svyazi s naukoj* [The history of Greek philosophy in its relation to science]. Moscow: Universitetskaya kniga.
10. Achinstein, P. (1963) Theoretical terms and partial interpretation. *British Journal for the Philosophy of Science*. XIV. DOI: 10.1093/bjps/XIV.54.89
11. Achinstein, P. (1965) The problem of theoretical terms. *American Philosophical Quarterly*. 11.

12. Achinstein, P. (1968) *Concepts of Science*. Baltimore: Johns Hopkins.
13. Gomperz, H. (1912) *Sophistik und Rhetorik*. Leipzig, 1912.
14. Balalykin, D.A. (2013) The origin of rational medicine in Ancient Greece the VI - IV centuries BC. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (26), pp. 169-176. (In Russian).
15. Balalykin, D.A. (2014) [Methodological problems in history and philosophy of medicine]. *The Fourth International Conference on History and Political Sciences*. East West Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna.
16. Aristotle. (1983) *Sochineniya*: v 4-kh t. [Works. In 4 vols]. Moscow: Mysl'.
17. Allman, G.J. (1889) *Greek Geometry from Thales to Euclid*. Dublin and London: Hodges, Figgis and Company.
18. Bochner, S. (1966) *The Role of Mathematics in the Rise of Science*. Princeton: Princeton University Press.
19. Anton, J. P. & Kustas, G.L. (eds) (1977) *Essays in Ancient Greek Philosophy*. New York: State University of New York Press.
20. Balalykin, D.A., Shcheglov, A.P. & Shok, N.P. (2014) *Galen: vrach i filosof* [Galen: physician and philosopher]. Moscow: Vest'.
21. Farrington, B. (1957) *The Greeks and the experimental method*. Discovery xviii.
22. Gomperz, H. (1943) Problems and methods of early Greek science. *Journal of the History of Ideas*. pp. 161-176.
23. Kee, H.C. (1988) *Medicine, Miracle and Magic in New Testament Times*. Cambridge University Press.
24. Bailey, M.D. (2007) *Magic and Superstition in Europe: A Concise History from Antiquity to the Present*. Rowman & Littlefield.
25. Horstmanshoff, H.F.J., van Tilburg, C.L. & Stol, M. (2004) *Magic and Rationality in Ancient Near Eastern and Greco-Roman Medicine*. Leiden: BRILL.
26. Adkins, A.W.H. (1972) *Moral Values and Political Behaviour in Ancient Greece*. London: Chatto and Windus.
27. Bailey, M.D. (2007) *Magic and Superstition in Europe: A Concise History from Antiquity to the Present*. Lanham: Rowman and Littlefield.
28. Barnes, S.B. (1969) *Paradigms, scientific and social*. Man NS rv.

УДК: 930.85+316.73
DOI 10.17223/19988613/35/20

К.Ю. Петрова

ПОНИМАНИЕ ТРАДИЦИИ И СЛЕДОВАНИЕ ЕЙ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОТЦА А. МЕНЯ

Исследуются основополагающие принципы восприятия традиции в христианской культуре. Выявляются основные подходы к восприятию культурного многообразия; ряд проблем, встающих перед последователями традиционных культур, стремящимися к соблюдению традиции в исторически изменяющихся условиях, и проблемы мотивации, определяющие сложности установления межкультурных взаимодействий. Рассматриваются принципы пути преодоления сложностей следования религиозной традиции в условиях поликультурализма, раскрываемые священником Александром Менем в его творчестве, преимущественно труде, посвященном истории религий.

Ключевые слова: традиционные культуры; следование традиции; межкультурное взаимодействие; православие; отец А. Мень.

Изменения происходят как в социальном укладе жизни обществ, так и в политическом, экономическом, технологическом, культурном. Мир меняется, и при всем его многообразии и многообразии форм проявления в нем традиционные культуры продолжают существовать и развиваться и при этом сохраняют свою суть и свои традиции.

В чем же заключается способность современных носителей традиционных культур, следуя традиции и развивая ее, избегать как ее окоснения, так и модернизации? Попытаемся обозначить принципы понимания традиции и следования ей в меняющемся мире в христианской культуре на примере религиозно-философской мысли о. Александра Мenea – выдающегося православного мыслителя России XX в. Для этого обратимся к пониманию им взаиморасположения, взаимоотношений религиозных культур, что наиболее ярко, на наш взгляд, раскрывает особенности его модели истории, его исторической мысли.

Для описания концепции религиозного мыслителя логично было бы сказать «иерархия», однако уникальность взглядов о. Александра требует от нас применения этого термина в расширенном значении. В понимании иерархичности культур о. А. Мenea неотъемлемо присутствует принцип телеологичности, представление о наличии божественной заданности, присутствия высшей цели исторического процесса. Описывая его понимание взаимоотношений, взаиморасположений культур, выделим еще одно яркое, на наш взгляд, определение – это системность – восприятие многообразия культур как некоей целостности элементов, уникальность и многообразие которых являются ценностью.

С точки зрения монотеистических культур, можно говорить о всеохватности Откровения, о его раскрытии, проявлении в мире соответственно уровню развития мира, о содержании всей полноты Откровения в Священных текстах, раскрытие чего также возможно постепенно [1–5]. Выделим два принципиально важных аспекта: ценность Откровения и важность верной его интерпретации. Априорной установкой при ин-

терпретации Откровения является ограниченность, недостаточность человеческого восприятия, кругозора, языка, выразительных средств для передачи высших смыслов, но также и способность приближаться к ясности формулировок вследствие личного озарения либо коллективного¹. Необходимое условие – следование установленным, вербализованным догматам, непротиворечие сути, духу учения. Согласно принципу *In necessariis unitatem, in non-necessariis libertatem, in utriusque caritatem*, подчеркнем важность для учения сохранения *necessariis* – главного: стержня, основа, тех догм, норм, без которых оно теряет самое себя². Также – свободы в *non-necessariis* – не обязательно, второстепенном: при живом формировании и развитии учения неизбежно появляется вариативность, определенная гибкость традиции позволяет ей, в том числе и путем изменения внешней своей формы, сохранять себя при изменении реалий окружающей действительности.

И здесь встает вопрос определения сути и значимости составляющих традиции. Что в ней является тем главным, что нельзя менять, пусть и при уважении свободы и во имя любви? А что при уважении свободы и во имя любви как раз и стоит изменить? Если в отношении понимания для христианской культуры важности вероучительных догматов (троических, христологических, о Церкви и т.д.) мы не встречаем разногласий, как и в отношении ряда обычаев, преданий – «благочестивой традиции», то существуют и вопросы, по которым единого мнения нет (к таковым, например, относится единовременное, или эволюционное, создание человека – продолжительность творения не влияет на суть учения). Но есть и вопросы, не имеющие в окружающей их действительности однозначного решения в соответствии с вероучительными текстами, и такие вопросы могут являться точкой преткновения и ядром конфликта для носителей разных мнений. Понимание веры и практическое следование ей являются важнейшими составляющими религиозных практик христианской культуры. Но как определить правильность ортодоксии и ортопраксии?

Современными мыслителями традиционных религиозных культур в настоящее время активно разрабатывается и вопрос важности личностного развития и личностного отношения к явлениям окружающего мира, вызванный практической невозможностью как законодательно их описать и систематизировать, так и абстрагироваться от его многообразия и изменчивости [1–4, 7–9]. Потребность приспосабливаться к меняющемуся миру, в том числе к неизбежности межкультурного взаимодействия, диалога и, вместе с тем, сохранять суть религии, является одним из важных аспектов современного существования и развития традиционных религиозных культур.

Одним из ярчайших мыслителей обозначенного типа (в России) является священник Александр Мень. Его позиция, понимание важности личностного восприятия, идеи принципов межкультурного взаимодействия, большинство из которых были оформлены им еще в 1970–1980-е гг., как никогда актуальны для современной ситуации в мультикультурном мире, характеризующейся тенденцией к расширению сферы сакрального и, соответственно, запретного. Историческая концепция о. Александра интересна и с учетом рода служения социального положения автора, несомненно, уникальна подходом к осмыслению основ культуры. Важным принципом здорового функционирования, развития, даже существования культуры он видит диалогичность. Под диалогом о. А. Мень понимает как живое, личностное, заинтересованное общение, так и, шире, способность к восприятию нового, иного, в итоге – возможность к развитию. Критерием развития является сохранение целостности каждой конкретной личности, ее индивидуальности. Не механическое приятие нового иного и стирание индивидуальности, унификация, стандартизация, а творческая переработка, осмысление.

Таким образом, сознательная личность становится практически не ограниченной в выборе источников и аспектов развития. Это, с одной стороны, расширяет его возможности и перспективы, с другой – сферу возможных ошибочных, деструктивных решений – возрастает роль личной ответственности за собственные решения и их последствия. «На протяжении веков люди исходили несметное множество дорог и тропинок; они испытали и взвесили почти все, что в состоянии был охватить человеческий дух, – от мироотрицающей мистики до богоотрицающего материализма» [10. С. 9]. Развитие истории, религиозной истории о. Александр видит телеологически, не как случайные ненаправленные изменения, а как продвижение на пути к Высшей Цели. В свете такого восприятия разнообразие этих путей и решений, религиозных поисков видится как «не скопище заблуждений, а потоки рек и ручьев, несущих свои воды в океан Нового Завета» [Там же. С. 12].

Личное христианское восприятие истории не мешает о. Александру интересоваться изучением других культур, их историей, мировидением.

При религиозном отношении очевидным является восприятие своей культуры как единственно истинной, верной. В таком случае остальной мир с его многообразием культур может восприниматься как противопоставленный ей, явное или неявное олицетворение темных сил, или сознательных отхождений от истины и заблуждений, как враждебный, в дихотомическом ключе. Это может породить многие и многие сложности отношений, сосуществования культур в этом самом мире [11, 12]. Либо может восприниматься как масса неразвитых культур – получается иерархический подход, при котором своя культура воспринимается как единственно истинная и полноценная, а остальные, хотя и не считаются ее (явными) врагами и антиподами, воспринимаются как некие «ступеньки», этапы развития культур. Естественным следствием такого восприятия являются патерналистские тенденции как стремление «обогащать» другие культуры своей культурой, довести, «поднять» до своего уровня (см. *европоцентризм*).

Эти подходы являются наиболее логичными, ясными и распространенными в истории. Христианскому восприятию свойственны и логичность, и иерархичность, но, с другой стороны, как непостижимое (в учении) вписать в иерархию? Если речь идет о религии, то каждый последователь неизбежно будет переинтерпретировать все другие в свете собственного откровения как конечной цели всех других возможных откровений. В этом случае утрачивается аутентичность понимания. Это неизбежно, но если определить границы и закономерный характер переинтерпретации, то внутри нее можно выделить что-то инвариантное, такую форму откровения, которая является самоценной, в какой бы религиозной традиции ни открывалась. Сложность заключается в том, что однозначное установление правоты методами рассудка в межрелигиозных отношениях невозможно, поскольку оно касается сверхчувственного и не предполагает общих религиозных предпосылок, из которых можно было бы логично обосновать те или иные доводы. Поэтому понимание чужого религиозного опыта с неизбежностью кажется противоречивым. В то же время отсутствие общего религиозного опыта не исключает возможности диалога, поскольку специфика отношения к религиозному опыту представителя другой конфессии в том, что он может пониматься именно как иной опыт, без изменения собственного религиозного самоопределения – с личностно нейтральной позиции, и вполне может быть понятен [13. С. 98].

О. Александр обращался именно к самоценным аспектам других религиозных традиций. «Говоря о любой культурной традиции, А. Мень подчеркивает, что все ее формы определяются в первую очередь тем, как воспринимает человек окружающий мир, что он думает о себе, о жизни, о Высшем, какие этические принципы руководят его поступками, какие идеалы вдохновляют его творчество. Культура, по его мнению, зарождается в недрах того, что можно назвать религией в широком смысле слова, и история дает множество примеров то-

го, как идеи и верования двигали миром, как мифы, концепции и убеждения меняли облик культуры» (История религии. Т. 1. С. 27) [14. С. 84].

Подход о. А. Меня уникален тем, что, будучи верующим, конфессиональным человеком, священником и проповедником, миссионером, считая православие истинным и лучшим из учений, он с интересом относится к другим культурам. В том числе и нехристианским. С. С. Аверинцев так пишет о его труде «История религии»: «...он написан с самым серьезным вниманием к смысловой стороне тысячелетней истории поисков Бога. Это не могло быть иначе: автор – верующий христианин, более того, священник Русской Православной Церкви. Как само собой разумеется между честными людьми, его взгляд на факты определен его убеждениями; и все-таки читатель ошибется, если предположит, что вот сейчас начнется уговаривание – вербовка в прозелиты. Ибо, с другой стороны, автор – человек современной светской культуры, и это сказывается не только на его знаниях, приобретенных непрерывным трудом всей жизни, но прежде всего на его интеллигентной позиции по отношению к читателю. Установка на пропаганду в тривиальном смысле слова исключается» [10. С. 8].

Интерес о. А. Меня к другим культурам, можно сказать, не столько теоретически-исследовательский, сколько практический. Он ищет ценное, важное, уникальное в других традициях, подчеркивает их ценные для личности черты, традиции, навыки и качества – как ритуальные, самих традиций, так и людей, их придерживающихся. То, что может быть положено в основу понимания культур, уважения иных культур. Замечая их, с точки зрения православной

культуры, недостатки, он не считает это препятствием изучению – они могут быть поводом и более глубокого осмысления как других, так и своей культуры, уважения своей культуры. Отец А. Мень акцентируется на личности, ее сознательном творческом поиске, становлении, – уникальном, невозможном по шаблонам и схемам. Особенно в условиях информатизации, поликультурности, при неизбежности нестандартных ситуаций и необходимости искать ответы, формировать отношение к ним. Выявляет пути и принципы следования традиции, интерпретации, применения учения в меняющихся условиях, подчеркивает необходимость обращать внимание и на суть, а не только форму.

При таком понимании важно осознавать, для чего ты к другой культуре приближаешься. Зачем нужно знакомство, общение с другими традициями – чтобы конструктивнее критиковать другие и расхваливать свою перед ними? Важно выделять важное: христианин, например, может изучать буддизм, приближаться к нему – и через знакомство с другой традицией глубже познавать свою и себя.

Видя ценное и в других традициях, о. Александр стоит в православном учении и видит Высшую цель именно в нем. При этом его подход уникален тем, что не сводим к наиболее логичным, но и менее глубоким – иерархическому, или дихотомическому, восприятию. Он допускает возможность достаточно глубокого изучения других культур. Понимая развитие истории как процесс телеологический, в существовании многообразия культур он видит некую целостность, систему.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Главным образом речь о постановлениях, правилах, принятых при соблюдении полноты Вселенских, Поместных церковных соборов.

² (*Verbo dicam: Si nos servaremus*) *In necessariis unitatem, in non-necessariis libertatem, in utriusque caritatem (optimo certe loco essent res nostrae)* – (Говорю, если будем сохранять). В главном – единство, во второстепенном – свободу, и во всем – любовь (обстоятельства, несомненно, будут лучшими (перевод в скобках мой. – К.П.)). История фразы: [6. С. 390–391].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лау И.-М. Практика иудаизма в свете устной Торы / Раввин И.-М. Лау. Израиль : Модан, 1996. 460 с.
2. Ахмад А. Несколько слов о нововведениях (бидаа): подгот. по печат. изд. 38 с. URL: <http://an-nasr.ru/library/someaboutbidga.pdf>, свободный (дата обращения: 09.03.2013).
3. Кардави Ю. Дозволенное и запретное в исламе / пер. М. Саляхетдинов. М. : Умма, 2007. 156 с.
4. Козлов М. 400 вопросов и ответов о вере, церкви и христианской жизни / прот. Максим Козлов. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 400 с.
5. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие / (Приложение к журналу «Трибуна») (Религиозно-философская серия). М. : Центр «СЭИ», 1991. 287 [1] с.
6. Шафф Ф. История христианской церкви : в 8 т. СПб. : Библия для всех, 2009. Т. 7. Современное христианство: Реформация в Германии. 464 с.
7. Рукотворный образ: от запрета к ограничению: подгот. по печат. изд. // Минарет. 2007. №1 (011). URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/11/main.htm, свободный (дата обращения: 14.07.2011).
8. Пархоменко К., свящ. Ответы на вопросы, которые чаще всего задают священнику // Православное общество «Азбука веры». URL: http://azbyka.ru/parkhomenko/otvety_svyaschennika_na_voprosy_8-all.shtml, свободный (дата обращения: 17.01.2012).
9. Талант художника – Божий дар / Беседы с равом. р. А. Штейнзальц, З. Копельман. подгот. по печат. изд. // Отцы и дети. № 36. URL: http://www.judaicaru.org/mekorhaim/besedu_36.html, свободный (дата обращения: 12.02.2012).
10. Мень А. В. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: в 7 т. / прот. Александр Мень; худож. В.Г. Виноградов; предисл. С.С. Аверинцев. М. : Слово, 1991. Т. 1. 287 с.: ил.
11. Митрополит Кирилл ответил тем, кто озабочен «так называемыми совместными богослужениями» с инославными / Ю. Зайцева; Благовест-инфо, 19.11.2007. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=17120>, свободный (дата обращения: 12.07.2014).
12. Сабсай С. Не бороться с злом, а творить добро: образ жизни // Католический портал РУСКАТОЛИК. РФ, 05.07.2014. URL: <http://рускатолик.рф/ne-borotsya-so-zlom-a-tvorit-dobro>, свободный (дата обращения: 09.07.2014).

13. Карпицкий Н.Н. Основания межрелигиозного диалога // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 3 (22). Ч. 3. Екатеринбург : ИМПЕКС, 2014. С. 97–99.
14. Хазанов О.В. Образ индийской культурной традиции в «Истории религии» А. Меня // Методологические и историографические вопросы исторической науки. 1999. Вып. 24. / отв. ред. Б.Г. Могильницкий. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 81–90.

Petrova Ksenya Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: p.kcenia@yandex.ru

UNDERSTANDING AND FOLLOWING TRADITION IN THE CHANGING WORLD: FR. A. MEN' HISTORICAL CONCEPTION ASPECTS.

Keywords: Traditional cultures; following tradition; cross-cultural communication; Eastern Orthodoxy; fr. A. Men'.

In the presented paper questions are being examined, topical both for historical science and for social point of view – the search of the principles of tradition preservation and development, adequate to conditions of the changing world, is very important for contemporary followers of traditional religious cultures. Fr. A. Men' devoted greater part of his creativity and service to the search and development of these principles, though his creative work that is wide-known and discussed in religious environment, extremely insufficiently included in the scientific historical discourse. Fr. A. Men' is a notable thinker and preacher of XX century, his historical conception is interesting and considering his service and social status, is unique by its approach to interpretation of culture basics. His position and comprehension of the personal perception importance, ideas of cross-cultural principles, formed to a large extent in 1970–80s, are actual for contemporary situation in the multicultural world. The paper examines basic ways of overcoming challenges of following religious tradition in conditions of policulturalism, discovered by fr. A. Men in his creative work, mainly a work dedicated to the history of religions. The cultural and religious context is researched, which is basic principles of tradition perception in Orthodox culture. Among them teleologicity, the conception of the all-embracing Revelation, its discovery in the world and of true interpretation and following importance. For traditional cultures followers seeking for observing tradition in historically changing conditions emerge a variety of issues and motivational problems which define challenges in establishing cross-cultural communications. Basic approaches of cultural diversity perception are being defined: dichotomic perception, hierarchical approach, features of fr. A. Men' approach are analyzed. Fr. Alexander places emphasis on personality and its conscious creative search, on formation, which is unique and unconventional. Particularly, in informatization environment and policulturalism, when it is inevitable to have non-standard situations and it is necessary to search for answers and define attitude towards them. He reveals ways and principles of tradition and its spirit following and essence in non-traditional environment, he emphasizes necessity of the development of ability of picking out the essence and build relations with the essence and the surroundings.

REFERENCES

1. Lau, I.-M. (1996) *Praktika iudaizma v svete ustnoy Tory* [The practice of Judaism in the light of Oral Torah]. Izrail': Modan.
2. Akhmad, A. *Neskol'ko slov o novovvedenyakh (bidaa)* [A few words about innovations (Bidaa)]. [Online] Available from: <http://anasr.ru/library/someaboutbidaa.pdf>. (Accessed: 9th March 2013).
3. Qaradawi, Yu. (2007) *Dozvolennoe i zapretnoe v islame* [the Lawful and the Prohibited in Islam] .Translated from Arabian by M. Salyakhedinov. Moscow: Umma.
4. Kozlov, M. (2007) *400 voprosov i otvetov o vere, tserkvi i khristianskoy zhizni* [400 questions and answers about faith ,church and Christian life]. Moscow: Sretensky Monastery.
5. Losskiy, V.N. (1991) *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [an essay on mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology]. Moscow: Tsentr SEI.
6. Shaff, P (2009) *Istoriya khristianskoy tserkvi: v 8 t.* [History of the Christian Church: in 8 vols.]. Translated from English by O.A. Rybakov. St. Petersburg: Bibliya dlya vsekh. Vol. 7.
7. Anon. (2007) Rukotvornyy obraz: ot zapreta k ogranicheniyu [A man-made image: from the ban to limit]. *Minaret*. [Online] 1(011). Available from: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/11/main.htm. (Accessed: 14th July 2011).
8. Parkhomenko, K. *Otvety na voprosy, kotorye chashche vsego zadayut svyashchenniku* [Answers to the questions priests most frequently have to answer]. [Online] Available from: http://azbyka.ru/parkhomenko/otvety_svyashchennika_na_voprosy_8-all.shtml. (Accessed: 17th January 2012).
9. Steinsaltz, A. (2003) Talant khudozhnika – Bozhiy dar. Besedy s rav. A. Steinsaltzem [The talent of the artist – the gift of God. Conversations with Rabbi A. Steinsaltz]. *Ottsy i deti*. [Online] 36. Available from: http://www.judaicaru.org/mekorhaim/besedu_36.html. (Accessed: 12th February 2012).
10. Men, A.V. (1991) *Istoriya religii: V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni: v 7 t.* [The history of religion: In search of Way, Truth and Life. In 7 vols.]. Moscow: Slovo. Vol. 1.
11. Zaitseva, Yu. (2007) *Mitropolit Kirill otvetil tem, kto ozabochen «tak nazyvaemyimi sovmevnymi bogosluženiyami» s inoslavnymi* [Metropolitan Kirill answered those concerned about the “so-called joint service” with the heterodox]. [Online] November 19th, 2007. Available from: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=17120>. (Accessed: 12th July 2014).
12. Sabsay, S. (2014) *Ne borot'sya s zlom, a tvorit' dobro: obraz zhizni* [Do not fight evil and do good: a way of life]. [Online] July 5th, .2014. Available from: <http://ruskatolik.rf/ne-borotsya-so-zlom-a-tvorit-dobro>. (Accessed: 9th July 2014).
13. Karpitsky, N.N. (2014) Osnovaniya mezhreligioznogo dialoga [The bases of interreligious dialogue]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*. 3-3 (22). pp. 97-99. (In Russian).
14. Khazanov, O.V. (1999) *Obraz indiyiskoy kul'turnoy traditsii v «Istorii religii» A. Menya* [The image of the Indian cultural tradition in the “History of religion” by A. Men]. In: Mogilnitsky, B.G. (ed.) *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoy nauki* [Methodological and historiographical issues of history]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 81-90.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI 10.17223/19988613/35/21

М.В. Шиловский

РЕЦЕНЗИЯ: САКСЕЛЬЦЕВ Г.И. ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО РОДА ОТ ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА. ТОМСК : ИЗД-ВО ТГАСУ, 2015. 304 с.

Обращение к изучению процессов, связанных с историей российской крестьянской семьи в условиях укрепления и развития российской государственности на протяжении трёх с половиной столетий, представляется своевременным и актуальным. Предпринятое Г.И. Саксельцевым самостоятельное комплексное научное исследование на базе впервые вводимых в научный оборот разнообразных источников и используемых методологических подходов даёт представление о роли этого института в решении сложных проблем хозяйственного освоения окраинных земель России (Верхнее Прихопёрье, Сибирь, Дальний Восток и т.д.). Через призму истории отдельно взятого рода исследователь раскрывает многострадальную историю российского крестьянства, прошедшего через испытания крепостного права, войны, смуты, социальный катаклизм 1917–1920 гг., коллективизацию и репрессии, Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., послевоенный период. Именно крестьянство стало источником формирования социальной структуры индустриального общества, и на примере Саксельцевых показано, как из их среды вышли воины и инженеры, рабочие и учителя, врачи и служащие, расселившиеся по необъятной территории Советского Союза и за рубежом и активно работающие на благо России в настоящее время.

Рецензируемое исследование выполнено на основе системного подхода с использованием представительного массива разнообразных по типологии исторических и историографических источников, в том числе ревизские сказки, охватывающие период 1720–1858 гг. Часть используемых материалов автор создал собственными руками, путём переписки, организации запросов в различные государственные органы, опроса родственников, свидетелей и очевидцев, неоднократно посещал места рождения предков, архивы и музеи, выявил участников мировых войн своего рода, место боя

Второй мировой войны, где погиб и похоронен его отец. Для работы характерны логическое структурное построение, конкретность и определенность выводов. Г.И. Саксельцев выступает не просто как находящийся вне повседневности беспристрастный аудитор, а как заинтересованный и переживающий за свой род и государство патриот. Поэтому его сочинение не только восстанавливает память об ушедших предках, но и позволяет *впервые в России с XVII в.* отследить историю одного из крестьянских родов в контексте отечественной истории, что является несомненной новизной с научной и с практической точек зрения, так как *это редкий случай в исследовательской практике.* Использование интеграционных возможностей генеалогии является итогом огромного собранного материала за тридцатилетнее исследование, а широте кругозора можно только позавидовать.

Данная монография является развитием излагаемого материала в кандидатской диссертации и по объёму выполненных работ и содержанию может со временем стать основой для докторской диссертации.

Исследователь, увлеченный исторической наукой, на мой взгляд, справился с поставленными задачами. В работе выявлены и обоснованы основные этапы развития объекта исследования. Определяется вклад различных поколений рода в его выживание и развитие. Монографию отличает живая, образная манера изложения, плодотворная попытка отследить процесс перехода крестьян и их потомков в новую качество – различных социальных и профессиональных групп формирующегося в России индустриального общества. Положительной константой рецензионного сочинения является её насыщенность участниками изучаемых процессов и событий.

Данная монография Геннадия Ивановича Саксельцева, третья по счету, несомненно, является вкладом в науку по истории российского крестьянства.

Schilovsky Mikhail V. Institute History of the Siberian otdelny of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Galia2007@sibmail.com

REVIEW: SAKSELTZEV G.I. OF HISTORY THE PEAZANT FAMILY FROM GOVERNMENT FROM TSAR ALEKSEY MICHAILOVICH. TOMSK : PUBLISHING HOUSE TOMSK STATE ARCHITECTURAL BUILDING ATTR UNIVERSITY, 2015. 304 p.

А.Ю. Ижендеев

РЕЦЕНЗИЯ: КАК МЫ ЖИЛИ: ВОСПОМИНАНИЯ И УСТНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ТОМСКИХ КРЕСТЬЯН / ПУБЛ. Н.М. ДМИТРИЕНКО, Г.В. ШИПИЛИНОЙ ; НАУЧ. РЕД. Э.И. ЧЕРНЯК. ТОМСК : ИЗД-ВО ТОМ. УН-ТА, 2015. 200 с. : ил.

Такие источники, как воспоминания, которые в абсолютном своем большинстве не фиксируются письменно, «уходят» вместе с людьми. Между тем информация, дающаяся через призму жизни человека, зачастую вызывает больший отклик и имеет больший научный интерес, чем какой-то другой документ или научная публикация. В связи с этим сложно переоценить значение воспоминаний и свидетельств очевидцев как средства познания и популяризации истории. Сказанное напрямую относится к рецензируемому изданию, в котором собраны устные и письменные свидетельства колхозников Томской области о событиях 1920–1950-х гг. Воспоминания и устные рассказы собирались и записывались студентами Томского сельскохозяйственного института под руководством доцента этого института Г.В. Шипилиной, выступившей в качестве составителя книги.

Хотя информация о больших объемах работ, детском труде, плохом питании колхозников и является широко известной, читая книгу, все же поражаешься трудностям, выпавшим на долю поколения первой половины – середины XX в. Почти все информаторы рассказывают, что работать в колхозе начинали с детского возраста, помогая взрослым, многие вспоминают, что практически не видели родителей, так как те были постоянно заняты в колхозном производстве. В годы Великой Отечественной, когда мужчины ушли на фронт и их заменили на колхозных работах женщины, многие, несмотря на нескончаемую работу и в колхозе, и в домашнем хозяйстве, успевали еще и вязать для фронтовиков носки и варежки. После войны ситуация практически не улучшилась, ведь в деревни вернулись живыми лишь немногие фронтовики, и женщины по-прежнему должны были делать мужскую работу.

В книге даются живые картины того, что сейчас именуются историей повседневности. Большие налоги вели к стандартной ситуации, когда семья, имея в хозяйстве корову, не пила молока, не ела ни масла, ни сметаны. Все сдавалось государству, а для семьи, для детей, оставался только обрат. В войну, а в некоторых селах и в первые послевоенные годы, приходилось добавлять в муку траву, картошку и даже древесные гнилушки.

Среди рассказчиков встречались крестьяне из ссыльных. Пожалуй, их воспоминания самые тяжелые. Без содрогания невозможно читать о том, что во время перевозки раскулаченных по воде на баржах многие люди умирали и зачастую их просто выбрасывали за борт. Прибыв на место поселения, на необжитые территории, люди, нередко женщины с малыми детьми, вынуждены были

жить в шалашах, вручную корчевать лес. Некоторые рассказчики сообщали, что уже после обоснования на месте их вновь сгоняли и перевозили на новое поселение.

Интересен образ власти, который складывается в воспоминаниях. Как правило, власти выступают в роли сборщиков налогов, контролеров работ, наказывающей силы, мотивы которой обычному человеку не всегда понятны. Договориться с властями было трудно, поэтому в безвыходных ситуациях приходилось идти на обман, например прятать часть домашних животных, чтобы платить поменьше налогов, или выносить в варежке колхозное зерно, чтобы покормить детей. Тем не менее в воспоминаниях нет озлобленности или возмущения советской властью, даже если рассказ ведется бывшими ссыльными. Думается, здесь сыграли свою роль и давность событий, и смирение, которое приходит к людям с возрастом. Можно встретить в книге и мнение о том, что раньше, несмотря на все трудности, люди жили дружнее, спокойнее.

В целом книга представляет собой удачный компромисс между популярным и научным изданием. От первого – качественные дизайн и оформление, выполненные художником О.Е. Нечаевой. Как заставка в начале каждого рассказа помещена фотография, иллюстрирующая ту или иную сторону крестьянской жизни. Подлинные фотографии для книги были предоставлены Зырянским краеведческим музеем и некоторыми личными архивами. Научный характер издания обеспечивают продуманная вступительная статья и пояснительные комментарии, выполненные профессором ТГУ Н.М. Дмитриенко. Ею квалифицированно проведена археографическая обработка текста, указаны интервьюеры, даты записи рассказа или подготовки воспоминания, место хранения оригиналов записей, подготовлены именной указатель и список используемых сокращений. В создании книги немалая роль принадлежит научному редактору, директору ИИК, профессору Э.И. Черняку, который в свое время первым поддержал идею собирания устных свидетельств томских крестьян.

Думается, что издание будет интересно как профессиональным историкам, так и тем, кто интересуется прошлым родного края, своими корнями. Как заинтересованный читатель должен отметить, что с пояснениями было бы удобнее знакомиться в подстрочниках или же в конце каждого рассказа. Был бы полезен и указатель населенных пунктов, упоминаемых в книге. Хотелось бы увидеть данное издание в оцифрованном виде в открытом доступе. Так оно станет доступно максимальному количеству читателей.

Izhendeev Alexey Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ajendeev@yandex.ru

REVIEW: HOW WE LIVED: MEMOIRS AND ORAL TESTIMONY OF TOMSK PEASANTS / PUBL. N.M. DMITRIENKO, G.V. SHIPILINA; SCIENTIFIC. ED. E.I. CHERNYAK. TOMSK : PUBLISHING HOUSE OF TOMSK UNIVERSITY, 2015. 200 p.: ill.

**РЕЦЕНЗИЯ: БОЙКО В.П., ОСИПОВА Е.Ю., РЕХТИН А.Ф., СУТЯГИНА О.А., КАРМАЛОВ А.И.
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ВОДОСНАБЖЕНИЯ И ВОДООТВЕДЕНИЯ
(ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ, ПРАКТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ).
ТОМСК : ИЗД-ВО ТГАСУ, 2014. 164 с. + 60 с. : ил.**

Данное научное издание, как справедливо отмечают авторы, обусловлено тем, что проблемы строительства необходимо исследовать не только «вглубь», постигая достижения в строительной науке в прошлом и настоящем, пытаясь приспособить их к нуждам сегодняшнего дня и, естественно, усовершенствовать, но и «вширь», помещая их в соответствующий культурно-исторический контекст, давая возможность понять истоки и причины тех или иных нововведений [1. С. 3]. Этим, на наш взгляд, и обусловлено отличие данной оригинальной монографии от всех предшествующих научных и популярных работ, опубликованных в Сибири начиная с XIX в.

В отличие от других общероссийских и общесибирских научных и популярных исследований, авторы этой монографии подробно, доступно и достаточно квалифицированно повествуют о достижениях и проблемах водоснабжения и водоотведения в древности на территории Египта, Индии, Китая, Месопотамии (Междуречья), Античной Греции, Древнего Рима, подчёркивая достижения таких царственных особ, как Рамсес II, Хатшепсут, Хаммурапи, Навуходоносор II и др., а также ученых Аристотеля, Фалеса Милетского, Архимеда, Тита Ливия, Плутарха, Марка Витрувия Поллиона и др. И поэтому вполне обоснован в конце главы вывод о том, что римляне, в частности, поклонялись источникам и рекам, населяя их многочисленными божествами мужского и женского пола, а кроме того, римляне видели в воде источник энергии и силы... [Там же. С. 20].

Столь же интересна и познавательна и вторая глава этого научного труда «Эволюция водообеспечения и канализации в Средние века и Новое время». Авторы монографии вполне обоснованно отмечают, что со времени падения Западной Римской империи в 476 г. европейцы стали мыться все реже и реже. Запад в этой области познал огромный регресс, который растянулся на века... Быть немывтым или, по крайней мере, не обращать на это внимание, было в те времена не стыдно, а некоторые, в том числе и знатные дамы, этим даже бравировали [Там же. С. 27–28].

Немытость часто мужчины компенсировали применением одеколонов, а женщины – духов. Тем не менее европейская цивилизация того времени копила и теоретический, и практический опыт в гидравлике, водоснабжении и водоотведении. Об этом говорят достижения Леонардо да Винчи, Георга Агриколы,

Иоганна Кеплера, Эванжелиста Торричелли и многих других.

Несомненной заслугой В.П. Бойко, А.Ф. Рехтина, А.И. Кармалова и др. можно считать детальный и достоверный рассказ об эволюции водообеспечения и канализации в Древней Руси IX–XVII вв., в городах России XVIII – начала XX в., а также об истории зарождения и формирования подготовки специалистов водоснабжения и водоотведения в России и Томске [Там же. С. 31–72]. В частности, эти сведения практически отсутствуют в обстоятельной монографии «От чистого источника. Век томского водопровода. 1905–2005.» [2. С. 8–15, 20–29].

Столь же оригинальны и главы 3 «Водоснабжение и водоочистка в современном мире» и 4 «Водоснабжение и водоотведение в России» [1. С. 76–158].

Совершенно оригинален, но, на наш взгляд, излишне краток, раздел 5 главы 4 «Доступная вода закрытого города» (Северска) [Там же. С. 154–159]. Эти слова относятся в первую очередь к деятельности образованного в 1992 г. муниципального предприятия МП «Северский водоканал», тем более что в 1989 г. Северск был рассекречен, а современное ОАО «Северский водоканал» – это одно из крупнейших предприятий жилищно-коммунального хозяйства Томской области. Это можно было бы сделать через анализ деятельности таких известных северских коммунальщиков, как Б.М. Ерофеев и Г.Е. Сиволов. Этот недостаток лишь частично компенсируется прекрасно выполненными рис. 4.9–4.12 в конце монографии. В этом отношении особо впечатляющ рис. 4.12, на котором изображено современное здание Северского водоканала [Там же. С. 124].

Кстати сказать, рисунки и фотографии в этой прекрасной и поучительной монографии играют не только информационную и социокультурную роль, но и значительно расширяют образовательно-познавательный уровень массового читателя. В то же время вызывает удивление, что в таких пространственных и многостраничных главах, как 3 «Водоснабжение и водоочистка в современном мире» (С. 76–117) и 4 «Водоснабжение и водоотведение в России» (С. 118–160), помещено только 35 рисунков и фотографий, в то время как в более компактной 2-й главе «Эволюция водообеспечения и канализации в Средние века и Новое время» (С. 21–75) таких рисунков и фотографий 48. Правда, большинство из них впечат-

ляючи, особенно фотографии картины В.М. Васнецова «Крещение Руси» (рис. 2.7), В.М. Корнеева «Русская баня» (рис. 2.15), Б.М. Кустодиева «Утро» (рис. 2.18), А.А. Пластова «Весна в бане» (рис. 2.19), «Петергоф. Фонтан “Самсон, раздирающий пасть льва”» (рис. 2.25), фото Е.В. Ситниковой «Бывшие бани А.Ф. Громова в Томске», «Громовские бани» (рис. 2.31) и др.

Достаточно полны и квалифицированно составлены большие библиографические списки научно-исследовательских работ, но в библиографическом списке четвертой, последней, главы явно не хватает научных изданий, вышедших к 400-летию Томска [3.

С. 40, 44–45, 49–50, 63, 81, 101–102, 107, 199, 348; 4. С. 52–53].

В целом еще раз необходимо подчеркнуть, что рецензируемая монография является первой, и очень удачной, попыткой комплексно решить большинство проблем, описанных в названии книги. Она насыщена без преувеличения огромным фактическим материалом, литературно и стилистически хорошо оформлена и может являться ценным пособием не только для историков России, Сибири, Томска, практических техников, региональных администраций, студентов, но и для простого массового читателя, интересующегося историей водоснабжения и водоотведения в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В.П., Осипова Е.Ю., Рехтин А.Ф., Сутягина О.А., Кармалов А.И. Очерки водоснабжения и водоотведения (теоретический, практический и социокультурный аспекты). Томск : Изд-во ТГАСУ, 2014. 164 с. + 60 с. ил.
2. От чистого истока. Век томского водопровода / под ред. В.П. Зиновьева, А.Ф. Порядина. Томск : ГАЛАПресс, 2005. 304 с.
3. Томск. История города от основания до наших дней. 2-е изд., испр. и доп. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 464 с.
4. Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск : Изд-во науч.-техн. лит-ры, 2004. 440 с.

Kosih Eugenie N. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

REVIEW: BOYKO V.P., OSIPOVA E.YU., REHTINA A.F., SUTYAGIN O.A., KARMAL A.I. ESSAYS OF THE HISTORY OF WATER SUPPLY AND SANITATION (THEORETICAL, PRACTICAL AND SOCIAL ASPECTS). TOMSK : PUBLISHING HOUSE OF TGASU, 2014. 164 p. + 60 ill.

REFERENCES

1. Boyko V.P., Osipova, E.Yu., Rekhtin, A.F., Sutyagina, O.A. & Karmalov, A.I. (2014) *Ocherki vodosnabzheniya i vodootvedeniya (teoreticheskiy, prakticheskiy i sotsiokul'turnyy aspekt)* [Essays on water supply and sanitation (theoretical, practical and socio-cultural aspects)]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
2. Zinov'ev, V.P. & Poryadina, A.F. (2005) *От чистого истока. Век томского водопровода* [From a pure source. One hundred years of Tomsk water]. Tomsk: GALAPress.
3. Dmitrienko, N.M. (2004) *Томск. История города от основания до наших дней* [The history of the city from the foundation to the present day]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Dmitrienko, N.M. (2004) *Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города* [Tomsk from A to Z. A Brief Encyclopedia of the City]. Tomsk: NTL.

Г.Ю. Колева

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НЕФТЬ, ГАЗ, ТРУБОПРОВОДЫ:
НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В ИЗУЧЕНИИ РОЛИ СОВЕТСКОЙ ЭНЕРГЕТИКИ
В ПЕРИОД ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»
(ШВЕЙЦАРИЯ, ЦЮРИХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 14–16 ЯНВАРЯ 2015 г.)**

Отдельные элементы советской и российской истории не чужды для изучения исследователям Запада, в немалой степени это относится к тем проблемам, которые оказались включены в мировые глобальные процессы, среди них – история советской энергетики периода холодной войны. Интерес западных ученых к проблемам энергетики в период холодной войны обусловлен изменениями в мировом энергопотреблении, росте добычи нефти и газа, увеличении доли нефти по сравнению с углем, возраставшими объемами добычи газа, который постепенно завоевывал ведущие позиции в мировом топливно-энергетическом балансе. Наиболее существенную роль в этих процессах стал играть Советский Союз, оказавшийся и в центре геополитических противостояний ведущих мировых держав, связанных с углеводородными ресурсами.

Советский Союз со второй половины XX в. стал активным игроком на мировом нефтяном рынке, при этом явившись и той страной, которая одна из первых осознала значение природного газа в расширяющемся мировом энергопотреблении. С 1943–1946 гг. в нашей стране был осуществлен подступ к добыче природного газа, после чего началось постепенное развитие новой для страны отрасли промышленности – газовой, но ориентированной, в отличие от достаточно длительного предшествующего периода получения искусственного газа, на добычу природного. Укрепление позиций «Второго Баку» в начале 1950-х гг. содействовало значительному повышению темпов добычи нефти не только в Урало-Поволжье, но и в целом в стране. В середине 1970-х гг., опираясь на возможности нового добывающего района – Западно-Сибирского, Советский Союз вышел на первое место в мире по добыче нефти, все активнее, за счет разработки газовых супер-гигантов на севере Тюменской области, укреплял позиции в мировой газодобыче. Одновременно с этими процессами изменилась структура советского экспорта: на первый план в экспорте нефти вместо нефтепродуктов вышла сырая нефть, и эта тенденция сохранялась всю оставшуюся часть XX в. и перешла в XXI в. С середины 1960-х гг. обозначилась новая составляющая советского экспорта – природный газ. Однако в российской исторической науке исследования по данной проблематике не получили достаточного распространения.

14–16 января 2015 г. на базе Департамента истории Цюрихского университета состоялась научная конференция «Нефть, газ, трубопроводы: новое в изучении

роли советской энергетики в период холодной войны». Трудно было представить, что заявленная конференция летом 2014 г. приобретет особую актуальность в условиях обострения противостояния по линии Запад–Восток в начале 2015 г.

Инициатором конференции выступил профессор Цюрихского университета Иероним Перович, под руководством которого активно разрабатывается проблематика истории Восточной Европы, а также проблемы истории советской энергетической политики.

Круг участников конференции оказался очень широким. В конференции приняли участие ученые ведущих вузов мира. Конечно, наиболее полно была представлена Швейцария и Цюрихский университет, от которого в конференции приняли участие: Нада Бошковска, заведующая кафедрой восточно-европейской истории, Андреас Джакер – декан факультета гуманитарных и математических наук, профессор Иероним Перович, молодые ученые Феликс Решу, Дуня Кемпин, Том Каричан. Высшую Швейцарскую техническую школу представлял Андреас Венгер.

Среди участников конференции были и ученые из США: Дэвид Пейнтер, ассоциатив-профессор департамента истории Джорджтаунского университета г. Вашингтон; Маргарита Балмаседа, профессор Украинского научного института американского Гарвардского университета; Роберто Кантони из Манчестерского университета. Из старейшего университета Канады – Макгвилл университета – в конференции принял участие ассистент-профессор Люти Лоренц. Конечно, широко были представлены ученые университетов и исследовательских центров Европы, среди которых: Элан Белтран, директор национального центра научных исследований университета Сорбонны (Париж); Граф Рюдигер, доктор, профессор Центра современной истории г. Потсдама; два исследователя представляли Хельсинский университет – Никлас Джонсон Эриксон, профессор департамента философии, истории культуры и региональной истории и Зуфи Карсикас из центра российских и восточноевропейских исследований, которая занимается проблемами взаимодействия стран СЭВ в сфере потребления нефтегазовых ресурсов. Также два представителя были из Женевского института международных исследований и проблем развития: профессор всемирной истории Ханхимэки Джёсси и адъюнкт-профессор Международного центра нефтегазовых исследований Лючиано Джакомо. Три ученых

представляли Германию: Шродер Ханс Хенниг – доктор, профессор из университета Берлина, Бенджамин Шенк – доктор, профессор Центра европейской истории университета Базеля, Фладе Фальк – молодой ученый Центра междисциплинарных политических наук Европейского университета Виадринна в г. Франкфурте-на-Майне. Пэр Хёгсулиус представлял Королевский институт технологий г. Стокгольма.

В конференции участвовал и Оскар Санчес-Сибони, ассистент-профессор университета Макау, одного из трех университетов особого административного района Китайской народной республики, расположенного на западной стороне дельты р. Чжуцзян, напротив Гонконга.

Россию представляли доктор исторических наук, профессор Центра изучения истории холодной войны института Всеобщей истории РАН Н. Егорова, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного нефтегазового университета Г. Колева, кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного педагогического института В. Некрасов.

Во вступительном слове профессор И. Перович определил цель конференции – проанализировать роль советской энергетики, в частности нефти и газа, в период холодной войны. По его мнению, проблемы энергетики имеют важное экономическое, политическое и государственное значение, однако при этом важно обозначить роль энергетических ресурсов на международном, региональном, местном уровнях. Исходный тезис господина И. Перовича состоял в том, что «Советский Союз испытывал необходимость в выработке энергии в больших количествах в целях индустриализации и модернизации, а также для удовлетворения государственных амбиций». Исследователь использовал достаточно своеобразное понятие «советские нефтегазовые компании эпохи Сталина и Брежнева», видимо, под которым, как нам представляется, следует понимать совокупность мер государственного уровня по развитию нефти и газодобычи в эпоху И.В. Сталина и Л.И. Брежнева. Эти «компании», по мнению исследователя, являлись средством развития вооруженных сил страны и энергоемкой экономики. Одновременно энергетика рассматривается исследователем в качестве «важного оружия» в проекте интеграции областей Восточной Европы, контролируемых Советским Союзом в единое «энергетическое пространство» посредством единой мощной системы трубопроводов.

Уделяя особое внимание трубопроводной сети и развитию советского экспорта, господин Перович подчеркнул то, что в западных исследованиях главная цель российского экспорта видится в стремлении овладеть западными технологиями и твердой валютой, при этом обращается внимание на то, что Советский Союз использовал экспорт для экспансии советской политической влиятельности. Выделяя два различающихся периода советского экспорта энергоресурсов (1950–1960-е гг. и 1970-е гг.), господин Перович подчеркнул, что в рамках этих пе-

риодов торговля энергоресурсами становилась основной движущей силой советского западноевропейского экономического сотрудничества и привела к энергетической зависимости западных стран от советских топливно-энергетических ресурсов.

Профессор И. Перович считает, что роль советских нефти и газа периода холодной войны требует большего исследовательского внимания, в то же время имеется дефицит исследовательских данных по этой проблематике. Он отметил, что особое внимание требуется уделять советскому стратегическому мышлению в отношении развития нефтегазового сектора, как и установлении отношений в области энергетики в пределах восточно-европейского блока.

На конференции прозвучали доклады: «Энергетика и советско-американские отношения в 1980-е гг.» (Дэвид Пейнтер), «Красная нефть» в Британии: угроза или возможность?» (Никлас Джонсон Эриксен), «Международная реакция на советское нефтяное наступление» (Роберто Кантони), «Возникновение энергетической зависимости» (Маргарита Балмаседа), «Доверие врагу: импорт и использование советского природного газа» (Пэр Хёгсулиус), «Энергетические кризисы в СЭВ: нефть, газ, уголь и ядерная энергетика» (Лоренс Люти), «Совет экономической взаимопомощи в энергетических отношениях» (Зуфи Карсикас), «Создание трубопроводов «Дружба» (Фальк Фладе), «От разрядки напряженности к новой холодной войне? Дискуссия по проблемам энергетики и отношений Восток–Запад в период 1970-х гг.» (Граф Редигер), «Вызовы холодной войны в нефтяной политике: отношения ЕНП и Советского Союза в 1958–1981 гг.» (Елизавета Бини), «Русский природный газ и политика Франции по обеспечению энергетической безопасности» (Алан Бертран, Джон-Пьер Валиотт).

Одновременно со столь ангажированными докладами конференция показала, что формируется круг молодых исследователей в Германии и Швейцарии, ориентированных на детальное изучение истории советской энергетической политики. Среди проблем, которыми занимаются представители молодого поколения западных исследователей, – развитие «Второго Баку», с их точки зрения, представляющего важную составляющую «Сталинской нефтяной компании»; история создания и начало функционирования нефтепровода «Дружба», который вызывает интерес как первый нефтепровод, построенный для экспорта советской нефти в Европу; становление газовой промышленности с вовлечением в нее Западно-Сибирского добывающего района, обозначаемой проблемой «Брежневская газовая компания», с раскрытием развития газодобычи в Тюменской области. Озвученное содержание их работ на конференции несколько напоминает начального уровня курсовые работы, но приятно то, что проблематика, которая у нас не в чести, получает развитие в западных исследованиях – в работах молодых ученых.

Выступления ученых из России охватывали широкую проблематику. Руководитель центра изучения холодной войны Института всеобщей истории РАН, профессор, доктор исторических наук Н. Егорова выступила с докладом «Энергетический фактор и Иранский кризис 1946 г.», профессор из Тюменского государственного университета Г. Колева – с докладом «Роль Тюмени в принятии стратегических решений в советской энергетической политике», кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного педагогического университета В. Некрасов посвятил свое

выступление проблеме «Госплан и инвестиции в советский энергетический сектор: развитие электроэнергетики и нефтяной промышленности, 1956–1965 гг.». Нельзя не подчеркнуть, что Г. Колева и В. Некрасов в полной мере принадлежат к Томской исторической школе. Г. Колева в Томском государственном университете проходила обучение в аспирантуре, защитила кандидатскую и докторскую диссертации, В. Некрасов, также в Томском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию (научный руководитель – В.П. Зиновьев).

Koleva Galina Yu. Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

INTERNATIONAL CONFERENCE «OIL, GAS AND PIPELINES: NEW PERSPECTIVES ON THE ROLE OF SOVIET ENERGY DURING THE GOLD WAR» (SWITZERLAND, UNIVERSITY OF ZURICH, 14–16 JANUARY 2015).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЙСЕНОВ Арман Зияденович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства науки и образования Республики Казахстан (г. Алма-Ата). E-mail: azbeisenov@mail.ru

БОБКОВА Наталья Петровна, аспирантка факультета гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина. E-mail: volodina_84_84@mail.ru

ВАРЛАМОВ Олег Евгеньевич, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: ovarlamov@mail.ru

ГАЛСТЯН Арег Степанович, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: galstyanaereg@gmail.com

ГРИГОРЬЕВА Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: svetkiss07@mail.ru

ДАВЫДОВ Борис Вячеславович, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова. E-mail: bdavydov@yandex.ru

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна, доктор исторических наук, профессор, профессор Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

ДОЛИДОВИЧ Олеся Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: dolidovich@mail.ru

ДУБРОВСКАЯ Виктория Сергеевна, соискатель кафедры археологии и исторического краеведения исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: dvs@ido.tsu.ru

ЖАДОВЕЦ Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник лаборатории исследования международных проблем Томского государственного университета. E-mail: zhadovets82@rambler.ru

ЖИГАЛОВ Борис Степанович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: dlida@iph.tsu.ru

ИЖЕНДЕЕВ Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Института искусств и культуры Томского государственного университета. E-mail: takedo@sibmail.com

ИЛЮШИН Борис Анатольевич, аспирант исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: agunta-desert@yandex.ru

КАЗИЕВ Саттар Шарниязович, кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета истории, экономики и права Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (г. Петропавловск, Республика Казахстан). E-mail: sattarkaz@mail.ru

КОЛЕВА Галина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор гуманитарного института Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: gukoleva@gmail.com

КОСЫХ Евгений Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

МАНАНКОВ Анатолий Васильевич, доктор геолого-минералогических наук, профессор, профессор геолого-географического факультета Томского государственного университета. E-mail: mav.39@mail.ru

НИКИФОРОВА Анастасия Михайловна, аспирантка исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: nastya368@inbox.ru

НУРГАЛИЕВ Арман Жомартович, соискатель кафедры политических наук Челябинского государственного университета. E-mail: O_nurgaliev@mail.ru

ПЕТРОВА Ксения Юрьевна, аспирантка исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: p.kcenia@yandex.ru

СУНДУЙ Джульетта Маадыр-ооловна, научный сотрудник международного научного центра «Хоомей» (г. Кызыл). E-mail: dzhusun7@mail.ru

ТРОЙНИНА Екатерина Юрьевна, аспирантка исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: shkrob_katya@mail.ru

ТРОФИМОВА Анастасия Игоревна, соискатель кафедры Отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета. E-mail: makhova.a@rambler.ru

УШНИЦКИЙ Василий Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск). E-mail: voma@mail.ru

ЧЕРНАЯ Мария Петровна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: mariakreml@mail.ru

ЧУРКИН Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор факультета истории, философии и права Омского государственного педагогического университета. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ШИЛОВСКИЙ Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: kapital@history.nsc.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2015. № 3 (35)

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редактор-переводчик Н.А. Глущенко
Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати 02.06.2015 г. Формат 60x84^{1/8}.

Гарнитура Times.

Печ. л. 16,9; усл. печ. л. 18,25.

Тираж 60 экз. Заказ № 1085.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28